

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ РАН

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. Ш. МАРДЖАНИ
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НАРОДОВ РОССИИ И МИРА

*Материалы XVIII международной научной конференции
Российской ассоциации исследователей женской истории
и Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

25–28 сентября 2025 г.,
Казань

В двух частях
Часть 1

Москва
2025

УДК 396
ББК 60+63
С 30

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

Рецензенты

д-р ист. наук, проф. О.Е. Казьмина (МГУ им. Ломоносова)
д-р социол. наук, проф. Е.Р. Ярская-Смирнова (НИУ ВШЭ)

Подготовлено при поддержке Российского научного фонда, грант № 24-18-00212 «Женская семейная память в России XVIII-XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия»

Публикуется по решению Ученого совета Института этнологии
и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Ж 30 **Женщины и мужчины в экстремальной повседневности народов России и мира. Материалы XVIII Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Казань, 25–28 сентября 2025 г. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева; сост. А.И. Громова, А.В. Жидченко, О.И. Секенова, И.И. Ханипова: в 2 ч. М.: ИЭА РАН, 2025. Ч. 1. 405 с.**

ISBN 978-5-4211-0347-9

Издание включает в себя материалы XVIII научной конференции «Российской ассоциации исследователей женской истории», объединяющей несколько сотен исследователей в разных городах страны и сотрудничющей с Центром гендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Площадку для проведения конференции в 2025 г. предоставил Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан. Осмысление особенностей женской и мужской экстремальной повседневности в прошлом и настоящем – задачи очередной научной встречи. Проблематика докладов, присланных на конференцию (материалы их собраны в данном издании), охватывает методологические проблемы изучения женской истории и антропологии повседневности, историографию и источниковедение проблемы, своеобразие подходов и методов «повседневноведов». В них читатель найдет междисциплинарные обзоры исследований историков, этнологов, антропологов, социологов, лингвистов, политологов, фольклористов, демографов, социальных работников, деятелей культуры.

УДК 396
ББК 60+63

ISBN 978-5-4211-0347-9.....

© ИЭА РАН, 2025

© Институт истории им. Ш. Марджани
АН РТ, 2025

© Коллектив авторов, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пушкирева Н.Л.</i> Память об экстремальной повседневности	13
--	----

РАЗДЕЛ 1 ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ В ГОДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: РАЗЛИЧИЯ В ПЕРЕЖИВАНИИ ТРУДНОСТЕЙ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ И В СОВРЕМЕННОСТИ

<i>Савенкова И.Ю.</i> Женщина в ранней истории английской Ост-Индской компании: Мариам Хан	19
<i>Баринова Е.П., Кабытов П.С.</i> Под прессингом жены: карь- ера чиновника императорской России в начале ХХ в.	23
<i>Меньшикова Е.Н.</i> Экономическая деятельность курской купчихи Н.А. Лавровой в табачной отрасли промышленности Центрального Черноземья в начале ХХ в.	27
<i>Старкова А.М., Васильев П.А.</i> Трансформации и преем- ственность в охране женского труда в позднеимперский и раннесоветский периоды (на примере деятельности М.И. Покровской)	30
<i>Фурсова Е.Ф.</i> Угнетенное положение женщин в период со- циально-экономической напряженности начала ХХ в. (по нарративам «семейских» Забайкалья)	32
<i>Мицюк Н.А.</i> Женская субъектность в условиях экстремаль- ной повседневности военного и революционного времени (1914–1920 гг.)	35
<i>Сидорчук И.В.</i> Специфика женской повседневной жизни пригородов Ленинграда в конце 1920-х – 1930-е годы	39
<i>Волкова Е.Ю.</i> Истоки и проявление массового трудового героизма женщин России в годы Великой Отечественной войны	42
<i>Жаркынбаева Р.С.</i> «Всё для фронта! Всё для победы!»: мо- билизация и трудовой вклад женщин Казахской ССР	46
<i>Бадмацыренов Т.Б.</i> Буддизм, женщины и экономическая (не)стабильность: экономические практики буддийских со- обществ	50

<i>Соловьева Н.Г.</i> Специфика гендерных переживаний экономической нестабильности у кубанских казаков	53
<i>Пядухова Д.Д.</i> «Я не хочу здесь оставаться!»: опыт переживания переезда на Север участниками нефтегазового освоения Западной Сибири	58
<i>Любичанковский С.В.</i> Феномен Натальи Шмаковой: опыт переживания трудностей женщиной-педагогом в 1990-е – 2000-е годы	60
<i>Трошина Т.И.</i> Образованная женщина: формирование стереотипов и трансформация проведения в условиях социальных и экономических изменений	63
<i>Вигель Н.Л.</i> Гендерные трансформации в условиях общественных кризисов	67

РАЗДЕЛ 2

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ И ОТНОШЕНИЕ К НИМ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

<i>Сулейманов И.Т.</i> Начало русско-турецкой войны 1877–1878 гг. глазами Императрицы Марии Александровны (1824–1880)	71
<i>Шестова Т.Ю.</i> Женщины-участницы покушения на императора Александра III	75
<i>Борисова Т.Ю., Невзорова К.М.</i> Ответственность всех за каждого»: студенческий протест и практики солидарности на Высших женских (Бестужевских) курсах в 1904 г.	79
<i>Ватник Н.С.</i> «Бунтующие гимназистки»: феномен протестных настроений в женских учебных заведениях Центральной России в 1905–1907 гг.	81
<i>Горская Н.И.</i> Женский взгляд на цареубийство: по страницам Воспоминаний В.Н. Фигнер	84
<i>Кривошеева Ю.А.</i> Заботы и трудности в повседневности ярославских текстильщиц накануне революционных потрясений 1905 г.	88
<i>Соза Л.Н., Борунова К.А.</i> Социальная поддержка среднего женского и начального образования в Коломенском уезде накануне и в годы Первой Мировой войны	91
<i>Хайлова Н.Б. М.М. Ковалевский</i> о женском вопросе в революционной России начала XX в.	95

<i>Миронова Е.В.</i> 1917 год в воспоминаниях казанских дворян: восприятие мужчин и женщин	99
<i>Стрекалова Н.В., Рахманов П.С.</i> Женщины имущих слоев населения провинциального города в период революции 1917 г. и Гражданской войны в России (на материалах Тамбовской губернии)	101
<i>Сухова О.А.</i> Травма революции и секулярные практики: женщины как акторы сохранения православной идентичности в советскую эпоху (по материалам Пензенской губернии/области)	105
<i>Левицкая Т.В.</i> Первый Владивостокский мятеж: статьи Н.А. Лухмановой	109
<i>Нарский И.В., Нарская Н.В.</i> Женский танец и Холодная война: миссия мира в деятельности ансамбля танца «Березка», конец 1940-х – 1970-е годы	112
<i>Фокин А.А.</i> «Спасите наших детей от их отцов»: письма-жалобы как голос гражданского общества позднего СССР	115
<i>Попкова Л.Н.</i> «Мы отвечаем за демократию»: изучая опыт российских активисток женского движения 1990-х годов	119
<i>Широкалова Г.С.</i> Война гибридная. Мнения студентов	122

РАЗДЕЛ 3

ПАМЯТЬ ОБ УЧАСТИИ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ, ФОРМАЛЬНЫХ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЯХ И СОЮЗАХ, ВОЗНИКШИХ В ЛИМИНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА

<i>Павлова С.В.</i> Роль супруг древнерусских правителей в экстремальной повседневности внешней агрессии и внутренних усобиц XII–XVI вв.	126
<i>Титкова Э.М.</i> Репрезентация экстремальной повседневности в письмах княгини Кристины ди Бельджойозо в контексте итальянской революции 1848–1849 гг.	130
<i>Федотова А.Ю.</i> Три сестры: сравнительный анализ женской общественной деятельности во второй половине XIX – начале XX в.	134

<i>Чуракова О.В., Федулин Н.С.</i> «Воспитанницы училища ... истерично рыдали в ответ на приглашение принять участие в демонстрации»: гендерный аспект школьного протестного движения в период Первой российской революции 1905–1907 гг. (на примере Архангельска)	137
<i>Петров Н.В.</i> Повышение политической активности горожанок в первые годы советской власти (на примере Курской губернии)	141
<i>Тимонина К.А., Платонова Е.С.</i> Деятельность Общества помощи политзаключенным Е.П. Пешковой: женские голоса с просьбами о помощи и милосердии политзаключенным в годы сталинских репрессий 1934–1937 гг.	144
<i>Горская Н.И., Цурбанова К.И.</i> Женщина-нигилистка – экстремальное воплощение образа участницы российского женского движения	147
<i>Зверев К.А.</i> Женщины-политики как проводники политики памяти в Прибалтийских республиках	151
<i>Бахренькова Е.А.</i> Невидимые сестры. Коллективный портрет создательниц и участниц Центра «Сёстры»	154
<i>Шальгина Н.В.</i> «Собирательницы общин русских» (женщины-иммигрантки в борьбе за консолидацию Русского мира в США)	157
<i>Штылева М.В.</i> Память об участии в региональном женском движении Мурманской области на рубеже ХХ–ХХI вв.: мотивация и пути вовлечения женщин в активистскую деятельность	159
<i>Бойченко Л.Д.</i> Женщины – Уполномоченные по правам человека в Российской Федерации и ее субъектах (омбудс(маны/мены)): становление и деятельность государственной правозащиты	162

РАЗДЕЛ 4
ЖЕНЩИНЫ-МУСУЛЬМАНКИ В ОБЩЕСТВЕННЫХ
ДВИЖЕНИЯХ.
ЖЕНЩИНЫ МУСУЛЬМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГОДЫ
ВОЙН, РЕВОЛЮЦИЙ, КРИЗИСОВ

<i>Габдрафикова Л.Р.</i> Мир татарской женщины в годы Первой мировой войны (по материалам журнала «Сююмбике»)	166
---	-----

<i>Гарунова Н.Н., Ибилкасумова Н.А.</i> Еще раз к решению «женского вопроса» на Северном Кавказе в 20-е годы XX в. (на примере Республики Дагестан)	169
<i>Ажигулова А.И.</i> Алия Мулдагулова – Герой Советского Союза	172
<i>Козлова О.В., Галимуллина Н.М.</i> «Неудобные темы» в жалобах женщин ТАССР в годы Великой Отечественной войны	173
<i>Павлова И.К.</i> Женский фактор в Исламской Республике Иран	177
<i>Шафигуллина Л.Р.</i> «От материнской заботы к общественной силе»: правозащитная деятельность солдатских матерей Республики	183
<i>Караваева Д.Н., Султанова Г.Р., Пахомина А.В.</i> Молодые мусульманки Дагестана в условиях вызовов современности: социальная и культурная видимость, трансформация гендерных ролей и религиозных идентичностей	187
<i>Караваева Д.Н., Малич А.К.</i> В поисках кавказских «амазонок» (по материалам полевых исследований в с. Ругуджа горного Дагестана 2023–2024 гг.)	193
<i>Акмурзаева З.М.</i> Вклад женщин Дагестана в решение задач специальной военной операции Российской Федерации на Украине	197

РАЗДЕЛ 5

ЖЕНСКИЕ И МУЖСКИЕ ЭГО-ДОКУМЕНТЫ С ОПИСАНИЕМ ПРИРОДНЫХ И ТЕХНОГЕННЫХ КАТАСТРОФ: ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛОВОГО ВОСПРИЯТИЯ И СПОСОБЫ АДАПТАЦИИ К ПЕРЕМЕНАМ

<i>Бастрикина Е.С.</i> Болезнь, насланная ведьмами: преследования женщин по обвинениям в колдовстве в эпоху эпидемии бубонной чумы 1347–1352 гг.	202
<i>Семенова О.А.</i> Наводнение 1824 г. в Санкт-Петербурге: детская повседневность в экстремальной ситуации	205
<i>Цысь В.В.</i> Экстремальные и конфликтные ситуации в сочинениях русских паломниц в Святую Землю (1850-е – начало 1860-х годов)	209
<i>Веременко В.А.</i> Детские болезни на страницах дневника и воспоминаний петербургской прислуги	213

<i>Левашко В.О., Низов С.А.</i> Досуг американских путешественников в экстремальных условиях Дальнего Востока и Сибири второй половины XIX в. (по опубликованным автородокументальным источникам Джорджа Кеннана)	216
<i>Синова И.В.</i> Социальная роль матери в семьях военно-морских офицеров как экстремальная повседневность во второй половине XIX – начале XX в. (на основе эпистолярных источников)	219
<i>Калашикова Д.И.</i> Дневниковые записи провинциалки начала XX века как форма переживания и адаптации к экстремальному	221
<i>Никулин Д.О.</i> Восприятие пожара и гендерные стереотипы в сочинениях на звание вольноопределяющегося в годы Первой мировой войны	224
<i>Нагорных О.С.</i> «Рядовой подвиг русских девчонок»: советские медицинские сестры в Амурской области и советско-китайская дружба	227
<i>Милованова М.Ю.</i> Пандемия COVID-19 как детерминанта социальных настроений сельских жителей: гендерный аспект	229

РАЗДЕЛ 6

СОЦИАЛЬНО-ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СПОСОБАХ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ВОСПИТАНИЯ МЛАДШИХ, ДЕТСТВО ДЕВОЧЕК И МАЛЬЧИКОВ В ГОДЫ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И КРИЗИСОВ

<i>Бурлуцкая Е.В.</i> «Мальчикам, играющим в войну...». Первая мировая война на страницах детского журнала «Задушевное слово» в 1915 г.	234
<i>Волгина Т.В.</i> «Детский дом» в Петрограде в годы Первой мировой войны	237
<i>Зайцева С.В.</i> «Всмогитесь в это бледное, нередко рахитическое лицо, устремляющее на вас глазки, как бы взывающие о помощи»: деятельность Обществ по улучшению жизни питомцев Санкт-Петербургского Воспитательного дома, оказавшихся в экстремальных условиях, на рубеже XIX – XX вв.	241

<i>Петрова Л.Р., Хасанова А.Н.</i> Быт и повседневность татарских мужчин в Томской губернии в эпоху революции (по воспоминаниям Гая Тагирова)	245
<i>Когаловская А.С.</i> Военное детство. Гендерный аспект	246
<i>Паршина В.Н., Белова Я.С., Тишикина Е.О.</i> Реализация модели раздельного обучения в общеобразовательных школах в годы Великой Отечественной войны (на примере Пензенской области)	250
<i>Лисицына О.И.</i> Трансформация повседневности американских девочек-подростков после второй мировой войны (на примере субкультур «bobby-soxer» и «teenybopper»)	253
<i>Курашов В.И.</i> Особенности самодеятельной игровой субкультуры девочек и мальчиков в ключе проблемы запищенности детской среды обитания от общественных потрясений и деструктивного вмешательства взрослых	256
<i>Андреева А.А.</i> Место женских литературных персонажей в нарративах выживания и адаптации	259

РАЗДЕЛ 7

ЖЕНЩИНЫ-ВОИТЕЛЬНИЦЫ. ЖЕНСКОЕ ЛИЦО ВОЙНЫ. ОТНОШЕНИЯ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

<i>Сердюкова М.Д., Новоселова Е.Н.</i> Отказ от восприятия женщин как жертв военных конфликтов	262
<i>Яковлев В.И.</i> Эволюция форм участия женщин в военной службе от Древней Руси до начала XX в.	266
<i>Новиков А.С.</i> Женщина в оппозиции «свой – чужой» в описании военных конфликтов и социальной нестабильности в домонгольской Руси	271
<i>Веременко В.А., Смагина Е.В.</i> Досуговые практики Российских сестер милосердия военного времени по материалам эго-документов конца XIX – начала XX в.	274
<i>Поринева О.С.</i> Женский опыт участия в национальной мобилизации в России в условиях Первой мировой войны	277
<i>Фогель А.Ю.</i> Женское милосердие: отделения Красного Креста в Сибири во время русско-японской войны 1904–1905 гг.	281

<i>Прохоров Д.А.</i> Женщины-караимки в составе врачебного и санитарного персонала русской армии в годы Первой мировой войны	284
<i>Годовова Е.В.</i> Казачки на защите станиц: экстремальность фронтовой повседневной жизни	288
<i>Алферова И.В.</i> Женщины в системе контроля общественно-политических настроений в России в период Первой мировой войны	291
<i>Романишина В.Н.</i> Участницы Гражданской войны на фронтах Великой Отечественной	296
<i>Юкина И.И.</i> Милосердное сестринство: от войны до войны	299
<i>Сенявская Е.С.</i> Женщины Красной Армии: вклад в Великую Победу	304
<i>Курмееva Н.К.</i> На фронтах и в тылу – ты везде приближала Победу	309
<i>Новинская Т.Ю.</i> Женщины-пилоты на войне: «Нас называли ночных ведьмами»	312
<i>Трень И.М.</i> На пути к Параду Победы... 125-й бомбардировочный (женский) авиаполк в небе Восточной Пруссии в 1945 г.	316
<i>Лобова В.В.</i> Женское лицо Победы – «Ночные ведьмы»	319
<i>Хохлов А.А.</i> Женское лицо Волжского оборонительного рубежа	322
<i>Мухина З.З.</i> Женщины Старого Оскола на защите Отечества	323
<i>Наволоцкая Д.И.</i> Лечебная работа Александры Петровны Тюкиной – старшего хирурга и начальника эвакогоспитала № 2515 г. Няндома Архангельской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)	326
<i>Баранова Е.В.</i> «За взятие Кёнигсберга» – и за возрождение края: двойной подвиг женщин-переселенок	329
<i>Снежкова И.А.</i> Женщины в экстремальных ситуациях во время Великой Отечественной войны на фронте и в тылу	330
<i>Рыков С.Л.</i> Женщины России на защите Отечества (1914 – 2025 гг.)	335

РАЗДЕЛ 8
**КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В
НЕСПОКОЙНЫЕ, «ЛИХИЕ» ГОДЫ: АСПЕКТЫ,
СВЯЗАННЫЕ С ПОЛОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬЮ**

<i>Карандашев Г.В.</i> Криминализация повседневности и «сухой закон» 1914 г.: гендерный аспект	339
<i>Нагоева С.Р.</i> «Мы вам, теперь не игрушки!»: к вопросу о борьбе с бытовыми преступлениями против женщин в 1920–1930-е годы (на материалах Адыгеи)	342
<i>Сидорова Г.П.</i> Криминализация российского общества конца 1980-х – начала 1990-х годов: гендерный аспект (по текстам киноискусства)	345
<i>Петров К.А.</i> Насилие в отношении женщин в Нигерии в начале XXI в. в условиях деятельности террористических группировок	349
<i>Сердюк А.И., Созинова К.А.</i> Исламофобия в Испании: мусульманки в испанском социокультурном пространстве XXI в.	352
<i>Рыжова М.М., Голант Н.Г.</i> «Рубаха чумы»: роль женщины в традиционных ритуалах защиты от гибели во время эпидемий и войн у румын и румыноязычного населения долины реки Тимок	355
<i>Ефимова С.В.</i> «Тупость социальных чувств»: женщина-содействие в серийных преступлениях	357
<i>Старун М.И.</i> Обещание жениться как изнасилование: новации раннесоветского права	359

РАЗДЕЛ 9
**ЖЕНСКОЕ ЗДОРОВЬЕ И РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
В ГОДЫ ПЕРЕЛОМОВ И СОЦИАЛЬНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ. КУЛЬТУРНО-МЕДИЦИНСКИЕ
АСПЕКТЫ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО В ЖЕНСКИХ ЖИЗНЯХ**

<i>Кончаковская Н.Б.</i> О проблемах реализации материнства женщинами-работницами в городах Пермской губернии конца XIX – начала XX в.	363
--	-----

<i>Конькова А.Ю.</i> Трансформация отношения к инокиням в русских православных монастырях: от битья шелепами до «внущения наедине» (на примере Переславского Федоровского женского монастыря)	366
<i>Филина Ю.С.</i> Трансформация репродуктивной медицины и гинекологии в чрезвычайных условиях (на примере Акушерско-гинекологического института в Петрограде в годы революции и гражданской войны)	371
<i>Здравомыслова Е.А., Орлова А.В.</i> Работа abortных комиссий как пространство презентации женского проблемного и травматичного опыта	373
<i>Помелова А.А.</i> Отражение темы репродуктивного выбора и материнского опыта провинциальной российской горожанки начала 1990-х годов в материалах местных периодических изданий (на примере Владимирской, Рязанской и Ивановской областей)	378
<i>Самуленкова А.А., Конькова А.Ю.</i> Материнство в системе нацистских лагерей: медицинские, социальные и культурные аспекты	381
<i>Сентяброва М.В.</i> Организация охраны материнского здоровья в экстремальных условиях Восточной Сибири 1950–1960-х годов (на примере сельских районов Красноярского края)	383
<i>Попович М., Гайдаржи П.И.</i> Защита репродуктивных прав женщин в деятельности международных органов гражданской защиты	386
<i>Сорокина Е.А.</i> Социально-экономический контекст репродуктивного здоровья женщин. Шведский кейс	391
<i>Щербинин П.П.</i> Женская повседневность в период войн и военных конфликтов в XX в. сквозь призму посттравматического стрессового расстройства (ПТСР)	394
<i>Хабибуллина З.Р.</i> Переживание незапланированной беременности современными российскими мусульманками (способы адаптации и убеждение сохранить ребенка)	399
<i>Щербич Л.И.</i> Репродуктивное поведение женщин в периоды трансформаций и категория домохозяйства	401

ПАМЯТЬ ОБ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Нынешний год – особый в истории нашей страны и всего мира. Это год 80-летнего юбилея Великой Победы над фашизмом в 1945 году, а также многих других исторических дат, связанных с российской социальной историей: юбилея Венского конгресса 1815 г. – крупнейшего события в истории мировой дипломатии, поставившего точку в разгроме наполеоновской империи, событий 1905 г. и начала первой в XX в. успешной буржуазной революции, родившей новую форму демократии и открывшей новый этап в истории российского движения женщин за социальное равноправие. Вопрос о возможности мирного решения конфликтов в эпоху революций, кризисов и иных социальных потрясений, об исторической памяти о двух мировых войнах и других вооруженных столкновениях XIX–XXI вв., о справедливости и социальной ответственности вновь вынесен на повестку дня.

2025 год объявлен Годом Зашитника Отечества... Этим подчеркнута признательность тем, кто защищал и продолжает защищать страну, преемственность поколений и связь времен, ценность патриотических чувств в духовном мире женщин и мужчин. Этот мир в известной степени формируется и освоением научных знаний, ведь именно наука помогает объяснить уже известные факты, выстраивать их в единую систему, позволяющую предсказывать будущие события, понимать и принимать настоящее. Потому мы сочли важным отметить на нашей встрече юбилей переломного события в истории научного сообщества нашей страны: столетие тому назад, в 1925 г., постановлением ЦИК и СНК была создана Академия наук СССР...

Сторонницы «женского взгляда» на историю не могли в нынешнем контексте остаться в стороне и решили сделать темой очередной встречи вопрос о переломных временах и периодах в прошлом нашей родины, поразмышлять о том, насколько по-разному переживаются необычные и экстремальные события, трудности и лишения в жизни женщин и мужчин, как они отвечали на вызовы времени.

Очередную (по счету – восемнадцатую) конференцию межрегиональной общественной организации «Российская ассоциация

исследователей женской истории», проводимую при поддержке Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), гостеприимно согласился принять Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан в городе Казани.

Этот город – хранитель памяти о сложных, переломных, экстремальных событиях в истории нашей страны и отдельных, индивидуальных судеб. Татарстан – земля, тесно связанная с женской историей. Несколько лет в середине XVI в. Казанью управляла женщина, легендарная Сююмбике. В 1917 г. выдающаяся татарская общественная деятельница и просветительница Мухлиса Буби (Нигматуллина) оказалась первой женщиной, избранной в Центральное духовное управление мусульман. Она добивалась запрета многоженства и традиционной обязательности ношения паранджи, выступала за равенство женщин в праве на развод. В годы Великой Отечественной войны татарка Магуба Сыртланова стала заместителем командира авиационного полка; эта королева «ночных ведьм» была удостоена к концу войны звания Героя Советского Союза...

Судьбы этих женщин и многих других, подчас пока безымянных, заставляют задуматься о том, каковы были особенности со владания с трудностями и непривычными ситуациями людей разного пола. Историко-антропологический аспект изучения экстремальности заставил нас сформулировать круг проблем, выносимых на обсуждение на нашей новой всероссийской конференции с международным участием. Он включает в себя обсуждение женских и мужских повседневных практик в России и за ее пределами в годы экономических и политических кризисов в стране, войн, революций, депортаций, вынужденных миграций, социально-политических перестроек, слома индивидуальных жизненных траекторий, а также в их рамках.

Объединяя ученых разных специальностей, преподавателей и работников СМИ, мы нацелены также на обсуждение актуальных проблем современности, связанных с темой миротворчества в ее гендерном осмыслении, с изучением роли и вклада женщин в разрешение и избегание силовых конфликтов в прошлом и настоящем как формой адаптации к экстремальности. Любые войны и военные конфликты, равно как миграции, эпидемии и связанное

с ними насилие могут и должны быть изучены с точки зрения их влияния на социально-половые асимметрии. Какие корректизы внес в эти процессы XX век с его невиданной доселе (особенно в годы Второй мировой и Отечественной войны) вовлеченностью женщин в военное противостояние? Современным исследователям небезразлично, каким был рост женского социального самосознания в этом контексте, насколько последний был формой адаптации к экстремальному и его «оповседневливанию», превращению необычного, выходящего за рамки – в приемлемое. Подобные исследования имеют научно-практическую ориентированность, поскольку служат популяризации накопленного опыта сопротивления насилию, освоению практик выживания в обстоятельствах «исключительного нормального», распространения подобных знаний среди тех, кто проживает на территории, страдающей от военных действий.

Наши конференции объединяют прежде всего историков и для нас не секрет, что отечественные исследования войн и военных конфликтов вообще сосредоточены более на фактологии. Отход от привычных и уже апробированных агрегативных подходов во имя использования уже известного эмпирического материала для новых размышлений «о главном» дает им такую возможность. Конечно, большинство исследователей по-прежнему ставит перед собой задачу дополнить знания о прошлом новыми фактами, для чего извлекает горы материала из региональных архивов, компилируя эту массу сведений в новые многостраничные тома. Но все же обращение к «женской теме» в истории войны, оперирование аналитическими инструментами социолога и психолога, антрополога и этнографа, языковеда и политолога, педагога и литературоведа позволяет сделать изучение объемнее, открывает новые возможности вникать в теории и концепции, привлекать методы работы сопредельных наук.

Отдавая должное тяжелому (и одновременно захватывающему) труду по сбору исторических фактов, перечислим темы, которые на этот раз объединили сторонниц женской и гендерной истории. Это социальные роли и статусы женщин в годы войн и военных конфликтов в России и в мире, своеобразие вклада в победу тех, кто работал в тылу – от работниц на предприятиях до

женщин-ученых в эвакуированных в годы войны институтах, различные аспекты их повседневности, рефлексии и саморефлексии женщин, девушек, девочек по поводу пережитого в лихие военные годы. Отдельной темой мы не могли не сделать тему автоги-*нографий* – женских автобиографий, включающих рассказы о пережитом в годы войны, отображение женского социального и военного опыта в художественной литературе, фольклоре, эго-документах (письмах, дневниках). Тезисы ряда докладов коснулись важной проблемы истории женской повседневности в годы экономической нестабильности, в том числе – проблем женского здоровья и репродуктивного поведения в годы переломов и социальных трансформаций (по сути – это культурно-медицинские аспекты экстремального в женских жизнях).

Как всегда, на наших встречах важное место занимают размышления о применимости современных методов работы с эмпирическим материалом на бескрайнем поле исследований в области исторической антропологии женского быта, проблема памяти об участии в публичной политике, формальных и неформальных движениях и союзах, возникших в лиминальные политические времена. Отдельной темой выступили исследования женских эго-документов с описанием природных и техногенных катастроф, особенностей социально-полового восприятия их и способов адаптации к переменам.

Конференции Российской ассоциации исследователей женской истории проводятся ежегодно в разных городах Российской Федерации, неизменно вызывая большой интерес в научной среде. В настоящий момент 52 города России имеют своих представителей в этой межрегиональной общественной организации, объединившей более 400 ученых и преподавателей. В 2025 г. оргкомитет конференции получил более трех сотен заявок на участие. Это свидетельствует об устойчивом интересе к проблемам, которые обсуждаются на наших конференциях.

В текущем году немало присланных текстов являются собой результаты исследования вклада женщин-мусульманок в победу в Великой Отечественной войне, в предшествующих ей и последующих войнах. Этнокультурная специфика женского подвижничества в годы потрясений, перемены, связанные с ломкой тради-

ционных особенностей женского социального поведения в условиях социальной нестабильности – все эти темы представлены в работах ученых, которых собирает в этом году Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан. Огромный интерес у исследователей вызывает изучение специфики повседневности воюющего общества. Эта тема рассматривается в таких аспектах, как материнство и сохранение жизни ребенка; стратегии выживания женщин и мужчин в оккупации; проблемы сиротства, нравственности и межличностного взаимодействия.

Поскольку наша организация ставит объединительные цели, постольку в ней ежегодно принимают участие литературоведы и специалисты по языкоznанию. На нашей встрече в 2025 г. пожелали выступить те, кто отдает силы изучению представленности женщин-авторов в художественной литературе, публицистике, периодической печати, сыгравших столь важную роль в военное время. Тема отражений военного лихолетья в текстах, написанных женщинами, очень важна для понимания «человеческого измерения» истории. Как особое направление работы конференции, оно отмечено в этот раз большим хронологическим охватом – от средневековья до современности.

Тематика и проблематика конференции открывают перспективу дальнейших изысканий в области, объединившей сотни исследователей – в области женской истории и антропологии повседневности, продолжая выявлять различные соотношения «мужского» и «женского» в культуре разных эпох и этносов, видеть устойчивость полоролевых стереотипов, характерных для той или иной культуры, анализировать их специфику, размышлять о необходимости их ломки или опровергать необходимость усилий в этом направлении.

Ставя задачей продвинуть своими научными изысканиями умение выбирать правильную линию поведения в сложных, неоднозначных, чрезвычайных ситуациях (если нет возможности избежать их), мы хотим досконально разобраться в социально-психологических особенностях мышления, переживаний и поведения людей, оказавшихся в экстремальной повседневности. Одновременно мы вдохновлены надеждой на то, что наши обсуждения – путь поддержания идей миролюбия и толерантности, гражданской ответственности и готовности к компромиссам. Мы хотим

призвать всех к неприменению силы и готовности защищать традиционные российские ценности, противостоящие угрозе распада тех оснований, благодаря которым поддерживалась социальная устойчивость нашего общества.

Н.Л. Пушкирева,
Председатель «Российской ассоциации
исследователей женской истории»,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
профессор, доктор исторических наук

РАЗДЕЛ 1

ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ В ГОДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: РАЗЛИЧИЯ В ПЕРЕЖИВАНИИ ТРУДНОСТЕЙ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ И В СОВРЕМЕННОСТИ

И.Ю. Савенкова

Луганск,

Луганский государственный педагогический университет

Женщина в ранней истории английской Ост-Индской компании: Мариям Хан

Комплекс вопросов, связанных с возникновением и деятельностью монопольных компаний, всегда вызывал немалый интерес в развитых странах мира, что, в свою очередь, повлекло появление значительного количества разнообразных исследований по этой проблематике. Видное место среди исследуемых проблем занимает история создания, функционирования и отмены одной из самых известных монопольных компаний, деятельность которой оказала существенное влияние не только на развитие экономики своей страны, но и мировой экономики в целом, и которую специалисты вполне обоснованно считают предшественницей современных транснациональных корпораций – английской Ост-Индской компании (далее – ОИК). Тем не менее, с историей этой корпорации связан ряд проблем, нуждающихся в более углубленном изучении, либо и вовсе малоизученных.

К числу подобных, в частности, относится женский вопрос. Специфика последнего в XVII в. определялась действием ряда факторов различного характера. К числу таковых относились, во-первых, доминирующее положение мужчин в обществе в целом и торговле в частности; во-вторых – множество бытовавших в те времена в Англии предрассудков относительно ожидаемой модели поведения и роли женщины в социуме, что нашло отражение в знаменитом «Споре о женщинах» [1, с. 342–344, 345–346]. В-

третих, длительность и опасность путешествия на парусном судне в Индию: при благоприятном стечении обстоятельств поездка в оба конца занимала порядка полугода, при этом жизнь на корабле была тяжелой, а перемещение из европейской климатической зоны в Южную Азию зачастую имело своим следствием высокую заболеваемость и смертность. В-четвертых, несмотря на многочисленные просьбы служащих и моряков, в первые годы своей деятельности Совет директоров ОИК запрещал женщинам отправляться на Восток на судах Компании. В этой связи события 1617 г. являются редкими и выходят из ряда обычных явлений.

В тот год на корабле ОИК «Энн» в индийский порт Сурат в сопровождении англичанки Фрэнсис Стил прибыла необычная путешественница – Мариам «Бегум». Взойти на борт судна эти женщины смогли благодаря пробелам в законодательстве Компании, а также проявленной смекалке: Фрэнсис выдавала себя за служанку Мариам «Бегум», хотя тайно вышла замуж за плывшего на том же корабле мужчину и носила под сердцем его ребенка. Что же до Мариам, то это была женщина необычной для своего времени судьбы. Она являлась первой представительницей Индостана, эмигрировавшей в Англию и дважды побывавшей замужем за англичанами.

Сохранившаяся о девушке информация довольно скучна. История не донесла для нас дат ее рождения и смерти, однако из сохранившихся источников известно, что Мариам была дочерью Мубарака Хана – влиятельного армянского купца, приближенного ко двору императора Великих Моголов Акбара (1556–1605). Она выросла при императорском дворе, а затем служила в гареме Великого Могола, где и получила прозвище «Бегум» – «любимая жена властителя».

В 1610 г. в столицу Великих Моголов – Агру – прибыл капитан английского судна «Гектор» Уильям Хокинс (ум. в 1613 г.), отправившегося в Индию по поручению ОИК, директорат которой хотел получить от императора разрешение на строительство в Сурате английской фактории [5, р. 279; 6, р. 390]. Однако при дворе Джахангира англичанина поджидало множество опасностей, исходивших, главным образом, от находившихся там иезуитов [6, р. 395–397]. Император спас его жизнь и дал разрешение на стро-

ительство фактории, но взамен потребовал от англичанина оставить жену и заключить брак с женщиной из числа местных [3, р. 47; 6, р. 404]. Выбор пал на Мариам «Бегум» Хан, что ввиду ее высокого положения при дворе было немыслимо.

В некоторой степени пролить свет на произошедшее помогает дневник самого У. Хокинса, на страницах которого капитан не пояснил, для чего Моголу понадобилось устраивать этот брак, но записал, что выбор Мариам был обусловлен двумя причинами: она была «белой девушкой», христианского вероисповедания. Связать себя узами брака с индиецкой индуистского вероисповедания англичанин отказался.

Получив благословение на брак от некоего Николаса – человека из своей команды, У. Хокинс отправился с женой в Лондон. Однако по пути в Англию капитан умер и на похоронах Мариам встретила своего второго будущего мужа-европейца. Им оказался капитан Габриэль Тауэрсон (1576–1623), получивший известность в связи с событиями резни на о. Амбон (1623).

Новая свадьба состоялась, предположительно в феврале 1614 г., и вновь в личную жизнь Мариам вмешались политика и расчет. Дело в том, что Г. Тауэрсон являлся капитаном и агентом ОИК, Совет директоров которой смутил и даже в некоторой степени пугал тот факт, что будущая жена их служащего воспитывалась в среде, где женщины имели гораздо больше прав, чем в той же Англии, знала тайны двора Великих Моголов и имела связи в среде индийской знати. Компания еще не выработала четкой политики в отношении жен своих служащих и крайне опасалась создавать прецедент, ведь то обстоятельство, что Мариам вступила в контакт с европейцем и совершила с ним путешествие из Агры в Лондон, в понимании англичан являлось крупным грехом. В то же время, ОИК еще не имела прочных позиций в Индии и во многом зависела от контактов с представителями местных властей. Это обстоятельство вынудило директоров Компании отбросить сомнения и страхи, равно как и традиционные для англичан патриархальные представления, ставившие под сомнение способность иностранки подчиняться мужу-англичанину и, после детального рассмотрения петиции Мариам, разрешить ей брак с Тауэрсоном. Более того, женщина получила от Компании щедрый подарок: «...Будучи проникнута состраданием к вдове (Мариам. – И.С.), которая очень

скоро выйдет замуж, Компания вручила ей кошелек с двумястами золотыми монетами в знак своей любви и после того, как были разрешены все вопросы между ею и Компанией» [см., напр.: 2].

Но и этот брак не принес юной женщине счастья. Вскоре после свадьбы Г. Тауэрсон отвез свою супругу в Агру, а сам отправился на о. Амбон, где в 1623 г. был убит голландцами [см., напр.: 4]. Дальнейшая судьба Мариам неизвестна.

Итак, беглый взгляд на историю Мариам «Бегум» Хан убеждает в необычной судьбе этой женщины. Будучи высокопоставленной представительницей империи Великих Моголов, она стала первой женщиной из Индии, совершившей немыслимое для своих времен длительное и опасное путешествие из Агры в Лондон и в обратном направлении. При этом Мариам дважды побывала замужем за европейцами и стала первой «иностранный женой» англичан – служащих Ост-Индской компании. В свою очередь, этот факт случайным не является: в первой трети XVII в. в своем стремлении наладить торговлю на Востоке, эта английская корпорация использовала любые возможности закрепиться в этом регионе земного шара, а индийские властители, со своей стороны, предпринимали попытки наладить диалог с европейцами. Европейские браки Мариам не являются примером брачной дипломатии, но были призваны укрепить взаимоотношения между английской ОИК и Великим Моголом.

Источники и литература

1. Трофимова В.С. «Спор о женщинах» в европейских культурах конца XVI – начала XVII века // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 338–349.
2. "East Indies: February 1614", in: Calendar of State Papers Colonial, East Indies, China and Japan, Vol. 2, 1513–1616, ed. W Noel Sainsbury (London, 1864), British History Online. <https://www.british-history.ac.uk/cal-state-papers/colonial/east-indies-china-japan/vol2/pp274-279> (accessed 30 April 2025).
3. Akhimie P., Andrea B. Travel and Travail. Early modern women, English drama, and the wider world. University of Nebraska Press, 2019. 288 p.
4. Calendar of State Papers. East Indies, China and Japan, 1622–1624. L., 1878. Vol. IV. 598 p.

5. Letters received by the East India Company from its servants in the East. Vol. I. 1602–1613. L.: Sampson Law, Marston and Company, 1896. xli, 364 p.
6. The Hawkins' voyages during the reigns of Henry VIII, Queen Elizabeth, and James I. L.: Printed for the Hakluyt Society, 1878. lii, 453 p.

Е.П. Баринова, П.С. Кабытов

Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

**Под прессингом жены: карьера чиновника императорской
России в начале XX в.**

Военный историк, дворянский и земский деятель Сергей Алексеевич Панчулидзе в 1903 г. был назначен на должность управляющего Архивом Государственного Совета. В 1902 г. с просьбой о своем назначении он обращался к своему другу и однополчанину великому князю Николаю Михайловичу и великому князю Владимиру Александровичу, которые составили ему протекцию у императора Николая II [3, с. 70]. Историческая информация о перспективах продвижения историка по служебной лестнице и перипетии этого назначения подробно обсуждались им в переписке с женой Надеждой Борисовной Панчулидзе (урожд. Полторацкой).

Переписка супругов Панчулидзевых охватывает период с 1892 по 1913 г. В ней содержится большой объем самых разнообразных вопросов: личных взаимоотношений, воспитания детей, ведения хозяйства, карьеры Сергея Алексеевича. В письмах есть и такие традиционные аспекты как сведения о погоде, кроме того обсуждались политические новости. И, конечно, рассуждения о знакомых и сплетни. Содержание и стиль писем ярко показывает противоречивость женского и мужского восприятия действительности, различия в переживании трудностей. Сергей Алексеевич – глава семьи, однако он не очень озабочен ее материальным благополучием. Для него главное – научное творчество, карьера, актуальные новости. Письма Сергея Алексеевича полны нежности, он называет жену: «дорогая моя радость», беспокоится о ее здоровье, подписывает письма «твой Сергей», волнуется, когда от жены

долго нет вестей, просит писать ее чаще [1, л. 1, 21, 38]. Судя по содержанию его писем, он был романтик.

Письма Надежды Борисовны более жесткие, она фактически никогда не обращается к мужу по имени. Для нее на первом плане вопросы воспитания детей и хозяйственные проблемы. Иногда она просит у него совета в их решении или подсказать как составить ту или иную делопроизводственную документацию. В частности, она обращается к мужу с просьбой: «напиши мне как писать прошение в Дворянский банк о неплатеже...». Но будучи прагматиком и рационалистом, она гораздо чаще самостоятельно успешно решает хозяйственные и бытовые проблемы. Ее крайне раздражает, когда супруг не отвечает на вопросы, связанные с ведением хозяйства. Она неоднократно сетует: «больше недели не имею от тебя известий, а главное не отвечаешь на мои вопросы по хозяйству. А мне надо знать про овес, покупать ли рожь...» [2, л. 8]. Она подробно перечисляет, что сделано ею по хозяйству в имении, но больше всего ее волнуют материальные вопросы. Практически в каждом письме она сетует: «просто беда, не знаю, что буду делать без денег». И, далее: «уплатила кое-какие долги, но не все». Не забывает она и о наставлениях мужа: «не забудь узнать в банке о деньгах!». Конечно, она радуется в том случае, когда ей удалось найти выход из финансового кризиса: «Как я рада, что деньги банка не оказались туфтой, и что ты можешь внести за детей...» [2, л. 12, 14, 19]. Зная жесткий характер жены, Сергей Алексеевич часто перекладывает на нее ответственность за решение материальных проблем, оставляя в своей компетенции лишь общее руководство семейным бизнесом: «вексель отнеси в банк», «потребуй из Красного Креста 600 пудов ржи» [1, л. 3–3 об].

Отметим, что Надежда Борисовна была очень целеустремленной женщиной. Она проявляла твердость характера не только по отношению к мужу, но и в общении с детьми, управляющим, служителями, крестьянами. Пик интенсивной переписки супругов приходится на периоды, когда они жили отдельно друг от друга, что было связано со служебной карьерой Сергея Алексеевича. Еще в 1896 г. по протекции великого князя Владимира Александровича С.А. Панчулидзе был предоставлен доступ к архивам Собственной его императорского величества канцелярии для написа-

ния труда по истории Кавалергардского полка. В 1899 г. С.А. Панчулидзе был причислен к Министерству императорского двора. Тогда же им был опубликован первый, а в 1901 г. – второй том его главного труда «История кавалергардов 1724–1799–1899. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского полка».

Особенно интенсивно супруги переписывались в 1902 г., когда Сергей Алексеевич, работая над третьим томом «Истории кавалергардов» в Санкт-Петербурге, предпринимал попытки для своего карьерного роста. Старшие сыновья учились в Императорском Александровском лицее, а жена с младшей дочерью жила в имении в Саратовской губернии. Надежда Борисовна была верным помощником и другом своего мужа. Она принимала посильное участие в сборе биографий кавалергардов. Ее волновала реакция научного сообщества на выход в свет первых томов «Истории кавалергардов». Но главным в этот период для нее было финансовое благополучие семьи, карьерное продвижение мужа она рассматривала, прежде всего, как источник дополнительного дохода семьи. Именно поэтому, она предприняла настоящую психологическую атаку на Сергея Алексеевича. Боясь, что назначение по той или иной причине не состоится, она разработала четкий план действий и наставлений для мужа. Она советовала ему поговорить с графом С.Ю. Витте. Она писала ему, что он должен составить «предварительную программу, о чем хочешь с ним говорить, чтобы разговором не увлечься, на что ты мастер» [2, л. 16]. Она подбадривала мужа: «Не бойся дела». Уверяла его, что назначение на должность управляющего не помешает его работе над биографиями кавалергардов. Надежда Борисовна обещала помочь ему как советами, так и практическими действиями: «Половину разбора сочинений я без страха возьму на себя, да и растолковать многим, что требуется, я пожалуй и лучше твоего сделаю» [2, л. 16 об.].

В письме от 10 октября 1902 г. она упрекала мужа в том, что он чересчур увлекается общением и забывает решать насущные проблемы. Она негодовала: «твой язык – твой враг» [2, л. 27 об.]. Буквально через неделю она вновь напоминала мужу о необходимости активных действий по самопрезентации и предлагала использовать рациональные по ее мнению практики коммуникативного общения. Так, она советовала мужу поговорить с великим

князем Николаем Михайловичем о своем назначении, «чтобы он не забыл обещаний, ...как уже это вышло с Плеве» [2, л. 31]. А в письме от 25 октября 1902 г. в ответ на сообщение Сергея Алексеевича о том, что его назначение вот-вот состоится, она с горечью восклицала: «твое письмо напомнило мне “Жомини, да Жомини, а о деньгах ни пол слова!”» и здесь же интересовалась размером предполагаемого жалования [2, л. 33–33 об.] Этот вопрос для нее был отнюдь не праздным, ведь только долг Дворянскому банку составлял 1918 руб., а также у судебного пристава находилось дело по взысканию закладной Бендеру.

Затягивание решения вопроса о назначении ее мужа на должность оказывало влияние на ее психологическое состояние. Она находилась в отчаянии: муж далеко, а назначение все откладывалось. Финансовое положение семьи становилось все более шатким и помочи ждать неоткуда. «Что же мне делать?», – с горечью восклицала она в письме мужу 4 ноября 1902 г. [2, л. 41]. Поэтому достаточно сдержанно Надежда Борисовна реагировала на радостные сообщения Сергея Алексеевича в письмах от 30–31 декабря 1902 г. о том, что он завтракал вместе с великими князьями у императора Николая II и что «...Государь в милостивых словах отозвался обо мне... Меня уверяют, что теперь дело будет наверняка сделано» [1, л. 108, 111]. Она вновь и вновь советовала ему не увлекаться и давала практические советы как лучше себя вести. Назначение Сергея Алексеевича на должность Управляющего состоялось в 1903 г.

Анализ переписки Сергея Алексеевича и Надежды Борисовны Панчулидзевых позволяет реконструировать образ Сергея Алексеевича как любящего мужа, романтика, ученого историка, которого на первый взгляд в меньшей степени волновали финансовые вопросы. В противовес мужу Надежда Борисовна, будучи pragmatиком и рационалистом, не только занималась семейным бизнесом, но своей энергией, настойчивостью и советами способствовала продвижению своего мужа по карьерной лестнице.

Источники и литература

1. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1652. Оп. 1. Д.79.
2. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 87.

3. Чувардин Г.С., Гончарова И.В. Профессиональные качества и социально-психологический портрет великого князя Владимира Александровича. «Добрый барин»: Великий князь Владимир Александрович – между «старой» и «новой» Россией // Ученые записки ОГУ имени И.С. Тургенева. 2021. № 1(90). С. 69–72.

Е.Н. Меньшикова

*Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет*

**Экономическая деятельность курской купчихи
Н.А. Лавровой в табачной отрасли промышленности
Центрального Черноземья в начале XX в.**

Во второй половине XIX в. табачная отрасль в России развивалась динамично. Но настоящий табачный бум пережила отрасль с началом Первой мировой войны, когда табак стал частью солдатского пайка, и его закупка у производителей приобрела невиданные прежде объемы. В губерниях центрально-черноземного региона (в настоящем исследовании речь идет о Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерниях) табачное производство было сосредоточено главным образом в руках купечества [16, стлб. 625–626; 17, стлб. 712, 808; 1, стлб. 601]. Этот сегмент региональной промышленности интересовал и деловых женщин из данного сословия.

Безусловным примером женского лидерства в табачной отрасли на территории Центрального Черноземья была купчиха Н.А. Лаврова («Лавровой Товарищество» [16, стлб. 625–626; 17, стлб. 712, 808; 3, стлб. 629; 15, стлб. 207]). По объему производимой продукции и размеру среднегодовой прибыли фабрика купчихи Лавровой в начале XX в. была на первом месте среди предприятий данной группы в Курской губернии, доминировала и среди большей части табачных производств в других губерниях исследуемого региона (однозначно – среди табачных фабрик, владельцами которых являлись купчихи) [3, стлб. 629].

Табачная «империя» купчихи Н.А. Лавровой включала в себя, так называемую, общую фабрику (существовавшую с 1881 г. [1, стлб. 243], и производившую табачные изделия и махорку), размещавшуюся на Пастуховской улице в Курске (к 1900 г. фабрика

была оборудована двумя крошильными машинами и керосиновым двигателем [12, л. 52 об.], и две махорочных фабрики в Старом Осколе [14, с. 57]. В Курске на Пастуховской улице, рядом с табачной фабрикой, располагался склад произведенной продукции [5, л. 174; 7, л. 12]. Кроме того, в Курске до 1913 г. Н.А. Лаврова владела складом листового табака на Золотой улице, а также большим табачным магазином на Херсонской улице [10, л. 6 об., 15 об.; 11, л. 1; 6, л. 92 об.; 7, л. 10; 8, л. 8].

Табачная фабрика Н.А. Лавровой перерабатывала табак русского и иностранного происхождения, выпускала курительный табак четырех сортов, а также папиросы [11, л. 468–468 об.]. Известно, что русский листовой табак для переработки приобретался в Крыму, на Кавказе, Бессарабии, а иностранный – на оптовых складах в Одессе [14, с. 57]. Продукция фабрики Н.А. Лавровой имела сбыт главным образом в Курской, Воронежской и Орловской губерниях [14, с. 57].

Для купчих Н.А. Лавровой период конца XIX – начала XX в. характеризовался неуклонным расширением и наращиванием производства, увеличением размера среднегодовой прибыли. Так, в 1895 г. на фабрике было произведено 80 тысяч пудов табака и 1 миллион штук папирос [2, стлб. 531]. А в 1906 г. предприятием было выработано на 1 307 пудов больше продукции по отношению к 1905 г. (конкретно, в 1906 г., – 25 427 пудов 46 фунтов 91 золотник продукции) [14, с. 57].

Годовая прибыль от табачного производства в 1899 г. составила сумму в 101 тыс. руб. [3, стлб. 629]; в 1912 г. – 189 219 рублей (167 тысяч рублей от производства папирос; 22 219 рублей – от производства курительного табака) [15, стлб. 178]. Увеличение производительности фабрики Н.А. Лавровой губернскими статистиками объяснялось «отсутствием конкуренции и деятельностью администрации фабрики, проявившую особую энергию по распространению табачных изделий» [14, с. 57]. Последнее имело проявление в широкой рекламной кампании на страницах местной периодики.

Увеличение объемов производства требовало и расширения штатной структуры предприятия: в 1901–1902 гг. на фабрике купчихи Лавровой в Курске были задействованы 100 рабочих, под руководством управляющего, а также, конторщик [11, л. 468–468 об.; 4, стлб. 684]; в 1907–1908 гг. – 157 рабочих [1, стлб. 243]; в 1912 г. на

фабрике трудились 265 рабочих [15, стлб. 178]; спустя четыре года, в 1916 г. – 800 рабочих (из них: 130 мужчин, 500 женщин, 100 – подростков женского пола, 70 подростков мужского пола) [12, л. 52 об.]. Известно, что в качестве управляющих на табачной фабрике Н.А. Лавровой служили в 1903–1904 гг. Л.М. Милославский, с 1911 г. – мещанка М.А. Стрельникова [9, л. 31].

Для тех купчих, кто свой капитал и деловую активность направлял в табачную отрасль промышленности, данного рода производство приносило весомую прибыль – в исследуемый период спрос на его продукцию был неизменен. В целом, выращивание табака и производство табачных изделий не являлось значковым направлением для пищевой промышленности региона. Тем показательнее является успех курской купчихи Н.А. Лавровой, которая возглавляла крупнейшую в Центральном Черноземье табачную фабрику.

Примечание

Стлб. – столбец.

Источники и литература

1. Адресная книга фабрично-заводской и ремесленной промышленности всей России / под ред. А.В. Погожева. М.: Издатель С.С. Кальмансон, 1907/1908. 1092 с.
2. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской Империи. Т. 1. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1895. 2319 с.
3. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской Империи. Т. 1. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1899. 1478 с.
4. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской Империи. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1902. 2340 с.
5. Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 142. Оп. 1. Д. 95.
6. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 101.
7. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 119.
8. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 425.

9. ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1601.
10. ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1741.
11. ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1882.
12. ГАКО. Ф. 374. Оп. 1. Д. 12.
13. ГАКО. Ф. 142. Оп. 1. Д. 119.
14. Обзор Курской губернии за 1906 год. Курск: Губернская типография, 1907. 192 с.
15. Список фабрик и заводов Российской Империи / под. ред. В.Е. Варзара. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. 720 с.
16. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. Материалы для фабрично-заводской статистики / сост. П.А. Орлов. СПб.: Типография Р. Голике, 1887. 851 с.
17. Указатель фабрик и заводов Европейской России. Материалы для фабрично-заводской статистики / сост. П.А. Орлов, С.Г. Будасов. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1894. 850 с.

*А.М. Старкова, П.А. Васильев
Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ СПб*

Трансформации и преемственность в охране женского труда в позднеимперский и раннесоветский периоды (на примере деятельности М.И. Покровской)

Мария Ивановна Покровская – российская феминистка и женщина-врач конца XIX – начала XX в. Покровская была создательницей и председательницей Женской прогрессивной партии, издательницей журнала «Женский вестник» (1904–1917 гг.) и санитарным врачом. После Октябрьской революции она осталась в Петрограде и работала санитарным инспектором по обследованию бытовых условий жизни рабочих. В историографии Покровскую часто характеризуют как наиболее радикальную и «воинственную» феминистку того периода, чьи идеи опережали свое время [3, с. 30], а также называют идеологическим и административным лидером женского движения [1, с. 334]. За период своей активной политической и профессиональной деятельности Покровская занималась борьбой за равные избирательные права, ре-

шением проблемы проституции, исследованиями в области санитарной медицины, особое внимание уделяя проблеме условий жизни и труда бедных слоев населения.

Проблема условий женского труда была актуальна для Покровской на протяжении длительного времени и являлась синтезом ее интересов как феминистки и как санитарного врача. Она проводила исследования, собирала эмпирические данные на предприятиях, работала думским врачом и санитарным инспектором. В «Женском вестнике» с 1905 г. появились несколько рубрик, посвященных этой теме – «Женский труд», «Охрана женского труда» и др., в которых приводились данные о разных видах занятости женщин, поднимались проблемы, с которым сталкивались работницы, а также предлагались пути их решения. Помимо журнала, Покровская также писала отдельные тексты на данную тему. На основе этих источников в данном исследовании будет рассмотрена деятельность героини в отношении условий женского труда.

В исследовании демонстрируется преемственность между позднеимперским активизмом по улучшению условий труда и раннесоветской инспекционной работой в области охраны труда [2]. Личность М.И. Покровской является репрезентативной в данном контексте, поскольку она активно занималась улучшением и регуляцией условий труда в позднеимперский период как независимая активистка, а в раннесоветский период продолжала работать в этом направлении как инспектор секции санитарной инспекции Наркомата труда.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01645.

Источники и литература

1. Юкина И.И. От дам-патронесс до женотделовок: история женского движения России. М.: Новое литературное обозрение, 2024.
2. Beer D. Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880–1930. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2008.
3. Ruthchild R. Equality and Revolution: Women's Rights in the Russian Empire. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2010.

Е.Ф. Фурсова
Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

**Угнетенное положение женщин в период
социально-экономической напряженности начала XX в.
(по нарративам «семейских» Забайкалья)**

Использование такого источника как нарратив в этнографической исследовательской практике всегда открывает новые перспективы в изучении той или иной проблемы. Писание автобиографических текстов (нарративов) можно рассматривать как факт проявления самосознания народа, активизации его исторической памяти [2, с. 20]. Воспоминания Жерлова Созона Ивлича (в написании автора) представляют собой 14 ученических тетрадей в линейку и в клетку рукописного текста, написанного ручкой с синими или фиолетовыми чернилами¹. Автор переплел тетради толстыми белыми нитками (льняными) и сшил вместе с рифленой картонной обложкой. На первой странице дано название «Из жизни родного села Новая Брянь» и указана дата создания рукописи «Начало писать в 1931 г. и окончил в 1967 году». Действительно, датированные выпуски тетрадей 1960–1963 гг. подтверждают это сообщение. На первой странице указано посвящение автора рукописи: «Доброй сердечной памяти моим дорогим бабушки Соломониды Анкудиновны и матери Ефросиньи Матвеевны за правильное воспитание, учение в жизни к труду честному. Все что написано из жизни нашего села Новая Брянь только факты, рассказы бабушки, матери и других пожилых людей, и личные наблюдения, переживания с детства. Имена и фамилии людей настоящие, выдуманных нет. Прошу простить меня за безграмотность, но хочется рассказать истину о старой жизни при капитализме» (л. 1).

Жерловы являлись русскими старожилами с. Новая Брянь, эта фамилия встречается в ряде опубликованных документов конца XVIII в. (напр. Ведомость о старообрядцах Средней Брянской деревни Тарбагатайской мирской избы. 1795 г.) [1, с. 37]. По этой

¹ В настоящее время рукопись хранится у автора статьи. Публикуется впервые.

причине сведения рукописи, изложенные местным жителем, вызывают доверие, как увиденные им лично, так и пересказанные со слов своих родственников, прежде всего бабушки Соломониды Анкудиновны. Очевидно, что при работе с текстом нельзя не учитывать время и контекст ее написания – 1930-е годы. Автор с первой страницы ориентирует читателей, советских людей, на социальный подтекст событий жизни сибирской старообрядческой деревни Забайкалья, заселенной старообрядцами т.н. «семейскими»². Это было время не только перестройки внутренней жизни общества и семьи, отношений мужчины и женщины, создание «нового советского человека», что не могло не отразиться на содержании и расставленных акцентах. Исследованная рукопись интересна тем, что, как следует из текста, автор-старообрядец весьма лояльно относился к социалистическим преобразованиям, считая справедливым советский лозунг «Бей мироедов³ – кулаков», к которому он относил и старообрядческих наставников («уставщиков»). Судя по приведенным в тексте фактам, богатство кулаков и религиозных руководителей являлось одним из факторов вседозволенности, провоцирующих насилие над женщинами, прежде всего, самыми беззащитными – сиротами, вдовами.

Индивидуальные особенности характера насильников обычно тесно переплетены с внешними обстоятельствами: будто бы нечистой уборкой, леностью нанятых работников и пр. Очевидно, что поведение насильника могло сформироваться под влиянием деструктивной социализации в родительской семье. Глава 4 рукописи со слов бабушки автора Соломониды Анкудиновны содержит информацию о новобранском «богатее Евсее»: «Соседи то говорили, злой шипко был. Дома то озлится, свою хозяйку, невесток по изобьет, и убежит со зла на гору, живет там, три дня, а когда и неделю. Во время работ то, он с горы наблюдал, как

² По собранным сведениям, ранее в селе преобладала «беглопоповщина», видимо, занесенная со времен бегства старообрядцев со Стародубья в Ветку и последующей «выгонки» их с Ветки (ныне Брянской обл. России и Гомельской обл. Беларуси, ПМА 2007, 2016) в Сибирь. Переселялись семьями, откуда и пошло название группы.

³ Мироедами называли оторвавшихся от крестьянского труда кулаков, промышлявших ростовщичеством и торговлей.

работают работники. Я то со своими девчонками часто у него работали, сено гребли, хлеб жали. Бывало злой как собака с костылем, кричит, орет бил работников то...» (л. 22 об.). Интересно добавить, что гора, на которую убегал озлобленный Евсеич, так и называется до настоящего времени «Евсеевой».

Приведем еще примеры из рукописи Жерлова как демонстрацию уже не супружеского насилия, но антиобщественного поведения того же Евсея в с. Новая Брянь. «*Бывало как пойдем он старый чорт, удалый был, он ведь никогда не работал, потомственные богачи, он ловил молодых баб, насильничал. Вот Анна Перфильевна рассказывает, иду приглядываюсь, грибки собираю, а он подкрался, да схватил меня. Держит за руку, а сам хохочет, говорит, не кричи, полтину дам, а я ведро то с грибами бросила на землю, да ево за бороду, да как ногой то ево с переди промеж ног, он охнул, да и отпустил мене, а я ведро свой схватила да ему крикнула, ах ты молельщик проклятый и убежала, а после на Рожество то Христово, он ходил, Христа славил с уставщиком, к нам не зашли. Да Натальи Федотихи он сказал, пусть придет прощения по просит, что оклеветала мене. Вот они богачи то молельщики какия, а говорили, что на горе Богу молится, свою то старуху в ограду на горе не запускал, вии в писании на писано, женщина сосуд дьяволский, а чужим то проходу не давал»* (л. 23).

Встречаются в рукописи примеры, демонстрирующие религиозные мотивы подчинения и терпения женщинами насилия со стороны старообрядческих наставников или уставщиков, но такие факты, как правило, старались замалчивать и не предавать огласке. Приведем пример из текста со слов бабушки Жерлова: «*А вот уставщиком то до Егора был Сергиён, грамотей был, ох строгой был. Бывало при нем в церкви стоят все не кашлянуть, учил молится истово крестом, кланяется низко, в пояс, посты соблюдать. Ну бабник большой был, бывало на пашне, на покосе, а ли в лесу в ягодах, молодыя бабенки не попадайся, а попадеш все равно не вырвесься. Я грешная бывала с ним, нужда заставляла, рубль бывало заплатит, меньше полтины не давал. Слезы бывало текли я и шла, дети голые и голодные...»* (л. 20).

Распространено мнение, что проблема насилия в отношении женщин является социальной и коренится в гендерных «шаблонных представлениях» о доминирующей роли мужчин в обществе,

что служило оправданием насилиственных действий. Однако, как следует из текста рукописи, эти действия были также следствием напряженной социально-экономической ситуации, имущественного неравенства и, в целом, осуждались среди старообрядческого населения с. Новая Брянь, почему приведенные выше истории были редкими и передавались из поколения в поколение «под большим секретом».

Исследование выполнено в рамках проекта НИР № FWZG-2025-0003 «Этнокультурные и этносоциальные процессы у народов Сибири и Дальнего Востока в XVII–XXI веках: формирование и динамика».

Литература

1. История старообрядцев (семейских) в документах Государственных архивов Байкальского региона (1766–1917 гг.). Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2016. 336 с.
2. Фурсова Е.Ф. Этнокультурная идентичность сибирских украинцев в автобиографических текстах Ф.Е. Токаренко // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27. № 2. С. 20–25.

Н.А. Мицюк

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Женская субъектность в условиях экстремальной повседневности военного и революционного времени (1914–1920 гг.)

Академическое сообщество в последнюю четверть века проявляет устойчивый интерес к изучению вопросов, связанных с исторической, коллективной, социальной и индивидуальной памятью. Особое внимание ученых привлекает изучение исторической и коллективной памяти в контексте значимых социально-политических событий [7, 13]. Ян Ассман подчеркивал, что благодаря существованию коллективной памяти, прошлое никогда не передается без изменений, вновь и вновь пересоздаваясь, конструируя и реконструируя смыслы из хаоса социальной реальности [2, с. 142]. Теоретиками культуры памяти было отмечено, что

мужчины и женщины по-разному конструируют свою коллективную память [1; 5; 14]. Подчеркивается ее потенциал в альтернативной репрезентации прошлого [3; 4; 8; 15]. В то же время женская социальная память до сих пор рассматривается в качестве маргинальной. «Голос женщин» о значимых событиях России по-прежнему малоисследован [18].

Представленный доклад нацелен на изучение женской субъектности через анализ женской социальной памяти в условиях экстремальной повседневности в истории России с начала Первой мировой войны до утверждения советской власти (1914–1922 гг.). Ключевыми явились историко-антропологический подход, подходы гендерной истории, эмоциологии, понимающей социологии, позволяющие генерализовать и масштабировать полученные данные из отдельных автобиографий, делая акценты не столько на исторических событиях, сколько на самих авторах.

Исследование основано на 13 женских дневниках, обнаруженных в пяти архивах. Женские нарративы принадлежат девяти женщинам, происходившим из различных социальных страт. В дневниковых нарративах отражается субъективность автора, сохраняется рефлексивность размышлений на момент происходивших событий.

Для женского письма характерна коммеморативная плотность и насыщенность. Исторические события представлены потоково, монолитно, их границы размыты. Содержание нарративных текстов позволяет уловить колебания общественных настроений от патриотического подъема с началом Первой мировой войны до апокалиптических настроений к началу 1920-х годов («Вся моя восторженность, энтузиазм первых дней ушел куда-то бесследно» [17, Л. 7об.]).

Военная повседневность стремительно вносила разлад в понимание женской идентичности. Происходили сломы стереотипов относительно женского участия на войне. Впервые выражено стремление вступить в ряды армии («Я шью себе солдатскую шинель, купила сапоги и шапку и вступлю на днях в ряды солдат» [17, Л. 7об.]).

В женском восприятии переживание пограничных эпох, разделивших жизнь на до и после, вполне сравнимо с «обрядами перехода», описываемыми этнологами, в ходе которых прежняя часть

личности умирает, а новая воссоздается. При этом символы смерти и умирания были характерны как в описании своей собственной жизни, так и символичного образа самой России [6; 9; 12] («Я хочу смерти, но кончать жизнь самоубийством позорно» [17, л. 7об.], «мы, увы, как это ни страшно, но идем к гибели» [9, л. 60]).

В женской автобиографической памяти исторические события и явления личной жизни тесным образом переплетены. Семейные заботы, волнения о детях и близких родственниках, романтические отношения, заботы о слабых становятся ключевыми в фокусе женских описаний, разворачивающихся на фоне повествования о глобальных исторических переменах [6; 10; 11; 16]. Сконцентрированность на заботе о ближнем делает женщин более стрессоустойчивыми и позволяет адаптироваться к быстременяющимся условиям жизни.

Революция, события гражданской войны получают различную оценку в женском восприятии, в то же время коллективным чувством становится ощущение неопределенности, туманности, зыбкости социальной реальности. Утрата прежних идентичностей, попытки изобретения новых традиций и смыслов, характер болевого письма позволяет отнести пережитый опыт к травмирующему. Амбивалентное восприятие реальности формировала различные стратегии выживания, которые предполагали отказ и избегание реальности, попытки адаптироваться и приспособиться к новым условиям, а также активное деятельное начало. *Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) № 24-18-00212, Женская семейная память в России XVIII–XX вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия.*

Список литературы

1. Артог Ф. Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 212–230.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

3. Белова А.В. Профессиональное, личное, обыденное в женской автобиографической памяти (на примере записей тверичанки 1970-х гг.) // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 103–119.
4. Богдашина И.В. Женская социальная память о привычном и обыденном в дневниках (1951–1969) жительницы Сталинграда (Волгограда) // Вестник Рязанского государственного университета. 2020. № 3. С. 46–54.
5. Винницкий И. Заговор чувств или русская история на «эмоциональном повороте» (Обзор работ по истории эмоций) // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. С. 441–460.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5819. Оп. 1. Д. 4, 6.
7. Лейбович О.С. «Теперь не время помнить». Большевизация исторической памяти в 1920–1930-е гг. // Технологос. 2019. № 3. С. 38–46.
8. Мицюк Н.А., Пушкирева Н.Л. Гендерные различия в восприятии родового акта (к истории российской дворянской повседневности конца XIX – начала XX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета: Серия История. Политология. 2015. № 13. Вып. 35. С. 133–142.
9. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 12. Оп. 1. Д. 9.
10. ОР РГБ. Ф. 698. К. 1. Д. 8.
11. ОР РГБ. Ф. 729 К. 4. Д. 3.
12. ОР РГБ. Ф. 686. К. 4. Д. 6.
13. Поринева О.С. Человек в условиях российской революции 1917 г.: основные тенденции и достижения в изучении проблемы 1917 года в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2016.
14. Пушкирева Н.Л. Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестник РУДН. Серия: История. 2019. Vol. 18 № 2. С. 214–245.
15. Пушкирева Н.Л., Жидченко А.В. «Все давалось большим трудом и при любой погоде»: женская память о бытовой неустроенности в послевоенном новом советском городе 1950-х // Via in tempore. История. Политология. 2022. Т. 49. № 2. С. 425–432.
16. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 3114. Оп. 1. Д. 623.

17. Тверской государственный объединенный музей (ТГОМ НА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 7об.
18. Чуракова О.В. «Душа человеческая разрушается от войны...»: письменные источники периода Первой мировой войны как ресурс гендерно ориентированной истории эмоций // Вестник РУДН. Серия: история России. 2019. Vol. 18. № 2. С. 268. С. 246–277.

*И.В. Сидорчук
Санкт-Петербург, Политехнический
университет Петра Великого*

**Специфика женской повседневной жизни пригородов
Ленинграда в конце 1920-х – 1930-е годы**

Исследователи раннесоветской повседневности в основном сходятся во мнении, что есть все основания говорить если не об экстремальных, то по крайней мере об очень тяжелых условиях жизни в этот период как горожан, так и сельского населения [15; 6; 4; 1; 2 и мн. др.]. При этом пока что в целом остается периферийным сюжетом история повседневности различных пригородов, и попытки компенсировать этот пробел, определить, была ли у нее своя специфика, в том числе и в контексте женской истории, представляются весьма перспективными. Еще более релевантным обращение к теме делает то, что в настоящее время активно развивается направление *suburban studies*, интерес к пригородам обрел глобальный и междисциплинарный характер, о чем свидетельствуют различные новые городские теории, включая «постмегаполис», «планетарную урбанизацию» и целый ряд других.

Ускоренная индустриализация и коллективизация существенно изменили жизнь большинства населения, и пригороды здесь не оставались в стороне. Значительная часть вызовов и проблем была той же, что и для горожан. В частности, речь идет о такой важнейшей составляющей повседневности как жилищный кризис, усилившийся из-за роста численности населения. Например, в Петергофе за счет ленинградских рабочих население увеличилось с 14 тыс. в 1930 г. до 20 тыс. на сентябрь 1931 г. При этом нового строительства практически не велось, и жилплощадь на одного жителя упала с 8 до 6 кв. м [13, л. 32]. Своеобразной особенностью ряда пригородов Ленинграда было то, что жилыми являлись многие дворцы и постройки на территории дворцово-

парковых ансамблей. Так, в том же Петергофе на 10 марта 1936 г. в 27 караулках проживал 121 человек [12], а в Детском Селе в Камероновой галерее в 1934 г. жило около ста человек, в бывшем лицее – около тысячи [11, с. 63].

От Ленинграда пригороды отличались более скромными досуговыми возможностями ввиду нехватки кино, театров, клубов и домов культуры, недостатка книг в библиотеках [8, с. 16]. Предполагаемые преимущества жизни за городом тоже не всегда оказывались доступны. Например, неизменными были проблемы с купанием: водоемы оказывались в неудовлетворительном санитарном состоянии, не чищены, а на устройство купален не хватало денег [10, с. 8].

Принципиальным для качества жизни в пригородах было развитие транспорта и, прежде всего, железнодорожного и автобусного сообщения, как с Ленинградом, так и с соседними населенными пунктами. Здесь тоже не все было благополучно. Например, из-за неудобного расписания пригородных поездов рабочие ночной смены Ижорского завода в Колпино могли по 2–3 часа сидеть в нетопленном вокзале [3]. Отдаленность жилья от вокзала в сочетании с нехваткой освещения даже на центральных улицах не позволяли принципиально снизить число хулиганств и преступлений, совершаемых на сексуальной почве. Продолжала существовать проблема проституции [7, с. 14].

Разумеется, для пригородов рассматриваемого периода были характерны черты сельской повседневности. Например, их отличало зачастую более плачевное качество инфраструктуры, когда к домам было не подъехать из-за непролазной грязи, и даже лошади не могли подвезти дрова [14]. Своебразные проблемы были связаны с многочисленностью различных животных. Например, в курортном Сестрорецке в марте 1934 г. было зарегистрировано 6 бешеных собак, от покусов которых пострадало более 10 чел. [9, с. 40]. Источниками различных эпидемий могли становиться сельскохозяйственные животные.

Весьма многочисленными были жалобы населения на нехватку врачей и мест в лечебных учреждениях, хотя больница в Колпино, где еще на рубеже десятилетий ситуация была близка к критической, в 1935 г. заняла 2 место в городском конкурсе больниц [5, с. 29]. Для матерей особенно актуальной была проблема

недостаточного числа школ, магазинов, а также качества товаров и высоких цен в них [9, с. 50].

Можно говорить о том, что главными особенностями повседневности населения ленинградских пригородов, в том числе и женской его части, были значение транспортного сообщения и зачастую более низкое качество инфраструктуры и досуговых возможностей, если сравнивать с Ленинградом. При этом так же, как и в центре агломерации, наиболее актуальными были вопросы, связанные с катастрофической нехваткой жилых помещений и бедностью большинства населения. Во вторую пятилетку можно наблюдать рост качества инфраструктуры прежде всего в тех пригородах, которые являлись промышленными центрами, что принципиально отличалось от дореволюционной эпохи, когда на это очевидно претендовали царские резиденции и курортные места.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20042 и гранта Санкт-Петербургского научного фонда, проект № 25-28-20042

Источники и литература

1. Багдасарян С.Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы. Новочеркасск, 2015.
2. Гатауллина И.А. Крестьянская повседневность: быт средневолжской деревни в 1920-е годы // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. Кн. 1. С. 156–163.
3. Ериков. Дорога ворует время // Красный Ижорец. 1929. 17 августа. № 20(29). С. 3.
4. Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004.
5. Колпинский гор. совет р.к. и к.д. Отчет за 1935 г. Колпино, 1936.
6. Макарова Н.Н. «В котле индустриализации»: повседневная жизнь Магнитогорска (1929–1941). Магнитогорск, 2014.
7. Наказы избирателей, данные в феврале месяце 1931 г. Детскосельскому горсовету VI созыва. [Детское Село], [1931].
8. Отчет о деятельности Ораниенбаумского городского совета III созыва за период с 1 января 1931 г. по 1 октября 1934 г. [Ораниенбаум], [1934].
9. Отчет о работе XIII созыва Сестрорецкого городского совета за 1931–1934 гг. [Сестрорецк], 1934.

10. Отчет Слуцкого городского Совета пригородного района II созыва о выполнении наказов избирателей за 1935 г. [Слуцк], [1936]. С. 8.
11. Савицкий С.А. Преобразование Царскосельского парка в парк культуры и отдыха в 1930-х годах // Вестник РГГУ. Серия: «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 2(11). С. 58–69.
12. Сведения по жилфонду, 10 марта 1936 г. // Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». КВД. Д-367 Документы по жилищному фонду Дирекции Петергофских дворцов и парков (переписка, акты, сведения, справки и др.). Л. 17.
13. Сводка коммунального хозяйства гор. Петергофа с 1 октября 1930 по 1 сентября 1931 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-482. Оп. 1. Д. 15. Л. 32–33.
14. Тонем // Ижорец. 1929. 24 ноября. № 33(42). С. 4.
15. Хатанзейская Е.В. Советский город в экстремальной повседневности: Архангельск в эпоху индустриализации и Второй мировой войны 1929–1945 гг. М., 2021.

Е.Ю. Волкова
Кострома, Костромской
государственный университет

Истоки и проявление массового трудового героизма женщин России в годы Великой Отечественной войны

В Великой Отечественной войне столкнулись в смертельной схватке два мира, две цивилизации, две психологии. Именно человеческий фактор сыграл решающую роль в борьбе с фашизмом, в спасении своей Отчизны. Чтобы оценить роль женщин России в войне необходимо учитывать биологические, физиологические, психологические особенности пола, а также общественные факторы, создающиеся социальной средой и воспитанием.

Накануне Великой Отечественной войны в сознании основной массы наших женщин тесно переплетались традиционная мораль и социалистическая идеология. В российской истории женщины никогда не были сторонними наблюдателями. А большая их имущественная самостоятельность наложила отпечаток на характер россиянок, сформировав такие черты личности, как независимость, свободолюбие, высокая социальная активность. Политическая деятельность женщин формировалась под воздействием опыта, полученного ими

в течение веков в ходе борьбы за лучшую «бабью долю», а также в периоды революций и гражданской войны.

Понять поведение женщины в годы Великой Отечественной войны нельзя без анализа комплекса мероприятий, проведенных в советский период, когда в обществе произошла ломка стереотипов о месте и назначении женщины. У большинства россиянок трудоспособного возраста утвердилась ориентация на профессиональный труд. Вопрос заключался не в том – работать или нет, а лишь – где и в качестве кого. Накануне войны женщины составили более половины населения страны и 38% от общей численности занятых в народном хозяйстве. Особенно важно, что многие из 5,5 млн до-мамаек трудоспособного возраста имели опыт работы на производстве или профессию.

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. По стране наблюдался мощный патриотический подъем женщин. Но, следует заметить, что оптимистические их заявления: «Будем работать где угодно и при любых условиях» порой происходили от незнания драматической ситуации, от постоянно насаждавшегося им тезиса о легкой победе. Кроме того, были объективные причины прихода женщины на работу: сама жизнь толкала на это, часто в ущерб здоровью, поскольку она оставалась единственным кормильцем после мобилизации мужа на фронт.

Но одних добровольцев было явно недостаточно, чтобы решить кадровую проблему. Война уносила все новые жертвы. Поэтому для укрепления тыла, прежде всего, в первые годы войны руководство страны применило жесткие методы, отложенные в 1920–1930-е годы, а также новые чрезвычайные меры. Были отменены отпуска и выходные дни, введены сверхурочные работы, возобновлены трудовые мобилизации, за самовольный уход с предприятий срок тюремного заключения увеличивался с нескольких месяцев до 5–8 лет. В 1942 г. последовали новые распоряжения. Обязательной мобилизации подвергались женщины от 16 до 45 лет, за уклонение от которой грозила уголовная ответственность. С сентября возраст женщин пришлось увеличить до 50 лет. В сельхозработах должны были участвовать женщины от 14 до 50 лет.

В итоге патриотического порыва и за счет мобилизаций на работу пришли тысячи женщин, готовых трудиться во имя победы над врагом. По СССР в народном хозяйстве их удельный вес вырос

с 38% в 1940 г. до 56% – в 1945 [4]. Однако одного прихода женщин на работу оказалось недостаточно, чтобы заменить квалифицированных работников. Требовалось обучить вновь пришедших сложным профессиям. В первые два года войны основными видами стали индивидуальное и бригадное ученичество преимущественно на самом рабочем месте. Начиная с 1943 г. все большую роль стало играть повышение квалификации в стахановских школах, на курсах, в кружках передового опыта.

Необходимо подчеркнуть, что война вскрыла неизведанные возможности применения женского труда. История предшествующих войн не знала столь массового участия женщин в освоении ими тяжелых мужских профессий, чтобы заменить ушедших на фронт мужчин. Этот процесс начался еще в середине 1920-х годов и был очень сложным. С одной стороны, женщины опасались этих профессий, так как работа была тяжелее и требовала специальной подготовки. Но главное, серьезную тормозящую роль играл «психологический» барьер – традиционное представление о месте и роли женщин в обществе. Против выступала значительная часть населения: семья, муж, подруги, а также новый трудовой коллектив от директора до простого рабочего. Например, директор Судостроительного завода в Архангельске говорил: «Я буду ставить вопрос об отмене нелепых директив, женщины нам не нужны» [5]. Партийная ячейка горномеханического цеха шахты «Ильич» предложила проверить, не потому ли женщина-коммунистка попала в шахту, что она «штрафная». Даже переодеться в брюки, как в обязательную рабочую одежду, необходимо было иметь смелость. В Ленинграде на судостроительных заводах женщин-нагревальщиц, работавших в брюках, рабочие встречали издевками и насмешками [3]. Тем не менее, накануне войны по стране на заводах машиностроения работало 15 тыс. женщин-инженеров, 14 тыс. инструментальщиц, 24 тыс. фрезеровщиц. Впервые в мире 4 тыс. женщин стали машинистами паровозов [2]. И когда началась война, женщины сумели заменить мужчин на их рабочих местах под лозунгом: «Жена – вместо мужа, сестра – вместо брата». Впервые в мире женщины стали водолазами, горновыми, сталеварами, спустились в глубокие забои шахт

и рудников. Более того, многие из них на этих тяжелейших, не-привычных для них мужских профессиях становясь передовиками производства.

Для победы над мощным врагом требовались больше усилий. В общественное же производство пришли вчерашние домохозяйки, матери семейств, девушки, подростки, пожилые женщины. Как заставить их работать так, как трудились их мужья и сыновья, ушедшие на фронт, работавшие в мирное, сравнительно сытое время? Для выполнения и перевыполнения планов производства было развернуто Всесоюзное социалистическое соревнование, хорошо показавшее себя в 1920-30-е годы. При этом руководители любого уровня опирались на высокие моральные качества женщин: патриотизм, совестливость, трудолюбие, жертвенность, честь, рабочую гордость. В результате тысячи работниц страны включились в движение двухсотников, тысячников, многостаночников. Часто высокие показатели в соревновании достигались путем немыслимого физического напряжения. Например, фрезеровщица Ярославского паровозоремонтного завода Павлычева не покидала цеха 36 часов, а кочегар Пухова с рыбинской спичечной фабрики «Маяк» не уходила с рабочего места 11 смен подряд.

Для чего же так работали женщины, теряя здоровье, красоту, молодость, становились инвалидами, приобретали чисто мужские заболевания? Имела место материальная составляющая, но в условиях тотальной войны государство не могло резко улучшить финансовое положение передовиков производства, например, в 1943 г. за достижение 1-го места во Всесоюзном соцсоревновании члены бригады лесозаготовителей Е. Дюковой из Костромской области получили премию министра легкой промышленности СССР: отрез на платье, туфли, гребенку и флакон одеколона [1]. Основополагающим стала глубокая вера в победу, что твой труд приближает конец войне. Победа – это мир, сохранение Отечества, а, в конечном счете, семьи, а главное – детей, ради которых фронтовики проливали кровь, детей, которые возродят страну из руин и построят мощное государство. Как сказал Сергеев из Костромы своей жене, уходя на фронт: «Ни живой, ни мертвый не прошу, если не сбережешь детей».

Таким образом, выдержать все испытания могла помочь только Вера – вера в Победу. Она пропитывала каждую клеточку,

с ней ложились, с ней вставали. И она пришла 9 мая 1945 г. Женщины тыла внесли в нее достойный вклад. Они стали определяющей силой в тылу. Такого мир еще не знал.

Источники и литература

1. Молодой ленинец. 1985. 2 февр.
2. Попова Н.В. Женщины страны социализма. М., 1948. С. 14.
3. Серебренников Г.Н. Женский труд в СССР. М.; Л., 1934. С. 74.
4. Труд в СССР: Стат.сб. М., 1968. С. 75, 76.
5. Труд. 1931. 10 июля.

Р.С. Жаркынбаева

Алматы, Казахский

Национальный университет им. аль-Фараби

«Всё для фронта! Всё для победы!»: мобилизация и трудовой вклад женщин Казахской ССР

Широкое вовлечение и мобилизация женщин в производственный процесс в годы войны привело к изменению гендерных групп среди рабочих и служащих. Представляет интерес то, что в документах и выступлениях военных лет отчетливо подчеркивается деление профессий на «мужские» и «женские». В исторической и художественной литературе рассматривался переход женщин в промышленность, транспорт, сельское хозяйство. Но продолжают оставаться малоизученными проблемами то, как женщины стали занимать достаточно специфичные ниши. В частности, заменили мужчин в забое скота, что противоречило так называемой «естественной» роли женщины в обществе.

8 июля 1941 г. в газете «Казахстанская правда» появилась заметка. Секретарь партбюро Алма-Атинского мясокомбината Усманова писала: «Работницы усиленно готовятся к замене мужчин. Работа скотобойца раньше считалась мужской профессией. Теперь это утверждение устарело – женщины успешно заменяют скотобойцев... А если станет необходимо, то мы все, как один, уйдем на фронт и будем метко разить врага» [13, с. 23].

Количество женщин-скотобойцев из года в год увеличивалось. В Семипалатинской области, по данным на 17.12.1941 г. на мясоконсервном комбинате была запланирована подготовка 20 женщин-скотобойцев, окончили учебу и приступили к работе 22, обучались еще 22 [4]. В целом, по данным Наркомата Мясомолпрома КазССР на 1 февраля 1943 г. было задействовано 15248 человек, из них 9987 женщин [11], что составляло 65% работников.

Некоторые женщины стали заниматься работами, которые в обществе считались постыдными и нередко вызывали насмешки и издевательства, что отмечалось даже руководством республики. Как утверждалось в партийных документах, в сфере животноводства «есть закон, что каждая матка должна давать приплод, а мы получаем на 100 овцематок 80 ягнят». В этой связи указывалось, что самое главное – это случная компания: «Случная компания в животноводстве, это посевная в полеводстве – упустил период и мы этого не наверстаем». В январе 1944 г. Секретарь ЦК КП(б)К Ж. Шаяхметов отмечал, что он лично сталкивался с тем, что женщины не идут на курсы по искусенному осеменению, потому что они видели эту работу «как грязную». Так как «им не рассказывали, что конечный результат не грязный, а самый хороший». Одновременно он требовал, чтобы в колхозах «над этими женщинами не издевались» [12].

Женщины стремились претворить в жизнь партийные установки. Так, на одной конеферме, которой заведовала Ш. Шугаипова, от 415 конематок было получено и полностью сохранено 415 жеребят [7]. Причем в документе первоначально было напечатано 413, затем от руки переправлено на 415. Мы можем только предполагать, какая из цифр была реальной, была ли это просто опечатка, или стремление продемонстрировать, что достижение 100 процентного результата в этом деле возможно.

В партийных документах приводилось очень много данных о трудовых успехах женщин. Так, в Западно-Казахстанской области, доярка колхоза «Урнек» Джусупова, от 16 коров приняла и сохранила без отхода 16 телят. В колхозе «Коммунизм» колхозница Курмашева – от закрепленных за ней 100 овцематок получила приплод 125 ягнят и полностью сохранила их [3]. Чабан колхоза «Жана-Турмыс» Назарова Р. – от 100 овцематок взяла 140 ягнят выше средней упитанности [9] и т. д.

На одном из обычных собраний, проходившем 1.11.1943 г. доярка Досмагамбетова (Павлодарская область) заявляла: «Я работаю дояркой 8 лет. План молока выполняю на 300–400%. За период этой работы была премирована 10 раз. Сейчас я работаю гуртоправом. Удой молока по гурту выполнила на 250%. В гурте 207 голов скота, а доярок 7 человек. Я обещаю, что будем работать и перевыполнять план по надою молока еще больше и не дам ни одной головы отхода» [8].

За этими короткими фразами можно увидеть, что фактически на каждую доярку приходилось по 30 коров и какие они прикладывали усилия, чтобы перевыполнять план в 3–4 раза.

Женщины были широко задействованы и в рыболовецком промысле. Была разработана «Программа курса по технике добычи рыбы» для женщин. Если до войны в Гурьевском Рыбаксоюзе участвовало в ловле рыбы 200 женщин, то в 1942 г. их число достигло 350. По неполным данным, обучалось еще 567 женщин. Причем женщины, которые пришли в отрасль, выполняли и перевыполняли нормы [6]. Так, бригадир рыболовецкой бригады З. Сагиндикова в 1943 г. выполнила годовой план на 425% и была награждена указом Президиума Верховного Совета ССР медалью «За трудовое отличие» [3].

Даже женщины, которые не были заняты с формальной точки зрения в народном хозяйстве – домохозяйки, мобилизовались на различные виды работ. Среди них выделялась особая группа женщин, представленных под собирательным названием «общественницы». К примеру, старейшая в Караганде горнячка Королева, несмотря на свой преклонный возраст и основную работу, возглавляла на шахте № 20 общественную работу домохозяек. Под ее руководством женщины убирались в общежитиях шахтеров – одиночек, стирали и чинили их белье, наводили чистоту и порядок в других общественных местах [5]. В Туркестанском районе Южно-Казахстанской области одна из активисток, домохозяйка Абрышкина «образцово поставила» жизнь рабочих общежития № 2 [9].

Домохозяйки г. Акмолинска собирали средства путем проведения вечеров самодеятельности и воскресников, организовывали подарки семьям фронтовиков и инвалидов. Производили побелку

в столовых, общежитиях и оказывали помощь редколлегии на местах в выпуске фотогазет, стенгазет и лозунгов. Женщины-домохозяйки ст. Акмолинская выходили по воскресеньям также на окирковку льда и все заработанные средства передавали в фонд помощи семьям фронтовиков [1].

Так, выполняя и перевыполняя повышенные нормы выработки во всех отраслях народного хозяйства, работая в воскресниках, занимаясь общественной работой, женщины республики проявили значительный трудовой энтузиазм и внесли свой достойный вклад в победу над фашизмом.

Исследование выполнено в рамках реализации научно-исследовательского проекта по гранту МНВО РК АР23490680.

Литература

1. Докладная записка о проделанной работе Акмолинского РК КП(б)К за январь месяц // Государственный архив г. Астана (ГА г. Астана). Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 870. Л. 1–4.
2. Зав. отделом по работе среди женщин тов. Жангировой. Докладная записка «О работе отделов в Обкома, Горкома и Райкомов КП (б) Ка-захстана по работе среди женщин Западно-Казахстанской области» // Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708. Оп. 8. Д. 1569. Л. 19об.–20.
3. Зав. отделом по работе среди женщин ЦК КП(б)К Жангировой // АП РК. Ф. 708. Оп. 7/1. Д. 924. Л. 2 об.
4. Информация о подготовке квалифицированных рабочих из числа женщин по промышленным предприятиям и железнодорожному транспорту по Семипалатинской области // АП РК. Ф. 708. Оп. 5-1. Д. 1298. Л. 57–59.
5. Информация о проведенной работе среди женщин Карагандинской области // АП РК. Ф. 708. Оп. 7/1. Д. 922. Л. 8–9.
6. О результатах обсуждения обращения женщин г. Алма-Ата и Алма-Атинского сельского района ко всем женщинам советского Казахстана // АП РК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 463. Л. 6.
7. Отчет о проделанной работе среди женщин отделом по работе среди женщин Обкома КП(б)К за 1944 г. по Гурьевской области // АП РК. Ф. 708. Оп. 9. Д. 1448. Л. 39.
8. Протокол областного совещания председателей женорганизаторов совхозов, состоявшегося при обкоме КП (б) от 1.11.1943 г. // АП РК. Ф. 708. Оп. 7/1. Д. 925. Л. 12.

9. Содоклад зав. отделом по работе среди женщин Туркестанского района Баймурзиной // АП РК. Ф. 708. Оп. 7/1. Д. 927. Л. 62.
10. Содоклад тов. Юлдашевой // АП РК. Ф. 708. Оп. 7/1. Д. 927. Л. 59 об.
11. Справка // АП РК. Ф. 708. Оп. 7/1. Д. 562. Л. 3.
12. Стенограмма заседания с секретарями райкомов КП(б)К, начальниками НКВД, НКГБ пограничных районов по вопросу о выполнении решения Совнаркома КазССР и ЦК КП б К от 6 мая 1941 г. // АП РК. Ф. 708. Оп.8. Д. 65. Л. 52.
13. *Нурбекова Г. Женщины Казахстана фронту: (Трудовые подвиги женщин в промышленности Казахстана в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.).* Алма-Ата: Казахстан, 1988. 168 с.

Т.Б. Бадмацыренов

Улан-Удэ, Бурятский государственный
университет имени Доржи Банзарова

Буддизм, женщины и экономическая (не)стабильность: экономические практики буддийских сообществ

В постсоветский период женщины Бурятии все активнее включаются в процессы религиозного возрождения. Одним из проявлений этого стало формирование общности буддийских религиозных активисток. Эта социально неоднородная общность формируется на основе единства религиозных убеждений и приверженности буддийской религии. В нее включены в качестве ядра вовлеченные практикующие женщины – монахини и мирианки. Большая же часть женщин-буддисток частично вовлечена в буддийские сообщества, и обладает сравнительно низким объемом религиозных знаний.

В Бурятии, как и в других регионах распространения тибетского буддизма, не существовало женских монастырей и монашества, более того, женщины не могли получать и традиционное буддийское монастырское образование. Хотя, «с распространением буддизма женщина в Бурятии и Монголии стала приобретать более широкие семейно-брачные и имущественные права, которые стали закрепляться в юридических документах» [2, с. 2], женщина в традиционном бурятском обществе в целом исключалась из общественной де-

ятельности [3, с. 42] и в популярно-дидактической идеологии бурятского буддизма занимала «младшее», подчиненное, по отношению к «старшим» – ламам, нойонам, старейшинам – положение в обществе. В буддийских сочинениях тибетских авторов «идеал женщины-буддистки представляет собой образ раскрепощенной женщины, осознающей свое право на духовное совершенствование. В сочинениях же монгольских и бурятских авторов превалирует патриархальное отношение к женщине: ей отводится зависимая подчиненная роль» [4, с. 55–56].

Широкое включение женщин в буддийское возрождение в Бурятии обусловлено изменениями социального положения, произошедшими в течение советского времени. К началу XX в. положение женщин в Бурят-Монголии, как и по всей стране, было крайне тяжелым. Большая часть из них была безграмотна и бесправна. Существовало значительное количество установленных традиционным обществом ограничений прав женщин, таких как наследование имущества по мужской линии, отсутствие прав на землепользование, на развод и т.д. Подчиненное положение в семье было освещено церковью и закреплено законом. Женщины не обладали политическими правами, не могли участвовать в выборах, в силу патриархального уклада им полагалось решать вопросы, связанные только с домашним хозяйством и семьей. Грамотность населения в 1920 г. составила всего 21,7%, причем процент грамотных женщин составлял 8,8%. Недостаточно развита была сеть школьных и культурно-просветительских учреждений. Отсутствовала развитая система здравоохранения [1, с. 25]. Женщины Бурятии исторически были исключены из религиозных институтов и традиционного монастырского образования, женских буддийских монастырей в Бурятии не существовало, а на религиозную деятельность женщин налагались существенные ограничения.

С конца 1980-х годов женщины стали играть заметную роль и в общественной религиозной деятельности, часто выступая инициаторами создания образовательных религиозных проектов, буддийских общественных инициатив. Возможно, впервые в Бурятии женщины-буддистки получили сравнительно равный статус в общине учеников Б.Д. Дандарона, хотя и там ведущие позиции, по-видимому, оставались за мужчинами. В 1990-е годы женщины стали активно участвовать в создании новых буддийских

объединений. Хотя в традиционной для Бурятии буддийской религиозной организации они могут занимать лишь позиции прихожанок, сотрудников (бухгалтеров, кассиров, поваров и т.п.), а также осуществлять вспомогательные культовые действия при маани, обоо, сангари, в объединениях мирян их роль более значима, и в них качестве председателей и координаторов действуют шесть женщин. Большую часть активных вовлеченных членов также составляют женщины. Они также участвуют в деятельности ряда некоммерческих организаций, транслирующих буддийские идеи и реализующих буддийские проекты.

Исторически в Бурятии существовала практика принятия женами лам и женщинами пожилого возраста обетов мирянки. В одном из интервью Пандито Хамбо-лама Дамба Аюшеев отметил, что планирует постепенно возродить «очень ценную практику шабганса», следуя которой «женщины, вырастив детей и внуков, принимают обеты». В Бурятии, «несмотря на то, что на территории республики немало глубоко верующих мужчин, приходится констатировать наибольшую активность женщин-мирян». В то же время наблюдается неожиданный для такой ситуации факт, когда верующие женщины пожилого возраста все реже принимают обеты (*нахил*) и постриг, чтобы стать полумонашкой (шабганса) [5, с. 89]. В советский период практика «шабганса» сохранилась и во многих селах пожилые женщины оказывали помощь ламам в проведении ритуалов, особенно связанных с жизненным циклом.

Сейчас женщины составляют большинство паломников, посетителей буддийских лекций, учений и буддийских религиозных праздников. Женщины-буддистки, кроме религиозной практики, реализуют несколько проектов в области гражданских общественных инициатив, направленных на благотворительность, поддержку детских домов, постройку культовых сооружений. Таким образом, в можно констатировать изменение положения женщин в современном буддийском сообществе Бурятии. Изучение религиозных мотивов экономической деятельности женщин и их включения в религиозную деятельность и организации представляется перспективным направлением, особенно в контексте сравнительных исследований.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-48-03022.

Источники и литература

1. *Бадмацыренова Е.Л.* Государственная политика по вовлечению женщин Бурятии в общественно-политическую деятельность (1923–1991 гг.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012.
2. *Бальжитова О.М.* Положение женщины в буддизме Индии, Монголии и Бурятии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Чита: 2007. 25 с.
3. *Басаева К.Д.* Семья и брак у бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1991.
4. *Дондокова Л.Ю.* Статус женщины в традиционном обществе бурят (вторая половина XIX – начало XX века). Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2008.
5. *Жамбалова С.Г.* О народном буддизме в современной Бурятии // Гуманитарный вектор. 2011. № 2 (26). С. 87–93.
6. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск: Наука, 1983.

Н.Г. Соловьева

Черкесск, Карабаево-Черкесский институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова

Специфика гендерных переживаний экономической нестабильности у кубанских казаков

В истории казачества периоды кризисов, тесно связанные с войнами, в которых принимала участие Россия, совмещались с малочисленными периодами его мирного сосуществования на российском пограничье. Служивое сословие, характеризующееся «военизированным бытием», особым образом было адаптировано к экономической нестабильности повседневной жизни, которая, в свою очередь, имела четкие границы бытовой и хозяйственной деятельности. Гендерная ориентация хозяйственно-бытового функционала традиционной казачьей семьи, то есть «поло-ролевое членство» в ней, соизмерялась вкладом каждого в успешное существование и развитие этой главной составляющей станичной общины.

Специфика гендерных переживаний экономической нестабильности у кубанских казаков ранее не являлась предметом научного изучения. Выявление основных характеристик обозначенной проблемы, попытка обоснования причин и закономерностей происходящих процессов – задачи, требующие решения. Они способны приоткрыть завесу широкого спектра малоизученных направлений казаковедения.

Экономическая нестабильность переносилась женщинами и мужчинами по-разному. При этом этнокультурная идентичность кубанского казачества заметно влияла на этот процесс, во многом формировала и определяла восприятие и реакцию казачек и казаков на проблемный событийный ряд российской истории.

Пореформенный период, ознаменовавшийся активным заселением Северного Кавказа кубанским казачеством, был сложным периодом в истории российской государственности. Любые преобразования в обществе проходят разные стадии своего формирования и развития. Среди них периоды нестабильности занимают ведущие позиции. Образование типичных для казачества населенных пунктов – станиц, было сопряжено с экономической нестабильностью – нехваткой продовольствия, стройматериалов, отсутствием элементарных условий жизни. На территории современной Карачаево-Черкесии в конце XIX в. было основано 8 станиц: Баталпашинская (1825 г.), Сторожевая (1858 г.), Исправная (1858 г.), Кардоникская (1859 г.), Зеленчукская (1859 г.), Преградная (1860 г.), Усть-Джегутинская (1861 г.), Верхне-Николаевская (1861 г.). Переселенцы-крестьяне в основном были из центрально-черноземной и малороссийской губерний. «Потребность в переселении особенно остро ощущалась в перенаселенных губерниях Левобережной Украины (Черниговской, Полтавской и Харьковской), в земледельческих губерниях Черноземного центра (Воронежской, Курской, Тамбовской и Орловской) и в обедневших губерниях северо-западного края (Смоленской и Псковской). Именно отсюда направлялся главный поток переселенцев...», – отмечал Н.М. Дружинин [2, с. 189].

О переживании переселенцами-казаками экономической нестабильности говорится в песне:

Як жили мы на Чорноморы,
Ели паляныци.
Гэй, гэй, гэй, а тэпэр
Едим мы
Тэрэн та кислыци [1, с. 27].

Казаки жили в землянках, ощущая нужду и голод, что нашло отражение в их устном народном творчестве – пословицах и поговорках. О ветхой одежде первопоселенцев-казаков говорили: «Латка на латке» [4, с. 164]. Состояние хозяйства оценивали так: «Рваный мешок не наполнишь». При этом, укоренившись на новом месте, они считали свою станицу Родиной. «Какой не есть плетешок, а все – затишок», – говорили кубанские казаки [6, с. 35].

Большинство станиц располагалось вблизи рек. Имеющиеся водные ресурсы в полной мере обеспечивали нужды казачьих семей в питьевой воде, их подворное хозяйство в целом. Если в казачьей усадьбе не было колодца, то чистую воду в хату носили исключительно казачки. Это, а также приготовление пищи, уборка и содержание дома, придворовых построек и домашнего хозяйства в «надлежащем виде» – побелка русской печи и внешних стен, стирка, уход за птицей и дойка коров, ухаживание за палисадом и многое другое вменялось в обязанность казачки – являлось исключительно «женским делом». Уход за конями, столярные и шорные «дела», вспашка и боронование земли, посев и сбор урожая, а также обмол зерновых культур и другие виды работ относились к компетенции казака. В традиционной культуре кубанского казачества этот гендерный функционал изначально четко определялся и находился на уровне «негласного закона» – незыблемого для исполнения, являющегося элементом его этно-культурной идентичности.

В период несения казаком военной службы казачья семья – казачка-жена с детьми и родителями мужа, оставалась без его попечения. Выполнение многих «мужских работ» ложилось на плечи казачек, то есть переживание временной экономической нестабильности приводило к своеобразной подмене традиционного гендерного функционала, закладываемого посредством воспитания казачьего генотипа через традиционную культуру кубанских казаков. Женские и мужские роли, традиционно определенные

устоявшимися правилами и нормами патриархальной жизни казачьей семьи, станичной общины и казачьего общества в целом, в мирные – экономически стабильные годы строго соблюдались. В это время их смещение в одну или другую сторону не дозволялось, подвергалось строгому общественному порицанию, что нельзя сказать о кризисных периодах российской истории, в первую очередь войнах, в которых неизменно участвовало казачество. Так, казачки, временно находясь без своих кормильцев, сеяли хлеб, выращивали различные овощные и бахчевые культуры, используя для этого гужевой скот, умело управляя им, и т.п. Ремонт подручных средств земледелия – вил, грабель, кос, а также предметов быта – цибарок (высоких ведер с прямыми краями объемом 10 и более литров) и др. также осуществлялся казачками. Заложенное им этнопедагогикой владение в полной мере навыками «мужского ремесла», то есть способностью выполнять на хорошем уровне традиционный функционал казаков, помогали сгладить женские гендерные переживания экономической нестабильности повседневной казачьей жизни.

Казаки, неся многолетнюю воинскую повинность в Российской империи, в полевых условиях не гнушались применять навыки «женского мастерства», четко определенного этнокультурной традицией кубанских казаков. Шить, готовить пищу, применять знания народной медицины, в том числе свойства лекарственных трав и минералов, казаки «учились» у казачек – матерей и жен, наблюдая и практически принимая их опыт. Следует отметить, что, находясь «на побывке», во время отсутствия старших женщин дома, казаки также использовали имеющийся в их арсенале так называемый «женский функционал». В основном это касалось необходимости обеспечить экономическими преференциями (пицей, уходом и др.) своих домочадцев – стариков и детей. Таким образом, женские и мужские гендерные переживания экономической нестабильности у кубанских казаков имели свои специфические черты. Главной из них следует признать частичное замещение в повседневной жизни традиционного женского и мужского функционала.

Отсутствие экономической стабильности плачевно сказывалось на уровне жизни казачьей семьи, всех ее членов. «Мы жили в таких переходах от довольства к недостаткам, что не всегда

могли допускать такую роскошь, как чаепитие. Бывало, получишь на свою долю крошечный кусочек сахара и стараешься выпить «вприкуску» возможно большее количество жидкости», – вспоминал казак из своего детства [3, с. 78]. В годы Великой Отечественной войны кубанские казаки, как и остальные мужчины нашей Родины, находились на фронтах боевых действий – вне своих семей, что также отрицательно сказывалось на их экономической жизни. Вся полнота гендерных переживаний экономической нестабильности ложилась на плечи казачек. Способность выполнять несвойственный ей функционал, изначально заложенный в принципе существования казаков в рамках военной походной жизни, повседневности, полной, в первую очередь, экономических лишений, позволяла казачке достойно справляться с испытаниями, проявляя качества выносливости, адаптации к сложным условиям военного бытия.

Оптимизм, веселый нрав, выражавшийся в этнокультурном юморе, простонародном построении кубанской речи, находящем отражение и в их песенном искусстве – широко известной казачьей песни, его малых жанрах – припевках и частушках, позволяли унифицировать кубанским казакам гендерные переживания экономической нестабильности. В пословицах и поговорках подчеркивались не только гордый нрав, но и самодостаточность, готовность трудиться не покладая рук для обеспечения экономической стабильности своей семьи: «Миласти просим капеик не просим» [5, с. 162]. Так выражалась этнокультурная специфика гендерных переживаний экономической нестабильности у кубанских казаков.

Таким образом, гендерные переживания экономической нестабильности казачек и казаков исторически подвергались трансформации. Они проявлялись во взаимообмене традиционными обязанностями – кардинальном изменении функционала, при котором морально-нравственная ответственность каждого индивидуума культивировала «формулу» обеспечения относительной экономической стабильности казачьей семьи в период кризисов, содействовала ее практическому воплощению.

Источники и литература

1. Гудимова О.А. Песенное наследие казаков Верхней Кубани и Зеленчуков / Культурно-историческая общность народов Северного Кавказа и проблемы гуманизации межнациональных отношений на современном этапе: Материалы международной научно-теоритической конференции / под ред. А.В. Шишкановой Ч. II. Черкесск: КЧИГИ, 1999. С. 26–30.
2. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 2. М.: Издательство АН СССР, 1958. 614 с.
3. Литературное краеведение: Хрестоматия / сост.: Сайченко В.В., Шаройко М.В. 3-е изд., испр. Краснодар: КубГУ, 2009. 192 с.
4. Словарь отрадненской речи (по материалам произведений И.Н. Бойко, Г.Л. Немченко, П.Е. Придиуса [Текст] / автор-составитель Пелих В.М.; отв. ред. Немченко С.Г. Армавир: издатель Шурыгин В.Е., 2019. 184 с.
5. Соловьева Н.Г. Культура русского населения Карачаево-Черкесии в конце XIX – начале XX вв. Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах, 2019. 228 с.
6. Фольклорист и краевед Сергей Данилович Мастепанов. Из научного наследия. Сборник материалов [Текст] / сост. С.Г. Немченко, редактор А.М. Мастепанов. Армавир: издатель Шурыгин В.Е., 2023. 258 с.

Д.Д. Пядухова

Тюмень, Томский государственный университет

«Я не хочу здесь оставаться!»⁴:

**опыт переживания переезда на Север участниками
нефтегазового освоения Западной Сибири**

В своей работе я обращаюсь к событиям относительно недавнего прошлого истории Сибири, связанным с открытием и последующей разработкой на Севере Тюменской области запасов нефти и газа (1960-е – конец 1980-х годов). Еще в советские годы

⁴ Цитата в заголовке доклада взята из источника: Патранова В.В., Цареградская Л.В. Всегда первые: Публицист. повествование о трудовых буднях коллектива треста «Сургутнефтеспецстрой». Сургут: Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во, 2000. С. 76.

историки подчеркивали, что освоение этого «огромного неожи-
того края с экстремальными природно-климатическими услови-
ями» требовало от прибывающих тружеников претерпевания
«немалых трудностей и лишений» [6, с. 190]. Вместе с тем ген-
дерное различие этого опыта обычно ускользало от взора иссле-
дователей. Используя гендерную оптику, я ставлю вопросы о
том, что отличало мужской и женский опыт переезда на нефтега-
зовую «целину»? Какие факторы влияли на гендерные различия
в негативном или позитивном восприятии этого жизненного ре-
шения?

Постановка исследовательских вопросов определяется сло-
жившейся историографической ситуацией, в рамках которой ген-
дерный подход остается в значительной степени маргинальным.
Фактически, единственны работы, так или иначе затрагивающие
проблему гендерных различий в процессе трудовой миграции на
Тюменский Север, принадлежат еще советской эпохе и базиру-
ются в первую очередь на социологическом методе. В них отме-
чается существование гендерно маркированной мотивации пере-
езда на Север и, соответственно, различном отношении мужчин
и женщин к индустриальной стройке, что было зафиксировано в
проведенных соцопросах [2, с. 89; 3, с. 104]. Выяснилось, что
женщины-мигрантки гораздо чаще указывали на роль «семейных
обстоятельств», тогда как мужчинам были присущи скорее мате-
риальные и карьерные стимулы.

В потенциальном исследовании я задействую несколько типов
исторических источников: региональные периодические изда-
ния, воспоминания современников, художественная проза мест-
ных авторов, а также я намерена провести глубинные интервью
с собственно участниками нефтегазового освоения. Предвари-
тельные выводы показывают, что наиболее открыты в проговори-
вании смешанных или негативных чувств в результате переезда
были жены работников, для которых эта альтернатива оказы-
валась не выбранной, но вынужденной. Многие женщины вспоми-
нали об отрицательном опыте встречи с новым местом и обжива-
ния в нем: «У меня на глазах навернулись слезы и захотелось
сразу уехать» [4, с. 129], «Я не хочу здесь оставаться!» [5, с. 76],
«Такая у папы работа. Я тоже сначала плакала...» [1, с. 2] и пр.
Кроме того, устойчивость негативных переживаний женщин

могла иметь разрушительные последствия для взаимоотношений супружов, о чем свидетельствуют несколько кейсов в источниках.

Важный тезис исследования заключается в том, что поведение переехавших на нефтегазовую «щелину» замужних женщин было социально подотчетным, т.е. постоянно оцениваемым относительно норм и правил. Это способствовало формированию в публичной сфере нефтегазовой стройки нормализующего дискурса, согласно которому конвенциональная реакция жены на переезд и обусловленные им трудности предполагали ограничение субъектности во властных отношениях внутри брака.

Источники и литература

1. Корнев В. Звезды зажигают на земле // Тюменская правда. 1970. № 247.
2. Куцев Г.Ф. Человек в северном городе. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. 222 с.
3. Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М.: «Статистика», 1976. 165 с.
4. Нефтеюганск: воспоминания, документы, публикации. Екатеринбург: Архитектон, 1997. 132 с.
5. Патранова В.В, Цареградская Л.В. Всегда первые: Публицист. повествование о трудовых буднях коллектива треста «Сургутнефтепрессстрой». Сургут: Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во, 2000. 237 с.
6. Паиков Н.М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964–1980 гг. / под ред. проф В.В. Алексеева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 241 с.

***С.В. Любичанковский
Оренбург, Оренбургский государственный
педагогический университет***

Феномен Натальи Шмаковой: опыт переживания трудностей женщиной-педагогом в 1990-е – 2000-е годы

В истории каждого человека есть моменты, которые формируют его личность, определяют жизненные ценности и помогают преодолевать трудности. Наталья Николаевна Шмакова, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Оренбургского государственного педагогического университета, педагог с

многолетним стажем, стала ярким примером того, как можно сохранить оптимизм и целеустремленность в сложные периоды жизни. Ее опыт переживания трудностей в 1990-е и 2000-е годы, когда страна переживала глубокие социально-экономические изменения, заслуживает особого внимания.

Детство и семья: истоки стойкости. Наталья родилась в небольшом селе Березовка Бузрукского района. Ее семья была примером того, как труд и преданность своему делу могут стать основой для воспитания сильной личности. Отец Натальи, инженер по образованию, работал директором кирпичного завода, но после его закрытия в 1990-е годы вынужден был переквалифицироваться в учителя физкультуры, а позже стал директором школы. Мать, экономист по образованию, также работала в школе, занимая должность бухгалтера и библиотекаря.

Семья Шмаковых стала для Натальи примером гибкости и умения адаптироваться к новым условиям. В те годы, когда многие люди теряли работу и сталкивались с финансовыми трудностями, ее родители смогли найти себя в новой роли, не потеряв при этом любви к своей малой родине и желания оставаться полезными обществу.

1990-е годы: спокойствие среди хаоса. Для многих 1990-е годы стали временем испытаний: задержки зарплат, безработица, экономическая нестабильность. Однако Наталья вспоминает этот период как относительно спокойный. Жизнь в деревне, где семья могла опираться на собственное хозяйство, стала своеобразной «подушкой безопасности». Несмотря на то, что зарплаты задерживались, как и у всех, Наталья не ощущала на себе тяжести этих трудностей.

Этот опыт показывает, как важно в сложные времена находить опору в близких людях и в привычном укладе жизни. Для Натальи семья и родное село стали тем фундаментом, который помог ей сохранить уверенность в завтрашнем дне.

Профессиональный путь: от школы к вузу. После окончания педагогического училища в 1994 г. Наталья начала работать в школе, где преподавала немецкий язык и историю. Интерес к истории у нее возник не случайно: еще в студенческие годы она увлекалась психологией и педагогикой, а позже, благодаря стечению обстоятельств, начала преподавать историю. Этот предмет

стал для нее не только профессией, но и увлечением, которое она пронесла через всю жизнь.

В 2000 г. Наталья защитила дипломную работу и получила рекомендацию для продолжения обучения в аспирантуре. Это стало важным этапом в ее профессиональной карьере. Она начала преподавать в вузе, где ее увлекла история Древнего Востока. Наталья отмечает, что даже сейчас, рассказывая о реформах Петра I, она проводит параллели с историей Японии, что делает ее лекции интересными и насыщенными.

Личная жизнь: семья как опора. Наталья встретила своего будущего мужа на историческом факультете, что стало еще одним подтверждением того, как важны общие интересы в семейной жизни. Их союз, основанный на любви к истории, стал для нее источником поддержки и вдохновения. У Натальи есть дочь, которая сейчас учится в 10 классе и мечтает поступить на факультет строительства.

Наталья признается, что отпускать дочь в другой город будет сложно, но она готова поддержать ее выбор. Этот момент показывает, как важно для родителей не только воспитывать детей, но и уметь отпускать их, давая возможность самостоятельно строить свою жизнь.

Преодоление трудностей: философия жизни. Наталья Шмакова – человек, который не боится трудностей. Она считает, что сложности – это неотъемлемая часть жизни, и важно учиться решать даже маленькие проблемы. Для нее самой большими испытаниями стали потери близких людей, но она научилась находить в себе силы двигаться дальше.

Ее отношение к жизни можно охарактеризовать как оптимистичное и целеустремленное. Наталья не ищет оправданий и не жалуется на обстоятельства. Вместо этого она сосредоточена на своих целях: поддержать мужа в его профессиональной деятельности, помочь дочери успешно закончить школу и поступить в вуз, а также продолжать развиваться как педагог и исследователь.

Итак, феномен Натальи Шмаковой заключается в ее умении находить опору в семье, работе и любви к своему делу. Ее опыт переживания трудностей в 1990-е и 2000-е годы показывает, что даже в сложные периоды можно сохранить оптимизм и веру в

лучшее. Наталья стала примером того, как женщина-педагог может не только преодолевать трудности, но и вдохновлять других своим примером. Ее история – это напоминание о том, что жизненные испытания могут стать источником силы, если встречать их с достоинством и верой в себя.

Источники и литература

1. *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* Гендерное измерение социальной и политической активности в постсоветской России. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2003.
2. Интервью с Натальей Николаевной Шмаковой, 14.03.2025, интервьюер С.В. Любичанковский.
3. *Пушкирева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007.
4. *Пушкирева Н.Л.* Женщины в российской науке и образовании: исторический опыт и современные вызовы. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2015.
5. *Пушкирева Н.Л.* Женщины в русской истории: X–XX века. М.: Наука, 2002.
6. Россия в 1990-е годы: кризисы и трансформации / под ред. Т.И. Заславской. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2002.

*Т.И. Трошина
Архангельск, Северный Арктический
федеральный университет*

Образованная женщина: формирование стереотипов и трансформация поведения в условиях социальных и экономических изменений

Модели поведения человека, определяемые мировоззрением, а также влияние различных трансформаций на их изменение – вопросы, остающиеся центральными в социологической науке. Для историка представляет интерес динамика изменения поведенческих моделей наиболее подвижных групп населения, например, интеллигенции. Особым резервуаром социальной энергии является так называемая массовая (нередко называемая разночинной) интеллигенция: вышедшая чаще всего из народа и работающая

среди него. Это сельские учителя, фельдшеры, акушерки – должности, все чаще занимаемые женщинами, получившими соответствующее образование. Такая работа не всегда была их личным выбором. Массовое рекрутингование женщин из «народной» среды в учительские и фельдшерско-акушерские профессии происходило в результате наблюдавшегося на рубеже XIX–XX вв. процесса полово-возрастной деформации.

С другой стороны, оказавшись в рядах «образованного меньшинства», эти женщины стремились соответствовать принятым канонам поведения, сформированным «мифотворчеством» русской интеллигенции, непременно предполагающее ее «служение народу» и способность к «самопожертвованию». В идеале, интеллигенция должна была соответствовать монашескому ордену «со своей особой моралью, со своим обязательным миросозерцанием, со своими особыми нравами и обычаями, и даже со своеобразным физическим обликом, по которому можно узнать интеллигента и отличить его от других социальных групп» [1].

При этом образованные женщины могли рассчитывать лишь на те должности, куда мужчины идти не стремились. После окончания курсов и епархиальных училищ девушки направлялись в сельскую местность, где, проживая рядом с народом, иногда изолированно от своих коллег, они мало чем отличались от местного населения в бытовом отношении, а в материальном – нередко были от него зависимы. Представляя из себя наиболее инертную социально-демографическую группу русской интеллигенции, эти женщины, выделяясь из общей массы населения в культурном и образовательном отношении, должны были соответствовать требуемым поведенческим моделям. Заменой активной профессиональной и общественной жизни было замужество, которое, по мнению Э. Хоффера, «дает женщинам … новую цель в жизни, и новое будущее, и новую индивидуальность» [7]. Однако материальное положение низовых групп интеллигенции, не соответствуя их культурным потребностям, осложняло возможность заводить семью. И если народный учитель или фельдшер мог жениться на необразованной женщине, то положение «интеллигентки» не позволяло ей соглашаться на «неравный брак». Неслучайно создавалось впечатление, что что «идейные блуждания»

русских культурных работников вызваны «одиночеством, ...отчаянием при виде крушения надежд». По мнению Ф. Энгельса, при резком изменении условий жизни эта особость русских интеллигентов исчезнет [8].

Приняв такое предположение за гипотезу, обратимся к революционному времени, когда постепенно, но все более ускоряющимися темпами происходило изменение поведения массовой интеллигенции под влиянием как революционной вседозволенности, так и экономических сложностей.

Военное время и массовая мобилизация мужчин «освободили» для образованных женщин должности преподавателей средних учебных заведений; женщины-врачи, которым прежде была доступна только частная практика, получили право на казенные места. Еще больше освобождения дала Революция, приветствовавшая равенство во всем, включая эгалитарный брак. Существенно расширился и «брачный рынок»: помимо легкости разрушения прежних брачных уз, появилось немало поднятых революционными событиями на более высокий социальный уровень мужчин «из народа», среди которых распространилась своеобразная «мода» на образованных женщин.

Появились для женщин и новые карьерные возможности: учительницы и медички убегали из опостылевших деревень «к новой жизни», находя место в создаваемых бюрократическим аппаратом советских, партийных, военных учреждениях. Но там они оказывались «чужими» и нередко подвергались подозрениям и преследованиям. Источники приводят немало сведений о принуждении к сожительству образованных девушек со стороны их начальников, и даже факты грубого насилия [5].

Радикальные социально-политические и экономические изменения приносят далеко не только положительные плоды. Революционная Россия дала Дж. Кейнсу «осиятельный пример ...как далеко может зайти разложение общества», когда материальные лишения достигают «границ человеческого терпения и ...человек стягивает с себя узы традиции и привычки...» [4].

Революция дала освобождение и критикам интеллигенции, которую по любому поводу подвергали унижениям. По мнению журналиста, сельская интеллигенция – это «всякие неудачники, недоучки, люди без призыва, попавшие в учителя от нужды...»

[6]. К критике присоединились и «представители народа». Работающие в госпиталях женщины, по мнению работниц-делегаток, «любят ухаживать за белой костью, [а] стона простого красноармейца не слышат» [3]. Те же, кто стремился соответствовать требованиям новой власти, подверглись социальному исключению из профессионального круга: «не все старые учителя хорошо относились к “новым” ...» [2].

В период «военного коммунизма» учителя и медработники подвергались «трудовой мобилизации»: «сбежавших» возвращали на работу в школы и больницы, где они находились под прессом новых требований. Эта работа стала не только малопрестижной, но тяжелой в психологическом и физическом отношении. И факты отказа от идеалов «служения» становятся все более распространенными.

Так, для женщин-медичек своеобразный выход был в «браке» с командирами и прочими начальниками. В делопроизводственных источниках немало сообщений об отказе женщин-медиков работать согласно предписаниям, поскольку они намерены поехать за мужьями к месту их службы. Требования к супружеским отношениям революция смягчила, и женщины видели в подобных связях временный выход из сложного положения.

Сельских учительниц все чаще обвиняли не только в нарушении новых законов об образовании, но в «растлении малолетних». Вернувшаяся из своих «недолгих странствий» учительница «просвещает» школьников, показывая им «порнографические открытки»; другая вступила в интимные отношения с крестьянским парнем, за что подверглась «гонению» по деревне в полуодетом виде со стороны его матери... Отдельные случаи подобного поведения в пропагандистских целях разворачивались в целые кампании, унижая и без того находящихся в тяжелом положении служащих женщин.

Источники и литература

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
2. Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 189. Л. 34.
3. Воспоминания В. Гамрекели // Государственный архив Вологодской области. Ф. п-1332. Оп. 3. Д. 37. Л. 28.

4. Кейнс Дж.М. Экономические последствия Версальского мирного договора. М; Л, 1924.
5. Материалы о привлечении к ответственности за злоупотребления по службе. 1918 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. п-3205. Оп. 1. Д. 5. Л. 7-9.
6. Мокеев П. Народ и сельская интеллигенция // Воля Севера. Ежедневная народная газета. [Архангельск]. 1917 г. 18 ноября.
7. Хоффер Э. Истинноверующий: Мысли о природе массовых движений. М., 2001.
8. Энгельс Ф. Письмо Г. В. Плеханову 26 февраля 1895 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 29. М., 1963.

Н.Л. Вигель
Ростов-на-Дону, Ростовский государственный
медицинский университет
Минздрава России

Гендерные трансформации в условиях общественных кризисов

Кризисные ситуации, такие как войны, эпидемии, стихийные бедствия и экономические спады, становятся серьезными испытаниями для сложившихся гендерных ролей и стереотипов в человеческом обществе. Эти разрушительные события провоцируют трансформацию социальных ожиданий и требований к поведению мужчин и женщин [4, с. 22].

Во время кризисов часто наблюдается усиление маскулинности, когда такие качества, как решительность, стойкость, мужество и самоотверженность [1, с. 277], становятся особенно ценными и востребованными. Яркие примеры этого можно найти в различных исторических событиях.

Так, в годы Великой Отечественной войны женщины героически трудились в тылу, заменяя ушедших на фронт мужчин. Они работали на заводах, в сельском хозяйстве, ухаживали за ранеными, выполняя тяжелую, зачастую опасную работу, проявляя такие традиционно «мужские» качества, как сила, выносливость и решительность. Их самоотверженный труд стал неотъемлемой частью победы над фашизмом.

Подобную картину мы наблюдали и во время пандемии COVID-19. Молодые медсестры, рискуя своей жизнью, самоотверженно боролись с новой угрозой, демонстрируя невероятную стойкость и мужество [2, с. 18]. Их героические усилия спасли тысячи жизней и стали ярким примером того, как традиционно «женская» профессия может требовать проявления таких качеств, как решительность, стрессоустойчивость и готовность к самопожертвованию.

Еще один яркий пример – ситуация в СВО. Невероятную смелость, самоотверженно оказывая помощь и поддержку пострадавшим. Их мужество и готовность к самопожертвованию, как и в предыдущих примерах, разрушают устоявшиеся гендерные стереотипы.

Таким образом, кризисные ситуации демонстрируют, что традиционные гендерные роли могут претерпевать значительные изменения. Женщины проявляют недюжинные силы, выходя за рамки привычных социальных ожиданий и демонстрируя такие качества, как решительность, стойкость и самоотверженность, зачастую на равных с мужчинами. Подобные трансформации оказывают глубокое влияние на общество, разрушая устоявшиеся гендерные стереотипы и открывая новые возможности для самореализации как мужчин, так и женщин. В условиях масштабных кризисов гендерные роли могут меняться, предоставляя представителям обоих полов шанс проявить себя в новых, ранее не свойственных им сферах [3, с. 109].

Например, в ходе различных военных конфликтов женщины нередко занимали руководящие должности, командуя военными подразделениями и успешно выполняя свои обязанности. Во время пандемии COVID-19 медицинская сфера, традиционно ассоциируемая с «женской» работой, продемонстрировала, что она требует не только сострадания и терпения, но и высокого професионализма, решительности и мужества, которые проявляли как мужчины, так и женщины. Подобные трансформации гендерных ролей неизбежно ведут к пересмотру устоявшихся социальных норм и ожиданий [4, с. 8]. Они побуждают общество к глубокому переосмыслинию традиционных представлений о «мужественности» и «женственности», открывая новые возможности для самореализации людей независимо от их биологического пола.

Кризисные ситуации, таким образом, становятся своеобразным катализатором для трансформации гендерных ролей и стереотипов. Они демонстрируют, что «мужские» и «женские» качества не являются чем-то абсолютным и неизменным, а могут проявляться у представителей обоих полов в зависимости от ситуации и необходимости. Это, в свою очередь, способствует формированию более гибкого и многогранного понимания гендерной идентичности, что имеет огромное значение для развития более справедливого и равноправного общества.

Тем не менее, несмотря на очевидные трансформации, гендерные стереотипы по-прежнему оказывают сильное влияние на социальные ожидания и поведение людей. Даже в условиях кризисов сохраняется тенденция к «возвращению к норме», когда традиционные гендерные роли вновь начинают доминировать. Это демонстрирует, что преодоление устоявшихся стереотипов является сложным и длительным процессом, требующим целенаправленных усилий со стороны общества и государства.

Важную роль в этом процессе играют образование, средства массовой информации и культурные институты, которые могут способствовать формированию более гибкого и инклюзивного понимания гендерных ролей. Ключевым является также обеспечение равных возможностей для самореализации мужчин и женщин во всех сферах жизни, что позволит раскрыть их потенциал и разрушить ограничивающие стереотипы.

В конечном итоге, кризисные ситуации, несмотря на всю свою разрушительность, могут стать своеобразными «окнами возможностей» для трансформации гендерных ролей и преодоления устоявшихся стереотипов. Это открывает перспективы для построения более справедливого и инклюзивного общества, в котором люди, независимо от их биологического пола, могут полностью реализовать свой потенциал и внести уникальный вклад в развитие человечества.

Литература

1. Беликова М.В. Сбережение мужского населения России в условиях трансформации моделей мужественности // Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни: Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29

- марта 2022 года / отв. ред. В.В. Локосов, В.Г. Доброхлеб, М.В. Беликова. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2022. С. 276–280.
2. Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2021. 558 с.
 3. *Дзялошинский И.М.* Общественная психика и социальный порядок. М.: Ай Пи Ап Медиа, 2024. 837 с.
 4. *Марговская М.Г.* Гендерные стереотипы массового сознания в период кризиса традиционного общества: 09.00.11 «Социальная философия»: дисс... к. философ. н. М., 2013. 192 с.
 5. Общество как социогендерная система и социальные риски ее развития. М.: Издательский Дом «Третьяковъ», 2016. 269 с.

РАЗДЕЛ 2

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ И ОТНОШЕНИЕ К НИМ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

И. Т. Сулейманов
Москва, НИУ ВШЭ

Начало Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. глазами императрицы Марии Александровны (1824–1880)⁵

Принято считать, что именно императрица Мария Александровна, следуя славянофильским симпатиям, выступила одним из движителей решительного поведения России в деле защиты христианского населения на Балканах и активным «лоббистом» объявления войны Османской империи в апреле 1877 г., об этом пишут, к примеру, Д.С. Арсеньев [1, с. 365], О. Хётч [5, с. 81–116]. При этом в научном обороте фактически отсутствуют эго-документы императрицы времен начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., знаменовавших исходный пункт лиминального периода в биографии императрицы Марии Александровны и ставших источником одного из ярчайших результатов царствования императора Александра II. В этой связи особый интерес представляют сохранившиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) письма императрицы Марии Александровны к Великой княгине Ольге Федоровне (1839–1891) [2], супруге Великого князя Михаила Николаевича (1832–1909), Кавказского наместника и командующего войсками Кавказского военного округа.

Примечательно, что линия тлеющего, потенциального военного противостояния присутствует в женской переписке задолго до начала военных действий. Так, императрица начинает свое письмо 10/22 января 1877 г. словами «Да благословит Господь всех нас, особенно Императора и Россию, если то возможно, миром, насколько

⁵ На материале переписки с Великой княгиней Ольгой Федоровной из фондов Государственного архива Российской Федерации.

это совместимо с нашим достоинством» [2, л. 1]. Обратим внимание на рассуждение императрицы в категориях баланса мира и достоинства, которые выступают ключевыми категориями необходимости и достаточности перехода к военному решению, которое, безусловно, рассматривается императрицей как крайне болезненное. Неслучайно она на страницах писем будет возвращаться к сформулированной ею дилемме между «терпением и любовью к миру» и репутацией и честью страны, увязанными с опасениями «стать насмешкой Европы» [2, л. 11].

В рассматриваемые краткие хронологические рамки (январь–сентябрь 1877 г.) характерный для императрицы «женский» нарратив переписки (дела семейные, воспитание детей и пр.) демонстрирует радикальную динамику, почти полностью перерождаясь не только в женский военный нарратив (переживания за детей и супруга на поле боя и пр.); при этом императрица включает в текст не только эмоциональность человеческого, но и все более «слышимого» государственного регистра. Своеобразный водораздел – 4/16 апреля 1877 г.: так датировано письмо, в котором государыня оречевит в эпистолярном диалоге с подругой весь фрустрирующий характер начала войны: «Итак, настал тот самый, внушавший страх момент» [2, л. 11].

Осознавая масштаб исторического события, оценивая потенциальные потери, и принимая во внимание сложнейшие внешне-политические обстоятельства, императрица Мария Александровна апеллирует к Всевышнему: «Теперь да поможет нам Господь, на человеческую помощь мы уж точно не можем рассчитывать» [Там же]. Содержание писем отражает глубокую христианскую веру императрицы, осознание ею праведного цивилизационного характера сделанного решительного шага. При этом предметом молитв императрицы станет успех «нашей славной Армии» и «дорогого Отечества», а также скорый мир – таков образ желаемого результата в сознании государыни.

Характерно, что в содержании писем с прогрессирующим погружением в «обыденность» войны усиливается управленческий нарратив сферы «профессиональной ответственности» императрицы. Здесь особое место занимают заботы Государыни о ее детище – Российском обществе Красного креста. Симбиоз рациональности и эм-

патии императрицы проявляется в ее решительности к полномасштабному развертыванию системы оказания помощи больным и раненым воинам, пострадавшему населению: «Мы будем оказывать помощь отсюда, сколь много мы можем, если вам чего-то не хватает, обращайся и ко мне напрямую, когда это необходимо» [2, л. 11–14]. При этом государыня рассуждает о милосердии как неотъемлемой части христианской жизни, духа Иисуса Христа, отчасти даже отождествляя победу с концептом милосердия.

Письма отражают всецелую вовлеченность императрицы в организационно-распорядительные дела с самого начала войны, о глубине оперативной включенности государыни говорит, к примеру, такой ее вопрос, адресованный Ольге Федоровне: «Надеюсь, ящики со здешнего склада теперь на месте?» [2, л. 15–18]. Рассматриваемые эпистолярии демонстрируют интегриованность императрицы в многоуровневую систему поддержки благотворительных начинаний – от встреч с «московским делегатом» и выстраивания «экономики» гуманитарных инициатив вплоть до подходов к формированию кадровых ресурсов для их обеспечения. Государыня проявит «закаленную» в предыдущих кампаниях критичность оценки данных, рапортуемых с полей сражений, в частности, о количестве жертв: «хотя, слава Богу, наши потери пока невелики, однако столь малыми как это указано там, они все же быть не могут» [Там же]. Императрица держит «на контроле» ситуацию с госпиталями, разбросанными на колоссальной территории, сопоставимой с масштабом театра военных действий и готова выехать в госпитали, чего, однако, не совершает по настоюнию императора.

Деятельность императрицы, как известно, даст впечатляющие результаты: Российское общество Красного Креста аккумулирует колоссальные средства – свыше 16 млн руб. [3]; императрица внедрит в практику самые современные технологии своего времени, к примеру, санитарные поезда, первый из которых носил ее имя [4, с. 122].

Свидетельствуют строки писем 1877 г. и о значительной осведомленности императрицы о ходе боевых действий – об этом говорит один лишь перечень географических наименований: Еян, Ардаган, Рущук... Императрица Мария Александровна переживает за неудачи на фронтах, вживаясь в чувства военачальников

(«как искренне я думаю о Мише [великий князь Михаил Николаевич], в той сложной ситуации, в которой он оказался и как она, должно быть, болезненна для него...» [2, л. 15]), разделяет радость военной удачи императорской армии («Но как прекрасно взятие Ардагана...» [Там же]).

Эпистолярии императрицы Марии Александровны времен Русско-турецкой войны укрепляют читателя в мысли о государственном мышлении их автора, в том числе в категориях глубокого анализа внешнеполитической обстановки и ее прогнозирования (к примеру, в рассматриваемых письмах императрица резонно и со знанием дела рассуждает о возможных сценариях поведения Англии в сложившейся геополитической ситуации).

При этом императрица в буквальном смысле по-матерински переживает за ход военной кампании: «Шипкинские дни были ужасны...» [2, л. 31–32]. Тексты писем отражают взаимоувязанный с концептом «сын» модус переживаний – действительно, сыновья императрицы будут принимать участие в боевых действиях, обусловленная этим непосредственная близость смертельной опасности, очевидно, выступает катализатором сопереживания за тысячи других сыновей – солдат и офицеров, подвигу и нуждам которых императрица уделяет значительное внимание, не переходя границу «глорификации» последних, концентрируя внимание на их насущных нуждах: «я интересуюсь ... и особенно [всем] об уходе за нашими несравненными солдатами, о котором я могу слушать непрестанно и для него наши усилия всегда будут недостаточны...» [2, л. 33]. Неслучайно генерал Э.И. Тотлебен, со слов О. Хётча, охарактеризует энергичное участие императрицы Марии Александровны в работе по оказанию помощи во время войны как «материнскую заботу» [5, с. 81–116].

Восприятие императрицей Русско-турецкой войны и его отражение в рассматриваемом письменном корпусе является собой еще один яркий пример того, насколько русской стала принцесса Гессенская и Прирейнская Мария, находившаяся в России к моменту начала войны без малого 37 лет. Концепт лояльности России в мировоззрении императрицы Марии Александровны, судя и по письмам 1877 г. к великой княгине Ольге Федоровне, включает в себя базовые столпы – Император, Империя, Православие, народ, семья.

Источники и литература

1. Арсеньев Д.С. Жизнеописание императрицы Марии Александровны. 1838-1854. Москва: Кучково поле; Воевода, 2018.
2. ГАРФ. Ф. 674. Оп. 1. Д. 126.
3. Императрица Мария Александровна и Российское Общество Красного Креста // Сайт Фонда «Елизаветинско-Сергиевское просветительское общество». URL: <https://espo-fond.ru/romanov/emperors/mariya-aleksandrovna/> (дата обращения: 03.04.2024)
4. Музей Августейших покровителей Российского общества Красного Креста. Путеводитель. М.: Елизаветинско-Сергиевское просветительское общество, 2023.
5. Hoetzscher O. Kaiserin Maria Alexandrowna von Rußland, geb. Prinzessin Marie von Hessen-Darmstadt, Umrisse einer Biographie // Archiv für hessische Geschichte und Altertumskunde. 1940. S. 81–116.

T.Ю. Шестова

Пермь, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Женщины – участницы покушения на императора Александра III

«Второе 1 марта» – устоявшееся выражение к покушению народовольцами на Александра III. В нем помимо основной пятерки принимали участие и женщины. Осуждены: Мария Александровна Ананьина 38 лет и ее дочь Лидия Ивановна Ананьина 18 лет, мещанка Ребекка (Раиса) Шмидова 22 лет, Анна Сердюкова 27 лет.

В эту группу незадолго до покушения вошел Александр Ульянов. Стенограмма судебного процесса брата была опубликована с предисловием А.И. Елизаровой-Ульяновой. На судебном процессе 1887 г. смертные приговоры были вынесены всем 15 участникам, но затем заменены на каторгу.

Наиболее сплоченной была семья Ананьиных и М.В. Новорусского. Лидия и Николай (14 лет) жили в Петербурге на квартире М.В. Новорусского. Мать Мария Александровна Ананьина, акушерка, проживала в Парголово, сначала при земской больнице, затем бесплатно на даче, пока М.В. Новорусский не снял дачу для

всех домочадцев. Лидия познакомилась с Новорусским в театре, называла себя невенчанной женой, но затем из-за болезни легких Лидии они решили жить с матерью в Парголово все лето. Тещу М.В. Новорусский уважал и называл на «Вы». М.В. Новорусский писал диссертацию как кандидат духовной семинарии, что было удобнее делать в тихом поселке. Плату за проживание М.А. Ананьина и М.В. Новорусский делили пополам. По зарплатам зять и теща были равны – по 38 руб. в месяц. «У нас с мадам Ананьиной почти никогда не было денежных счетов. Женщина она очень щепетильная» [5, с. 31, 129, 146, 130].

Через М.В. Новорусского М.А. Ананьина наняла А. Ульянова учителем к сыну Николаю с условием, что Александру будет предоставлена возможность проводить химические опыты. Расчеты с Ульяновым она взяла на себя, не позволив платить за нее М.В. Новоруссию. «Я с Ананьиной не брал денег и не надеялся брать» [5, с. 211]. М.А. Ананьина резко отрицала участие в попытке цареубийства, отмечая, что просто наняла учителя сыну для подготовки к поступлению в гимназию. На фотокопии ее показаний стоит пометка «Это и ужасно, мужик и лезет туда же в гимназию» [3].

Ранее мальчик занимался латынью, греческим языком, арифметикой в Петербурге. М.А. Ананьина встретила А. Ульянова с поездом и проводила на дачу. Совместный чай, разговоры на общие темы предполагали длительное общение. Но Александр Ульянов провел с Николаем только один урок закона Божьего. Николай затем свидетельствовал, что у него не было никакого другого учителя, кроме В.М. Дандича. В Парголово он все время гулял по инициативе матери. Вскоре А. Ульянов уехал, отметив, что вызвал недовольство М.А. Ананьиной малым вниманием к сыну. При этом на даче были оставлены химикаты и нитроглицерин, за которым присматривала М.А. Ананьина, вынося его на мороз. Озабоченная мать просила дочь найти А. Ульянова и вернуть ему химикаты. Тот написал, что заберет ее в следующий приезд. Лидия на вопрос к матери, что пишет Ульянов, получила ответ «не тебе писано» [5, с. 33, 93, 34].

Поскольку наличие взрывчатки с неизвестным количеством возможных террористов на даче пугало, на дачу послали беремен-

ную невестку урядника Беланова на прием к акушерке. Она описала, что там находятся только члены семьи [2, с. 39]. При обыске мать и дочь пытались платьями закрыть корзину с бутылью нитроглицерина.

По приговору суда особого присутствия Сената Мария Александровна Ананьина была приговорена к смертной казни, но по данное ей прощение о помиловании позволило дать наказание в 20 лет каторжных работ. На каторге в Каре М.А. Ананьина находилась в очень тяжелых условиях. При этом, по свидетельству А.П. Прибылевой-Корбы, она поддерживала связь с мужской тюрьмой, где писались биографии народовольцев [4, с. 137]. Через 4 года она была переведена в вольную команду. В 1896 г. между Марией Александровной Ананьиной и ссыльным Львом Григорьевичем Дейчем был заключен брак, в котором родился Яков Дейч. Умерла она в 1899 г. от болезни почек [1, с. 60]. Лидия Ивановна Ананьина была осуждена к административной высылке в Сибирь на пять лет. В ссылке вышла замуж за Бородича и состояла ответственным редактором «Русского Богатства».

Следующим женским персонажем стала Раиса (Ребекка) Абрамовна Шмидова. Родом из Мелитополя, где родители занимались мелкой коммерцией. Выучилась на акушерку в Харькове, приехала в Петербург для учебы на Надеждинских курсах, затем на Фребелевских. Она жила в одной квартире с А.И. Ульяновым, а потом с О.М. Говорухиным, т.е. была знакома со всеми членами группы. Расположение комнат в квартире сыграло в ее пользу на суде. Войти в комнату Р.А. Шмидовой можно было только через комнату хозяйки. Негативным фактором стало нахождение химиков и в этой квартире. Известно, что при Р.А. Шмидовой заговорщики старались не говорить о делах, но она дважды передавала записки о покушении на императора, не зная об их содержании. Описание глазной болезни О.М. Говорухина с якобы его необходимостью лечь в больницу позволило последнему бежать за границу. «Живя с Ульяновым, Говорухиным и встречаясь с Шевыревым и Андреюшкиным, она, конечно, не могла не понимать их образа мыслей, их направления; она должна была знать, что они люди недовольные, неблагонамеренные и, не прекращая с

ними сношений, этим она доказала свое сочувствие и единомыслие с ними» [5, с. 89, 142, 303]. Р.А. Шмидова была приговорена к поселению в Сибирь.

Последней женщиной, осужденной по делу о покушении, стала народная учительница Анна Сердюкова. Она приятельствовала с П.И. Андреюшкиным и жила в Петербурге с сестрой, которую он репетировал. В переписке он эмоционально изложил политические взгляды, после чего Анна попросила его больше ей не писать. Переписка велась тайными чернилами, приступающими при нагреве. П.И. Андреюшкин сообщил, что вступил в Народную волю и станет металлическим бомбой, одновременно предложив Анне стать его женой. Она согласилась, объясняя это тем, что хотела отвлечь П.И. Андреюшкина от возможного покушения. Анна Сердюкова была привлечена к данному процессу за недоносительство и приговорена к двум годам тюрьмы.

Таким образом, в отличие от первого цареубийства, где к смертной казни были приговорены С.Л. Перовская и Г.М. Гельфман, участникам не были вынесены смертные приговоры, но и доля участия у них была меньше.

Литература

1. Деятели революционного движения в России: Био-библиогр. словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. Т. 3. М., 1927–1934. 690 с.
2. Лукашевич И.Д. 1 марта 1887 г. Воспоминания И.Д. Лукашевича. Петербург. 1920. 50 с.
3. Показания крестьянки М.А. Ананьиной по делу 1 марта 1887 года. Факсимile – 25349744 // Государственный исторический музей. URL: <https://exponat-online.ru/exhibit/14437693/> (дата обращения 25.04.2025)
4. Прибылева-Корба А.П. Народная воля // Из воспоминаний о П.Ф. Якубовиче. М., 1926. С. 135–152.
5. Стенографический отчет заседаний Особого присутствия Правительствующего Сената. 1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др. М.; Л., 1927. 393 с.

Т.Ю. Борисова, К.М. Невзорова
Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ СПб

**«Ответственность всех за каждого»:
студенческий протест и практики солидарности
на Высших женских (Бестужевских) курсах в 1904 г.**

Рубеж XIX и XX вв. в Российской империи был отмечен масштабными студенческими волнениями. Лицом протеста, как правило, представляется одетый в мундир молодой человек, житель крупного университетского города, представитель «учащейся молодежи» – студент. Однако в протестном движении принимали участие не только юноши, но и девушки, а именно – слушательницы Санкт-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов.

Кульминацией студенческого протеста на Бестужевских курсах и уникальным прецедентом в студенческом движении 1899–1904 гг. стало «порицание профессорам». Оно выражалось в публичном осуждении курсистками действий преподавателей Бестужевских курсов, пославших на имя императора верноподданнический адрес в поддержку военных действий Российской империи против Японии. Возмущение слушательниц вызвало то, что в число адресантов, без их собственного ведома, оказались включены и курсистки [5, с. 23].

Коллективные действия, последовавшие за «порицанием профессорам», например, принятие ответственности «всех за каждого» и массовый возврат билетов для входа на курс в знак протеста против исключения товарищей, являлись важной частью формирования механизма студенческой *солидарности*. В деле 1210 из фонда Высших женских курсов ЦГИА СПб отложились более сотни билетов для входа на курсы, подписанных слушательницами и возвращенными в канцелярию в знак выражения протеста против действий администрации [3, л. 234–410]. Хотя многие практики выражения солидарности заимствовались из общей корпоративной культуры студенчества, волнения на курсах имели гендерную специфику. Перед слушательницами, помимо мер в виде исключения и запрета продолжать образование, стояла угроза полного закрытия курсов как частной институции, а помимо этого, риск осуждения студенческим (мужским) сообществом за «соглашательские» меры. Курсистки чувствовали себя

ответственными за учебное заведение, за оппозиционную часть студенчества, и за женщин в России вообще.

Источники

1. ОР РНБ. Ф. 585. Платонов С.Ф. Оп. 1. №273. Материалы о волнениях слушательниц в связи с введением билетной системы для посещения курсов. 8 л.
2. ЦГИА СПб. Ф. 113. Петроградские Высшие женские курсы. Петроград. 1878–1918. Оп. 1. Д. 25. Документы об участии слушательниц Высших женских курсов в политических сходках и деятельности профессорского дисциплинарного суда (циркуляры МВД и попечителя С.-Петербургского учебного округа; протоколы заседаний и списки членов дисциплинарного суда; списки слушательниц, опросные листы; список зарегистрированных студенческих организаций С.-Петербурга на 1901 г.). 345 л.
3. ЦГИА СПб. Ф. 113. Петроградские Высшие женские курсы. Петроград. 1878–1918. Оп. 1. Д. 1210. Дело об участии слушательниц Высших женских курсов в студенческих и уличных беспорядках с приложением списков слушательниц и газетных вырезок. 450 л.
4. *Дьяконова Е.А.* Дневник Елизаветы Дьяконовой: 1886–1902. Литературные этюды. Стихотворения. Статьи. Письма. Изд. 4-е, под ред. и со вступ. статьями А.А. Дьяконова. М.: Изд. В.М. Саблина, 1912.
5. Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918: Сборник статей / под общ. ред. проф. С.Н. Валка [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973.
6. Университет и политика // Изд. «Союза студентов С.-Петерб. ун-та» и «Акад. союза слушательниц С.-Петерб. высших женских курсов». СПб., 1906.
7. *Фроммет Б.Р.* Очерк по истории студенчества в России. СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1912.
8. *Энгель Е.А.* Из истории студенческого движения 1899–1906. СПб.: В.К. Сердаковский, 1906.

Литература

1. *Вахромеева О.Б.* Духовное пространство Университета: Высш. жен. (Бестужев.) курсы, 1878–1918 гг.: исслед. и материалы. СПб.: Диада-СПб, 2003.
2. *Гусятников П.С.* Революционное студенческое движение в России. 1899–1907. М.: Мысль, 1971.

3. *Ищенко О.В.* Причины волнений студенческой молодежи России в конце XIX – начале XX вв. в оценке власти и профессорского сообщества // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 3–1 (54). С. 18–28.
4. *Корнев А.А.* Студенческое движение 1899–1902 гг. в Петербурге в оценке высшей бюрократии // Гуманитарный акцент. 2020. № 4. С. 51–56.
5. Марков А.Р. Что значит быть студентом: работы 1995–2002 гг. М.: Новое лит. обозрение, 2005.
6. *Юркина Н.Н.* Особенности студенческих волнений и беспорядков в России в конце XIX – начале XX веков // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2022. № 1 (74). С. 33–41.
7. *Kassow S.D.* Students, Professors, and the State in Tsarist Russia. Berkeley. Los Angeles; L., 1989.
8. *Morrissey S.K.* Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism. Oxford: Oxford University Press, 1998.

Н.С. Ватник
*Коломна, Государственный
социально-гуманитарный университет*

**«Бунтующие гимназистки»: феномен
протестных настроений в женских учебных заведениях
Центральной России в 1905–1907 гг.**

Бурные политические процессы в императорской России эпохи Первой российской революции вовлекли в общественную жизнь миллионы ранее социально индифферентных людей всех состояний и возрастов. Под влиянием внутри- и внешкольных факторов учащаяся молодежь средних школ, по примеру студенчества и в силу возрастных психологических особенностей, живо откликнулась на происходившие в стране события. Это обусловило ее участие и в отстаивании корпоративных интересов, и в борьбе за политические свободы и демократизацию государственной власти. Волнения в учебных заведениях (активные молодые люди 14–19 лет) приобрели массовость и определялись современниками как «среднешкольное движение» и «школьная смута» [4; 5]. Такого рода эксцессы были характерны, главным образом, для мужских учебных заведений – промышленных и

коммерческих училищ, духовных и учительских семинарий, гимназий и реальных училищ. Однако в женских гимназиях также отмечались соответствующие брожения и действия, которые в 1905–1907 гг. впервые получили вид открытого протesta – коллективного и индивидуального.

Указанные процессы рассматриваются на материалах 11 центрально-российских губерний, входивших в Московский учебный округ – на 1905 г. здесь располагались 114 женских средних школ (это наивысшая концентрация гимназий и прогимназий в империи – 23,3%), где обучались почти 33 тыс. учениц [10, с. 173–196, 674–681].

События «Кровавого воскресенья» спровоцировали в январе–марте 1905 г. не только забастовки рабочих, прекращение занятий студентами и протесты интеллигенции, но и открытое недовольство учащихся действиями властей и школьным учебно-воспитательным режимом. По нашим подсчетам, на территории учебного округа беспорядки (волнения, сходки, забастовки, демонстрации) охватили 21% мужских гимназий, 40% реальных училищ, 30% учительских семинарий, 70% технических и 100% земледельческих училищ [2, с. 88–92]; не упомянуты женские гимназии, где протестные акции не зафиксированы. Однако педагогами отмечался интерес учениц к «вопросам текущей жизни», который проявлялся в обсуждении слухов о беспорядках в школах, в чтении газет, политической и экономической литературы в гимназических кружках самообразования, ставших распространенными (и модными) в 1905 г. Об одном из них, в Москве, упоминает в мемуарах писательница Л. Брик: «Мы собирались дома и в гимназии, требовали автономии Польши, выносили резолюции и организовали кружок для изучения политической экономии. Руководителем кружка выбрали Осю Брика, брата нашей гимназистки. Он учился в восьмом классе 3-й гимназии, и его только что исключили за революционную пропаганду» [6, с. 12–13]. Деятельность подобных кружков редко была продолжительной. Но некоторые, особенно в крупных городах, став партийно-политическими, в 1906–1908 гг. вошли в нелегальные ученические союзы, где в руководящем ядре присутствовали активные участницы кружков. Так произошло в Москве с А. Выдриной (гимназия О.Ф. Протопоповой), Н. Львовой (Елизаветинская гимназия), А. Яковлевой (гимназия В.В. Потоцкой) [3, с. 67–84].

Ситуация в средних школах резко обострилась с нарастанием революционного движения в сентябре – декабре 1905 г. Наряду с воспитанниками мужских учебных заведений, ученицы гимназий, расположенных в губернских и некоторых уездных городах (например, Карабаева, Киржача, Коломны, Мурома, Рыбинска, Торжка и др.), устраивали сходки, где вырабатывались петиции для предъявления начальству. Приведем типичные требования: свободное чтение книг, свобода кружков самообразования, уменьшение платы за обучение, необязательное изучение Закона Божия в 8 классе, свободное посещение митингов, свобода совести (Костромская женская гимназия); отпуск каждое воскресенье и праздничные дни в казенной форме, отпуск к родным и знакомым во время масленицы на три дня, выписывание газеты (Орловский Александринский институт благородных девиц) [9, с. 28; 7, с. 207–208]. Но зачастую отрицание школьного режима носило стихийный и даже эпатажный характер. Так, Л. Брик вспоминает, что для нее «1905 год начинался… с того, что я произвела переворот в своей гимназии в четвертом классе. Нас заставляли закладывать косы вокруг головы, косы у меня были тяжелые, и каждый день голова болела. В это утро я уговорила девочек прийти с распущенными волосами, и в таком виде мы вышли в залу на молитву. Это было речебское начало, после которого революция вошла в сознание. Класс разделился на равнодушных и сознательных. Мы собирали деньги, удирали на митинги» [1]. Известны факты самовольного открытия женских школ для академических и политических митингов. Так произошло в Коломне, где 8-10 декабря в гимназии состоялись общеученические сходки под лозунгами «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика» [8, с. 458–459]. В 1906–1907 гг. волнения гимназисток были единичны.

Таким образом, во-первых, в период наибольшего подъема протестные акции в женских гимназиях охватывали не более 25% учебных заведений, уступая по распространенности движению в мужских школах. Во-вторых, выступления носили, в основном, академический характер. В-третьих, ученицы продемонстрировали импульсивность и неспособность к длительной борьбе, склонность к внешним эффектам и отказу от активных действий при неудачах.

Источники и литература

1. *Брик Л.Ю.* Пристрастные рассказы. Н. Новгород: Деком, 2011.
2. *Ватник Н.С.* Протестные акции учащихся средних школ в 1905 г. // Революция 1905–1907 гг.: взгляд через столетие: мат-лы Всероссийской научной конференции (19–20 сентября 2005 г.). М., 2005.
3. *Выдрина-Рубинская А.И.* Воспоминания о революционном движении и социал-демократической организации учащихся г. Москвы в 1905–1908 гг. // Комсомольская летопись. 1927. № 5-6.
4. *Динзе В.* Очерки по истории среднешкольного движения. СПб.: О. Богданова, 1909.
5. *Знаменский С.* Средняя школа за последние годы. Ученические волнения 1905–1906 гг. и их значение. СПб.: тип. Б.М. Вольфа, 1909.
6. *Катанян В.В.* Лия Брик. Жизнь. М.: Захаров, 2022.
7. *Кондакова Л.М.* Протестное движение учащихся Орловской губернии до и после Манифеста 17 октября 1905 года // Проблемы современного конституционализма. Сб. статей и докладов всероссийской научно-практической конференции (20.04.2016 г.). Орел, 2016.
8. Подмосковье из века в век. Сб. исторических очерков. М.: Московия, 2006.
9. *Протопопов А.И.* Петиции учащейся молодежи средних учебных заведений Верхнего Поволжья в период революционного движения 1905 года // Ярославский педагогический вестник. 1999. № 1(19).
10. Учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения: Справочная книга, сост. по офиц. сведениям к 1 января 1905 г. СПб.: Деп-т общих дел Мин-ва народного просвещения, 1907.

Н.И. Горская
Смоленск, Смоленский государственный университет

Женский взгляд на цареубийство: по страницам Воспоминаний В. Н. Фигнер

«Женский вопрос» второй половины XIX в. обогатил нарратив общественно-политического движения, а женщины стали его активными участниками. Это было время борьбы за гендерное равенство [5, с. 52]. Речь шла о социальных и профессиональных правах женщин, специфике их участия в тех или иных сферах общественной и личной жизни, их отношениях с мужчинами [1, 2,

4, 6]. Драматическим явлением политической жизни страны было народническое движение. В рамках этого движения женщины обрели политическое равенство с мужчинами – борясь против существующего строя и переносить все тяготы этого противостояния. Поднявшись до уровня акторов истории, они осознавали свою миссию, о чём свидетельствуют Воспоминания В.Н. Фигнер, которые отражают женскую рефлексию на народническое движение и на убийство Александра II 1 марта 1881 г. События 1 марта для Фигнер – не отдельное событие, а закономерный результат борьбы.

В.Н Фигнер была единственным человеком из руководителей народничества, оставшихся в живых, которая прошла весь путь от «хождения в народ» до разгрома «Народной воли»: другим героям «недостает того или иного звена или некоторых годов которого-нибудь из них» [7, с. 4]. Выйдя на свободу после 22 лет заключения в Шлиссельбургской крепости, она пережила потрясение, которое «охватывало и физическую, и духовную сторону организма» [7, с. 4], тем не менее, нашла в себе силы проанализировать этапы народнического движения и события 1 марта. В этом творческом подвиге отразилась личность, судьба которой многое объясняет в событиях 1 марта.

Н.К. Михайловский называл ее «необыкновенной женщиной», о которой вспоминал с «благоговением». Патриарх русского политического движения отмечал, что Фигнер поражала «своей цельностью, сквозившем в каждом ее слове, в каждом ее жесте: для нее было колебаний и сомнений» [3, с. 12–13].

В натуре В. Фигнер, как и С. Перовской, была и «женская мягкость, и мужская страсть» [3, с. 343]. Эта характеристика во многом объясняет их участие в движении. Не случайно, раздумывая над своей судьбой, Вера Николаевна отмечала влияние мужского и женского начала на формирование своего характера: «отец и мать были люди очень энергичные, деятельные и работоспособные; крепкие физически, они отличались и волевым темпераментом» [7, с. 11–12].

Хорошо известно, что революционные народники 1 марта 1881 г. остались в одиночестве – народ и общество восприняли убийство Александра II как «злодейский» акт. Для народников это

была проверка их теоретических убеждений, тяжелого революционного опыта и точка высокого нравственного напряжения. Взгляды и убеждения Фигнер сформировались и под влиянием социальных обстоятельств, и под влиянием нравственных убеждений: «хочется, чтобы окружающее было в гармонии с тобой... было здорово, весело, красиво и сильно... А кругом была... грязь и бедность, была болезнь и невежество» [7, с. 87].

Отношение к Александру II было двойственное. Фигнер относилась к тем, кто разделял понятия личность царя и царизм. Главная задача – подорвать в народе идею монархии, добиться демократизации жизни. С другой стороны, с именем Александра II народники, не без основания, связывали тяжелые гонения на революционеров. Вместе с тем, Фигнер испытывали сострадание к Александру II, называя его, то государем, то царем. Александр, оказавшийся на троне, должен был нести личную ответственность за положение в стране и методы борьбы против революционеров. Но не месть и не отношение к личности императора руководило народниками в день убийства.

В.Н. Фигнер пережила глубокое эмоциональное потрясение и испытала надежду на обновление России: «В этот торжественный момент все наши помыслы заключались в надежде на лучшее будущее родины» [7, с. 329]. Партия ждала «уступок, послаблений, прекращения реакции» [7, с. 354].

1 марта Фигнер дежурила на Невском и не принимала участия в убийстве царя. Об убийстве она узнала на улице: «было заметно волнение: говорили о государе, о ранах, о крови, о смерти. Когда я вошла к себе, к друзьям, которые еще ничего не подозревали, то от волнения едва могла выговорить, что царь убит. Я плакала, как и другие: тяжелый кошмар, на наших глазах давивший в течение десяти лет молодую Россию, был прерван, ужасы тюрем и ссылки, насилия и жестокости над сотнями и тысячами наших единомышленников, кровь наших мучеников – все искупила эта минута, эта пролитая царская кровь; тяжелое бремя снималось с наших плеч, реакция должна была кончиться, чтобы уступить место обновлению России» [7, с. 329].

Мысли о разумности, необходимости и целесообразности этого шага не оставляли Фигнер в течении всей жизни. Во время работы над Воспоминаниями она остановилась перед историей

«Народной воли» и «не могла сразу найти язык, которым надо было говорить об этом ярком эпизоде моей жизни» [7, с. 6].

Большое потрясение вызвала реакция народа на казнь народовольцев 3 апреля 1881 г. Для жителей Петербурга это было «народное зрелище», «многие лица были возбужденные, но не было, ни раздумья, ни грусти». У Фигнер «сердце сжалось» от воспоминаний о Перовской и Желябове. Софья Перовская – соратница Фигнер – человек, в котором никогда не потухали «лучи человечности и чувства чести» [7, с. 335, 338]. И Софья, и Вера стремились «чистой жизни, к личной святости». Чувство «влекло» Вера и Софью в «мир обездоленных» – в деревню, где было «темнее», без них; разум привел на путь политической борьбы [7, с. 340].

Образ Софьи ассоциировался со страдалицей за веру, боярыней Морозовой, запечатленной Суриковым. И через много лет после казни он производил «волнующее впечатление». В душе автора Воспоминаний навсегда осталось состояние Софьи перед смертью: сочетание мужества, обреченности и величия: «Как больное, измученное дитя, тихая и безмолвная, она все время полулежала, положив голову на колени матери» [7, с. 336, 339], но на эшафоте, сохранив самообладание, Софья обняла всех, кроме Рысакова, выдавшего товарищей. Как боярыня Морозова спасала веру, так Перовская спасла дело народников: «День спасла она, и заплатила за него жизнью» [7, с. 342].

Первое марта стало трагедией для обеих противоборствующих сторон. Несмотря на перенесенные страдания, Фигнер сохранила способность к анализу. Можно поражаться ее уму и цельности личности. После всего пережитого Вера Николаевна вынесла приговор 1 марта: оно «не привело к практическим результатам в смысле экономического и политического переустройства России», а насилие... никогда не способствует смягчению нравов» [7, с. 354, 355].

Источники и литература

1. Исторический курьер: «Женщины в культуре и обществе». 2019. № 3.
2. *Линдемейер А.* Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих реформ // Великие реформы в России. 1856–1874 / под ред. Захаровой Л.Г., Эклофа Б., Бушнелла Дж. М.: МГУ, 1992. С. 283–300.

3. *Михайловский Н.К.* Воспоминания. Вера Фигнер, В.К. Воспоминания. Берлин: Изд. Гуго Штейница, 1906. 29 с.
4. *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении: От Марии Волконской до Веры Фигнер. М: Мысль, 1988. 269 с.
5. *Пушкирева Н.Л.* Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития // Историческая психология и социальная история. 2010. № 2. С. 51–64.
6. *Ульянова Г.* Купчихи, дворянки, магнатки. Женщины предпринимательницы в России XIX века. М: Новое литературное обозрение, 2021. 289 с.
7. *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. М.: Мысль, 1964. Т. 1. 433 с.

Ю.А. Кривошеева

*Ярославль, Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова*

Заботы и трудности в повседневности ярославских текстильщиц накануне революционных потрясений 1905 г.

Вопрос участия работниц в общественно-политической жизни Ярославского региона до сих пор остается открытым.

В результате изучения хроник рабочего движения, мемуаров текстильщиков, делопроизводства суда и полиции удалось определить, что до 1905 г. текстильщицы не составляли авангарда стачечного движения губернии, но скорее безмолвно наблюдали за происходившими событиями. Однако неверно утверждать, что работнице были полностью чужды революционные настроения. Среди текстильщиц встречались и активистки – агитаторши, распространительницы прокламаций, листовок и брошюр, участницы стачек и помощницы революционеров [10, с. 105].

В настоящее время, из почти трех десятков известных выступлений текстильщиков до 1905 г., точно известно о четырех забастовках с участием женщин. Одна из них произошла на Ярославской Большой мануфактуре (ЯБМ) 1–2 августа 1890 г. В документах губернского жандармского управления (ЯГЖУ) причиной обозначено «наложение непосильных штрафов» и «беспричинные увольнения» [6, л. 9 об.]. Стачка началась, когда «толпа женщин до 600 человек и... небольшое между ними число мужчин» собрались во дворе фабрики с требованиями улучшить условия

труда [5, л. 2–2 об.]. По данным окружного суда, помимо мужчин, мешавших коллегам продолжать работу во время беспорядков, фабрику пытались остановить сами текстильщицы, срывавшие ремни с машин в цехах и пытавшиеся прогнать других женщин с рабочих мест. Однако упоминания об активистках единичны [2, л. 23–24].

Масштабным событием, получившим широкую известность за пределами региона, стала стачка на ЯБМ 26 апреля – 5 мая 1895 г. Причина – понижение расценок у прядильщиков после Пасхи.

Опуская известные подробности, отметим, что в источниках также проявился «женский характер» стачки. По воспоминаниям Д. Макарова, от несправедливых штрафов и снижения расценок и выработки наиболее страдали именно «женские отделения» ЯБМ, где были заняты банкоброшницы и ватерщицы, начавшие забастовку. Поскольку большинство женщин состояло в родственных связях с прядильщиками, то «на забастовку моментально увлекли и прядильный цех» [9, л. 1]. По материалам ЯГЖУ, значительная часть женщин не желала принимать участия в беспорядках и продолжала свои «ткацкие работы», забастовщики пытались выгнать их из фабрики силой [7, л. 12–12 об.].

В результате стачки одна из крупнейших фабрик страны была остановлена, на ее территорию введено более десятка солдатских рот, в столкновении с которыми 14 рабочих получили ранения, а один был убит, несколько сотен человек лишились работы, 33 рабочих осуждены, 8 – приговорены к лишению прав и отдаче в исправительные арестантские роты. Прежние расценки восстановлены [12, с. 62].

Интересные детали стачки найдены в мужских мемуарах. Так, во время забастовки женщины и мальчики выкапывали из мостовой камни и кидались ими, а в ответ на увещевания приехавшего губернатора, что рабочие ЯБМ живут лучше прочих и что «для них строят жилье и сады», Д. Денежкина подняла передник и показала губернатору «сад» [8, л. 29].

24–25 апреля 1897 г. на Норской мануфактуре также произошла стачка с участием женщин. Работу прекратили ватерщики фабрики (5% всех рабочих), требуя повышения заработка, однако, несмотря на согласие руководства повысить оплату труда на 5%, возобновлять работу отказались именно женщины. Надбавка

была отменена, текстильщицы вернулись к станкам под угрозой увольнения. Зачинщицы К.М. Карпова, Ю.Е. Колгина, Е.И. Пятунину уволены [11, с. 22]. Исключительно женская стачка прошла 19-20 октября 1899 г. на Ростовской мануфактуре и охватила 93 текстильщицы (8% рабочих). Причина – снижение расценок в прядильном отделении на 7%. Текстильщицы бастовали несколько дней, но после обещания прибавки вернулись к работе. Единственным «пострадавшим» оказался уволенный подстрекатель М.В. Плотинский [11, с. 26].

Между активистами и другими рабочими могла возникать неприязнь. Работницы ЯБМ Копосова и Костерина, с ранних лет вовлеченные в общественно-политическую работу, вспоминали, что их, как родственниц «политиканов», так опасались некоторые коллеги по цеху, что предпочитали не здороваться, отворачивались при встрече, обходили дом семьи стороной. После ареста отца и мужа Копосова испытывала «психологическое давление» со стороны жандармов, часто вызывавших ее на допросы и требовавших раскрытия «бунтовщиков», убеждая женщину, что муж не любит ни ее, ни детей. Сторожа и полиция наблюдали за девушкой, не давая ей сидеть вечером на лавочке с другими рабочими и заниматься домом («Рано к тесту встанешь – почему рано встала?») [8, л. 49, 57–57 об.]. Во время стачки текстильщиков фабрики Иродовых и Моругина 1888 г. некая Самаренкова (возможно, Самаринова) была избита тремя женщинами за то, что во время стачки носила мужу еду [4, л. 12].

Женщинам из семей революционеров приходилось переносить трудности нелегальной работы родственников. Одной из них – было выселение из рабочих казарм за «активность» мужа. По бюджету семьи также ударяла необходимость вносить залог за арестованного супруга. К примеру, М. Калинина «выкупала» мужа-участника стачки на ЯБМ 1890 г. за 30 рублей серебром [1, л. 67].

Текстильщицы, не принимавшие участие в стачках, сами могли стать жертвами беспорядков. Свидетель стачки на ЯБМ 1895 г., В.А. Шипов утверждал, что после залпа войск была убита женщина с ребенком, стоявшая у окна в рабочих каморках [9, л. 4]. В деле прокурора окружного суда отмечено, что женщина была ранена [3, л. 8 об.].

Таким образом, прямое и непрямое участие текстильщиц в общественно-политической жизни региона в преддверии 1905 г. нарушало мирное течение жизни, подчас экстремализируя женскую повседневность.

Источники и литература

1. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 4026.
2. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 4027.
3. ГАЯО. Ф. 347. Оп. 1. Д. 324.
4. ГАЯО. Ф. 347. Оп. 2. Д. 742.
5. ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 115.
6. ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 136.
7. ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 184А.
8. ГАЯО. Ф. Р-849. Оп. 1. Д. 9.
9. ГАЯО. Ф. Р-849. Оп. 1. Д. 41.
10. Кривошеева Ю.А. Вызовы позднеимперского времени и общественно-политическая жизнь ярославских текстильщиц на рубеже XIX–XX вв. // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность. Т. 1. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2021. С. 101–105.
11. Мейерович М.Г. Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 – феврале 1917 г. Хроника. Ярославль: Ярославский государственный университет, 1995. 120 с.
12. Рабочее движение в России, 1895 – февраль 1917 г.: Хроника. Вып. 1: 1895. М.: Б. и., 1992. 175 с.

*К.А. Борунова, Л.Н. Соза
Коломна, Государственный
социально-гуманитарный университет*

Социальная поддержка среднего женского и начального образования в Коломенском уезде накануне и в годы Первой Мировой войны

В конце XIX – начале XX в. в России наблюдался рост числа благотворительных общественных организаций, функционировавших в столичных и губернских городах. События Первой российской ре-

волюции стимулировали массовый интерес к политической и общественной жизни, и, как следствие, накануне и, особенно, в годы Первой мировой войны филантропические настроения значительно усилились. Необходимость вспомоществования, в т.ч. в сфере образования, ставившего своей целью материальную поддержку учащихся и учителей, проявлялась как в частных, так и в общественных инициативах. О реализации такого рода намерений неоднократно сообщала периодическая печать. В частности, газета «Женский вестник» опубликовала в 1914 г. статью о волеизъявлении Елизаветы Ильиничны Чепелевской оказать материальную помощь воспитанницам Московской женской учительской семинарии. Источником пособий стал доход от шестиэтажного дома с примыкающим к нему земельным участком, составлявший в год 25 тыс. руб. [2, с. 32]. Пособия выдавались также и выпускницам семинарии, а затем и другим учительницам. Укажем, что Е.И. Чепелевская фактически продолжила действия сестры – Прасковьи Ильиничны Чепелевской (учредительницы названной семинарии) ранее, в 1870-е годы, инициировавшей создание Общества попечения о нуждах учениц своего учебного заведения.

Обратим внимание, что 2 августа 1914 г., т.е. спустя всего две недели после вступления России в войну, газета «Русское слово» проинформировала читателей о приеме в женскую гимназию С.Г. Соловьевой на льготных условиях или бесплатно детей военных, призванных на фронт [3]. Тем самым, многие дети из семей, оказавшихся в затруднительном финансовом положении, получали возможность учиться.

По примеру губернских или крупных городов подобная инициатива получила распространение и в уездных центрах. В Московской губернии, в частности в Коломне, в начале XX в. действовали «Общество вспомоществования недостаточным ученикам и ученицам Коломенских мужской и женской гимназий», «Общество вспомоществования нуждающимся ученицам Коломенской женской гимназии» и «Общество взаимопомощи учащих и учивших в начальных училищах Коломенского уезда и г. Коломны».

Вышеназванное «Общество вспомоществования недостаточным ученикам и ученицам Коломенских мужской и женской гимназий», было образовано в 1881 г.; входить в него могли все жела-

ющие, независимо от состояния. Учредителями общества, почетными и действительными членами, являлись представители городского самоуправления, преподаватели уездных и городских школ, врачи, владельцы небольших торговых заведений. Общество ставило задачей «доставление материальных средств недостаточным ученикам и ученицам», оплачивая ежегодно обучение, выдавая бесплатно учебные пособия, обеспечивая одеждой, пищей и квартирами [1, д. 331, л. 7]. Общество, при наличии средств, оказывало вспомоществование и тем недостаточным ученикам и ученицам, которые изъявили желание поступать для продолжения образования в высшие учебные заведения, выдавая им единовременное пособие для первоначального устройства [1, д. 183, л. 13].

В 1912 г. «для правильной целесообразной благотворительной деятельности» постановлением Общего собрания организации это Общество было ликвидировано и образованы два новых общества (мужской и женской гимназий), задачи которых повторяли основные положения устава предшественника. В ходатайстве на имя Московского губернатора о закрытии общества, в качестве основной причины реорганизации указывалось, что в связи с увеличением числа учащихся в гимназиях «осложнились нужды и потребности учащихся» и «одному обществу удовлетворять нужды двух гимназий стало не под силу» [1, д. 332, л. 1–19]. Учредителями нового «Общества вспомоществования нуждающимся ученицам Коломенской женской гимназии» были городской голова П.В. Фомин, губернский секретарь М.А. Смирнов, инженер машиностроительного завода А.М. Мануйлов и др.

Однако общественность города беспокоили возможности обучения детей не только в средних, но и начальных (народных) школах. А здесь проблемой было недостаточное материальное обеспечение народных учителей. Поэтому закономерным стало открытие в 1916 г. «Общества взаимопомощи учащих и учивших в начальных училищах Коломенского уезда и г. Коломны». В прошении на имя губернатора, подписанном учительницами уездных и городских школ, указывалось, что в связи с «военным временем, переживаемым в данную пору нашей Родиной», «жизнь народного учителя стала еще более тяжелой», а «незначительное жалование учителя при дорогоизнне жизни не дает ему возможности без посторонней помощи удовлетворять свои элементарные насущные проблемы».

Далее просительницы подчеркивали, что «присутствие наших коллег в рядах действующих армий обязывает нас здесь в тылу позаботиться и посодействовать облегчению условий жизни их семей. Твердая уверенность в благополучном окончании навязанной России войны и последующее развитие производительных сил страны, заставляет нас позаботиться о духовно-нравственном усовершенствовании, дабы с большей пользой отдать свои силы на служение Родины» [1, д. 527, л. 1–2].

Общество ставило перед собой цель содействовать улучшению материальных и духовных условий жизни своих членов. Согласно Уставу общества, предполагалось следующее: выдавать учителям и их семьям денежные пособия; «содействовать приисканию занятий и определению их на места»; оказывать бесплатную врачебную помощь и доставлять лекарственные средства; оказывать юридическую помощь, заботиться о призрении, воспитании и образовании детей учителей, содействовать определению их в учебные заведения; «заботиться о призрении престарелых и увеченных неспособных к труду членов; содействовать учителям в их научно-педагогической деятельности, организовывать экскурсии, научные командировки, отправлять на выставки и съезды [1, д. 527, л. 3–4]. Помимо сбора и передачи средств в фонды учебных заведений, благотворительные организации устраивали платные любительские публичные чтения, спектакли, концерты и музыкальные вечера.

Следовательно, как в мирное время, так и в условиях войны меры поддержки образования и призрения учащихся и учащих осуществлялись силами «молодого» гражданского общества. Деятельность учрежденных обществ «вспомоществования» не только помогала нуждающимся, но и демонстрировала достойные примеры социальной ответственности, смягчала последствия материальных трудностей для наиболее уязвимых групп населения, особенно усилившихся в годы мировой войны.

Источники и литература

1. ГБУ «ЦГА города Москвы». Ф. 64. Оп. 1.
2. Женский вестник. 1914. № 12.
3. Русское слово. 1914. 2 августа.

Н.Б. Хайлова
Москва, ИРИ РАН

М.М. Ковалевский о женском вопросе в революционной России начала XX в.

Выдающийся обществовед М.М. Ковалевский считал важным критерием прогресса положение женщины в семье и обществе. Изучая этот вопрос в контексте эволюции основных общественных учреждений и институтов, форм общественного сознания и отношений (община, семья, собственность, государство, право, религия, мораль и т.д.), ученый широко применял сравнительно-исторический метод. Особое внимание он уделял переломным эпохам, когда под влиянием экстремальной повседневности ускорялись процессы социальной адаптации, приводившие к качественным переменам в жизни общества. Взгляд «с высоты птичьего полета» на всемирную историю позволил ему не только выявить общие закономерности в развитии народов, но и руководствоваться этим знанием при анализе событий революционной Смуты в России начала XX в. Впечатления очевидца кризиса определили тогда политическую позицию ученого как одного из лидеров прогрессистов, обозначивших центристское течение в отечественном либерализме (между кадетами и октябристами) [17].

По признанию Ковалевского, в период Первой российской революции женский вопрос заявил о себе с исключительной силой, требуя немедленного решения наравне с другими долго сдерживаемыми общественными запросами – на политическое обновление и аграрное переустройство. Заметным явлением стало стремительно развивавшееся женское движение [см., напр.: 13; 16; 18; 19]. Не только социалисты, но и конституционалисты-демократы выступали за равные политические права для обоих полов. В ситуации накала общественных страстей и жесткого партийного противостояния Ковалевский и его единомышленники, признавая безусловную значимость женского вопроса, призывали передовых борцов за права женщин учитывать в своих требованиях исторически сложившиеся особенности России. Ученый обращал внимание на существование здесь двух резко обособленных миров – «общество и крестьянство», первое из которых живет идеалами XIX и

начала XX столетия, второе же «целиком повергнуто в средневековье», где «муж властвует над женою, ища оправдания своей власти в теологическом миросозерцании» [7].

Пытаясь остыть горячие головы, Ковалевский разъяснял, что к тому времени нигде в Западной Европе и Америке идеал женского равноправия не был полностью реализован. В то же время, по его признанию, косвенное воздействие женщин «сильно скандалось в течение веков в одном и том же направлении – смягчения нравов, морализации политики, внесения в нее гуманности и милосердия к слабым». Персонифицируя вехи духовной эволюции представительниц слабого пола, он готов был признать родоначальницами движения за политические права женщин таких современниц Великой французской революции, как Манон Ролан и мадам де Сталь.

Ковалевский не скрывал восхищения успехами выдающихся представительниц «нового типа» женщин (ученых, врачей, литераторов), вышедших на историческую сцену в XIX в. [7]. «Русская женщина опередила и немку, и француженку», – с гордостью приводил он мнение зарубежных коллег о своих соотечественницах [8]. Среди них он выделял знаменитую однофамилицу – Софью Ковалевскую, символ «действенного феминизма» и «зарождающейся будущей России» [5; 6]. Однако, по убеждению ученого, «если для женщины, обладающей знанием, нет серьезных препятствий к политической деятельности, то далеко не является истиной, что всякая женщина как таковая должна быть призвана к избирательным урнам» [7]. Тем более, подчеркивал он, это относилось к России, где приметой времени являлась «общераспространенная малограмотность среди женской половины населения и патриархальная зависимость крестьянских жен и дочерей от главы семейства» [11, с. 34–35].

Ковалевский не раз предупреждал о «невыгодных последствиях» (и даже «несомненной опасности») признания равноправия мужчин и женщин во всей полноте этого принципа: «Такая политика была бы равносильна или наделению мужа двойным голосом при дальнейшем подчинении ему жены, или обращению крестьянской семьи в пандемониум политических страстей, присоединяющихся ко всем тем, которые и без того раздирают ее» [7].

Ученый указывал и на то, что «равные права предполагают равные обязанности». Абсурдность меры, горячо отстаиваемой

народными избранниками в I Думе, он иллюстрировал на примере воинской повинности («по всей вероятности, никто не собирается распространять ее на женщин и образовывать корпуса амазонок»). «Парламент все может сделать, но он не может обратить мужчину в женщину и женщину в мужчину», – напоминал Ковалевский английский афоризм [12, с. 146–147].

Предвидя возражения («где же логика, где же верность принципу; ведь право голоса есть прирожденное право человека» и т.д.), либерал-центрист обращал внимание на то, что рассуждения оппонентов построены на смешении понятий. Указывая на необходимость различать права публичные и политические, Ковалевский разъяснял, что первые принадлежат всем, ограждая свободу самоопределения человека («нельзя отнять у женщины право на неприкосненность ее жилища только потому, что она – женщина»). Наделение же политическими правами ученый приравнивал к наделению властью, для чего необходим соответствующий уровень «умственного развития». Первым шагом к введению женщин в сферу политической жизни он считал реформу образования – обеспечение всеобщего начального обучения, обязательного и бесплатного [7]. Однако для торжества принципа женского равноправия, подчеркивал Ковалевский в заседании Думы 6 июня 1906 г., предстояло реализовать весьма объемный пакет законопроектов («об отмене сословности в Российской империи, об уравнении в ней в правах национальностей и вероисповеданий и т.д., и т.д.») [12, с. 147]. Ученый-депутат предлагал руководствоваться опытом англичан, «предпочитая строгости принципов постепенность в проведении необходимых реформ» [7].

Ковалевский и его соратники последовательно и неуклонно добивались пошаговой реализации назревших перемен. К числу таких насущных преобразований ученый относил введение в сферу политической жизни «самостоятельной половины женского общества» путем допуска «представительниц местных миров» (деятельниц органов местного самоуправления) к выборам в Государственный совет [11, с. 34–35]. В перегретой общественной атмосфере энергично звучал голос Ковалевского и как искреннего сторонника женского равноправия в сфере высшего образования [8]. Столь же своеевременной мерой он считал признание принципа равенства полов в наследовании имущества [14, с. 398–404].

Ценным источником о состоянии женского вопроса в России начала XX в. являются письма в редакцию газеты Ковалевского «Страна», издаваемой в 1906 г. Эмоционально насыщенные послания выражали чаяния передовой части женского населения [1, 2, 3]. Голоса женщин были важны для Ковалевского и его единомышленников как призыв к гуманизации политики на основе принципов «человеколюбия и справедливости» [4; 9; 10; 15].

Источники и литература

1. Зотова Е. Граждане, отзовитесь! К народным представителям в Думе и ко всем гражданам. (Открытое письмо) // Страна. 1906. 7 июля. № 118.
2. Зотова Е. К русской женщине. (Письмо в редакцию) // Там же. 25 марта. № 30.
3. [З.С.] Права женщины. (Письмо в редакцию) // Там же. 6 апреля. № 39.
4. Карасевич С. К делу Спиридоновой. (Письмо в редакцию) // Страна. 1906. 29 марта. № 33.
5. Ковалевский М.М. Воспоминания друга // Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 386–393.
6. Ковалевский М.М. Действенный феминизм // Там же. С. 393–405.
7. Ковалевский М.М. Женский вопрос // Страна. 1906. № 94. 9 июня.
8. Ковалевский М.М. Можно ли закрыть женщинам доступ в университет? // Русские ведомости. 1908. № 133.
9. [Мать]. Что нам делать? (Письмо в редакцию) // Там же. 25 марта. № 30.
10. О Спиридоновой // Там же. 22 марта. № 27.
11. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2002. 528 с.
12. Партия демократических реформ. Речи членов партии в первой Государственной думе. СПб., 1907. 151 с.
13. Патрикеева О.А. «Женский вопрос» в I Государственной думе // Северо-Западная академия государственной службы: ежегодник. 2002. СПб., 2003. С. 281–291.
14. Права женщин на наследование // Запросы жизни. 1912. 17 февраля. № 7. Стб. 393–404.
15. Против смертной казни // Страна. 1906. 25 февраля. № 6.

16. Пушкирева И.М., Пушкирева Н.Л. Становление женского политического движения в России (1891–1914 гг.) // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 114–128.
17. Хайлова Н.Б. Центризм в российском либерализме начала XX века. М.: ИРИ РАН, 2022. 640 с.
18. Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б. Женское движение в России (вторая половина XIX – начало XX века). Иваново: Изд-во «Иваново», 2003. 255 с.
19. Юкина И.И. От дам-патронесс до женотделовок: история женского движения в России. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 675 с.

Е.В. Миронова

Казань, Институт истории им. Ш. Марджсани АН РТ

1917 год в воспоминаниях казанских дворян: восприятие мужчин и женщин

В статье рассматривается женский взгляд на события 1917 г. в России. Источником исследования послужили воспоминания дворянок, владевших имениями в Казанской губернии и находившихся в губернской столице во время революций 1917 г. [1; 2]. Если до февраля 1917 г. материальное положение дворянок оставалось благополучным, и они могли посвятить себя благотворительности, помочи больным и раненым, либо взяться за управление поместьем, пока главы семейств находились на фронте, то после свержения самодержавной власти ситуация стала меняться. Автор рассматривает несколько типов поведения дворянок в революционный год, для чего обращается к источникам личного происхождения, позволяющим увидеть все проблемы «изнутри». Младшая представительница рода Боратынских – Ольга Ильина – была типичной «светской барышней», рассуждавшей о высоком предназначении дворянства и необходимости сохранения его имущественных позиций, поэтому после февральских событий она не остается сторонним наблюдателем перемен, а пытается стать активным участником общественной жизни. В царившем хаосе, в период всеобщей неразберихи столь же стремительно, как и политическая ситуация в стране, менялись и личные планы дворянки. Более приближенной к проблемам быта была другая представительница семьи Боратынских – родная тетя Ольги Ильиной, Ксения. Благодаря ее воспоминаниям, мы

узнаем о материальных трудностях, с которыми столкнулось даже дворянство в условиях продовольственного кризиса и роста инфляции. Как и племянница, она предпринимала попытки проявить политическую активность, но, в отличие от Ольги, приветствовала смену режима. В заключении автор делает вывод, что дворянки во время революций 1917 г. являлись одним из наименее защищенных слоев населения, но стойко принимали все невзгоды.

Для сравнения были привлечены мужские воспоминания. В частности, 1917 год нашел отражение в мемуарах известного земского деятеля Н.А. Мельникова [4]. С 1916 г. он являлся членом Совета министра внутренних дел и главноуполномоченным по заготовке мяса для нужд армии. Несмотря на переезд в Петербург, Николай Александрович остался гласным губернского собрания и даже принял участие в последнем заседании летом 1917 г. Его воспоминания носят деловой характер, так как посвящены последним месяцам работы органов самоуправления, переменам во власти, положению коллег. При этом автор совершенно не касается вопросов быта, хотя и показывает результаты деятельности земства в области развития инфраструктуры и решении продовольственного вопроса на 1917 г.

Кроме того, были привлечены воспоминания жившего в период революционных потрясений в Петрограде дворянина Г.Н. Лихачева [3], предки которого родились в Казани и ее окрестностях. Наиболее известны его отец Н.П. Лихачев – историк, общественный и политический деятель, и дядя А.Ф. Лихачев – археолог и нумизмат, чьи коллекции служат основой фондов Казанского городского музея, созданного в 1895 г. На момент описываемых событий автор мемуаров еще только вступает в совершеннолетний возраст, он учится в гимназии, после учебы работает на бельевом складе в Зимнем дворце. Весной 1917 г. Лихачевы уезжают в деревню во Владимирской губернии, где «довольно спокойно провели лето», а осенью возвращаются в Петроград. Но, не задержавшись в столице, семья переезжает в Москву к бабушке. Воспоминания интересны восприятием революции еще совсем молодым дворянином, в силу юного возраста не принимающим участие в событиях, а лишь показывающим взгляд со стороны, акцентирующим внимание на некоторых аспектах повседневной

жизни. По восприятию исторических событий они схожи с «женскими мемуарами».

Исследование выполнено за счет предоставленного в 2024 г. Академией наук Республики Татарстан гранта на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан.

Источники и литература

1. *Боратынская К.Н.* Мои воспоминания. М.: Зебра Е: Альта-Принт, 2007. 538 с.
2. *Ильина О.А.* Канун Восьмого дня. Казань: Заман, 2003. 400 с.
3. *Лихачев Г.Н.* Петрозаводская: Воспоминания / издание подгот. П.Г. Гайдуков, Т.В. Костина и А.В. Сиренов; отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.: ИА РАН; Издательство «Кучково поле», 2024. 296 с.
4. *Мельников Н.А.* 19 лет на земской службе (1898–1916): (автобиографический очерк и воспоминания). Йошкар-Ола: [МарНИИЯЛИ], 2008. 342 с.

Н.В. Стрекалова, П.С. Рахманов

*Тамбов, Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина*

Женщины имущих слоев населения провинциального города в период революции 1917 г. и Гражданской войны в России (на материалах Тамбовской губернии)

Революции меняют коренным образом не только политические и экономические составляющие государства, социальную структуру, но и нормы, идеино-нравственные ориентиры того или иного общества, самоидентификацию конкретного человека в системе новых социально-правовых и ценностных координат. Революционные изменения происходят с разной степенью интенсивности в столице и провинции. События революции 1917 г. и Гражданской войны по-разному воспринимались сторонниками различных политических взглядов, социальных и половозрастных групп российского общества.

В контексте революционных преобразований чаще рассматриваются новые возможности, которые привнесла революция в решение «женского вопроса», биографии женщин, достигших успеха и карьерных высот именно благодаря революции. Проблемы же социальных траекторий и особенностей адаптации к новым политико-правовым и социально-экономическим реалиям женщин – представительниц бывших имущих слоев провинциального российского города реже становились предметом специальных исследований.

Проследить революционные трансформации через призму биографии женщин позволяет информация ряда источников, содержащих персонализированные сведения за ряд изучаемых лет, включая их дореволюционное положение, а также опубликованные воспоминания [4; 5; 8; 11–13].

По-разному сложились судьбы женщин из числа элиты и средних слоев городов Тамбовской губернии: некоторые из них оказалась в эмиграции, часть вынуждена была переехать в другие населенные пункты страны, большинство же остались на территории губернии.

Отдельные дискриминационные меры и ограничения по отношению к так называемым «бывшим», в том числе женщинам, начали применяться уже Временным правительством [14]. Так, в марте 1917 г. городское собрание Козлова – уездного города Тамбовской губернии вынесло постановление о запрете педагогической деятельности Э.Ф. Пацюковой, которую обвинили в том, что она являлась «руководительницей черносотенцев среди женщин» [2, л. 16]. В апреле 1917 г. у А.Н. Нарышкиной – бывшей фрейлины императрицы Марии Федоровны, почетной гражданки Тамбова в пользу городской управы изъяли 33 пуда сахара [10, л. 138–139].

Остро стояли проблемы трудоустройства. Так, в ходе чисток рядов служащих советских учреждений представителей бывших «буржуазных» слоев и «лишенцев» часто увольняли. Например, «как чуждый элемент» из Тамбовского губстрахуправления уволили бывшую дворянку С.А. Маматову, трудившуюся там конторщицей, а из губернского страхового управления – делопроизводителя Л.Д. Вердеренскую (дочь бывшего земского начальника) [3,

л. 125–126 об.]. В своей жалобе в 1919 г. дочь бывшего полицейского М.А. Туголуковская указала, что после включения в списки «буржуазии» отца, ее сняли с учета на бирже труда, возникли проблемы с трудоустройством [7, л. 165–167].

Даже разрыв прежних родственных связей не избавлял женщин от проблем. Например, в июле 1920 г. жительница Моршанска П.Ф. Житкова обратилась в органы местной власти с просьбой об исключении ее из списков «буржуазии», в которые она была внесена из-за бывшего мужа. Несмотря на то, что она к этому времени уже развелась и не поддерживала контактов с ним, в удовлетворении просьбы ей отказали [4, л. 32 об.].

Наличие хорошего образования повышало шансы женщин из числа «бывших» на трудоустройство, хотя должности часто могли быть низкооплачиваемые, «нестатусные». Многие из них оставались безработными, вынужденными жить за счет продажи имущества, жалования других членов семьи, сдавать жилплощадь [8, 11].

Изменение социально-правового статуса, национализация имущества, «уплотнение» стали своеобразной приметой времени, отразившейся в воспоминаниях представительниц бывших имущих слоев городов губерний, в том числе тех, кто был в это время ребенком. Так, Н. Хлебникова, которая была в это время школьницей, вспоминала: «...мы теперь попали в “бывшие” и можно было ожидать чего угодно. Особенно боялась мама, что отберут дом или кого-нибудь подселят...» [15, с. 615].

В числе других вопросов, волновавших представительниц этих слоев провинциального общества, были проблемы продовольствия и образования детей. Например, в Тамбовской губернии в 1918 г. были случаи, когда родители из числа бывших «эксплуататорских слоев» в силу разных причин отказывались отправлять своих детей учиться в советские образовательные учреждения [9, л. 77].

Женщины из числа дореволюционной городской элиты и средних слоев, не принимая «новые порядки», в большинстве своем оставались политически индифферентными, ставя на первый план безопасность и благополучие семьи. Они должны были входить в отношения с новыми властями, обращаясь с разного рода просьбами, «хлопотать» за мужей, отцов, сыновей.

Потеря близких, прежнего статуса, имущества вынуждала женщин направлять жалобы и прошения не только в местные, но и высшие органы власти. Так, в 1919 г. жительница Тамбовской губернии А.Е. Кузнецова направила жалобу в Наркомюст в связи с «несправедливым лишением имущества» – двух квасных лавок. Ее муж был убит в августе 1919 г. Лавки были описаны и переданы в распоряжение местных властей. В наследовании имущества, которое, по ее словам, «наживались годами», ей было отказано на основании декрета об отмене наследования [1, л. 52–52 об.].

Становились женщины и жертвами революционного насилия. Так, А.Н. Нарышкина (урожденная Чичерина) в 1919 г. была расстреляна (по другим данным, умерла от разрыва сердца) в ходе национализации жилищной собственности и выселения. В 1919 г. были отправлены в концлагерь две дочери П.И. Сатина, расстрелянного за укрывательство «сына-белогвардейца». Одну из них задержали в качестве заложницы из-за сбежавшего брата, а вторую – как «нетрудовой» элемент [6, л. 223].

Таким образом, в период революции 1917 г. с одной стороны, расширились права женщин, включая политические, профессиональные и карьерные возможности, наблюдался рост их социальной активности, в том числе в российской провинции. В то же время в ходе и по причине революционных преобразований представительницы элиты и отчасти средних слоев городов, утратив прежний социально-правовой статус, столкнулись с новыми ограничительными и дискриминационными мерами. Именно женщинам зачастую приходилось заниматься повседневными бытовыми проблемами, вызванными ухудшением материального положения, решать различные вопросы, взаимодействуя с новой властью.

Источники и литература

1. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 121.
2. Государственный архив социально-политической истории (далее ГАСПИТО). Ф. П-382. Оп. 1. Д. 82.
3. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 1932.
4. ГАСПИТО. Ф. П-997. Оп. 1. Д. 289.

5. Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). Оп. 53. Д. 1–4.
6. ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 115.
7. ГАТО. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 283.
8. ГАТО. Ф. Р-398. Оп. 1. 386
9. ГАТО. Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 27.
10. ГАТО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 1.
11. ГАТО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 120.
12. Гражданская война в Тамбовской губернии в воспоминаниях ее свидетелей и участников: сборник документов и материалов. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2020. 608 с.
13. Жизнь тамбовской провинции в эпоху революции (февраль 1917 – февраль 1918 г.): сборник документов и материалов / сост. М.В. Коршунова и др. Тамбов, 2018. 520 с.
14. Стрекалова Н.В. Влияние революционных событий 1917 г. на изменения социальной стратификации и социальной мобильности средних слоев провинциального российского города (на материалах Тамбова) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: история. 2011. Вып. 1. № 6. С. 141–148.
15. Хлебникова Н. Сестра. Друзей моих прекрасные черты // Тамбов из века в век: краткое описание реальных фактов и событий, исторических личностей; Воспоминания о Тамбове: фрагменты описаний тамбовской жизни из газет и личных впечатлений современников. Тамбов: Принт-Сервис, 2019.

О.А. Сухова

Пенза, Пензенский государственный университет

Травма революции и секуляярные практики: женщины как акторы сохранения православной идентичности в советскую эпоху (по материалам Пензенской губернии/ области)

«Женская» история, рожденная непосредственно в лоне эмансипации [6], составляла весьма заметный, хотя и дискуссионный спектр публичной сферы и научного анализа в России в пореформенный и в постреволюционный период [7]. В западной историографии первым наиболее масштабным исследованием женского движения в России, выполненным в русле антропологического подхода, следует назвать монографию Р. Стайтса [14].

Вместе с тем, анализ исследовательской практики последних десятилетий позволяет констатировать существенный рост интереса к разработке концептуального видения и теоретической оснастки истории «женского вопроса» в революционном XX столетии. Предметное поле современной науки формируют такие аспекты, как: факторы «перехода к нетрадиционному поведению» [10, с. 10]; проблема жесткой гендерной асимметрии; анализ социального ресурса советского гендерного контракта [8, с. 41, 49]; гендерная специфика в контексте различных стратегий развития: эволюции, революции, травмы [12, 13] и т.д.

Происходит деструкция мифа о иррациональном «бабьем бунте», объясняемом исключительно в категориях «психической патологии». Так, О.М. Морозова и Т.И. Трошина в антитезу «увлеченности смутой» «толп русских женщин» анализируют объективные причины ухода женщин в революцию. При этом степень экстремальности поведения самой консервативной части общества оценивается как естественная и соразмерная остройшим вызовам эпохи: мировой войне и индустриализации [10, с. 8–10].

Другим фактором стремительного роста гендерной и социальной активности, готовности к адаптациям любого рода исследователи называют смену поколений [11, с. 78, 85]. Вместе с тем, переживание предельных состояний, готовность к насилиственным практикам составляла скорее исключение из правила, но тем остree это ощущается в восприятии современников: «В наше “захолустье”, в наш скромный Мокшан была прислана 18-летняя девушка Пелагея Замогильная (Полина Георгиевна Замогильная)» «... и стала осуществлять красный террор в Мокшане, то есть арестовывать и расстреливать намеченных» [5, с. 151].

Как известно, рубеж XIX – начала XX в. в российской истории стали периодом обустройства женского сегмента публичной сферы. В российской провинции это проявилось, прежде всего, в масштабировании традиционных практик духовно-нравственного служения и милосердия как реакций на переживание травмы войны (Русско-турецкой 1877–1878 гг., Русско-японской 1904–1905 гг.), а также в росте возможностей для профессиональной самореализации и социальной активности. Первый глобальный конфликт индустриальной эпохи многократно усилил эсхатологическую напряженность в обществе и проявления полярных состояний психики: от

шока до паники и агрессии. В этих условиях женщины выступают одним из медиаторов укрепления религиозного сознания и православной идентичности. Так, в начале января 1916 г. В.А. Мишнин (г. Пенза) запишет в своем дневнике: «Встаю в 10 часов. Иду к Петропавловской. Обедня уже на исходе. Одни солдаты и женщины» [9, с. 109]. Дополнительным травмирующим фактором становится ли-минальный фон, провоцирующий массовые погромные настроения и порождающий нехарактерные формы социального поведения женщин, скажем, участие в грабежах монастырей [3, л. 5–6; 4, л. 2].

В первые постреволюционные десятилетия происходит блокировка преемственности традиций духовно-нравственного служения. Самый разрушительный этап богоборчества и закрытия храмов по времени совпадает с насильственной коллективизацией, что многократно усиливает эффект культурного шока и формирует феномен «женского бунта» [1, л. 3, 10]. Напротив, первые же робкие признаки возрождения православной жизни в регионе в годы Великой Отечественной войны вызвали рост массовых практик религиозной благотворительности. Так, за 1943/44 гг. единственная в г. Пензе Митрофановская община собрала и перечислила на разные патриотические цели в сумме 930 тысяч руб. и натураой (сбор теплых вещей) на сумму 52 тыс. руб. [2, л. 7]. При этом следует учитывать гендерные аспекты участия прихожан в сборе пожертвований. Так, М.А. Лебедев, известный пензенский педагог и краевед, решившийся принять сан священника в 1946 г., таким образом обозначил круг «свободных» в своем волеизъявлении людей: «Ограниченнное число людей, которые не стесняются открыто исповедовать веру в Бога, любят церковь, посещают церковные службы, исполняют трябы, относятся к священнику с уважением. Но кто эти люди? Это домашние хозяйки, пенсионеры, инвалиды, сторожа и уборщицы в учреждениях, – те, которые не связаны большим служебным положением» [5, с. 9].

Таким образом, «женская» коллективная реакция на травмирующее воздействие войн и революций проявляется в воспроизведстве прошлого опыта, ориентированного на жертвенность и духовно-нравственное служение, что обеспечивало сохранение исторической памяти и традиционной идентичности.

Исследование выполнено в соответствии с госзаданием ФГБОУ ВО ПГУ: «Практики духовно-нравственного служения в российской ис-

тории второй половины XIX – начала XXI вв.: на примере деятельности М.М. Киселевой и Пензенского отделения Императорского Православного Палестинского Общества» в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2024 г.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. р-424. Оп. 1. Д. 541 в.
2. ГАПО. Ф. р-2391. Оп. 1. Д. 3.
3. ГАПО. Ф. р-2840. Оп. 1. Д. 188.
4. ГАПО. Ф. р-2840. Оп. 1. Д. 334.
5. *Лебедев М.А.*, протоиерей. Очерки истории Пензенского края / ред.-составитель А.И. Дворжанский. Пенза, 2008. 364 с.
6. *Лесков Н.С.* Русские женщины и эмансипация // Русская речь. 1861. № 44. С. 89–106; № 8. С. 335–350.
7. *Летова К.К., Куренкова Е.А.* «Женский вопрос» и женское движение в России в дореволюционной отечественной историографии // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки 2024 № 1. С. 133–140.
8. *Милованова М.Ю.* Женщины как социальный ресурс общественного договора в период Великой российской революции: историко-социологический анализ // Гуманиарий Юга России. 2024. Т. 13. № 3 (67). С. 35–55.
9. *Мишин В.А.* «Такое ведь счастье остаться в этой гигантской войне живым». Дневник солдата, 1 октября 1915 г. – 29 января 1918 г. Из личного архива Б. В. Мишина. Публикация Е.В. Мануйловой и В.И. Мануйлова // Земство. Архив провинциальной истории России. 1995. № 2. С. 84–158.
10. *Морозова О.М., Трошина Т.И.* Женский взгляд на мужскую работу. Революция и гражданская война глазами и в судьбах женщин // Новейшая история России. 2016. № 2. С. 8–30.
11. *Сафонов Д.А.* Женщины в революции и гражданской войне: их восприятие эпохи // История: факты и символы. 2024. № 4 (41). С. 74–89.
12. *Тощенко Ж.Т.* Общество травмы: между эволюцией и революцией: (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Изд-во «Весь Мир», 2020. 352 с.

13. Шнирельман В.А. Травматическая память: подходы к изучению и интерпретации // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 6–29.
14. Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism. 1860–1930. Princeton University Press; N. J., 1978. 512 p.

T.B. Левицкая

Москва, Издательский дом МГУ

Первый Владивостокский мятеж: статьи Н.А. Лухмановой

Писательница Н.А. Лухманова (1841–1907) приняла участие в русско-японской войне в качестве сестры милосердия и военного корреспондента. Она опубликовала большое количество работ («Петербургская газета», «Южный край»), посвященных деятельности Красного Креста, анализировала настроения в рядах офицеров и солдат [4], делала заметки о быте и нравах коренных жителей Маньчжурии [3] и Японии [5].

В ходе военной кампании тональность ее статей претерпела значительные изменения. В работах 1904 г. преобладал осторожный оптимизм, при общем неприятии войны Лухманова оценивала ее как неизбежную и высокую миссию. Однако в 1905 г. вера в успех сменилась горьким разочарованием. Ярким примером, передающим настроение как самой писательницы, так и русских войск в целом, стала статья с красноречивым названием «Доживание на передовых позициях», в которой Лухманова описала тягостное время вынужденного пребывания в Маньчжурии, назвав его «временем “ненужности”» [6]. Она отметила, что солдаты, которых ранее называли героями и спасителями Отечества, после поражения остались без внимания и поддержки со стороны властей. В деморализованных войсках царили пьянство, хаос и неразбериха.

Писательнице также довелось стать свидетельницей Первого Владивостокского мятежа. Осенью 1905 г. во Владивостоке сложилась напряженная обстановка: моральное состояние гарнизона ухудшилось из-за невыплаты денежных средств, ветхого обмундирования и некачественного питания, многочисленные конфликты были связаны с требованиями запасных военнослужащих об увольнении в отставку. В результате, 30–31 октября (12–13 ноября) произошел бунт, который привел к погромам, поджогам и насилию

в отношении гражданского населения. Свое видение ситуации Лухмановой удалось обнародовать значительно позднее: серия статей под названием «Первый военный бунт во Владивостоке» [7, 8, 9] была опубликована лишь в августе 1906 г. Точка зрения писательницы во многом перекликается с мнениями, высказанными в региональной прессе того времени (газеты «Дальний Восток», «Владивосток», «Владивостокский листок»), где произошедшее описывалось как мятеж, стихийно возникший как ответ на бездействие властей [1]. Лухманова определяет произошедшее как солдатский бунт: «Я не говорю “военный”, потому что он тогда еще не охватил все части, – но чисто солдатский, так как среди грабивших и убивавших матросов и солдат была только небольшая кучка штатских, очевидно руководителей погрома, и хулиганов, примкнувших уже к грабежу» [7]. Лухманова, будучи сестрой милосердия, оказалась в эпицентре событий. Ее записи более эмоциональны, нежели свидетельства очевидцев-мужчин, таких как А.П. Будберг [2] и Г.Н. Казбек [2, с. 412–420], в которых преобладает анализ, используются цифры и официальные документы. Отличаются ее работы и от писем Элеоноры Лорд Прей [10], которая рассуждает о бунте отстраненно, фиксируя в основном свои мысли и переживания.

Стиль повествования Лухмановой близок художественному, что способствует глубокому раскрытию характеров и точной передаче эмоций участников, делая их понятными и близкими для читателей. Кроме того, художественная обработка обладает психотерапевтическим эффектом: помогает переосмыслить травмирующие события, придав им определенную форму и структуру. Ведущим мотивом статей становится мотив раскола. Для того чтобы подчеркнуть контраст между мирной жизнью и бунтом, Лухманова начинает повествование с детального описания дня, предшествующего мятежу: хотя ритм городской жизни остается неизменным, в нем все отчетливее проступает тень беспокойства. Затем она вновь «проводит» читателя по тем же местам, наглядно показывая, как стремительно мирная жизнь обывателей превращается в кровавую бойню. Раскол в рядах войск передается через описание столкновения солдат. Так, один из бунтовщиков кричит: «Японцы пощадили, так теперь свои братья убивать будут!» [8]. Разрыв произошел и в рядах сестер милосердия: внутреннее состояние и внеш-

ний вид женщин, оказавшихся в гуще событий («грязные, голодные, усталые, с передниками, запачканными кровью» [9]), резко контрастирует с «чистой публикой» госпитального парохода «Монголия», которая, казалось, и не ведала о происходящем (дамы и мужчины непринужденно болтали по-французски и пили чай). Но и на бестревожном пароходе писательница отмечает перемены: например, во взаимоотношениях господ и служ. Так, на просьбу генеральши подать чай горничная с наивной простотой отвечает: «Я бы всей душой... да у нас повар очень сердитый... Говорит, уже всем отпустили чай, а теперь вот подавай снова; набили в каюты всякой генеральской швали – теперь вместо отдыха и возись с ними!» [9]. В финале Лухманова приводит анекдотическую ситуацию, которая демонстрирует недальновидность властей и попытки скрыть конфликт. Когда некоему высокопоставленному чиновнику в подробностях рассказали о бунте, он ответил: – Какой же это солдатский бунт? Во Владивостоке были просто обычные «аграрные» беспорядки [9].

Статьи Н. А. Лухмановой представляют собой ценный источник, позволяющий глубже понять события начала XX в. Они отличаются эмоциональной насыщенностью, детальным описанием событий и представляют интерес не только как документальные свидетельства, но и как художественные произведения, отражающие сложность и противоречивость эпохи.

Литература

1. Агапов В.Л., Бутырин Д.А. Октябрьские события 1905 г. во Владивостоке в освещении местной прессы // Россия и АТР. 2016. № 2 (92). С. 135–150.
2. Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания. Владивосток: Общество изучения Амурского края: Приморское краевое отделение Русского географического общества, 2017. 432 с.
3. Левицкая Т.В., Михайлова М.В. Забытая война: произведения Н.А. Лухмановой о Маньчжурии // Проблемы литературы Дальнего Востока. Избранные материалы IX Международной научной конференции. СПб., 2021. С. 390–397.
4. Левицкая Т.В. Русско-японская война глазами русской писательницы (дневник и публицистика Н.А. Лухмановой) // Вестник РГУ им. С.А. Есенина. Науч. журнал. 2018. № 2. С. 167–173.

5. Левицкая Т.В., Михайлова М.В. Японский менталитет в трактовке русской писательницы (статьи Н. А. Лухмановой о Японии) // Вопросы изучения русского языка, истории и культуры России. 2021. № 31. С. 69–86.
6. Лухманова Н.А. Доживание на передовых позициях // Южный край. 1905. № 8642. 5 дек. С. 2.
7. Лухманова Н.А. Первый военный бунт во Владивостоке // Санкт-Петербургские ведомости. 1906. № 166. С. 2.
8. Лухманова Н.А. Первый военный бунт во Владивостоке // Санкт-Петербургские ведомости. 1906. № 168. С. 2.
9. Лухманова Н.А. Первый военный бунт во Владивостоке (окончание) // Санкт-Петербургские ведомости. 1906. № 172. С. 1.
10. Лорд Прей Э. Письма из Владивостока (1894–1930) / под ред. Б. Ингемансон; пер. с англ. А. А. Сапелкина; Приморский музей им. В.К. Арсеньева. Владивосток: [Альманах «Рубеж»], 2008. 448 с.

И.В. Нарский

Пермь, Пермский национальный
исследовательский университет

Н.В. Нарская

Челябинск, Филиал Военного учебно-научного центра
Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия»

**Женский танец и Холодная война:
миссия мира в деятельности ансамбля танца «Березка»
(конец 1940-х – 1970-е годы)**

В мае 1948 г. бывшая танцовщица Большого театра Н.С. Надеждина возглавила вновь созданный танцевальный ансамбль «Березка». Всесоюзная и всемирная слава пришла к ансамблю быстро. В 1949 г. ансамбль стал лауреатом Второго всемирного фестиваля молодежи и студентов в Будапеште, в 1950-е годы гастрольные турне по Советскому Союзу перемежались с зарубежными гастролями по всему свету, во время которых ансамбль выступил в двадцати странах Европы, Азии, Северной и Южной Америки, Африки. В 1960-х «Березка» с неизменным успехом выступила более чем в сорока странах. Такова же была интенсивность выступлений танцевального коллектива в 1970-х. В 1959 г. Всемирный совет сторонников мира присудил золотую медаль «За мир»

ансамблю «Березка» – первому советскому художественному коллективу, удостоенному этой награды. Ансамбль стал символизировать во всем мире успехи советской культуры, русский национальный характер, просторы русской природы и благородную сдержанность русской красавицы [3, 4, 5].

Текст посвящен следующим вопросам: как деятельность «Березки» была связана с публичной политикой и имиджем СССР? Чем объяснить восторженный прием зарубежной публикой концертов ансамбля? Какое значение ансамбль имел для разоблачения стереотипов, сложившихся в мужской политике эпохи Холодной войны по обе стороны железного занавеса?

Назначение ансамбля «Березка» не ограничивалось хореографическим творчеством. Успешное решение ансамблем творческих танцевальных задач позволило использовать его для решения трех культурно-политических целей. Во-первых, предъявить Западу «правильный» образ СССР. Во-вторых, вызвать восторженное изумление «заграницы» в отношении советских достижений. В-третьих, создать у советских граждан образ «правильного» Запада, покоренного успехами Советского Союза. Эти задачи в отношении «Березки», сформулированные мужчинами у кормила власти, прямо не артикулировались, но легко «вычитывались» из дискурсов о ее миссии, из реакций прессы и зрителей.

Советская пресса охотно рассказывала гражданам СССР о фуроре, который производил за рубежом хореографический ансамбль, довольно быстро ставший одной из визитных карточек русской культуры. Сама Надеждина уделяла большое внимание имиджу своего коллектива и часто давала интервью советской прессе и писала для нее статьи [1, оп. 1, д. 73, л. 2; д. 200, 212, 213]. Публикации в советской печати были отмечены особенностями языка, наполненного пропагандистскими штампами и идеологическими клише. Тем не менее, советские публикации в целом достаточно адекватно воспроизводили мнения иностранных принимающих организаций и зрителей о советском хореографическом ансамбле. Нет сомнений, что зрители за пределами СССР очень тепло принимали «Березку», а зарубежные СМИ в целом верно отражали настроения публики.

Зарубежные газеты и журналы прежде всего отмечали богатство репертуара и мастерство танцевального коллектива. Не

только социалистическая печать, но и периодика капиталистических и развивающихся стран связывала достижения ансамбля с советским политическим строем. Рекламные издания об ансамбле «Березка» охотно использовали такие высказывания: «“С востока на нас повеяло свежим ветром”, – писала швейцарская газета “Ля трибюн де Женев”. – “Мы узнали, что есть страна, где народный танец имеет крылья”. Уругвайская газета “Ля Манья” назвала спектакли “Березки” “экскурсией в мир счастья”» [3, с. 71–72]. Признание роли народных дипломатов за красавицами из «Березки» было характерно не только для нейтральной Швейцарии или стран третьего мира. Заголовок «Танцоры борются за мир» мог появиться и в прессе одного из главных противников СССР в холодной войне – Великобритании [1, оп.1, д. 104, л. 2.]. Пресса подчеркивала тот факт, что советские женщины совершенно не соответствуют стереотипам холодной войны. Перепечатка из голландской газеты 1954 г. в «Известиях» сообщала: «мы увидели большую группу молодых и красивых танцовщиц, которые вовсе не производили такого впечатления, будто никогда не видели часов или автомобиля, или велосипеда» [2, с. 4].

Зарубежная публика, как и советская, не только всеми доступными способами выражала свои симпатии артистам «Березки». Многие зрители пытались установить контакт с руководительницей и коллективом за пределами зрительного зала. Архив «Березки» содержит множество зарубежных посланий в ее адрес – писем, поздравительных открыток, подарочных альбомов со зрительскими отзывами.

Чаще всего в почте «Березки» содержались выражения признательности за удовольствие, полученное на концерте, высокая оценка художественного содержания и профессионального уровня программы и исполнения, признания в любви к искусству хореографии, русскому танцу, его исполнительницам и исполнителям [1, оп 1, д. 13, л. 1–63].

Итак, появление «Березки» на советской и зарубежной сцене оказалось триумфальным. Зенит славы ансамбля пришелся на 1950-е – 1970-е годы. Это было удивительное время, в котором вражда соседствовала с надеждами, борьба систем – с общим военным прошлым, гонка вооружений – со страхом перед новой большой войной. И женский танцевальный ансамбль из СССР в

послевоенной Европе стал феноменом, который появился в нужный момент и в правильном месте. «Березка» и Советский Союз как бы поддерживали друг друга, отбрасывая друг на друга благоприятный отсвет. Зарубежным зрителям казалось, что они видят другой, обнадеживающий СССР, отличный от расхожих (мужских) стереотипов обыденной ксенофобии и официальной пропаганды: СССР высокой культуры и поощрения (женских) талантов, пестующий народную культуру и поборников / поборниц мира.

Источники и литература

1. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2934. Государственный академический хореографический ансамбль «Березка».
2. Вместо рецензии на выступление «Березки» в Голландии // Известия. 1954. 11 апр. С. 4.
3. Чижова А.Э. Государственный хореографический ансамбль «Березка». М., 1972.
4. Нарский И., Нарская Н. «Без березы не мыслю России...» Очерки культурной истории одного национального символа. М.: Новое литературное обозрение, 2025 (в печати).
5. Konings H. Das Tanzensemble Berjoska. URL: <https://www.choretaki.com/blogs/hennie-konings/2014-05-28-das-tanzensemble-berjoska-teil1>; <https://www.choretaki.com/blogs/hennie-konings/2014-05-28-das-tanzensemble-berjoska-teil2-die-zeit-nach-1959>

A.A. Фокин

Москва, Сеченовский университет, РАНХиГС

«Спасите наших детей от их отцов»: письма-жалобы как голос гражданского общества позднего СССР

«Длинные семидесятые» я понимаю как растянутый от 1968 г. (пост-Пражская весна) до 1982 г. цикл – прямую аналогию «длинного XIX века». В российской историографии термин все чаще служит маркером позднесоциалистического режима, начатого косыгинскими реформами и закончившегося ранней перестройкой [8; 9]. Гендерную конфигурацию этого режима Здравомыслова и

Темкина описали как «этатратический гендерный порядок»: государство поддерживает модель «работающей матери», но оставляет мужчине статус кормильца-главы семьи [2].

На макроуровне все выглядит устойчиво: доходы растут, безработицы «нет», после Хельсинки (1975) царит управляемая разрядка. Такая кажущаяся нормальность закрепляется официальной риторикой и порождает эффект, который Алексей Юрчак характеризует как гипернормативность: трещины видны всем, но система воспринимается вечной.

Микроповседневность, напротив, радикализируется. С середины 1970-х ускоряется мужская сверхсмертность; официальная статистика фиксирует пик заболеваемости алкоголизмом к 1980 г. За цифрами – бытовое насилие, потерянные заработки, травмы детей [4; 6]. Лечебно-трудовые профилактории и штрафы лишь частично сдерживают проблему, поэтому женщины – жены, матери, работницы – массово обращаются к власти письмами-жалобами «спасите наших детей от их отцов». Эти письма адресованы одновременно «вверх» (государству) и «вширь» (сообществу подписавшихся), превращая семейную драму в публичное требование.

Так «длинные семидесятые» оборачиваются парадоксом: внешняя стабильность и макроэкономическая инерция соседствуют с экстремальной ежедневностью на гендерном фронте. Эпистолярный массив женских жалоб делает этот кризис измеримым и заставляет увидеть позднесоветское гражданское общество как латентно женское, заботно-повседневное и способное политизировать «домашнюю» проблему.

С середины 1970-х годов в различные органы власти все чаще приходят коллективные обращения «матерей и жен» о мужском пьянстве. Сами руководители партии признают лавину корреспонденций: Е. К. Лигачев вспоминал, что к 1983 г. «поток писем граждан в ЦК... был настоящим стоном матерей, жен, детей» [3]. Женские авторы выводят проблему из семейной сферы, настаивая: пьянство лишает детей обуви, а страну – трудовых рук. Газеты подхватывают этот голос. Советские газеты и журналы легитимизируют обсуждение этой проблемы регулярно печатая письма о «пьяном эгоизме» мужчин. Кульминацией становится текст слесарки Р. Горюновой «Трезвость – норма жизни» в «Правде» от 23 марта 1985 г., положивший название всей горбачевской антиалкогольной

кампании [1]. Печать превращает частное письмо в публичный жанр и легитимирует женскую повестку.

Эпистолярная активность женщин базировалась на жестких демографических и медико-социальных индикаторах кризиса. Официальные продажи спирта выросли с 4,6 л чистого алкоголя на душу в 1960 г. до 10,5 л в 1980 г. Немцов, учитывая самогоноварение, поднимает этот показатель до ≈ 14 л в 1984 г. По его же расчетам, в начале 1980-х алкоголь был сопричастен к более чем 500 тыс. смертей в год ($\approx 32\%$ всех случаев). Одновременно две трети тяжких преступлений совершались в нетрезвом состоянии, плюс фиксирует всплеск мужской сверхсмертности трудоспособного возраста после 1965 г. и особенно в 1970-е годы. К 1985 г. официально зарегистрированных алкоголиков насчитывалось около 5 млн человек [7]. Эти цифры подкрепляли аргументацию женских писем-петиций: «спасите детей от их отцов – значит, спасите рабочую смену завтрашнего дня».

Женсоветы становятся институтами реализации требований, фиксируя в протоколах лекции «Мать – первый контролер трезвости» и рейды по неблагополучным семьям. Таким образом, «тихая чрезвычайщина» семьи превращается в легитимированный канал влияния на государственную политику: женский эпистолярный голос выводит кризис маскулинности из приватного укрытия и делает его узловым пунктом позднесоветской гражданской повестки.

Позднесоветская идеология настойчиво призывала граждан «быть активными» – общественность выступала «третьей силой» между партией и населением. Женщины, массово обращаясь в ЦК, исполнкомы и прессу, вписывались в этот официальный запрос, но одновременно переизобретали его снизу. Коллективное письмо с 20–40 подписями превращало разрозненных жен и матерей в эпистолярную общность: сама форма подписи (фамилия, профессия, адрес) заменяла устав и членский билет, создавая «организацию без организации» [9].

У этой сети было горизонтальное измерение – обмен готовыми шаблонами жалоб, тиражирование текстов в районных и заводских газетах; и вертикальное – регулярный диалог с властью через каналы «письмо → резолюция → ответ». Именно так, по наблюдению Здравомысловой и Тёмкиной, позднесоветские женщины

«учились политике заботы» [2]. Они артикулировали коллективный интерес (защита детей, сохранение зарплаты), контролировали исполнение (рейды женсоветов) и требовали публичного отчета – функции, которые классическое определение гражданского общества относит к институтам артикуляция интересов (interest articulation) и подотчетность (accountability) [5].

Таким образом, женская эпистолярная сеть одновременно встроена в государственные рамки и автономна в постановке повестки; она выполняет ключевые функции гражданского общества – самоорганизацию, защиту уязвимых, публичный контроль – оставаясь неформальной и гендерно маркированной. Позднесоветская «тихая чрезвычайщина» сделала заботу политикой, а женщин – институциональным актором советского варианта гражданского общества.

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ (проект № 25-28-00557) «Политические практики и советский вариант гражданского общества в позднем СССР».

Источники и литература

1. Горюнова Р. Трезвость – норма жизни // Правда. 23.03.1985.
2. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Советский эتا́кратический гендерный порядок // Социальная история: Ежегодник 2003. Женская и гендерная история / отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М.: РОССПЭН, 2003. С. 436–463.
3. Лигачев Е.К. «Мы хотели быстро избавить народ от пьянства...» // Комсомольская правда. 05.10.2010.
4. Фокин А.А. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками» и антиалкогольная кампания 1960-х годов // Вестник ЧелГУ. 2014. №12 (341). С. 109-115.
5. Cohen J., Arato A. Civil Society and Political Theory. Cambridge, MA: MIT Press, 1992.
6. Leon D.A., Chenet L., Shkolnikov V.M. et al. Huge variation in Russian mortality rates 1984–94: artefact, alcohol, or what? // The Lancet. 1997. Vol. 350, № 9075. P. 383–388.
7. Nemtsov A.V. Alcohol-related human losses in Russia in the 1980s and 1990s // Addiction. 2002. Vol. 97, № 11. P. 1413–1425.

8. Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964–1985 / ed. by N. Klumbytė, G. Sharafutdinova. Lanham, MD: Lexington Books, 2012. 256 p.
9. Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation. Princeton: Princeton University Press, 2006. 331 p.

Л.Н. Попкова

Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

**«Мы отвечаляем за демократию»: изучая опыт
российских активисток женского движения 1990-х годов**

В период постсоветской экономической нестабильности и политических кризисов российские женщины становятся активными участницами всех процессов модернизации общества. Уже в конце 1980-х годов начинают возникать новые инициативы и организации, нацеленные на защиту интересов и прав женщин. На первом этапе перестройки и гласности самой важной задачей стало самоопределение в контексте гражданского общества. В начале этого процесса они переживали своего рода эйфорию, им казалось, что начавшаяся политическая и общественная трансформация неизбежно будет двигаться в сторону реального равенства прав женщин и мужчин. Но оказалось, что новые движения и партии демократической ориентации не готовы признать наличие «женского вопроса» в постсоветской России. Положение советских женщин традиционно рассматривалось исключительно в рамках семейной политики, поэтому, по словам одного из политических деятелей того времени, «отстаивание трудовых и политических прав женщин «вызывало чувство надуманности проблем».

В период постсоветских социально-экономических и политических трансформаций самыми многочисленными оказались женские организации, наследующие структуры Комитета советских женщин. Не имея написанных программ, эти организации довольно четко определяли идеологические принципы деятельности. Председатель Самарского Союза женщин в 1992 г. провозглашала: «*Наши основные приоритеты – это семья, женщины, дети, сохранение нации, то есть детородных функций женщин*». Особые женские интересы ограничивались по советской традиции исключительно семейной сферой. Исследование идеологии

этих женских организаций, проведенное С. Айвазовой и Г. Кертманом в конце 1990-х годов, показывало, что декларируемая зависимость женщин от власти диктуется их чувством социальной незащищенности во всех сферах жизни [1, с. 19]. Склонность к делегированию защиты своих интересов государству и просьбы об улучшении положения женщин оставались доминирующими тенденциями в деятельности этих организаций. Интересным представляется как раз появление другого типа женской активности и новых идеологических установок.

Независимые женские группы стали создаваться по инициативе снизу уже в конце 1980-х годов, они возникают в разных формах, на разной основе, но их роднит стремление существовать в качестве самостоятельной общественной силы, в этом качестве отстаивать интересы женщин. *«Демократизацию мы понимали, как возможность осуществлять изменения самими гражданами, дать людям поверить, что от них, что-то зависит»*, говорила одна из лидеров новой региональной организации Самарской области. В условиях глубокого экономического кризиса концепция прав и преодоления дискриминации не выглядела убедительной для большинства женщин. Поэтому первоначально деятельность по пробуждению социального самосознания оказывается в центре внимания общественных организаций. *«Мы обучали женщины отстаивать свои права и требовать от власти действий соответственно закону и их обещаниям»*. Второй важной задачей новых объединений становится оказание помощи конкретным группам женщин, находящихся в особо уязвимом положении в этот период.

Основу многих независимых региональных женских организаций составляли организации самопомощи, нацеленные на решение конкретных проблем. Проект «природного женского предназначения» в советской упаковке не устраивал активисток из новых организаций, более того они стремились дать шанс многим женщинам проявить себя в новых условиях. Социологи объясняли причины аполитичности большинства российских женщин в период политических трансформаций. *«Российская женщина молчит не потому, что не знает, чего хочет, а потому, что мечтается между социально одобренным женским призванием и утверждением собственного места в жизненном распорядке»* [2, с. 22].

Проблема самоопределения в формирующихся снизу организациях решалась значительно быстрее. Активистки создавали совместные практики солидарной работы, возмешая недостатки и пробелы в социально-экономической политике государства. Но постепенно происходила политизация этого молодого крыла женского общественного движения.

Участницы женских объединений, двигаясь в общем демократическом потоке, стремительно втягивались в политический процесс, осознавая необходимость отстаивать интересы женщин при реформировании страны. В марте 1991 г. был создан Первый Независимый женский форум в Дубне, собравший две сотни представительниц из двадцати пяти городов России. Лозунг форума «демократия минус женщина – не демократия» стал на весь период постсоветской модернизации мотивом политических действий активисток. Итоговый документ форума не только констатировал наличие серьезных социально-экономических проблем, но и выдвигал конкретную программу новой политики: создание новых рабочих мест для женщин, поддержка женского предпринимательства, равное представительство женщин и мужчин во власти, поддержка участия обоих родителей в воспитании детей и другие меры. На Второй женский независимый форум, собравшийся через год, приехало уже пятьсот активисток. На нем при решении задачи подготовки альтернативного доклада в ООН о положении женщин речь шла о выработке полноценной государственной стратегии обеспечения равных прав и возможностей женщин и мужчин. В течение всего десятилетия 1990-х годов независимое женское движение отстаивает собственное видение социально-экономических проблем, предлагает законопроекты, обеспечивая вовлечение большого количества женщин в демократическое реформирование российского общества.

Источники и литература

1. Айвазова С., Кертман Г. Женщины на randevu с российской демократией. М.: Эслан, 2001.
2. Ярошенко С. В пути к теории русского феминизма // Женщина не существует: современные исследования полового различия. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 1999.

Г.С. Широкалова
Н. Новгород, ПФ ФНИСЦ РАН

Война гибридная. Мнения студентов

Дискурс о гибридных войнах идет на площадках интернета, в СМИ и в молодежных аудиториях, но получить информацию об отношении студентов к процессам, происходящим в мире и России проблематично, если вопросы ставятся «в лоб» даже в аудитории с доверительными отношениями. Молодежь, особенно дневных отделений, избегает «конфликтных ситуаций», но знание мировоззренческих установок необходимо для структурирования содержания обществоведческих курсов.

Назовем несколько направлений работы, которые латентно могут помочь молодежи разобраться в себе и мире. Учитывая потребность в визуализации информации, нами были апробированы такие формы как обсуждения смыслов картин, связанных с военной темой. К примеру, студенты анализируют автопортрет В. Попкова «Шинель отца» об отношениях поколений: в каждой семье были участники Великой Отечественной войны. В дискуссии даются различные объяснения исторического забвения, причин отчуждения поколений [3, с. 80–82].

Для продолжения разговора студентам предлагается в форме эссе дать оценку «Плана Даллеса». Конечно, необходимо уточнение о существовании сомнений в подлинности текста. Впрочем, это не отменяет его стратегической направленности [1] и дает возможность оценить ситуацию в России и в мире. Более четырех десятков лет «План» остается в публичном пространстве и поставленный на его основе Нижегородским молодежным Экспериментальным театром NEXT спектакль оказался востребованным [2].

Анализ эссе позволяет выяснить отношение молодежи к культурной политике внутри страны. Причем жесткость оценок одинаково присуща и девушкам, и юношам, обучающимся на заочном отделении вуза. Не корректируя тексты, вначале дадим слово девушкам.

А.И.: «Об этой инструкции я слышу и вижу ее первый раз, и честно говоря, в шоке. Потому что все написанное сбывается!!! Нас специально уничтожают, как нацию, но зачем, кому это надо? Читая эту инструкцию, не верится, что ее написали давно в 1945

году 17 июля. Правительство идет по запланированному пути и все сбывается в наше время. Не хотелось бы верить, но это есть на самом деле. Очень страшно жить сейчас! Страшно за себя, за детей. Поменялись все моральные устои, и если это не остановить, то страшно даже подумать, а что будет дальше.

В школах убрали много хороших авторов, просто их исключили из программы. Кино и СМИ пропагандирует везде секс, насилие, пропагандирует самые низменные человеческие чувства. Дом-2, эту программу нормальный человек смотреть не будет, Она просто разрушает человека. Процветает хамство, молодежь не уважает старшее поколение.

Наркомания и пьянство движет молодежью. В верхушке власти очень много чиновников, которые просто воруют, процветает взяточничество. Бюрократизм и волокита при оформлении социальных пособий, нужно пройти кучу инстанций, не каждому это под силу».

К.Ю.: «Инструкция Даллеса стала выполняться с конца 1980-х годов, большая часть этой инструкции в данном времени реализована. Молодежь стала забывать историю, сейчас всю историю переврали, заслуги наших предков, победивших в ВОВ, стали искаивать, тем самым оскорбляя и унижая мужественный народ. Многие государства стали обвинять СССР в нацизме, а не фашистскую Германию.

В нашей стране появилось множество заведений, как общепита, так и развлекательных пришедших с Запада, и кроме вреда ничего с собой не принесли. По всем СМИ стали пропагандировать пьянство, секс, наркотики. Приучают детей не уважать старших, забыли про здоровый образ жизни. Через интернет доводят детей до самоубийства. Запретили показывать наши советские мультфильмы, зато очень много всякой американской дряни.

Россию не одолеть, идет уничтожение ее изнутри. При развале СССР мы загубили всю легкую промышленность, была безработица, люди гибли от пьянства. Во время перестройки все наши ученые, уехали за границу, тем самым Россия обеспечила Запад квалифицированными кадрами во всех областях науки. Сейчас у нас нет бесплатной медицины, все операции делают за границей. Наши же врачи, только за очень большие деньги едут учиться за границу».

Оценка юноши *Л.О.*: «Я слышал о таких документах. И этот меня поразил своей циничностью. Говорят, что его может быть, и не было, что это фейк. Как бы то ни было, но в умах наших оппонентов эти мысли проходят красной нитью осмысления о нашей великой стране, которую до сих пор не победил никто (разве что Чингиз Хан, хотя и это, говорят, тоже не так, как мы изучаем).

Как только наши оппоненты устали ломать копья о наши стены, они сбросили с себя овечьи шкуры, стали побеждать нас изнутри. И инструкция Даллеса продумала этот сценарий, который разыгрывают не только в России, но по всему свету. Но особенно заметны эти методы, и уже давно, в нашей жизни. Постоянное переосмысление истории для того, чтобы «отбить память». Замена высоко моральных, духовных ценностей, на культуру, с позволения сказать, потребления. Создалась точка зрения, которую видят 98%: загоняют людей в те или иные социальные классы через обертку, фантик, в которую человек себя заворачивает, может ценой погружения себя в долги, кредиты. Родственность уходит на второй-третий план, люди за вещь готовы поступиться своими принципами, поплевать и растоптать другого. Извращение считается нормой, причем в таком свете, что будто это прогрессивно, модно, несмотря на то, что это, по меньшей мере, уродливо. Вы посмотрите, всякие педики выступают на Евровидении и побеждают. Для того чтобы еще раз показать нужный кому-то путь дальнейшего развития. Хамство и цинизм отличает нынешнюю молодежь.

На мой взгляд, я наблюдал пик реализации инструкции Даллеса в 1990-е годы, хотя и сегодня в глазах рябит от того, что там написано. Когда и родину было любить стыдно, по крайней мере, об этом говорить вслух смешно. В целом эта инструкция успешно реализовывается в нашей жизни, и это горько. Но в последнее время, я вижу, появились какие-то противодействия...»

Действительно, после внесения поправок в Конституцию СССР о традиционных ценностях, говорить о них стали чаще, но передачи типа «Дом-2» по-прежнему на экране. Следовательно, гибридная война продолжается и вопросы остаются.

Источники

1. Андрей Фурсов про знаменитый план Алены Даллеса – смотреть онлайн в поиске Яндекса по Видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/6668379093639587306>.
2. Отзывы о спектакле «План Даллеса» // https://afisha.yandex.ru/nizhny-novgorod/theatre_show/plan-dallesa-nekst/reviews.
3. Широкалова Г.С. О войне. Использование визуальных образов в общественных дисциплинах // Социально-гуманитарные науки и практики в XXI веке: мировоззренческие и идеологические основы российской государственности, цивилизации и культуры в меняющемся мире: материалы двадцатой международной весенней научной конференции / под общ. ред. проф. В.П. Шалаева. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2024. 220 с.

РАЗДЕЛ 3
ПАМЯТЬ ОБ УЧАСТИИ В ПУБЛИЧНОЙ
ПОЛИТИКЕ,
ФОРМАЛЬНЫХ И НЕФОРМАЛЬНЫХ
ДВИЖЕНИЯХ И СОЮЗАХ, ВОЗНИКШИХ В
ЛИМИНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА

С.В. Павлова
Санкт-Петербург,
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена

**Роль супруг древнерусских правителей
в экстремальной повседневности внешней агрессии
и внутренних усобиц XII–XVI вв.**

Рассматриваемый период – с конца X до XVII в. – в научной литературе принято именовать Святой Русью. Это не просто период становления Древнерусского государства от союза племен до централизованного государства, но прежде всего, это этап формирования нового типа христианской государственности после крещения Руси. В этой сложнейшей политической работе по созданию независимого и равноправного субъекта международного права наши предки поставили задачу восхождения к нравственному идеалу православия. В процесс духовного подвига целого народа вовлечено было все русское общество во главе с первыми христианскими правителями.

В этом принятии нравственного самосовершенствования как жизненной цели заключается весь смысл святости, которая началась с глав Древнерусского государства – великих князей и глав Русской православной церкви. Начало было задано вел. княгиней Ольгой и ее внуком равноапостольным вел. кн. Владимиром, а далее по родословной Рюриковичей вплоть до последнего св. царя Федора Ионовича. Церковная статистика свидетельствует о канонизации в период Св. Руси каждого второго митрополита РПЦ и каждого третьего великого князя – правителя [1, с. 722–723]. Это

свидетельствует о титанических усилиях русской элиты по формированию не только нового политического сознания, но и созданию нового духовного основания русской государственности, которая станет опорой и защитой перед вызовами эпохи.

Однако христианская соборность начинается с семьи, поэтому невозможно не увидеть рядом со святыми мужами их матерей и жен, которые в определенной степени в силу их невидимого, внутреннего подвига, казалось бы, остались в тени. Действительно, до 1917 г. было канонизировано, по разным источникам, от 13 до 40 русских женщин. По сравнению с канонизированными мужчинами это не более 5%. Сегодня в отечественных святыцах их более сотни.

Можно утверждать, что почти все канонизированные женщины Древней Руси – это великие княгини! Время утверждения христианства на Руси рассматривало женщину не как Блоковскую «прекрасную даму», а как источник бескорыстной любви, которая имеет своим первым качеством преданность Богу и ближнему. Вопреки расхожему мнению, в рассматриваемый период женщина не была ограничена своим теремом – ведь в духовном плане ее энергия любви простиралась на все окружающее пространство, не зная границ. Женщины-княгини наравне с мужчинами стали устроительницами политического быта, церковного мира русского государства, распространительницами просвещения, искусств.

Женщины-христианки в Церкви и в общественной жизни в трудные политические кризисы и катаклизмы проявляли образцы повседневной заботы и милосердия. Они влияли на окружающую действительность чисто женскими качествами – терпеливым молчанием или проникновенными словами любви. Именно *духовная повседневность* – собирание и хранение национальных духовных ценностей и их утверждение на бытовом уровне – становится высшим предназначением женщины. Создание духовного мира человека, связывающего земную жизнь с высшими духовными идеалами, начинается с матери, как например, преп. Мария, мать Сергия Радонежского, как мать князя-мученика Михаила Тверского Ксения, и продолжается женой. Женская красота, сокрытая в кротости, нежности и милосердии, творили поистине чудеса в мировой истории.

Благовествовать Воскресение стало высшим смыслом жизни человека средневековья: правителя – в политике государства, его жены – в семье и в обществе. Отсюда вдовство воспринималось как продолжение духовного делания в монашеском чине, за которым скрывалось понимание жизни как служения. Даже велиокняжеские супружеские пары, на примере Муромских князей Петра и Февронии, отходя от государственных дел, принимали монашеский постриг для особого молитвенного делания за народ и Отечество.

Образы святых княгинь Руси – это образы женщин не экзальтированных, но стойких, принявших христианские идеалы как правду жизни. Среди них – особым подвигом отличились жены древнерусских правителей – через служение мужу-правителю своим *целомудрием в браке* великие княгини *служили Отечеству*. Так, княгиня Юлиания Вяземская приняла мученическую кончину, сохранив верность своему супругу. Все они показали особый религиозно-нравственный тип жен правящей элиты Древней Руси – сознательно осуществляя жертвенное служение, сокровищами внутреннюю свободу и духовное достоинство.

Земной союз велиокняжеских супругов перерастал в союз духовный – перед лицом вечности они становились «единой плотью», что и отражено на их иконах, где правитель предстает в одной «упруге» с женой.

Первой стала преподобная благоверная княгиня Анна Новгородская – супруга Ярослава Мудрого, при котором Киевская Русь достигла не только политического подъема, но и расцвета в области просвещения и церковных искусств. Будучи дочерью шведского короля, она потрудилась вместе с мужем над созданием Св. Руси и распространением христианства: став основательницей монастыря, она им и управляла. С Анны Новгородской начинается традиция велиокняжеского пострижения после окончания супружеских обязанностей. Из десяти ее детей старший сын св. благоверный князь Владимир, оставшийся холостяком, посвятивший свою жизнь управлению княжеством, отличился строительством Софийского собора в Новгороде наподобие Киевской Софии, выстроенной его отцом.

Брак святого благоверного князя Дмитрия Донского и преподобной благоверной княгини Евфросинии Московской стал для

Руси основой мирного сосуществования между Москвой и Суздалем. Преп. Евфросиния соединила подвиг гражданского служения народу и родной земле с подвигом монашества. На традициях, заложенных святой княгинею, будет воспитываться не одно поколение девочек [2, с. 108]. Во всех трудностях, перед которыми оказалось Русское государство периода правления Дмитрия Донского, а это и неоднократные нашествия татаро-монголов, и продолжающиеся княжеские усобицы, и эпидемия чумы, и пожар в Москве, и литовское нашествие, Евфросиния показывала примеры мудрости, мужества и подвига служения нуждающимся. Она инициировала строительство храма, расписанного Феофаном Греком, в честь победы на Куликовом поле. В 1387 г. она основала в Московском Кремле Вознесенский женский монастырь, который стал усыпальницей великих княгинь и русских цариц. В 1395 г., при нашествии Тамерлана на южные границы Руси, по ее совету была принесена в Москву Владимирская икона Божией Матери, чудесно защитившая Русскую землю. Воспитав пятерых сыновей, став вдовой, Евфросиния приняла постриг.

Из всех святых княгинь в современных обстоятельствах особо выделяется образ св. праведной Софии, княгини Слуцкой, родом из древнейшего города Северо-запада Руси. София стала защитницей православной веры во время церковной унии западнорусских земель с католическим Римом, которая сопровождалась насилием над православными, невозможностью богослужения им в своих храмах и проч. Благодаря ее усилиям и влиянию на мужа она превратила Слуцк в единственную опору православия и религиозный центр западных земель, добившись от польского короля грамоты для юридической защиты от унии.

Очевидно, что главным деланием святых жен древнерусских правителей стал молитвенный подвиг за своих мужей, семью, народ, который примет невиданную высоту в подвиге Ксении Петербуржской, вставшей на молитву *вместо* своего внезапно умершего без последнего покаяния мужа, что показало пример постижения высоты супружеской любви.

Наблюдая сегодня кризис национальной культуры, можно констатировать, что это есть кризис духовности, который может быть преодолен только нравственным возрождением, подвигом веры. Это во многом зависит от государства и его правящих элит, задача

которых – восстановление морального образа идеального правителя, сотрудничество с гражданским обществом, что создаст доверие между народом и государством и укрепит национальное правосознание. На этом пути роль жен правителей трудно переоценить.

Источники

1. Толстой М.В. История русской церкви. Изд. Валаамского монастыря, 1991. 736 с.
2. Святые женщины России. М.: Издат. дом ТОНЧУ, 2012. 488 с.

Э.М. Титкова
Тверь, Тверской государственный университет

Репрезентация экстремальной повседневности в письмах княгини Кристины ди Бельджойозо в контексте итальянской революции 1848–1849 гг.

Революция 1848–1849 гг. в Италии, как важный критический момент в национально-освободительном движении Рисорджименто, вызвала «слом» привычной повседневности населения. Причем особенно трудно переживались активными участниками этих событий. Примечателен опыт княгини Кристины Трибульцио ди Бельджойозо (1808–1871), деятельной сторонницы объединения Италии с конца 1820-х годов.

Ее роль в революции выражена в журналистском и издательском труде княгини, включая основание миланской газеты «Il Crociato» в марте 1848 г. и подготовку статей о ситуации в Италии для французского журнала «Revue des Deux Mondes» осенью 1848 г. [2, с. 19; 3] Значимы и ее выступления в Неаполе и Милане в марте 1848 г., когда ее речи помогли собрать отряд добровольцев и воодушевить людей в «Пять дней Милана» [2, с. 18–19]. Также среди ее инициатив – женская ассоциация помощи раненым в Риме, существовавшая в апреле-июле 1849 г. [2, с. 21–22] То есть участие К.Т. ди Бельджойозо в революции имело всесторонний характер, благодаря чему она была свидетельницей разных сторон той экстремальной повседневности, которую создавала революционная действительность.

Переживание княгиней 1848–1849 гг., предшествовавших эмиграции на Ближний Восток, отрефлексировано в ее эго-документах – письмах К. Жобер, Ж. Молю, В. де Лапраду, другим друзьям, в общении с кем она была готова открыть те эмоции и чувства, которые испытывала в самые тяжелые моменты. Притом разные даты писем, до и после оставления Италии в августе 1849 г., позволяют осмысливать ее повседневность в двойном качестве, с акцентами на «живые» впечатления и воспоминания о недавних событиях в ретроспективе.

Прежде всего, в нарративе княгини передан ее личный опыт изменения жизненных реалий в революцию, обнаруживающий специфичные черты ее повседневности. По письмам заметны постоянная спешка в попытке успеть сделать больше и недостаток времени, из-за чего К.Т. ди Бельджойозо ощущала стресс и была физически истощена. Причем она скрывала детали своего состояния, ограничиваясь фразами: «Я не говорю о себе. В Риме, в летний сезон, запертое в старой больнице... мое здоровье не выдерживает» [4, с. 226], или «У меня нет ничего очень хорошего» [6, с. 144]. С этим контрастируют энтузиазм и энергия, с которыми княгиня оценивала ход революции или занималась обеспечением больниц и другими «рабочими» вопросами. Так, ее неравнодушие выражено в эмоциональной претензии к французскому издательству за отказ в печати ее текстов, ведь «то, что происходит в Италии, действительно заслуживает того, чтобы об этом узнали», в том числе во Франции [6, с. 143].

Общим моментом писем выступает невозможность их автора хотя бы на мгновение абстрагироваться от ситуации и позаботиться о себе. Стоит согласиться с мыслью М. Гаснье о проницаемости границы частного и публичного в текстах княгини [3], так как для нее общественная повестка – еще и личный интерес. В этой связи особенностью повседневности К.Т. ди Бельджойозо в 1848–1849 гг. стала близость (если не отождествление) ее личной жизни и политических событий в Италии. Причем сложные условия отчасти сознавались ею самой, через повышенные требования к себе.

Экстремальная повседневность, ощущая не только княгиней, также отражена в письмах в контексте осады Рима летом 1849 г. Желая дать «точный отчет», она писала К. Жобер: «Вы никогда не представите себе болезненную реальность моей жизни

во время бомбардировки Рима» [5, с. 27, 48]. При этом, согласно К.Т. ди Бельджойозо, тяжелая атмосфера в городе во время боевых действий, тем не менее, сплачивала людей перед угрозой жизни. Так, она находила необыкновенным то, что вблизи мест уличных сражений «было многолюдно, как на празднике», потому что все горожане, включая женщин и детей, стояли за баррикадами с оружием, готовые помочь [4, с. 224–225]. В «мирные» часы, вне столкновений, это единство сохранялось, проявляясь, например, в моменты, когда люди собирали вещи для больниц. Ассоциация княгини периодически объявляла сборы постельного белья и одежды [1], в результате чего даже «бедные делились своими жалкими лохмотьями и куском хлеба» [5, с. 61–62]. Хотя обычные проблемы быта и нищеты еще сильнее усугублялись фактом осады Рима, это не вело к хаосу и панике, а взаимопомощь жителей была поддерживавшим их ресурсом.

Другим аспектом писем стал женский повседневный труд в госпиталях Рима. Вопреки обвинению папы Пия IX, который осудил присутствие в них якобы «распутных проституток» [3], К.Т. ди Бельджойозо настаивала на том, что все ее соотечественницы, «подойдя к постели умирающего, не оставляли его, не ели, не спали три или четыре дня подряд... и принимали все без отвращения», независимо от их социального происхождения или прошлого [5, с. 49–50]. По признанию княгини, жизнь в Риме навсегда изменила ее саму, и даже в эмиграции ей ночами вспоминались умершие [5, с. 26–27]. Эти переживания усиливались как чувством вины в отношении тех, кого ей не удалось спасти, так и ужасом от осознания того, что все это стало «нормой» в те дни. Учитывая, что травматические события были неизбежны для многих людей в дни осады, похожие эмоции, скорее всего, разделяли и другие женщины.

Еще один контекст в описании К.Т. ди Бельджойозо – разделение на «победителей» и «проигравших» в конце революции: она сама и сторонники павшей Римской республики были вынуждены бежать из Рима. С точки зрения повседневности жизнь в осажденном городе сменилась не менее трудным положением – риском быть арестованными и поиском путей спасения жизни. Состояние неопределенности, по мнению княгини, сильно ощущалось в морском порту вблизи Рима: «Чивитавеккья казалась

концом света, откуда невозможно выйти», а страх и смятение людей осложнялись тем, что многие из них не нашли свободных гостиниц и ночевали на улице [5, с. 24]. Но среди беженцев все равно спонтанно появлялись практики выживания, и, как отметила княгиня, те, кто имел действующие паспорта (ей такой документ выдал английский консул еще в Риме), вписывали в них знакомых без документов как своих слуг [5, с. 24–25]. В итоге из Италии смогло отплыть большее, чем могло бы быть, число беженцев, прошедших контроль при посадке на корабли.

Таким образом, пример К.Т. ди Бельджойозо, являясь важным женским опытом участия в итальянской революции 1848–1849 гг., раскрывает многие формы деятельности, вовлекавшие людей в этот процесс, и связанные с ними стороны повседневности. В эндо документах княгини ее мысли и чувства сильно приближены к ходу военно-политической борьбы, причем заметен акцент на женскую повседневность революции как экстремальную. В этом смысле ее нарратив отличается эмоциональностью автора, выявляет травмирующее воздействие пережитых ею событий и детализированно репрезентует особенности революционной деятельности в разных ее проявлениях, соединяя индивидуальный опыт княгини и коллективный опыт итальянцев.

Источники и литература

1. Alle donne romane. 27 Aprile 1849 // Donne e conoscenza storica. URL: <http://www.donneconoscenzistorica.it/vecchio/testi/trame/assistenzadoc.htm#donne> (дата обращения: 24.04.2025).
2. Barrago F. Cristina di Belgiojoso, la principessa buona. Cagliari: L'Universale, 2019. 112 p.
3. Gasnier M. Je privé Je politique dans le Souvenirs dans l'exil de la princesse Christine Trivulce de Belgiojoso. S.l., 2012 // Médias 19. URL: <http://www.medias19.org/index.php?id=301> (дата обращения: 24.04.2025).
4. Lettera di C.T. di Belgiojoso a V. de Laprade. 1 Giugno 1849 // Ricordi dell'esilio / A cura di L. Severgnini. Rome: Edizioni Paoline, 1978. Appendici, XI. P. 223–227.
5. Lettere di C.T. di Belgiojoso a C. Jaubert. 1849–1850 // Ricordi dell'esilio / A cura di L. Severgnini. Rome: Edizioni Paoline, 1978. P. 23–188.

6. Lettres de C.T. di Belgiojoso à J. Mohl. 1835–1868 // Tatti S. La scrittura epistolare di Cristina di Belgiojoso e le lettere inedite a Jules Mohl (1835–1868) // Franco-Italica. 1998. № 13. P. 89–156.

А.Ю. Федотова

*Казань, Казанский (Приволжский)
федеральный университет*

Три сестры: сравнительный анализ женской общественной деятельности во второй половине XIX – начале XX в.

Одной из известнейших фигур революционного движения второй половины XIX в. является Вера Николаевна Фигнер (1852–1942 гг.). Ее сестры – Лидия, Евгения, Ольга тоже не остались в стороне от революционного народничества. Двоюродные сестры – Наталья Петровна и Лидия Петровна Куприяновы также выбирают путь активной общественно-политической жизни. Большую роль в формировании жизненных взглядов сестер сыграл Петр Христофорович Куприянов, отец Куприяновых и дядя Фигнер. В своих воспоминаниях об этом не раз пишет Вера Николаевна [7].

Революционный путь Веры Фигнер хорошо изучен, как советскими, так и постсоветскими историками. Она была профессиональной революционеркой, участвовала в «ходждении в народ» и в подготовке трех покушений на императора Александра II, провела 20 лет в одиночном заключении в Шлиссельбургской крепости, после выхода на свободу организовала Парижский комитет помощи политзаключенным Российской империи, продолжила эту работу в Советской России, литературным хранителем памяти о революционерах-народовольцах [2, с. 175]. После освобождения ненадолго вступила в партию социалистов-революционеров. Февральскую революцию встретила с энтузиазмом. Октябрьскую революцию не поддержала.

Наталья Петровна (1868–1950) и Лидия Петровна (1870–1941) Куприяновы в общественно-политическую деятельность включаются уже в конце XIX в.

Наталья Петровна была членом правления, затем председателем Общества учителей и учительниц Казанской губернии (1890–1905) и Общества народных университетов (1907–1918); заведующей трудовым комитетом для женщин (1902–1907) [5, л. 13]. Кроме

того, она являлась попечителем XXIV городского начального училища, одной из старшин Общества любителей изящных искусств под Высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством [1, с. 150, 174, 268].

В ноябре 1905 г. под ее председательством был организован Комитет общественной помощи голодающим, который преобразовали в Казанское отделение Комитета помощи голодающим при Императорском Вольном экономическом обществе [4, с. 4, 7]. В работе последнего принимала участие и Вера Николаевна [7]. Здесь Наталья Петровна применяла опыт, полученный ею еще в 1899 г. во время голода в Поволжье в рамках деятельности комитета врачебно-продовольственной помощи VII Пироговского съезда. Не осталась в стороне она и в неурожайные и голодные 1911–1913 гг. [6, с. 258–259].

Как и Вера Николаевна, Наталья Петровна разделяла перспективы Февральской революции. Уже в марте 1917 г. она выступает с речью на женском митинге в Казани; в апреле в письме к Вере Фигнер просит прислать агитационные материалы для проведения собеседований в казармах, на заводах, в аудиториях Казанского общества Народного университета; в августе выступает с речью на Первом губернском учительском съезде, работает гласным Казанской городской думы [3, с. 130–132]. Однако ее кипучая деятельность прерывается в августе 1918 г., когда она отступает из Казани под напором частей Красной армии вместе с членами Казанской городской думы. В анкете в 1928 г. она указывает, что ни в каких партиях не состояла и не состоит [5, л. 12].

Лидия Петровна Куприянова в автобиографии отмечает, что после гимназии свое образование первоначально пополняла в нелегальных кружках самообразования, носивших народническое направление. В 1891–1892 гг. зимой работала в деревнях Тетюшского уезда Казанской губернии по организации помощи голодающим. Этот опыт и изучение марксистской литературы способствуют ее переходу от народничества к марксизму. Не вступая в социал-демократическую партию, она работала в легальных и нелегальных организациях (петербургский отдел «Союза учителей» и его нелегальные съезды, заведующая аудиторией обществ народных университетов на Обводном канале и общеобразовательным отделением «Народного Университета им. Лутугина»),

помогала в издании журналов и газет («Злободневные листки», «Былое», «Минувшие годы», «Вольный университет», «Учитель и школа», «Бюллетень Вольного Экономического Общества»), вела просветительско-пропагандистскую деятельность среди рабочих (рабочий клуб за Нарвской заставой, член нелегальной межклубной комиссии, поддерживавшей связь с профсоюзами и социал-демократической партией, рабочая школа клуба на Петербургской стороне), трудилась в контакте с представителями социал-демократического рабочего движения [8, с. 102–104]. Все это время вела самостоятельную научную и литературную деятельность.

Таким образом, сестры Фигнер – Куприяновы были активными участницами женской общественной деятельности. Они видели своей целью – благо народа, но для ее достижения выбирали разный путь: террористический (Вера Фигнер), пропагандистский (Лидия Куприянова), благотворительный (Наталия Куприянова). Вера Николаевна и Лидия Петровна были последовательницами народничества, но в последующем поменяли свои взгляды. На переломе эпох все три сестры оказались вне партий: Вера Николаевна недолго состояла в партии эсеров, но разочаровалась в них; Лидия Петровна тесно сотрудничала с социал-демократической рабочей партией, так и не пополнив их ряды, а Наталия Петровна не вступила в какую-либо партию совсем. Главной благотворительницей в семье была Наталия Петровна, но и остальные времена от времени обращались к этому направлению женской общественной деятельности. При этом все трое имели литературно-публицистический опыт.

Источники и литература

1. Адрес-календарь. Памятная книжка на 1903 г. Казанской губернии. Казань: Издание Казанского Губернского Статистического комитета, 1903.
2. Воронихин А.В. «Богородица с револьвером» и своей верой (жизненные вершины Веры Фигнер) // История и историческая память. 2022. № 24. С. 175–188.
3. Жукова Е. На полках старинного шкафа: Семейная хроника. М.: Политиздат, 1990. 319 с.

4. Отчет Комитета по оказанию помощи голодющим, состоявшему при Императорском Вольном экономическом Обществе // Труды Императорского Вольного Экономического общества. 1908. № 1–2 (январь–апрель). Т. 1.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 65а. Д. 3200.
6. *Федотова А.Ю.* Наталья Петровна Куприянова: биография общественной деятельницы Казанской губернии конца XIX – первой половины XX в. // История повседневности. 2024. № 3. С. 252–267.
7. *Фигнер В.* Запечатленный труд. Воспоминания в двух томах. Т. 1. М.: Изд-во социально-экономической литературы «Мысль», 1964. URL: http://az.lib.ru/f/figner_w_n/text_0080.shtml (дата обращения: 10.10.2022).
8. *Шемякина О.В.* Автобиография Л.П. Куприяновой (1870–1941) – деятельницы революционного и общественного движения Российской империи рубежа XIX–XX вв. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2023. № 4. С. 99–110.

О.В. Чуракова, Н.С. Федулин
Архангельск, САФУ им. М.В. Ломоносова

**«Воспитанницы училища... истерично рыдали в ответ на
приглашение принять участие в демонстрации»:
гендерный аспект школьного протестного движения
в период Первой российской революции 1905–1907 гг.
(на примере Архангельска)**

Наряду с крестьянским, рабочим и национальным вопросами в годы Первой российской революции 1905–1907 гг. важное место также занимал т.н. «школьный вопрос». Современники событий использовали выражение «школьная смута», которое обозначало общешкольное протестное движение учащейся молодежи. В период политической нестабильности воспитанники различных учебных заведений России устраивали беспорядки и волнения, выражавшиеся в массовых нарушениях дисциплины. Для учащихся были характерны следующие практики поведения: уход с уроков на митинги и демонстрации, подачи петиций с требованиями изменения школьного режима, погромы в классах, демонстративное пе-

ние революционных песен, распространение нелегальной литературы, конфликты с отдельными преподавателями и т.д. Для Архангельской губернии, несмотря на провинциальное расположение и отсутствие радикальных форм противостояния между властями и городским социумом, также была характерна протестная активность учащихся. Наиболее активно «школьная смута» прошла в Архангельске, являвшемся губернским и культурным центром, где находились наиболее важные учебные заведения (гимназии, училища, семинарии и др.). Ситуация в Архангельске усугублялась тем, что в городе находилось большое количество политических ссыльных. Как отмечали местные жандармские служащие, именно политссыльные оказывали решающее влияние на политизацию учащейся молодежи.

Материалы Государственного архива Архангельской области (ГААО) и периодической печати тех лет позволяют сделать вывод о том, что учащиеся девушки и юноши имели как специфические особенности протестной деятельности, так и различную степень вовлеченности в нее. В начальный период школьного движения в Архангельске (январь-сентябрь 1905 г.) наиболее масштабные акции протesta предприняли семинаристы. Сначала ими были устроены сходки рядом с учебным заведением, а затем часть воспитанников приняли участие в первомайской политической демонстрации вместе с политическими ссыльными. Среди толпы численностью около 100 чел. также были замечены учащиеся и других учебных заведений. Например, в шествии 1 мая приняли участие окончившая курс Архангельской Мариинской женской гимназии Екатерина Попова-Введенская и ученики мужской гимназии [2, л. 54]. Занимавший консервативно-охранительные позиции местный архиепископ Иоанникий исключил всех неблагонадежных семинаристов, что в дальнейшем привело к конфликтам между ним и частью местной интеллигенции. Волнения и беспорядки весной 1905 г., по сведению жандармов, также произошли в техническом училище и ветеринарно-медицинской фельдшерской школе.

Наиболее консолидированный этап протестной активности учащихся (октябрь–декабрь 1905 г.) характеризовался массовыми нарушениями дисциплины во всех мужских учебных заведениях, а также общепринятыми требованиями по изменению школьных порядков. После издания манифеста 17 октября в Архангельске

проходили крупные политические демонстрации. Активное участие в них приняла учащаяся молодежь из числа гимназистов, небольшой части гимназисток, учеников торгово-мореходного и технического училищ. Организовав шествие, толпа из учащихся подошла к женскому епархиальному училищу. По сообщениям местной прессы «воспитанницы училища... истерично рыдали в ответ на приглашение принять участие в демонстрации» [1, с. 791]. В период 1905–1907 гг. со стороны «епархиалок» вообще не было организовано ни одной протестной акции. Что касается других учебных заведений, то до января 1906 г. большая часть мужских учебных заведений была закрыта (мужская гимназия, торгово-мореходное и техническое училища). В женской гимназии победу одержала «партия умеренных» гимназисток старших классов, в результате чего, несмотря на протесты сторонниц забастовки, занятия в учебном заведении продолжились.

На протяжении 1906–1907 гг. уровень протестной деятельности учащихся Архангельска постепенно снижался. Этому способствовали как исключение наиболее радикально настроенных учеников, так и то, что начальство учебных заведений пошло на некоторые уступки в пользу изменения школьного строя (отмена внешкольного надзора, разрешение автономных кружков и др.). В то же время влияние политических ссыльных начало приобретать институционализированный характер. В начале 1906 г. был создан союз учащейся молодежи партии социалистов-революционеров. Известно о том, что по заданию этой организации в январе 1906 г. гимназистка Зинаида Вячеславова (одна из сторонниц «партии радикалов» в женской гимназии) ударила по лицу начальнице гимназии княжну З.А. Мышецкую. После этого инцидента ученицу исключили из гимназии. Хотя гимназистки неоднократно участвовали в сходках молодежи и небольших демонстрациях, других публичных протестных акций в стенах гимназии ими не предпринималось. Вероятно, что «радикальная партия» гимназисток предпочла использовать непубличные методы борьбы и даже решилась на крайние меры. По сведениям архангельских жандармов, часть гимназисток, имея тесные связи с политическими ссыльными, подговорили ссыльного эсера бывшего семинариста Соломона Адонаиа

совершить убийство начальницы гимназии. В декабре 1906 г. молодой человек совершил несколько выстрелов в сани, где сидела начальница, и княжна получила легкие ранения.

Для мужских учебных заведений в 1906–1907 гг. все так же были характерны массовые акции протesta. Например, на протяжении весны 1906 г. в техническом училище учащиеся неоднократно устраивали запрещенные начальством сходки в общежитии, а также пели песни «недопустимого содержания». В ответ на удаление из общежития лидеров волнений ученики устроили погром в классном коридоре учебного заведения. Гимназисты старших классов в марте 1906 г. также прибегли к подобным действиям и в ходе погрома испортили портреты императоров Александра III и Николая II.

Таким образом, участие молодежи Архангельска в протестном движении периода революции 1905–1907 гг. демонстрирует гендерную специфику российского общества. Для учащихся мужских учебных заведений были характерные традиционные для «школьной смуты» активные формы протестной активности: массовое участие в митингах и демонстрациях, погромы в учебных заведениях, прекращение занятий. Участие девушек в протестном движении было более умеренным, как по степени вовлеченности в события, так и по политическим практикам. Так, ученицы епархиального училища вообще не совершали каких-либо протестных акций. Участие гимназисток было дифференцированным: большая часть учениц отказалась от протестной деятельности и лишь единицы из них присоединились к революционным выступлениям. Наиболее радикально настроенные гимназистки даже участвовали в подготовке покушения на начальницу гимназии. Следует отметить, что гендерная специфика участия юношей и девушек провинциальных городов России в «школьной смуте» периода Первой российской революции является малоизученным аспектом научных изысканий и может быть предметом междисциплинарных исследований.

Источники

1. Архангельские губернские ведомости. 1905. №20. 30 октября.
2. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 168. Л. 54.

Н.В. Петров
Курск, Юго-Западный государственный университет

Повышение политической активности горожанок в первые годы советской власти (на примере Курской губернии)

В процессе формирования советской государственности как с позиций создания системы советских органов власти, так и исходя из потребности большевиков продвижения коммунистической идеологии, возникла проблема практически полного отсутствия политической активности среди женщин, превосходивших по численности мужчин все первое постреволюционное десятилетие. Для большевиков стало очевидным, что без системной работы с женскими массами получение лояльности к идеям коммунизма невозможно.

Затрагивая «женский вопрос» на III губернской партийной конференции, состоявшейся с 3 по 5 марта 1919 г., делегаты отмечали, что идеи коммунизма были бы восприняты работницами, если бы они увидели, что эти идеи реально рабочие и помогли бы улучшить их материальное положение. Предлагались следующие меры по улучшению быта горожанок: надо «снять с них обузу домашних дел и воспитания детей, переложив их на детские сады». В случае достижения результата в данном направлении у женщин действительно появилась бы возможность посещения партийных собраний в просветительских целях. Осуществление «равной борьбы» с коммунистами в видении участников конференции помогло бы делу достижения «счастливого будущего» [1, л. 53 об.]. В Курском губернском комитете РКП(б) (далее – губком) считали, что в дореволюционное время власть не уделяла никакого внимания женщинам, а основной их задачей было лишь устройство и поддержание семейного быта.

Работа по вовлечению горожанок в политическую деятельность коммунистов была разнообразной. Например, из протоколов заседания инструкторского бюро Курского губкома за 1920 г. усматривается, что для правильной постановки решению задач по просветительской работе в отношении женского населения было решено начать с городского женского пролетариата путем привлечения к советской и партийной работе. Достижением эффективного ре-

зультата считалось поднятие политического уровня жительниц городов для «организации» крестьянок [2, л. 6]. Горожанки рассматривались не только как более восприимчивые к коммунистическим постулатам, но и как «проводники» политических знаний для жительниц села. Условия для деятельности по обеспечению равноправия женщин можно охарактеризовать как сложные. На собрании коммунисток Курской городской районной организации от 2 декабря 1920 г. звучали различные позиции относительно инициативы женщин по решению проблем ограничения их прав. В частности, заявлялось, что для горожанок участвовать в строительстве советского государства практически невозможно, так как им элементарно некогда вследствие необходимости ведения домашнего хозяйства и воспитания детей. В опровержении данной позиции указывалось, что если женщины действительно хотят быть равноправными, то они сами должны бороться за это посредством самостоятельного участия в политической работе [2, л. 58 об.].

Известно, что для первой половины 1920-х годов характерно активное продвижение идей мировой социалистической революции. Местные губкомы и уездкомы четко воспринимали постулаты о международном коммунистическом движении от руководства большевистской партии и активно продвигали их на различного рода собраниях. На заседании Корочанского собрания от 12 ноября 1920 г. его делегаты согласились, что именно женская половина населения играла огромную роль в деле революции, поэтому рабоче-крестьянское Правительство дало возможность привлечь их к управлению страной. Только посещение делегатских собраний по всему миру могло помочь распространить революционные события [3, л. 42 об.].

Новая экономическая политика стала серьезным вызовом для советской власти, едва оправившейся от Гражданской войны. И тут женское население тоже должно было помочь: на заседании коллегии женотдела III конференции работниц и крестьянок Курска от 6 ноября 1921 г. призывали женщин не оставаться в стороне при решении проблемы борьбы с разрухой, говорили о возможности руководства ими всеми отраслями народного хозяйства [3, л. 42 об.]. И все же все призывы, надежды и лозунги воплощались в жизнь не без трудностей. В 1921 г. работа в городе продвигалась медленно «чере-

пашими шагами» из-за отсутствия опытных инструкторов в женотделах уездкомов по Курской губернии, отмечалась необходимость налаживания работы на фабриках и заводах [4, л. 2].

Недостатки в работе в женотделах уездкомов фиксировались и на протяжении 1923 г.: в докладах об обследовании работ в отделах работниц указали на отсутствие ведения учета посещаемости делегатских собраний, неподготовленность протоколов собраний, отчеты с мест подавались нерегулярно, т.е. имело место неудовлетворительное состояние ведения всей документации [5, л. 2]. Причиной указанных негативных явлений считался недостаток комплектования штатов женотделов и их слабая профессиональная подготовленность. В течение всего исследуемого периода партийные органы искали способы повышения эффективности деятельности женотделов. В 1924 г. анализ работы Белгородского женотдела показал потребность увеличить число выездов инструкторов, повысить «гибкость» методов ведения работы путем внедрения товарищеского инструктирования взамен жесткого ревизионного контроля [6, л. 18].

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что советская власть на начальном этапе своего становления выделила отдельное направление партийной деятельности, целью которого стало вовлечение женского населения в политическую активности регионов. Большевики осознавали масштаб необходимой работы, но в то же время подчеркивали, что женщины должны самостоятельно обеспечить свое равноправие путем активного участия в беспартийных конференциях, партийных и делегатских собраниях. Однако на деле оказалось, что работа специально созданных для политического просвещения губернских женотделов и подобных организаций на уровне уездов сопровождалась целым комплексом проблем, обусловленных недостаточной укомплектованностью штатов и финансированием, низким уровнем грамотности, некачественным ведением документации, малоэффективными методами контроля. К сожалению, горожанки так и не смогли полностью освободиться от гнета домашнего быта во имя социалистического строительства.

Литература

1. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-65. Оп. 1. Д. 19.

2. ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 117.
3. ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 120.
4. ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 223.
5. ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 369.
6. ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 454.

К.А. Тимонина, Е.С. Платонова
Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ СПб

**Деятельность Общества помощи политзаключенным
Е.П. Пешковой: женские голоса с просьбами о помощи
и милосердии политзаключенным в годы
сталинских репрессий 1934–1937 гг.**

Исследование посвящено деятельности Общества помощи политзаключенным Екатерины Павловны Пешковой, которым она руководила с 1922–1937 гг. Всю жизнь она занималась политической и благотворительной деятельностью: в дореволюционный период была членом партии социалистов-революционеров, участвовала в деятельности Парижской эмигрантской кассы и состояла в Парижском комитете помощи политкаторжанам в России; с началом Первой мировой войны стала председательницей детской комиссии Общества помощи жертвам войны, после установления советской власти работала в Политическом Красном Кресте В. Фигнер, а потом стала руководительницей его московского комитета. Политический Красный Крест всегда был неправительственной организацией и занимался оказанием помощи лицам, осужденным по политическим мотивам. Крест оказывал несколько форм поддержки политзаключенным: материальную, юридическую, помочь родственникам по поиску репрессированных и их местонахождения, налаживание переписки между ними, мониторинг условий содержания в тюрьмах. Позднее Политический Красный Крест был закрыт, а на его базе открылось Общество помощи политзаключенным. Новая организация унаследовала цели и формы помощи, идею организации, однако изменилась структурно. В отличие от прежней модели благотворительного общества, в котором существовали членские взносы и раз-

ветвленная системой комиссий, новое учреждение было советской общественной организацией с исключительным единоличным правом Е.П. Пешковой управлять объединением и поддерживать переписку с ОГПУ-НКВД.

Деятельность Общества помоши политзаключенным (далее также – Помполит или Общество) и роль Е.П. Пешковой в нем остаются почти неизученными. В большинстве существующих исторических работ как руководительница, так и сама организация имеют романтизованный образ. Пешкова предстает в роли «неизменной гуманистки» или «вынужденной посредницы» между заключенными и чрезвычайными органами, наследницей дореволюционной правозащиты, а само существование Общества рассматривается как «оппозиция правящему режиму» [1, 3]. Такой взгляд не дает погрузиться в сложные аспекты его функционирования, особенно в отношении взаимодействия с государственными органами, а также противоречит современной историографии о советских репрессиях и системе ГУЛАГа [2]. Исключение составляет исследование Марии Гальмарини, которая показала лиминальное положение Помpolitа – как структуры, действовавшей не вопреки государственной идеологии, а в сотрудничестве с ней. Общество Пешковой существовало внутри системы наказания, в своей работе использовало механизмы, предоставленные советской юридической системой и одновременно отстаивало отдельные элементы правозащитной повестки [4]. Однако в статье исследовательницы полностью отсутствуют источники о работе организации с 1932–1937 г., в годы начинающихся централизации, репрессий и операций Большого террора. Опираясь на подход М. Гальмарини о гибкости и лиминальности Помpolitа, в этом исследовании мы бы хотели показать, как функционировал Помpolit в свой завершающий этап. Как менялись формы помоши? Как организация реагировала на изменение политического курса, форм наказаний и юридической системы с 1934–1937 гг.?

Для изучения его деятельности в указанный период, мы обращаемся к ходатайствам осужденных и ответам организации на них, направленным в Общество в 1934–1937 гг. В отсутствие воспоминаний и дневников Пешковой именно эти делопроизводственные до-

кументы становятся ценнейшим источником для анализа повседневной работы Общества. Именно они рассказывают, кому и каким образом организация в годы террора оказывала помощь.

В Помполит обращались за помощью и женщины, и мужчины, рабочие, крестьяне и интеллигенты, участники политических партий и беспартийные. Все они оказались в экстремальных условиях выживания и стремились найти хотя бы минимальную защиту, возможность быть услышанными и представленными через организацию. Кто-то писал от своего имени, находясь в ссылке или в лагере, кто-то – ходатайствовал за родных и близких. Особое внимание в исследовании уделяется женским голосам, которые, как правило, отличались особой эмоциональностью. Просьбы наполнены печалью и одновременной надеждой на «хлопоты» Е.П. Пешковой о них. В рассказе о них рамках доклада я также хотела бы обсудить нарративные стратегии, которые используют заявительницы, когда апеллируют к праву на помощь? В рамках доклада мы планируем показать нарративные стратегии, которые использовали женщины-заявительницы, когда обосновывали свое право на помощь. Одними из ключевых аргументов становились старость, болезнь, инвалидность и иные медицинские показания, которые делали пребывание в условиях высылки или лагеря невозможным, а также представление себя как матери. Эти доводы нередко сопровождались просьбами о переводе в более мягкие условия – например, в местность с благоприятным климатом или расположенные ближе к железнодорожным станциям – что до какого-то момента было возможным.

Литература

1. Мухутдинов А.А. Политический Красный Крест: История создания и деятельности; опыт изучения массовых источников: дисс... к.и.н.: 07.00.02. М.,1998. 157 с.
2. Barenberg A. et al. New directions in Gulag studies: a roundtable discussion // Canadian Slavonic Papers. 2017. Vol. 59, № 3–4. P. 376–395.
3. Finkel S. The “Political Red Cross” and the Genealogy of Rights Discourse in Revolutionary Russia // The Journal of Modern History. 2017. № 1 (89). P. 79–118.
4. Galmarini M.C. Defending the Rights of Gulag Prisoners: The Story of the Political Red Cross, 1918–38 // The Russian Review. 2012. № 1 (71). P. 6–29.

Н.И. Горская
Смоленск, Смоленский государственный университет
К.И. Цурбанова
Смоленск

Женщина-нигилистка – экстремальное воплощение образа участницы российского женского движения

Женский нигилизм стал революционным явлением в России XIX века – не только потому, что впервые массово вовлек женщин в общественное движение, но и потому, что радикально переосмыслил саму суть женственности. В то время как мужской нигилизм вызывал раздражение, женский провоцировал общественное потрясение: он бросал вызов не просто политическим нормам, а самим основам патриархального миропорядка [3, с. 94].

Семья и брак – институты, превращавшие женщин в собственность родителей или мужа. Религия оправдывала ее подчиненное положение. Гендерные роли предписывали пассивность, покорность и «науку нравиться» [10, с. 150]. Если мужчины-нигилисты могли позволить себе теоретические споры, то женщины действовали напрямую, ломая социальные табу.

Внешний вид нигилисток стал манифестом. Отказ от традиционной женственности был сознательным вызовом. Нигилистки предпочитали темные платья простого кроя, мужские пальто, сапоги (все, что позволяло свободно двигаться и работать) [10, с. 154]. Характерной прической нигилисток были короткие стрижки, выступавшие символом отказа от излишнего «украшательства». Нигилистки предпочитали синие очки как символ интеллектуальности, отвергая традиционные атрибуты «благородной дамы» – кринолины, корсеты и демонстративную хрупкость, которые высмеивались ими как «крабский наряд».

Безнравственность или новая мораль? – этот вопрос остро стоял в обществе того времени, когда нигилистки начали открыто бросать вызов традиционным устоям. Посещение лекций по естественным наукам, которые считались исключительно мужским занятием, вызывало искреннее возмущение в обществе. Вступление в гражданские браки без церковного венчания воспринималось как немыслимое кощунство, а отказ от подчинения родительской власти и уход из семьи казался просто немыслимым предательством [12, с. 273].

Каждое их действие, каждое решение воспринималось как прямая угроза устоявшемуся порядку вещей, как вызов самой морали, хотя на самом деле это была лишь попытка построить новую систему ценностей, основанную на свободе выбора и личном достоинстве. Но для самих женщин это был акт освобождения. Они не просто отрицали старые нормы – они создавали новую идентичность, где женщина была не объектом, а субъектом своей судьбы.

Литературная репрезентация идей женского нигилизма особенно ярко проявилась в образе Елены из романа Лескова «На ножах» [5]. Через этот персонаж автор демонстрирует радикальный отказ от традиционного понимания брака как социального института. Героиня воплощает альтернативную концепцию воспитания детей, которая строится не на правовых рамках семейного статуса, а на естественных, природных началах. В ее мировоззрении эмоциональная связь между людьми неизменно ставится выше любых формальных обязательств и предписаний общества. Интересно, что подобные идеи находили отражение не только в литературе, но и в повседневной жизни нигилисток, где визуальная семиотика играла особую роль, представляя собой сложную систему протестных знаков, через которые женщины выражали свое несогласие с существующими нормами и декларировали новые ценности.

Женский нигилизм XIX в. получил яркое воплощение в работах русских художников-реалистов, причем каждый мастер интерпретировал этот образ по-своему. Рассматривая три знаковых произведения – «Вечеринку» Владимира Маковского (1875–1897), «Сходку» Ильи Репина (1883) и «Курсистку» Николая Ярошенко (1883) – мы можем проследить удивительную трансформацию образа нигилистки от карикатурного изображения до глубокого психологического портрета.

В картине Маковского «Вечеринка» перед нами предстает шумное собрание молодежи, где среди небрежно одетых мужчин-нигилистов в очках выделяется женщина в центре – вероятно, нигилистка. Она сидит, скрестив руки, с выражением холодного превосходства на лице, одетая в темное платье без украшений, возможно, с элементами мужского гардероба вроде галстука. Ее поза и взгляд демонстрируют отстраненность – она не участвует в эмоциональных спорах, а лишь наблюдает, словно считая себя выше этой суеты. Маковский, как и многие его современники,

изображает нигилисток неестественными, почти гротескными, создавая скорее пародийный образ, чем реальный портрет. Его ге-роиня не столько борется за идеи, сколько демонстрирует пренебрежение к окружающим [1, с. 211].

Совершенно иной подход мы видим у Репина в «Сходке». Здесь женщина-нигилистка (изображенная справа) – полноправная участница тайного собрания революционеров. Она одета скромно, но без нарочитой небрежности – в темное платье, выглядит собранной и серьезной. Ее поза и выражение лица передают глубокую сосредоточенность – она внимательно слушает оратора, полностью погруженная в обсуждение. В отличие от карикатурного образа Маковского, Репин относится к нигилисткам с уважением, изображая их не как «странных девиц», а как равноправных соратниц в общей борьбе [6, с. 57].

Наиболее прогрессивный образ представлен в работе Ярошенко «Курсистка». Здесь мы видим уже не нигилистку-бунтарку, а новую женщину – слушательницу высших женских курсов, что само по себе было вызовом традициям. Молодая женщина идет по улице с книгами, одетая в простое темное пальто и скромную шляпку без украшений. Ее облик демонстрирует практичность, а не эпатаж, уверенность и целеустремленность читаются во всей ее фигуре – она не оглядывается по сторонам, ее взгляд твердо направлен вперед. Ярошенко создает образ женщины, которая уже не просто отрицает старые устои, а активно строит новую жизнь, основанную на принципах образования, самостоятельности и свободы [2, с. 491].

Эта художественная эволюция – от насмешливого изображения Маковского через уважительное отношение Репина к почти идеализированному образу Ярошенко – прекрасно отражает изменение общественного восприятия нигилисток. Если в 1870-е годы их часто представляли как «уродливых» бунтарок, то к концу века нигилистка превратилась в символ прогресса – женщину, которая не просто протестует, а реально меняет мир. Образ нигилистки в русском искусстве стал своеобразным зеркалом, отражающим как страхи, так и надежды общества эпохи великих перемен.

Несмотря на общественное осуждение как «безнравственных», нигилистки заложили основы для будущей эмансипации,

трансформируя сознание эпохи. Их борьба, подкрепленная философией Дж.С. Милля и воплощенная в литературе (образы Лескова, Писемского) и искусстве (эволюция от карикатур Маковского до героических портретов Ярошенко), показала, что женщина может быть не хранительницей очага, но мыслителем, революционеркой и самостоятельной личностью [2, с. 40].

Ключевым достижением движения стал культурный сдвиг: даже критики вынуждены были признать, что устоявшиеся нормы – не догма, а предмет рефлексии. Женский нигилизм, хотя и не создавший законченной теории, стал мостом между традиционным обществом и феминизмом XX в., доказав, что личная свобода и достоинство – не привилегия, а право, за которое стоит бороться [4, с. 64]. Образ нигилистки в России второй половины XIX – начала XX в. вызывал полярные оценки в разных слоях общества. Для консерваторов она была воплощением социальной девиации – ее осуждали за нарушение норм внешнего вида (простая одежда, короткие волосы), отказ от традиционной женской роли и революционные настроения. Однако в прогрессивных кругах нигилистка стала символом освобождения, служа примером для женщин, стремившихся к образованию и общественной деятельности. К началу XX в. этот образ эволюционировал в новые формы женской активности: революционерок, феминисток, женщин-профессионалов. Хотя нигилистка оставалась маргинальной фигурой для большинства современников, ее значение заключается в создании альтернативных моделей женского поведения, которые способствовали трансформации гендерных норм в российском обществе.

Источники и литература

1. Валькова К.В. Народническая серия картин В.Е. Маковского // Актуальные вопросы истории Алтая. Барнаул, 2017. С. 207–212.
2. Голубева Ю.Д. Исторический портрет Петербургской молодежи в картинах Ярошенко // Россия и мир в исторической ретроспективе. СПб., 2023. С. 489–493.
3. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. М.: Терра-Республика, 1997.
4. Ицкович М.А. Субкультура русского нигилизма 1860-х годов и ее социальная направленность // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 6. С. 61–65.

5. Лесков Н.С. На ножах // Полное собрание сочинений Н.С. Лескова. Издание третье. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1903. Т. 23.
6. Панарина В.А. Образ и судьба революционера-народника в картинах художников-передвижников. Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2021. 57 с.
7. Писемский А.Ф. В водовороте. Полное собрание сочинений. СПб.: Издание товарищества А.Ф. Маркса, 1911. Т. 7. 369 с.
8. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря А.А. Половцова: в 2 т. М.: Наука, 1966. 580 с.
9. Саврушева М.И. Нигилизм как форма проявления современной российской личности. // Вестник Омского университета. 2009. № 3. С. 32–41.
10. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 616 с.
11. Страхов Н.Н. Женский вопрос. Разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины». СПб.: Типография Майкова, 1871. 50 с.
12. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности / под ред. Т.А. Мелешко. СПб.: Алетейя, 2007. 544 с. (Серия «Феминистская коллекция»).

*К.А. Зверев
Кострома, Костромской
государственный университет*

Женщины-политики как проводники политики памяти в Прибалтийских республиках

В последние десятилетия женщины все активнее занимают профессиональные ниши еще относительно недавно считавшиеся исключительно «мужскими». Данная тенденция затрагивает и политическую сферу. Женщины-министры, премьеры и президенты управляют государствами на всех континентах. Не являются исключением и страны постсоветского пространства, в том числе и три прибалтийские республики – Эстония, Латвия, Литва. Так, президентом Эстонской Республики с 10 октября 2016 по 10 октября 2021 г. являлась Керсти Кальюлайд, главой Латвийской Республики с 8 июля 1999 по 7 июля 2007 г. была Вайра Вике-Фрейберга, обязанности президента Литовской Республики с 12 июля 2009 по 12 июля 2019 г.

исполняла Даля Грибаускайте. Однако в данной статье мы бы хотели не только рассмотреть роль женщин в политике стран региона, но и их вклад в развитие местной политики памяти.

После обретения независимости в 1991 г. правящие элиты Латвии, Литвы и Эстонии приступили к конструированию собственного нарратива памяти, подчеркивая собственную самобытность и европейскую ориентацию, стремясь отмежеваться от исторического влияния восточного соседа через отрицание советского прошлого. Это привело к созданию весьма специфичной модели местной политики памяти, сформировавшейся в 1990–2000-х годов.

К характерным чертам прибалтийской политики памяти, можно отнести апеллирование к тезису о «советской оккупации», правовому континуитету (историческая правопреемственность современных Эстонии, Латвии, Литвы по отношению к республикам межвоенного периода), идеализацию национальных государств 1920-х – 1930-х годов и интерпретацию всего предшествовавшего периода развития как борьба за свободу и независимость от иностранных угнетателей.

С провозглашением независимости в августе 1991 г. концепция оккупации стран Балтии и континуитет стали преобладающими трендами в Эстонии, Латвии, Литве и выразились в интерпретации периода вхождения в СССР как «советской оккупации», в восстановлении правовой базы довоенных республик и популяризации данного тезиса, в том числе и посредством выпуска тенденциозной научной литературы [2, с. 79–81]. Если концепция оккупации нашла свое развитие во всех странах Балтии, то принцип исторического континуитета наиболее последовательно реализовывался в Эстонии и Латвии, где он сказался на правовом положении местного русскоязычного населения (официальные Таллин и Рига отказались от автоматического предоставления гражданства тем, кто прибыл в республики в период «советской оккупации» с 1940–1991 гг. – в подавляющем большинстве – русскоязычным) [3, с. 202–215]. Литва же, в силу более моноэтнического характера, а также значительного изменения границ в советский период (приращение Клайпеды, Вильно) отказалась от исключительного апеллирования к республике межвоенного периода и возвела собственную государственность к Великому княжеству Литовскому [4, с. 3–13].

В 1990-е годы восприятие прошлого с позиции жертвы (жертвы войны, тоталитарного режима, коммунистического режима и т.д.) было весьма удобной формой национальной памяти и идентичности в целом ряде посткоммунистических государств, в том числе и странах Балтии. Данная позиция самовиктимизации позволяла Эстонии, Латвии, Литве сгладить острые углы собственного исторического пути XX в. – в том числе авторитарные перевороты 1920-х – 1930-х годов, политические репрессии межвоенного времени, коллаборационизм периода Великой Отечественной и участие в нацистских преступлениях.

Разумеется, разработка и систематизация целого ряда положений местной политики памяти пришла и на период президентства женщин в странах Балтии. Так, глава Латвии Вайра Вике-Фрейберга, покинувшая Ригу еще ребенком, в 1944 г. большую часть жизни прожила в Канаде. Вернувшись в Латвию, в 1990-е годы, она активно продвигала в том числе и исторические нарративы латышских эмигрантских кругов, аффилированных с Музеем оккупации Латвии, который фактически является неофициальным институтом национальной памяти Латвии [1, с. 163–177].

Президент Литвы Даля Грибаускайте также неоднократно высказывалась на исторические темы. Специфической чертой литовской модели памяти явилось законодательное ограничение поля дискуссии о национальном прошлом посредством статьи 170*2 Уголовного Кодекса Литовской Республики. Данная статья предусматривает уголовную ответственность за оспаривание факта «советской оккупации», как и официальной интерпретации январских событий 1991 г. в Вильнюсе [6]. Упомянутая статья была внесена в уголовный кодекс Республики в июне 2010 г. – в период президентства Д. Грибаускайте, поддержавшей соответствующие законодательные поправки.

В период президентства Керсти Кальюлайд активизировалась деятельность эстонского института памяти, выразившаяся, помимо прочего, в создании Мемориала жертвам коммунизма в 2018 г., реконструкции Музея оккупации, а также начале строительства одного из крупнейших в мире – Международного музея памяти жертв коммунизма в бывшем батарейном тюремном комплексе на берегу Таллинского залива [5].

Таким образом, прибалтийская политика памяти не только демонстрировала преемственность при сменяемости элит, но и более динамичное, агрессивное развитие при женской управленческой руке.

Источники и литература

1. Зверев К.А. Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1(58). С. 163–177.
2. Зверев К.А. История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990-е – 2000-е гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 1. С. 79–81.
3. Зверев К.А. Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства. Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1(64). С. 202–215.
4. Зверев К.А. Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы. Всеобщая история. 2020. № 3. С. 3–13.
5. Проект музея 2025 // Сайт Эстонского Института Исторической Памяти URL: <https://patareiprison.org/et/muuseum-2025/projektist> (дата обращения 20.07.2024)
6. Lietuvos Respublikos Baudžiamojo Kodekso 95 straipsnio pakeitimo bei papildymo, Kodekso papildymo 1702 straipsniu ir Kodekso priedo papildymo išstatymas 2010 m. birželio 15 d. Nr. XI-901 (Закон Литовской Республики О внесении изменений и дополнений в статью 95 Уголовного Кодекса, статью 1702 Кодекса и добавление к приложению к Кодексу 2010. 15 июня Нет. XI-901) // Сейм Литовской Республики. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.375951> (дата обращения 16.08.2024).

Е.А. Бахренькова
Москва, Центр «Сёстры»

Невидимые сёстры. Коллективный портрет создательниц и участниц Центра «Сёстры»

В 2024 г. московский Центр помощи пережившим сексуализированное насилие «Сёстры» отметил 30-летие работы. К юбилею организации сотрудниками Центра «Сёстры» в сотрудничестве с исследовательницей Анастасией Ходыревой был исследован ар-

хив центра и проведены интервью с женщинами, стоявшими у истоков создания организации. Целью этого исследования было воссоздание истории Центра «Сёстры».

В начале 1990-х годов несколько участниц российского женского движения объединились для создания организации – кризисного центра, который бы бесплатно поддерживал переживших изнасилование и продвигал общественную дискуссию о проблеме насилия. Ими был сформирован уникальный метод помощи, который почти без изменений сохранился в течение 30 лет работы.

Источников знаний и информации о независимом женском движении 1990-х очень мало, а о движении кризисных центров еще меньше. По мнению Анастасии Ходыревой, высказанному в личной беседе, женщины, создававшие в 1990-е годы кризисные центры, не ставили перед собой задачи производства знаний о себе. Это добавило важности исследованию истории Центра «Сёстры» и расширило контекст исследования.

Предпосылки для бурного расцвета женского движения в 1990-х годах в России можно увидеть уже в 1960-х годах, когда в СССР «переоткрыли» «женский вопрос», когда активизировались женсоветы, возобновились исследования положения женщин. 1970-е годы ознаменовались возросшим интересом к женскому вопросу на международном уровне – ООН провозгласила Международный год женщин и Декаду женщин (1975), принятая Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979).

Общественное обсуждение прав женщин началось с гласностью и перестройкой. В то же время, в 1987 г. Генеральный секретарь КПСС М.С. Горбачев выступил с приветственным словом на Всемирном конгрессе женщин [14]. Также в конце 1980-х – начале 1990-х годов отмечается огромный интерес к психологии и психологической практике помощи другим и себе [7, 12, 15]. Выпускницы психологических вузов начинают работать на телефонах доверия [8, 12], в первых общественных организациях – Фонд помощи душевнобольным и их семьям «Душа человека» [3, 7]. Появляются самоорганизованные группы, которые проводят занятия по методу соконсультирования [15]. В Россию приезжают иностранки, которым интересно работать в России и быть свидетельницами общественных перемен. Часть этих женщин имеет

практический опыт работы в кризисных центрах США и Великобритании [3, 5, 6, 9].

Дорожки этих очень разных женщин пересекаются на I и II Независимых женских форумах в Дубне (1992, 1993) и приводят к формированию инициативной группы, итогом работы которой в 1994 г. становится создание Центра «Сёстры» [3].

Центр «Сёстры», как женское объединение, стал свидетелем всех периодов истории новой России, отражая случившиеся перемены и реагируя на них. В контексте Центра «Сёстры» и движения независимых кризисных центров можно выделить три крупных этапа этого исторического процесса [3, 4, 10, 11]:

1) 1989–1995 – бурный рост низового объединения, формирование первых организаций, начало институционализации;

2) 1995–2014 – развитие устойчивых институций, сотрудничество с государством, практики кризисных центров становятся признанными практиками социальной работы, создаются первые государственные кризисные центры;

3) 2014 – н.в. – развитие общественной поддержки негосударственных кризисных центров, вовлечение в их работу большого количества людей, в том числе в виде общественного финансирования, параллельное развитие государственных кризисных центров.

Финансовая поддержка исследования – Центр «Сёстры»

Источники

1. Архив Наталии Ходыревой.
2. Архив Татьяны Забелиной.
3. Архив Центра «Сёстры».
4. Интервью с Зоей Луковцевой, январь 2024 г.
5. Интервью с Ларисой Понариной.
6. Интервью с Лизой Хоффман, ноябрь 2023 г.
7. Интервью с Марией Белых, октябрь 2024 г.
8. Интервью с Мариной Егоровой, февраль 2024 г.
9. Интервью с Мартиной Ванденберг, январь 2024 г.
10. Интервью с Надеждой Замотаевой, октябрь 2023 г.
11. Интервью с Надеждой Замотаевой, ноябрь 2023 г.
12. Интервью с Наталией Ходыревой, февраль 2024 г.

13. Интервью с Ольгой Кравцовой, декабрь 2024 г.
14. Интервью с Татьяной Забелиной, ноябрь 2023 г.
15. Интервью с Татьяной Липовской, февраль 2024 г.

Н.В. Шалыгина

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

**«Собирательницы общин русских»: (женщины-иммигрантки
в борьбе за консолидацию Русского мира в США)**

Современная история русскоязычной иммиграции во многом «пишется» женщинами, не безразличными к судьбе Русского мира за рубежом. Их деятельность в условиях открытого идеологического противостояния двух цивилизационных систем и открытая борьба за сохранение и укрепление русского языка и культуры в США сегодня сродни передней линии фронта, где каждое выигранное сражение приближает к цели, но одновременно означает и потери.

Движение к цели Натальи Сабельник, главы Координационного совета организаций российских соотечественников США (КСОРС), начавшееся на о. Тубабао (Филиппины), где 3-летней девочкой в 1948 г. она вместе со своими родителями оказалась среди заложников русской дальневосточной эмиграции и откуда была эвакуирована в числе 500 белоэмигрантов в г. Сан-Франциско, сегодня стало миссией по развитию русской идентичности среди иммигрантов 5-й волны. Ее принципиальная позиция заключается в том, что в 2014 г. произошло критическое разделение русскоязычных диаспор, что требует пересмотра политических усилий как со стороны официальной России, так и со стороны общественных организаций в США.

Путь Ольги Зацепиной к созданию Русско-американского культурного центра «Наследие» (РАКСИ) стал логичным продолжением общественной деятельности в московском Доме дружбы народов, куда она пришла школьницей-волонтером, а со временем стала председателем комиссии по образованию в Обществе дружбы «СССР-США» [2]. После 1991 г. основала «Ассоциацию научного, делового и культурного сотрудничества Россия-США» и

программу взаимодействия между женскими организациями России и США [1]. Миссия Ассоциации посвящена поиску общего языка между русскими и американцами в условиях глобализации.

Русскоязычная иммигрантка из Минска Раиса Чернина, переехавшая в США через фонд Hebrew Immigrant Aid Society (HIAS) в конце 1970-х годов, прошла путь «последовательной интеграции» в американскую среду, работая разносчицей еды в небольшом американском городке, организатором семейных вечеринок, изготавителем детских игрушек на заводе. Приняв американскую реальность такой, какой она ее увидели, со всеми достоинствами и недостатками, Чернина заняла активную позицию по отношению к своей новой стране проживания и в 2003 г. основала фонд Be Proud, который позволил ей объединить русских и американцев в борьбе с терроризмом путем проведения протестных концертов с исполнителями из разных стран – американцами, русскими, израильтянами [3].

Одна из создателей организации Американской Ассоциации русских женщин (AAPЖ) в качестве основной идеи проведения круглого стола «Женщины XXI века» Лариса Петренко и ее соратницы обозначили повышение статуса русской женщины в США и провозгласили девиз: «Наши женщины – не русские матрешки!». Выступая за сохранение и продвижение русского культурного наследия и русского языка, внедрение новых образовательных проектов, содействуя социальной работе и оказывая русским женщинам-иммигранткам юридическую, психологическую и даже организацию медицинских консультаций, активистки AAPЖ обозначают новые пути и идеологию развития женского движения в США [4].

В докладе сравниваются несколько жизненных путей русских женщин-иммигранток США и делается вывод о разнообразии женского активизма за океаном на современном этапе, рождение новых идеологических концепций их дальнейшее развитие и вклад в становление Русского мира за рубежом.

Литература

- 1 Ловец быстротекущего времени // Интернет-издание «Континет». 2017. № 7 (391).

2. Зацепина О.С., Ручкин А.Б. Русские в США. Общественные организации русской эмиграции в XX–XXI вв. Нью-Йорк: RACH-C PRESS, 2011. 268 с.
3. «Наши женщины – не русские матрешки!» // Газета «Русская жизнь». 2016. URL: http://www.therussianamerica.com/web_NEWS/articles/7974/1/
4. Portrait Of Women Strength, Raisa Chernina Keeps Humility And Home At Heart// URL: <https://bklyner.com/portrait-women-strength-raisa-chernina-keeps-humility-home-heart-sheepshead-bay/>

М.В. Штылева

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

**Память об участии в региональном женском движении
Мурманской области на рубеже XX–XXI вв.: мотивация и
пути вовлечения женщин в активистскую деятельность**

Женское движение в Мурманской области на рубеже XX–XXI вв. стало частью повседневной жизни многих женщин-активисток движения.

Изучение женской повседневности – одно из молодых научных направлений. В его рамках уже немало сделано отечественными историками и антропологами, в частности – научной школой профессора Н.Л. Пушкаревой [1, с. 27–32; 2, с. 85–97]. Несмотря на растущий интерес и востребованность изучения женской повседневности на разных этапах отечественной истории, в провинции и столицах [4], на явный интерес к быту представительниц разных социальных слоев российского общества [3], некоторые аспекты ее лишены исследовательского внимания. Один из них – повседневная жизнь активисток женских организаций во времена исторических перемен с конца 1980-х – начало 1990-х годов. Это было время быстрого разрушения сложившегося образа жизни и быта, начала освоения нового опыта и социокультурных практик, в том числе и практики создания активистками своих общественных организаций.

Появление самодеятельных женских объединений стало заметным социокультурным явлением в России 1990-х годов. Такие общественные организации были, по словам современников, результатом деятельности их лидеров, создавая особый контекст

обыденности того времени. Накануне перестройки Мурманская область была самым обжитым и развитым регионом Севера и Арктики, а материальное положение жителей Кольского севера было достаточно благополучным. Правомерен вопрос: что же стало причиной возмущения женского населения Мурманской области на рубеже 1980–1990-х годов? Что побудило мурманчанок создавать женские объединения на Кольском полуострове?

На рубеже 1980–1990-х годов женщины, традиционно отвечающие за семейное благополучие, были встревожены резким ухудшением условий повседневной жизни. Северяночка волновали обострившийся дефицит продуктов и рост цен, безработицы, задержки заработной платы и социальных пособий, обнищание населения, привыкшего за годы советской власти к заботе со стороны государства. В изменившихся условиях представительные органы в лице «женсоветов» не выступили в защиту трудовых и социальных прав женщин Мурманской области, не смогли сделать мнение женщин вывести на уровня принятия решений.

Анализ биографических интервью позволил обнаружить причины мотивации и пути вовлечения женщин в активистскую деятельность. Большинство наших респонденток к моменту вовлечения в общественное движение состояли в браке и имели детей, одна из опрошенных была многодетной мамой, еще одна – имела ребенка-инвалида детства.

Вовлечение работающих женщин с семейными обязанностями в общественную деятельность в экстремальных условиях трансформирующегося общества, как показало наше исследование, было обусловлено социальными проблемами того времени. Первыми активистками стали в конце 1980-х годов женщины из наиболее уязвимых групп населения, матери детей-инвалидов, матери многодетных и неполных семей. Они повели за собой и объединили разрозненные женские группы в региональное общественное движение женщин, представлявшее экономически активную и образованную часть населения Кольского полуострова.

Вовлечение в общественную деятельность женщин, которые испытывали острые социальные проблемы, усугубленные ухудшением социально-экономической ситуации в стране, было стратегией поиска выхода из сложившегося положения, основанной,

на традиции объединяться в тяжелые времена и коллективно искать выход из положения.

В то же время, в 1990-е годы среди активисток общественного движения женщин в Мурманской области оказалось немало вполне благополучных, как в личном, так и профессиональном плане состоявшихся женщин. Их мотивы участия в общественной деятельности можно увидеть на примере историй трех общественно признанных лидеров «Конгресса женщин», которые стояли у истоков организации и много лет, а затем ее возглавляли. Все трое с юных лет были комсомольскими активистками, двое из них в 1970–1980-е годы – профессиональными комсомольскими работниками, руководили педагогическими коллективами.

Мотивом вовлечения в общественную работу женщин-лидеров, была, в первую очередь, повышенная чувствительность и неравнодушие к событиям в стране, развитое чувство ответственности и долга. Однако большое значение имели незаурядные организаторские и лидерские качества, способность чувствовать «дух времени» и вести за собой.

Деятельность женских организаций и примеры поведения общественниц-первоходцев стимулировали вовлечение в общественную работу женщин, которые ранее не принимали участия в самодеятельных общественных организациях. Истории активисток хорошо иллюстрируют, что многие из них с середины 1990-х годов вовлеклись в общественную деятельность через волонтерскую работу в уже созданных другими активистками организациях и общественных учреждениях «Конгресса женщин». Как правило, их мотивы вовлечения в общественную деятельность исходила из потребности разрешить личную проблему.

В общественную деятельность мурманчанки втягивались по-разному: одни из них сами инициировали создание женских организаций самопомощи и женских культурно-просветительских клубов, вели за собой и строили сети организаций, другие – вовлекались в работу уже ранее созданных организаций и общественных учреждений «Конгресса женщин». Вовлечение женщин в общественную деятельность обусловливалось, как объективными обстоятельствами трансформирующегося социума и социальными проблемами различных групп населения, так и субъек-

тивными качествами, под которыми подразумеваются неравнодущие к событиям в стране, лидерские задатки и организационные способности женщин-активисток, их искренне стремление «сделать жизнь лучше».

Источники и литература

1. Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97.
2. Пушкирова Н.Л. Как заставить заговорить пол? (гендерная концепция как метод анализа в истории и этнологии) // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 27–32.
3. Секенова О.И. Стратегии самореализации российских и советских женщин-историков вт. пол. XIX – первой пол. XX в.: автореф. дисс... к.и.н. 07.00.07 М., 2021. 32 с.
4. Сулейманова Р.Н. Женщины в общественно-политической жизни Башкирии XX века: автореф. дисс... д.и.н. 07.00.02. Екатеринбург, 2011. 46 с.

*Л.Д. Бойченко
Петрозаводск, Президентская
Академия – РАНХиГС*

Женщины – Уполномоченные по правам человека в Российской Федерации и ее субъектах (омбудс(маны/мены)): становление и деятельность государственной правозащиты»

Изначально Уполномоченный по правам человека – Омбудсман – это шведское изобретение, появившееся 800 лет назад. [10, с. 20]. Позже в англоязычных странах появился омбудсмен, и занять эту должность могли только мужчины, что уже видно из названия должности. Женщины вообще пришли в юриспруденцию, право и правозащиту менее 150 лет назад; хотя порой наравне с мужчинами защищали права и свободы в периподы французских революций, борьбы США за свою независимость и революционных событий начала XX в. в России. Первая девушка – студентка была допущена в качестве вольнослушательницы на юридический факультет Санкт-Петербургского университета в 1905 г. [4, с. 28].

Учреждение института Уполномоченных по правам человека в Российской Федерации было частью непростых больших перемен 1990-х годов, после распада СССР.

В 1993 г. была принята Конституция РФ, в ст. 45 [1, с. 16] которой говорится: Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется и каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, и уже содержались упоминания об Уполномоченном по правам человека в РФ, хотя, специальный ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в РФ» был принят только через 4 года – в 1997 г. [2, с. 4] и заложил основы развития вышеназванного государственного института как на Федеральном, так и на региональном – субъектовом уровнях [3, с. 6].

Впервые женщина – Э.А. Памфилова – в 2014 г. была избрана на должность Уполномоченного по правам человека в РФ, сменив на этом посту В.П. Лукина. Напомним, что первым Уполномоченным был О.А. Миронов; до него С.В. Ковалев возглавлял прообраз этого института – комиссию по правам человека. В 2016 г., в связи с переходом Э.А. Панфиловой на работу в ЦИК РФ, на должность Уполномоченного по правам человека в РФ была избрана вторая по счету и ныне действующая Уполномоченный-женщина – Т.Н. Москалькова, экс-генерал МВД, д.филос.н.; д.ю.н. [8, с. 23].

Спустя почти 30 лет существования в РФ данного института он действует сегодня по всех 89 субъектах РФ, включая ДНР, ЛНР (в этих республиках Уполномоченными являются женщины), Херсонскую и Запорожскую области.

Необходимо констатировать, что в процентном соотношении сегодня все больше женщин занимают эту высокую государственную должность в субъектах РФ. Например, автор этих строк – третий по счету Уполномоченный по правам человека в Республике Карелия – стала первой женщиной на этом посту [7, с. 11]. Это происходит не в связи с плановой деятельностью [5, с. 47] по обеспечению гендерного равенства [6, с. 93] в нашей стране, а с тем, что происходит рост объема задач и конкретной работы при нехватке ресурсов (наличие аппарата и адекватного финансирования).

Сегодня мы рассматриваем государственную правозащиту как целенаправленную работу органов государственной власти по за-

щите, восстановлению, обеспечению и оказанию содействия в реализации прав и свобод человека и гражданина, групп граждан, коллективных прав и интересов общества в целом. Уполномоченные по правам человека (омбудс(маны/мены) представляют собой такой же важный орган правозащиты, как, например, судебная система и прокуратура [9, с. 1] и достойно справляются с возложенными на них обязанностями.

Вслед за Уполномоченным по правам человека в РФ Т.Н. Мосальковой, женщины, служащие Уполномоченными по правам человека в субъектах РФ, поистине являются «мягкой силой России», много делая для защиты прав участников специальной военной операции (СВО) и членов их семей, совместно с Министерством обороны РФ и УФСБ РФ способствуя проведению обменов пленными в рамках гуманитарных акций, тем самым возвращая из плена наших бойцов.

Источники и литература

1. ФЗ РФ «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с последними изменениями 2022 г.)
2. ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в РФ», 1997 г., с последними изменениями в 2022.
3. ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах РФ» от 18.03.2020 №48-ФЗ, с последними изменениями 2022 г..
4. *Бойченко Л.Д.* Женское образование в Карелии (конец XIX – начало XX веков // Традиции образования в Карелии: материал респ. науч.-практ. конф., посвященной 165-летию Олонецкой духовной семинарии / сост.: А. Мусин, В.Н. Сузи. Петрозаводск, 1995. С. 27–28.
5. *Бойченко Д.Д.* ООН и права женщин // Права женщин в России. Законодательство и практика. 1998. № 2. С. 8; ООН и права женщин: история и современность: метод. пособие / [сост. Л.Д. Бойченко]. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 76 с.
6. *Бойченко Л.Д.* Гендерные курсы для студентов-юристов: к постановке проблемы // Гендерное образование в системе высшей и средней школы: состояние и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф., Иваново, 24–25 июня 2003 г. / редкол.: О.А. Хасбулатова (отв. ред.) [и др.]. Иваново: Ивановский государственный университет, 2003. С. 93–94.

7. *Бойченко Л.Д.* Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Республике Карелия в 2019 г. / Уполномоченный по правам человека в Республике Карелия. Петрозаводск, 2020. 71 с.
8. *Москалькова Т.Н.* Институт уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра // Вестник Университета им.О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4. С. 23–24.
9. *Чечельницкий И.В.* Понятие и виды принципов государственной правозащитной деятельности // Lex Russica. 2024. С. 1.
10. Vanhoin eväin ihmisoikeusasialla: Larisa Boitshenko valittiin Karjalan tasavallan ihmisoikeusvaltuutetuksi 2019 / haastatellut Armas Mashin // Carelia. 2020. № 1. S. 19–24. (Текст фин.) Пер. загл.: На страже прав человека: Ларису Бойченко выбрали Уполномоченной по правам человека в Республике Карелия 2019 [интервью главному редактору журнала «Carelia» А. Машину].

РАЗДЕЛ 4

ЖЕНЩИНЫ-МУСУЛЬМАНКИ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЯХ. ЖЕНЩИНЫ МУСУЛЬМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГОДЫ ВОЙН, РЕВОЛЮЦИЙ, КРИЗИСОВ

Л.Р. Габдрахикова

Казань, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Мир татарской женщины в годы Первой мировой войны (по материалам журнала «Сююмбике»)

Накануне Первой мировой войны, в октябре 1913 г. в Казани начал издаваться женский журнал на татарском языке «Сююмбике». Это один из первых татарских изданий для женщин. До этого журналы, рассчитанные на мусульманок тюркского происхождения, выходили в Баку и Бахчисарае. Конечно, до этого на «женский мир» обращала внимание и татарская периодическая печать общего характера. Журнал «Сююмбике» стал логичным финалом этого интереса. Участниками дискуссии были сначала мужчины, но постепенно сформировался и круг авторов-женщин. В основном, это были мугаллима (учительницы), курсистки и другие образованные татарки [4].

География «Сююмбике» не ограничивалась только Казанской губернией (хотя в журнале была отдельная рубрика «мир женщин Казани»), журнал информировал о событиях из жизни татар Оренбурга, Троицка, Уфы, Самары, Астрахани и более дальних уголков страны. Охват журнала зависел и от мобильности читателей, которые становились его корреспондентами.

Издателем и редактором журнала «Сююмбике» был Якуб Халили (1878–1938). Уроженец с. Иж-Бобья Сарапульского уезда Вятской губернии, выпускник медресе братьев Буби. Женитьба на дочери иркутского купца З. Шафигуллина, проживавшего постоянно в Цивильском уезде Казанской губернии, открыла мугаллиму (учителю) и партнеру казанского издательства «Юл» новые возможности. Журнал, выходивший 2 раза в месяц, он издавал вместе с су-

пругой Асъмой Шафигуллиной до 1918 г. [2]. На втором году издания у журнала появился штатный обозреватель Фахрельбанат Сулеймания (1865–1959) [3, с. 23]. Она выросла в семье муллы из д. Служилая Ура Царевококшайского уезда Казанской губернии. Почти всю жизнь посвятила обучению детей, сотрудничала также с татарскими газетами и издательствами.

Круг рассматриваемых в «Сююмбике» вопросов был обширным. Журнал позиционировал себя не просто как «женский», но и как издание о литературе, праве, экономике, нравственности и семье. Публикации о достижениях женщин разных народов и стран (как Запада, так и Востока), дискуссионные материалы о татарках-мусульманках, новости татарских женских школ и курсов, биографии татарских благотворительниц, учительниц и других женщин соседствовали с кулинарными рецептами, советами по домоводству и уходу за детьми, выкройками платьев, шляп, образцами для рукоделия и различными объявлениями (вплоть до брачных), рекламой татарских калфаков (головных уборов), татарской и русской периодики, а также «медицинских» препаратов. Кроме того, в журнале много внимания уделялось литературным публикациям. Как правило, это были произведения современных татарских авторов, но иногда встречались и образцы татарского фольклора.

Основная мысль статей о положении татарок в обществе и семье сводилась к необходимости развития женского просвещения, участия женщин в общественной жизни и их профессиональной реализации ради интересов нации («миллэт»). Для развития нации нужны были образованные и активные женщины («матери нации»). Вообще в этот период в публичном поле закреплялось понятие «татарская женщина», которое вытесняло более традиционное – «мусульманская женщина». Журнал способствовал более широкому употреблению различных феминитивов в татарском языке, а иногда участвовал в формировании новых обозначений (например, «шәфкатъ туташы») [1]. Кроме того, язык татарских газет и журналов, в том числе «Сююмбике», популяризировал относительно новые (буржуазные) формы обращения к женщинам: «ханым» (дама) и «туташ» (барышня). Журнал был иллюстрированным. На наш взгляд, иллюстрации, в том числе реклама татарских головных уборов, тоже способствовали стандартизации внешнего вида татарок из разных уголков страны. Накануне

1917 г. по всей России среди образованных и состоятельных татарских женщин была мода на ношение татарских калфаков (которые изготавливались, главным образом, в Казани) в сочетании с платьями модернового типа.

Многие статьи «Сююмбике» были созвучны с татарской периодической печатью общего характера. Например, в 1914 г. одним из таких событий национального значения стала смерть крымско-татарского просветителя И. Гаспринского, в 1915 г. отмечалось 100-летие со дня рождения Ш. Марджани, а в 1916 г. – 10-летие татарской прессы Волго-Уральского региона. Все эти события сопровождались специальными выпусками журнала.

Основной период издания данного журнала совпал с событиями Первой мировой войны. Безусловно, в «Сююмбике» появлялись и сюжеты, связанные с фронтом и тыловой жизнью. Прежде всего, это различные сообщения о благотворительной помощи татарских женщин фронту и семьям солдат, об их работе в госпиталях и т.д. При этом публиковались не только сообщения новостного характера. Информация часто подавалась с учетом разных идентичностей (гендерной, этнической, религиозной, географической, гражданской и т.д.). Например, были статьи о женщинах-солдатах в Британской армии, о русских и французских сестрах милосердия, о мусульманских беженцах (польско-литовских татарах) в Казани, о германской пропаганде в мусульманских странах и т.д.

Военные условия жизни способствовали росту публикаций, стигматизирующих повседневный опыт татарок. Например, встречались статьи, где их сравнивали с русскими женщинами (в сфере труда, благотворительности) и критиковали безынициативность первых. Такие материалы усиливали дискуссию вокруг «женского вопроса», но татарские женщины все чаще давали отпор своим критикам. В дальнейшем, этот антагонизм (как гендерный, так и социокультурный) проявился в мусульманских съездах 1917 г. Женская активность революционной эпохи тоже нашла отражение на страницах этого периодического издания.

Таким образом, женский журнал «Сююмбике» стал своеобразной энциклопедией образованных татарских женщин Российской империи. Несмотря на то, что над конструированием «женского мира» работали и мужчины, в целом, новое периодическое изда-

ние охватывало основные женские интересы. Журнал формировал новую идентичность татарок начала XX в., расширял «женскую» лексику и стандартизировал образ «матерей нации» – татарской женщины новой эпохи.

Исследование выполнено за счет предоставленного в 2024 году Академией наук Республики Татарстан гранта на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан.

Источники и литература

1. Габдрахикова Л.Р. Исторические предпосылки возникновения понятия «сестра милосердия» в татарском языке // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т. 14. № 4. С. 126–138.
2. Гыймазова Р. Ханымнарга һәдия “Сөембикә”// Эхо веков. 2017. № 1/2. С. 303–309. *На тат. яз.*
3. Женский журнал «Сююмбике». Вып. 1. Казань: Изд-во С.Бузукина, 2019. 164 с.
4. XX гасыр башы татар вакытлы матбуатында хатын-кызы мәгарифе мәсъәләләре (документлар җыентыгы) / төз.-авт. Мортазина Л.Р., Зиннәтуллина А.Ә. Казан: Ш. Мәрҗани исем. Тарих институты, 2020. 380 б. *На тат. яз.*

Н.Н. Гарунова, Н.А. Ибилкасумова
Махачкала,
Дагестанский государственный университет

Еще раз к решению «женского вопроса» на Северном Кавказе в 1920-е годы (на примере Республики Дагестан)

С приходом большевиков к власти в октябре 1917 г. в стране была развернута целенаправленная работа по слому старого и созданию нового государственного аппарата, способного развернуть кардинальные экономические, общественно-политические и социально-культурные преобразования и изменения. Декрет ВЦИК об образовании Дагестанской АССР установил основы государственного устройства, территориальный состав и административные границы новой республики. [1, с. 10].

По мнению исследователя Н.Ю. Кулиш, на территории национальных автономных областей Северного Кавказа – пристальное внимание местных органов власти стало уделяться проработке женского вопроса. В регионах Северо-Кавказского края, в Дагестане тем более, весьма остро стояла проблема «раскрепощения горянки» или «раскрепощения восточной женщины». Причины этого усматривались в крепко усвоенных тейповых-родственных связях, вытекающей из них иерархии; наличии пережитков сословного общества; высокой степени религиозности населения [2, с. 18].

В Советском Союзе стали возникать различные институции, в чьи задачи входила работа с миллионами трудящихся женского пола. Самым специализированным, «профильным», узконаправленным органом по работе с женщинами в СССР стал орган под бытовым названием «Женотдел». Это отдел ЦК РКП (б) по работе среди работниц и крестьянок. Он образовался на базе комиссий по пропаганде и агитации среди работниц, активное формирование которых пришлось на конец 1918 – начало 1919 г. [2, с. 20].

Такие комиссии создавались на самых разных уровнях, начиная с губернских и заканчивая уездными комитетами партий. Однако уже в 1919 г. в РКП(б) произошли значимые структурные изменения: комитеты и комиссии РКП(б) с этого момента подразделялись на отделы, и на базе уже упомянутой выше комиссии был организован отдел по работе среди женщин (Женотдел). Первым заведующим женотделом стала Инесса Арманд, пробывшая на посту до 1920 г., когда ее сменила Александра Коллонтай.

Женотдел ЦК РКП(б) состоял из трех подотделов: подотдела печати, агитационно-пропагандистского и организационно-инструкторского. Женотделы открывались и существовали плотной сетью по всей стране, представители отдела находились во всех народных комиссариатах республик. Женотделы подчинялись партийным комитетам на местах; помимо этого, существовала и «вертикаль власти»: когда уездные и районные женотделы подчинялись губернским, губернские, в свою очередь, республиканским женотделам и Женотделу ЦК РКП(б) [2, с. 24].

По мнению исследователя М.Я. Мирзабекова, одним из важнейших направлений повышения общественно-политической и

социально-культурной активности дагестанки являлось ее вовлечение в отрасли промышленности [3, с. 304].

Ниже приведена таблица, позволяющая рассмотреть представительство женщин (и горянок в том числе), в основных отраслях промышленности Дагестана с 1925 по 1930 г.

	1925/26		1926/27		1927/28		1929/30	
Текстильная	450	16,6	470	24,5	480	27,1	614	24,0
Консервная	135	74,8	201	19,0	330	49,0	461	81,3
Рыбная	—	—	400	25,0	630	20,5	482	16,8
Стекольная	16	31,2	11	27,3	28	32,1	26	69,3
всего	601	30,1	1082	32,9	1468	29,0	1583	39,22

Данные таблицы показывают, что к 1929/30 г. женщины-горянки составили почти 40% от общего числа женщин, работавших в основных отраслях промышленности республики. Наибольшее количество дагестанок было занято в текстильной и консервной отраслях промышленности.

Однако в исследуемый период еще сохранялись серьезные проблемы в закреплении горянок на промышленных предприятиях, обусловленные материально-бытовыми и иными трудностями, тягой их к традиционному сельскому укладу жизни. [4, с. 56].

Предпринимая попытки «отучить» горянок от атавов, власти достигли на этом поле определенных успехов: женщины с каждым годом все больше вовлекались в советскую работу – сначала на уровне родного аула, затем стремились дальше – на районные курсовые мероприятия – по политграмоте и сельскому хозяйству; а также на производство, где, работая вместе с мужчинами, удостаивались общественного признания, премий и звания ударниц.

Литература

1. Органы государственной власти и управления Дагестанской АССР (1920–1994) и Республики Дагестан (1994–2006). Справочник / сост.: Исаева С.Г., Масуева М.И. Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников), 2012. 325 с.
2. Кулиши Н.Ю. Работа женотделов на Северном Кавказе: общее и частное (1920–1930-е гг.) // Вестник КНИИ РАН. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2023. № 2(5). С. 18–24.
3. Мирзабеков М.Я. Историческая география Дагестана (60-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.). М.: Парнас, 2012. 400с.

4. *Мирзабеков М.Я.* Гендерный аспект социально-культурного развития Дагестана в 1917–1920-е гг. Махачкала: АЛЕФ, 2022. 260 с.

А.И. Ажигулова

*Оренбург, Оренбургский государственный
педагогический университет*

Алия Мулдагулова – женщина – Герой Советского Союза

В 2025 г. исполняется 80 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне. В этой связи юбилейный год объявлен Президентом России – Годом Защитника Отечества.

В истории нашего государства есть много имен защитников Отечества, проявивших отвагу и мужество при защите Родины. Отдельно хотелось бы отметить подвиг женщин в годы Великой Отечественной войны.

История изучение женщин-героев в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) выделяет несколько качественных этапов. В начале войны появляются сборники, посвященные описанию подвигов женщин-защитниц. В последующие послевоенные десятилетия работа по изучению роли женщин в годы Великой Отечественной войны была продолжена, появляются отдельные труды о медицинских сестрах, снайперах, связистках и т.д. [5]. Комплексным исследованием являются труды В.С. Мурманцевой, описавшей порядок призыва женщин, сведения о военных должностях, занимаемых женщинами-фронтовиками, участии женщин в крупных операциях Великой Отечественной войны и т.д. [3] На современном этапе выделяются работы Е.С. Сенявской, применявшей не только доступные в постсоветское время архивные источники, но и новые направления исследования, например, военно-историческую антропологию, психологию [4].

Одной из женщин, участвовавших в Великой Отечественной войне является Алия Нурмухамбетовна Мулдагулова, которая в годы войны была снайпером 2-го Прибалтийского фронта. В 1942 г. Алия Мулдагулова окончила Центральную школу инструкторов снайперской подготовки и была призвана на фронт. Зимой 1943 г. Алия Мулдагулова вместе с другими призывниками приняла военную присягу и отправилась снайпером в 54-ю

стрелковую бригаду. За годы войны Алия уничтожила 78 офицеров и солдат фашистской армии. В 1944 г. с началом Ленинградско-Новгородской операции А. Мулдагулова участвовала в отражении натиска противника. В ходе боев 54-я стрелковая бригада была атакована сильным огнем противника, завязался рукопашный бой, Алия Мулдагулова была смертельно ранена, но продолжала сражаться с врагом. Летом 1944 г. снайперу Алие Мулдагуловой было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Ее именем названы улицы, международный аэропорт, аул в Казахстане, Алие установлены памятники в разных городах бывшего СССР.

Многие женщины Советского Союза приняли участие в Великой Отечественной войне, невозможно переоценить их боевой и трудовой подвиг.

Источники и литература

1. Героини: Очерки о женщинах – Героях Советского Союза. М.: Политиздат, 1969. Вып. 2. 463 с.
2. Кирсанов Н.А. Место назначения – фронт. М.: Наука, 1978. 119 с.
3. Мурманцева В.С. Коммунистическая партия – вдохновитель и организатор боевого и трудового подвига советских женщин в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис ... д.и.н. М., 1980. 425 с.

Н.М. Галимуллина, О.В. Козлова

Казань, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ

«Неудобные темы» в жалобах женщин ТАССР в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война является сложным периодом в истории нашей страны: не только на фронтах, но и в тылу усугублялись многие проблемные ситуации, усложнялся быт, обострялись межличностные конфликты. В условиях испытаний, под давлением кризисных событий люди проявляли как свои лучшие, так и худшие качества.

Территория ТАССР не находилась в зоне временной оккупации и не являлась местом боевых действий, тем не менее, повседневная жизнь женщин тыла тоже серьезно изменилась. В годы Великой Отечественной войны в ТАССР проживало примерно 1,5 млн женщин [7, 8], которых можно разделить на жительниц городов и сел, а также на тех, кто проживал в республике на постоянной основе, и тех, кто был сюда эвакуирован.

Образ женщины на войне стереотипизирован современным сознанием. Общеизвестно, что женщина в Великой Отечественной войне наравне с мужчиной проявляла мужество, отвагу, силу духа в борьбе с врагом. Женщина, равная мужчине – стереотип советского времени. Современные же исследования доказывают, что женщинами нарушение устойчивых социальных ролей воспринималось как крушение самой жизни [6, с. 2].

Для того чтобы расширить представление об истории повседневности женщин ТАССР в годы Великой Отечественной войны был избран такой источник как жалобы в органы власти и в средства массовой информации, а также эго-документы (личная переписка между членами семьи), которые позволяют выявить наиболее актуальные проблемы, с которыми пришлось столкнуться женскому населению ТАССР.

Жалобы в отличие от официальных документов зачастую могут нести в себе не завуалированную и приукрашенную в угоду сиюминутной конъюнктуре картину мира. Они концентрируют внимание исследователей на реальных проблемах, связанных с базовыми потребностями личности, например, выживанием, безопасностью. Жалобы написаны в конкретном «моменте», не искажены, не дополнены, не переосмыслены с течением времени.

Безусловно, этот источник не может стать инструментов широкой экстраполяции выявленных проблемных зон, носить массовый характер. Более того, авторы понимают необходимость углубленной критики источников с точки зрения достоверности представленных сведений или намеренного (или неосознанного) искажения действительности. Последнее может быть связано как с внешними обстоятельствами, особенностями самой эпохи излишней подозрительности и доносительства, так и с личностью автора «письма во власть», прагматичной заинтересованностью

не в решении проблемы, а намерением очернить субъекта, о котором идет речь в документе.

Источниковую базу исследования составили документы фондов Государственного архива Республики Татарстан.

Жалобы как исторический источник при изучении «женской истории» используются нечасто, и совсем редко исследователи обращаются к темам, которые можно охарактеризовать как «недобные». Пласт «недобных тем», недостаточно освещенных в официальных документах, обширен. В частности, были выявлены такие проблемы, как:

1. Сложности брачно-семейных отношений (супружеские изменения, ссоры между членами семьи по бытовым и материальным вопросам). Ярким подтверждением может служить письмо А. Исааковой, которая, уличив мужа в измене, просит лишить супруга брони и отправить его на фронт: «Он вполне может служить в армии, а не заниматься в военное время разложением семьи». [2, л. 209];

2. Вопросы половой неприкосновенности женщин. В письме студенток 2-го курса Казанского педагогического института читаем: «Мы, студенты, пришли в институт получать образование и воспитание. Но у нас дело неблагополучное... завкафедрой марксизма-ленинизма директор назначил пьяницу С. В дни празднования 26-й годовщины Октябрьской Революции С. пришел в институт пьяным, и с 12 часов ночи до 7 утра вызывал к себе в кабинет студенток в отдельности, делал предложения вступить с ним в половую связь и попытки к изнасилованию. Кабинет держал в запертом виде, не выпуская вызванных. Такой завкафедрой может только разворачивать». [5, л. 96–96 об.];

3. Защита прав несовершеннолетних, в частности, взыскание алиментов, либо сложное положение семей, где оба родителя отсутствуют, в связи с убытием на фронт или смертью. Например, Л.Т. Рудакова из Аксубаевского района ТАССР пишет: «настоящим прошу вас помочь мне получить алименты на содержание 2 малолетних детей ответчика по исполнительному листу» [1, л. 66–67];

4. Бытовые трудности, связанные с элементарной нехваткой одежды, обуви, средств гигиены и продовольствия, которые воспринимались как унижающие личность и даже ставящие на грань

физического выживания. Так, учительница М.У. Алмаева пишет: «Мне лично стыдно моих учеников 8-9 классов, что я так обносилась. За 2 года здесь и хожу теперь в лаптях и в очень старом, заплатанном пальто» [4, л. 148]. Яркие образы содержит и жалоба гр. Бортман: «Я худая как скелет и нечего поесть: ни мяса, ни молочка, ни сладкого. Я прямо страдаю» [2, л. 119–124];

5. Взаимодействие между эвакуированными семьями и жителями населенных пунктов ТАССР, которые иногда приобретали межэтническую окраску. Так, «жены командиров ленинградцы Матвеева и Макарова» жаловались, что, проживая в с. Антоновка Камско-Устьинского района ТАССР, чувствуют «ненависть местного населения, а также и представителей местной власти... Навстречу нам не идут» [3, л. 23].

По результатам исследования были сделаны следующие выводы:

Жалобы позволяют сформировать картину повседневной жизни тыла, подчеркивая тот факт, что, несмотря на войну, люди продолжали существовать в круге ежедневных дел. Необходимо было кормить, одевать и обучать детей, ходить на работу, выполнять свой гражданский долг. Женщин по-прежнему волновали проблемы брака и семьи, личной жизни, социального статуса. Безусловно, историки военной повседневности указанного периода используют воспоминания и переписку в качестве базовых видов источников. Жалобы позволяют реконструировать события в еще большей полноте, так как зачастую являются «криком души» и обращают нас к проблемам, о которых их авторы не говорят в других источниках.

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. П15. Оп. 5. Д. 486.
2. ГАРТ. Фонд П15. Оп. 5. Д. 489.
3. ГАРТ. Фонд П15. Оп. 5. Д. 832.
4. ГАРТ. Фонд П15. Оп. 5. Д. 834.
5. ГАРТ. Фонд П15. Оп. 5. Д. 882.

6. Реброва И.В. «Женская» повседневность в проблемном поле истории Великой Отечественной войны // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 1–7.
7. Сакаев В.Т., Телишев В.Ф. Городское население Татарстана в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические и политико-демографические аспекты. Набережные Челны: ИПЦ НЧ К(П)ФУ, 2015. 229 с.
8. Ханирова И.И. Сельское население ТАССР в конце 1930-х – начале 1940-х гг.: социально-демографические аспекты. Автореферат дисс... к.и.н. Казань, 2005. 24 с.

И.К. Павлова

*Санкт-Петербург, Спб. Государственный университет
промышленных технологий и дизайна*

Женский фактор в Исламской Республике Иран

В жизни современного Ирана активную позицию занимает и женская половина общества. Еще в 1978–1979 гг., в период антишахских выступлений в крупных городах страны проходили митинги, инициаторами и участниками которых были иранские женщины. Пользуясь сложившейся ситуацией, они выступали за отмену ряда неравноправных по отношению к ним положений. В Тегеране для объединения своих сил митингующие женщины создали Революционный союз. Члены этой организации неоднократно выходили на улицы столицы с протестами за улучшение своего положения в обществе. Они требовали равного права с мужчинами на развод, получение достойных должностей на работе, отмены раздельного обучения в высших учебных заведениях и ряд других лозунгов [1, с. 280]. Для снятия напряженности в обществе в момент смены власти к иранкам обратился духовный лидер революции Аятолла Хомейни (1902–1989), который дал им разъяснения по некоторым моментам.

Выступления иранских женщин против монархического режима в период революционных событий красноречиво говорят о том, что их положение было не таким уж радужным при прежней шахской власти.

Несмотря на то, что в большинстве случаев женские митинги, проходившие в те дни, были разогнаны, все же они имели свой

положительный результат. В новой Конституции Исламской Республики Иран (ИРИ), принятой 15 ноября 1979 г., были выделены четыре статьи (№ 3, 10, 20, 21) Согласно этим статьям, правительство впервые брало на себя ответственность за обеспечение прав женщин и об их защите во всех сферах общественной жизни [3, с. 74–77; 5, с. 12–13].

Чуть позже при высшем Совете культурной революции ИРИ первый раз за историю государства был создан специальный комитет по социально – культурным запросам женщин.

1 августа 1992 г. Маджлис Исламского совета определил ряд профессий, одобренных шариатом, которыми могут заниматься женщины: социальное обеспечение, акушерское дело, литературная и переводческая деятельность, секретарская работа, наука, культура и искусство [11, с. 113].

Уже через год, в 1993 г. Высший совет культурной революции ИРИ отменил ограничения по поводу занятости женщин в отраслях промышленности и в сельском хозяйстве [7, с. 170].

В 2001 г. Исламская Республика Иран присоединилась к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, запрещающей все виды дискриминации женщин.

С 2006 г. иранские женщины получили возможность участвовать в социально-политических делах страны. Теперь они могли работать в государственных структурах, осуществлять культурные связи не только в своей стране, но и за рубежом [14, с. 74–90].

В нынешнем правительстве ИРИ женщины занимают следующие посты: вице президента по правовым вопросам; помощника президента по гражданским правам; руководителя организации по административным и хозяйственным вопросам; зам. президента по делам женщин и семьи. Всего в органах власти занятое женщин составляет более 3%.

В современном Иране сохраняются устои и обычай традиционной семьи, где женщина должна выполнять материнские обязанности и оставаться хранительницей семейного очага. В связи с этим, согласно постановлению Маджлиса, женщины в государственных учреждениях имеют право работать на полставки, т.е. неполный рабочий день, с тем, чтобы иметь время для ведения домашних дел.

По статистическим данным, на январь 2025 г. в стране проживает 92 039 092 чел. Из них мужское население составляет 50,7%, и 49,3% женское. Согласно отчету Всемирного форума, Иран входит в пятерку стран с самым низким показателем гендерного разрыва в мире [12, 13].

Таким образом, вышеупомянутые постановления ИРИ укрепили статус иранской женщины в стране, расширили ее права как полноправного члена современного общества, представили возможность принимать участие в новых направлениях развития государства.

За последние годы по всей стране возникли новые фонды и общественные организации, занимающиеся женскими вопросами. В конце девяностых годов в стране появилось движение под названием «исламский феминизм». Его участницы считают, что ислам дает больше возможностей для женской эмансипации.

Стали издаваться журналы по женской проблематике (напр., популярный журнал «Под чадрой»).

В 2008 г. в Москве по инициативе госпожи Шахин Ансари, супруги Чрезвычайного и Полномочного посла ИРИ в РФ в те годы господина Саида Резы Саджади было создано «Женское русско-иранское общество дружбы и культурных связей».

Востребованность женского потенциала находит применение в науке и гуманитарных областях.

В Иране и за рубежом широко известно имя доктора химических наук госпожи Сохейлы Салахшур Курдестани. Ученая в результате своих исследований сумела вывести природный полимер «хитин», необходимый для производства хирургических нитей и использования его в медицине. Она доказала, что хитин способствует быстрому заживлению гнойных ран. Результаты ее исследования получили международное признание и практическое использование. При вручении ей награды за это открытие госпожа Курдестани сказала: «Свое изобретение я дарю своей стране, в знак того, что я иранка» [10, с. 42].

Женский потенциал востребован в музыкальной сфере. В настоящее время в Иране существует около 20 женских хоров.

Наравне с мужчинами, художниками-миниатюристами, можно назвать имена известных женских каллиграфов госпожи Солины Пурии и госпожи Хенгаме Садри.

Многие книги иранских писательниц переведены на иностранные языки, в том числе и на русский [4, с. 361–392]. Российскому читателю известны имена Сары Эрфани, Тарагти Голи, Симин Бехбахани, Форуг Фаррохзаде и др. Иранские писательницы и поэтессы женским голосом говорят о насущных проблемах своих современниц.

Женская тематика отражена также и во многих иранских художественных фильмах, вызывающих непосредственный интерес в европейских странах. Один из них – «Коммивояжер», вышедший на экран в 2016 г., был представлен на Каннском кинофестивале и награжден премией Оскар.

Современные иранки принимают активное участие в международных спортивных соревнованиях. В марте 2024 г. они завоевали кубок Азии и Океании на международном женском турнире по хоккею с шайбой, победив своих соперниц из ОАЭ, Кыргызстана, Индии [9].

Однако, несмотря на ряд положительных сдвигов, о которых было упомянуто выше, относительно женской идентичности в иранском обществе, в Иране сохраняются некоторые ограничения в отношении прав и свобод женщин. В связи с этим в стране периодически вспыхивают женские протестные выступления. Глобализация в мире и развитие интернета также помогают иранкам все активнее выступать за свои права. В частности, женщины, и особенно молодые девушки требуют отмены ношения традиционной женской одежды хиджаба, вновь введенной в 1983 г. в обычную жизнь женщин по указу Имама Хомейни⁶.

В 2014 г. на Facebook* журналист и активистка иранского происхождения Масих Алинеджад, проживающая в Великобритании и США, запустила движение «Моя скрытая свобода». На этом портале женщины ИРИ выкладывали свои фотографии без платков и получали в интернете одобрение как женского, так и мужского населения всего мира.

⁶ Запрет на ношение хиджаба в Иране был введен в 1936 г. по указу шаха Резы-Пехлеви (1925–1941).

* Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ.

Масих Алинеджад запустила в соцсетях еще один проект под названием «Белые среды». По замыслу автора, иранки по средам выкладывали свое видео, где вначале они появлялись перед зрителями с покрытой головой белыми шальми, а затем резко сни-мали их и демонстрировали свои прически.

Нельзя не упомянуть и о трагических случаях в Иране, связанных со смертью женщин.

13 сентября 2022 г. в Тегеране произошло задержание полицией нравов молодой 22-летней девушки Махсы (Джины) Амини. По прибытию из своего города Сакеза (Курдистан) в столицу, она была задержана патрулем за неправильно надетый платок на голове. При задержании на улице она была так жестоко избита полицейскими, что потеряла сознание. По этой причине представители власти были вынуждены доставить ее в госпиталь, где три дня спустя она скончалась (16 сентября 2022 г.). По официальной версии смерть Махсы Амини была вызвана ее хроническими заболеваниями, в том числе доброкачественной опухолью мозга и низким артериальным давлением [8].

Несмотря на официальное заявление судмедэксперта о причинах смерти Амини, жители Тегерана были уверены, что ее смерть наступила после рукоприкладства полицейского патруля. В день объявления властями о смерти Махсы на улицы столицы вышли многочисленные митингующие с лозунгом «Женщины. Жизнь. Свобода» (перс. «Зан. Зендеги. Азади»).

Эти митинги в Тегеране переросли в широкое женское протестное движение по всей стране. Лозунг «Женщины, жизнь, свобода» стал распространяться из города в город по всей стране. Он звучал на персидском, курдском, азербайджанском, белуджском и других языках.

К весне 2023 г. эти выступления, в результате которых погибло сотни и арестованы тысячи человек, были подавлены (по данным официальной статистики – 551 чел., в том числе 68 несовершеннолетних). Однако, опасаясь новых волнений, правительство все-таки было вынуждено пойти на уступки, распустив полицию нравов и создав центр по правам человека. Власти даже пообещали пересмотреть закон об обязательном ношении хиджаба, но пока никаких конкретных мер по этому поводу принято не было [6, с. 96–105].

В настоящее время в Иране продолжают существовать и другие ограничения свободы женщин: раздельная система образования, сохранение преимуществ мужчин в общественном поле, ношение закрытой мусульманской одежды, временные и полигамные браки. Такие положения вызывают негативную реакцию в женском обществе, особенно среди студенток и представительниц нового поколения XXI в.

Тем не менее, вышеуперечисленные примеры позволяют говорить об успешной деятельности иранок в различных областях жизни своего государства. Основываясь на уникальных традициях своего народа, они используют свой профессиональный потенциал, знания, мастерство, личные качества для дальнейшего развития современного иранского общества.

Источники и литература

1. Агаев С.Л. Иран: рождение республики М.: Издательство политической литературы, 1980.
2. Иноземцева Е. Женский вопрос в свете победы Исламской революции в Иране. URL: <http://www.inozemzeva2010.01>. Власть – cyberleninka.ru (дата обращения: 21 апреля 2025 г.)
3. Иманипур М. Права женщины в конституции Ирана // Ирано – Славика. 2004. № 3–4.
4. Иранский калейдоскоп. Сборник современной иранской прозы. СПб.: Светоч, 2005.
5. Конституция Исламской Республики Иран. Преамбула / пер. с фарси. Тегеран: Министерство культуры и исламской ориентации, 1979. URL: https://www.cisemo.net/sites/default/files/image/since/constitution_of_iran (дата обращения: 21 апреля 2025 г.)
6. Мельник А.В. Современное социально-политическое и правовое положение иранских женщин как фактор протестных движений 2022–2023 гг. в Иране. URL: <https://www.KOINON, 2024, т.4 №1-2/docviewer.yandex.ru> (дата обращения: 21 апреля 2025 г.).
7. Михрпур Хусайн. Права человека в международных документах и положениях Исламской Республики Иран. Тегеран: Иттила' ат, 1374/1995.
8. Отчет о причине смерти Махсу Амини. URL: <https://www.ria.ru/0222007/amin-18222475733.html> (дата обращения: 22 апреля 2025 г.)

9. Российское информационное агентство. URL: <https://www.iran.ru> news 3 (дата обращения: 22 апреля 2025 г.)
10. *Салахшур Курдестани*. Изобретение хитина иранской женщиной – ученой // Третий взгляд. Новости, репортажи и комментарии из иранской прессы. № 47, 25 апреля 1997.
11. *Хушанг Фархуджаста*. Семья в Иране. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009.
12. Index gendernogo ravenstva. URL: <https://www.geeksforgeeks.org> (дата обращения: 22 апреля 2025 г.)
13. Iran population. URL: <https://www.nationsgeo.com> (дата обращения: 22 апреля 2025 г.)
14. *Khaki G.N.* Mir Globalization and Past-Islamic revolution: a Changing Iranian Woman // A Globalization Studies. 2015. V.6., № 1.

Л.Р. Шафигуллина

*Казань, Казанский инновационный университет
им. В.Г. Тимирясова*

**«От материнской заботы к общественной силе»:
правозащитная деятельность солдатских матерей
Республики Татарстан**

Феномен бурного развития в конце XX – начале XXI в. комитетов солдатских матерей, их роли и значения в развитии гражданского общества России является предметом пристального изучения политологов, социологов и историков. Это общественное движение сформировалось по инициативе граждан, и переросло в широкомасштабную правозащитную организацию, где ключевую роль играют представительницы женского пола. Уникальность Комитета солдатских матерей заключается в том, что активистки действуют в сугубо мужской – военной сфере, имеющей особое значение для государства. Данное обстоятельство и порождает основные сложности в работе таких объединений.

Зародилось движение совершенно по объективным причинам, а именно: нарушение прав военнослужащих в армии и отсутствие или невыполнение основных правовых норм, обеспечивающих призывникам надежную защиту. Организационно движение сформировалось в 1989 г. в Москве. С ростом масштабов и институционализацией движения солдатских матерей происходило его

формирование на региональном уровне. Это движение в Республике Татарстан представлено несколькими организациями: Комитет солдатских матерей г. Казани и г. Набережные Челны, Республиканская общественная организация семей военнослужащих, погибших в Афганистане, Ассоциация военнослужащих «Защита». На примере Комитета солдатских матерей г. Набережные Челны рассмотрим процесс институционализации данного движения в РТ и направления их деятельности.

Создание КСМ г. Набережные Челны было инициировано «снизу». Столкнувшись с личной бедой – отсутствием известий от сыновей, находящихся на военной службе, две женщины с активной жизненной позицией Л.А. Клюшникова и С.Г. Карюкова решили в январе 1995 г. (в период первой Чеченской войны) создать в городе КСМ, «чтобы помочь всем, кто столкнулся с беспределом, царящим в армии, получить возможность если не вытащить своих сыновей, то хотя бы предупредить военных чиновников – за мальчишек есть кому бороться» [7, с. 3]. Первое время они работали без регистрации, объединившись «по закону простой человеческой солидарности». Лишь в 2000 г. КСМ г. Набережные Челны был зарегистрирован в Министерстве юстиции РТ и стал общественной организацией с координирующим центром в Москве.

Первым крупным мероприятием, проведенным при поддержке КСМ, стала отправка в 1995–1996 гг. групп родителей (60 чел.) в Чечню для розыска своих сыновей. В основном в зону боевых действий поехали матери солдат, которых уже ничего не страшило. На собрании ассоциации семей погибших воинов председатель КСМ Л. Клюшникова сообщила о трудностях, с которыми сталкивались матери во время поиска своих сыновей: «Наши женщины под бомбёжками и обстрелами пробирались до Грозного на разных боевых машинах, ...на бронетранспортерах и даже в вертолетах. Некоторым родителям пришлось искать своих сыновей среди 500 погибших, лежащих в палаточном городке и вагонах в Ростове... Другой матери пришлось пройти многие километры по дорогам войны, через поле, у которого, казалось, не было конца. При встрече сын был поражен: «Как же ты прошла по этому полю, там ведь мины» [3, с. 2]. В результате было установлено местонахождение 72 солдат, но и были получены трагические вести – 13 солдат оказалось в числе погибших.

По мере развития организации круг ведущих направлений деятельности расширялся. После окончания войны в Чечне значительное внимание уделялось оказанию практической помощи военнослужащим и их родителям: материальная и моральная поддержка, выявление неуставных отношений в частях, перевод военнослужащих из одной части в другую, организация контактов с руководством войсковых частей и военкоматов с целью обеспечения правовой защиты солдат, участие в заседаниях городских и военных судов по делам, связанным с правонарушениями по отношению к солдатам, оказание юридических консультаций родителям. За помощью с момента образования КСМ г. Набережные Челны за первые 10 лет работы обратилось более 5000 граждан из разных населенных пунктов Республики Татарстан (Казань, Елабуга, Нурлат, Менделеевск, Заинск, Сарманово, Нижнекамск, Агрыз).

Остро стояла и проблема неуставных отношений, например, за 2005 г. было 22 подобных обращения [5]. Из-за дедовщины солдаты покидали свои части, многие оказывались в госпитале. В КСМ г. Набережные Челны с тревогой о судьбе сына обратилась мама военнослужащего. «Айрат попал на службу во Владикавказ... Ночной звонок, сообщивший о том, что сын находится в рабстве и нужны деньги для его освобождения, поверг их в шок. В КСМ помогли получить необходимые консультации, составить ходатайство главе администрации города, собрать деньги. Айрата, из рук в руки, в обмен на деньги, передала пожилая женщина, и только в разговоре с родными открылась вся подноготная этой истории. Айрат сбежал из своей части из-за регулярных побоев... чеченцы купили его предложением заработать денег, так он и оказался в плену...» [6]. Многим солдатам удавалось оказать помощь, например, перевести на новое место службы, поближе к дому – а, значит, сохранить им жизнь. С ноября 2006 г. члены организации были прикреплены за более неблагополучными воинскими частями.

Немаловажным аспектом деятельности комитета является информационная работа с населением города и региона, поскольку часть проблем молодого бойца могла бы быть снята в результате повышения их правовой грамотности. В этом направлении регулярно проводились круглые столы и семинары, слеты солдатских матерей. Выигранные в 2003 и 2007 г. гранты (проект 2003 г. «Призывник, знай и защищай свои права», проект 2007 г. «Защита прав

военнослужащих») в рамках конкурсов среди КСМ РФ сделали возможным издание брошюр «Допризывнику», «В помощь военнослужащему» [1; 4]. Комитетом было налажено сотрудничество со СМИ: в городских и республиканских газетах («Вечерние Челны», «Вести КамАЗа», «Челнинские известия») публиковались статьи о нарушениях прав человека в армии, советы и рекомендации призывникам и родителям. Благодаря правозащитной и просветительской деятельности данных организаций граждане России начали осознавать свои права. У них появилось понимание, что права и свободы человека никому не позволено нарушать и уверенность в возможности их отстоять.

Деятельность КСМ – яркий пример проявления гражданской инициативы. Комитеты по всей стране сумели привлечь к своей деятельности значительную часть женского населения страны, заставили считаться с собою представителей официальных кругов и вызвали заслуженное уважение к своей деятельности в различных слоях общества в России и за ее пределами. КСМ занимаются активной правозащитной деятельностью, положительные результаты которой могут быть достигнуты в случае тесного сотрудничества с государственными органами власти на региональном и федеральном уровнях. Исходя из их совместных проектов, можно констатировать, что КСМ принимают активное участие в формировании социальной политики государства. Движение выступает за утверждение принципов гендерного равенства в решении вопросов обеспечения мира и безопасности. Женская половина населения России имеет полное право участвовать в решении коренных вопросов жизни страны, в том числе вопросов войны и мира, влиять на процесс принятия решений и политику власти посредством обращения к органам исполнительной власти, оказывая влияние на формирование общественного мнения. Государство, особенно в 1990-е годы, не могло справиться с этой проблемой самостоятельно, поэтому солдатские матери были вынуждены объединиться в правозащитные общественные организации, чтобы сохранить здоровье своих детей и иметь возможность апеллировать к высшим военным структурам с целью изменения негативных явлений в армейской жизни.

Источники и литература

1. В помощь военнослужащему / сост. С.Г. Карюкова, Л.А. Клюшникова. Набережные Челны, 2003. 63 с.
2. Голуенко Т.А. Общественное движение солдатских матерей России: дис. ... к. полит. н. Кемерово, 2004. 158 с.
3. Давлетгареев Б. Сыновей растим не для войны // Челнинские известия. 1996. №6. С.2.
4. Допризывнику / сост. С.Г. Карюкова, Л.А. Клюшникова. Набережные Челны, 2003. 58 с.
5. Информация о работе общественного органа «Комитет солдатских матерей г. Наб. Челны» // Текущий архив КСМ г. Наб.Челны.
6. Каменская Т. В Комитет солдатских матерей с болью и надеждой... // Камские зори. 19–26 октября 2001. № 41.
7. Каменская Т. С тревогой в сердце // Камские зори. 23 февраля 2001. № 7. С. 3.
8. Письмо-обращение Президенту РТ М.Ш. Шаймиеву // Текущий архив Комитета солдатских матерей г. Наб. Челны.

Д.Н. Караваева

Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН,

Уральский Федеральный университет

Г.Р. Султанова, А.В. Пахомина

Екатеринбург, Уральский Федеральный университет

**Молодые мусульманки Дагестана в условиях вызовов
современности: социальная и культурная видимость,
трансформация гендерных ролей
и религиозных идентичностей**

Проблематика трансформации идентичностей молодых мусульманок Дагестана в контексте вопросов молодежной религиозной радикализации и совершения террористических актов и различных провокаций в 2023–2025 гг., конфликта поколений в отношении вопроса изменения традиционного права (адат) и религиозного права (шариат), социальной и культурной видимости представляется значимой в условиях меняющихся вызовов современности. За последние три десятилетия религиозный облик Республики претерпел

значительные изменения. «Реисламизация» [1, с. 108], образование Духовного управления мусульман Дагестана (далее ДУМД) и его активное участие в местной политике [14, с. 311], чеченские войны, проникновение и вербовка сторонников ИГИЛ (запрещенная в РФ организация) – оказали существенное воздействие на исламские практики и идентичность в регионе [16, р. 160]. На сегодняшний день, согласно результатам социологического опроса Ю.Д. Джабраилова, среди молодежи около 88% респондентов исповедует ислам [2, с. 93]. Таким образом, цель данного исследования – изучить идентичности молодых мусульманок в условиях внешней и внутренней нестабильности (появление и распространение радикального ислама [1, с. 117]; борьба за власть ДУМД и других «авторитетов» [14, с. 311]; дискуссия «традиционного» и «нетрадиционного» («арабского») ислама [9, с. 286]; миграции и урбанизация [3, с. 24]; цифровизация [13]; коррупция и как результат социальное расслоение, преступность, спад производства, безработица [6]; неэффективность правотворчества государственных органов, а также отсутствие четкой национальной и религиозной политики [5, с. 65] и др.) на основе полевых материалов, собранных в ходе Кавказской этнографической экспедиции 2022–2024 гг. УГИ УрФУ и ИИиА УрО РАН.

Исследование основано на источниках текстового и визуального характера: научная литература, материалы СМИ (печатные и электронные), материалы музеиных коллекций, кинодокументы, статистические и демографические данные по Республике Дагестан (далее РД), а также авторских полевых фото-фено-видео материалах Кавказской этнографической экспедиции 2022–2024 гг.

Полевое исследование проводилось в РД (руководитель – к.и.н., с.н.с. ИИА УрО РАН Караваева Д.Н.) в регионах Северного Дагестана (Ботлихский, Гумбетовский р-ны), Западного Дагестана (Цунтинский, Дахадаевский р-ны), Южного Дагестана (Ахтынский, Рутульский, Докузпаринский р-ны), Центрального Дагестана (Гунибский, Шамильский р-ны), а также в городах Дербент и Махачкала. Эмпирической базой исследования стали интервью с молодыми мусульманками (возраст от 18 до 35 лет), «старшим» поколением, а также интервью с экспертами (интервью с имами, алимами, учителями медресе и т. д.).

В полевой работе использовались антропологические методы работы:

– включенное наблюдение (религиозные, административные и образовательные организации; уличное, личное и публичное пространство)

– интервьюирование по авторскому «беседнику», где посредством биографического метода и анализу поколенческой динамики изучается идентичность молодых мусульманок (этническая, религиозная, региональная, гендерная и др.) в контексте ислама (история принятия, отношение себя к одному из направлений, соблюдение основных столпов и др.) и его репрезентации в обществе (внешняя «телесная», «видимая» и «невидимая», «нормативная», «каноничная», «отклоняющаяся»), а также образование, воспитание, семейно-брачные отношения, мода, популярная культура, история Дагестана, общественная жизнь и занятия и др.

– визуально-антропологическая съемка выступила инструментом, оживляющим тему идентичности, демонстрируя конкретных представителей культуры, и то, что их связывает с действительностью.

Объект исследования «молодые мусульманки» понимается с точки зрения коммуникационной теории С. Холла [15]. Идентичность же понимается как динамичный, вариативный феномен, существующий в разных ипостасях и рассматриваемый как исторически сформированный комплекс представлений, периодически активизирующихся при определенных обстоятельствах, конструируемый субъективно, но не в отрыве от конкретных реалий, которые и являются материалом для конструирования [11, с. 9].

На сегодняшний день в РД создаются естественные условия для религиозного сознания молодежи – строятся новые мечети и религиозные школы (медресе), проводятся проповеди, происходит обучение местного населения исламским ценностям специалистами из арабских стран. По данным Комитета правительства РД по делам религии на 25 мая 2024 г. в Республике действовало 2535 исламских объединений, функционировало 6 исламских высших учебных заведений, 18 медресе и 2 филиала медресе, 135 примечетских начальных школ (мактабов) [10]. Помимо этого, наблюдается и рост частных религиозных образований. Молодые

мусульманки активно обучаются религии на стороне под влиянием «других взрослых» (учителей в медресе, религиозных родственников и знакомых) и местных авторитетов, зачастую транслирующих идеалы «нового» ислама [8].

На фоне развития современных средств массовой коммуникации (общедоступность интернета, мессенджеры с бесплатными международными звонками и пр.) «жесткая» государственная граница с низким уровнем проницаемости компенсируется «мягкой» религиозной границей с высоким уровнем проницаемости [7, с. 185–186]. Таким образом, «реисламизация» в «арабизированном» виде происходит поверх «жесткой» границы инструментами мягкой силы (сериалы, фильмы, мода, спорт, а также солидарность с исламским глобальным сообществом).

Идентичность молодых мусульманок конструируется и посредством набирающих популярность в сети Интернет местных digital-селебрети [4, с. 205], каналов в социальных сетях, таких как Telegram, Instagram*, YouTube, популяризирующих привлекательность мусульманского образа жизни и рассматривающих трудности, с которыми сталкиваются женщины, выбравшие жить по шариату в секулярном государстве и публично выраждающие свою религиозность через одежду и другие символы [12, с. 122].

Несмотря на «традиционность» горской культуры, основанной на строгих иерархиях и контроле сообщества над его членами, а также на понятиях чести и стыда, ряд аспектов исламской культуры поддерживает права женщин и способствуют «равноправию» в дагестанской семье и «религиозной эмансипации» – предоставление женщинам прав и свобод внутри религиозного сообщества [8].

Еще одним явным механизмом распространения арабских ценностей ислама среди женской части населения Дагестана выступает мусульманская модная индустрия. Так, в городах Махачкала, Дербент, Кизилюрт, Хасавюрт и др. есть бренды, созданные мусульманками с собственным пошивом и блогами с аудиторией

* МЕТА* (Facebook и Instagram) внесена в реестр экстремистов и террористов Росфинмониторинга и запрещена в России.

в сотни тыс. человек. В ходе полевого исследования были выявлены популярные из них: Mariyan Suleymanova, Style Sisters, Az zuhr, Ummssad и др. [8].

Рассматривая хиджаб (один из главных элементов одежды мусульманок) сквозь призму эстетического аспекта идентичности, приходим к выводу, что во многом номинально религиозная одежда воспринимается как способ быть модной, отличной, принадлежать к определенной контруктуре. Кроме того, для самих респонденток хиджаб выступает в роли инструмента коммуникации. Данный элемент одежды может рассматриваться как стремление реализовать свою привлекательность или наоборот замаскировать свои недостатки, потребность выделяться культурно, хиджаб как «видимая» презентация идентичности. Хиджаб зачастую транслирует принадлежность к общине, воспринимается как способ удачно выйти замуж, как символ благочинности, скромности – идеала современной девушки-мусульманки. При этом чуждость хиджаба, его ассоциация с ценностями арабской культуры, порождает конфликты и вызывает опасения за своих детей, в том числе из-за увеличивающейся угрозы терроризма [8].

Вероятно, молодые мусульманки в условиях исламского ренессанса 1990-х годов обладают «взросленной религиозностью», в отличие от родительской «не взросленной» и/или иногда «возвращенной». Сложные взаимодействия местных адатов, приправленных советско-российскими привычками «старшего» поколения, нередко конкурируют с современными нормами и запретами «нового» «арабизированного» ислама (т. н. формат «чужого» ислама, проникшего, по словам информантов, из арабских стран, таких как Саудовская Аравия, Сирия и Иран), выливаясь в так называемый конфликт поколений [8].

Источники и литература

1. Бобровников В. «Исламское возрождение» в Дагестане: двадцать пять лет спустя // Islamology. 2017. № 1. С. 106–121.
2. Джабраилов Ю.Д. Религиозность и гражданская идентификация молодежи в Республике Дагестан: современное состояние // ИСОМ. 2020. №4–5. С. 90–102.
3. Казенин К.И. Миграция Северо-Кавказского населения с гор на равнину: истоки разнообразия // ЖИСП. 2019. №1. С. 23–38.

4. *Логунова О.С., Лебедев П.А.* Кто такие digital-селебрити и как они коммуницируют с нами? Трансформация селебрити – от Софи Лорен до Дины Саевой // Социодиггер. 2021. № 5 (10). С. 202–213.
5. *Магомедов Г.Н.* Этнокультурные и этнополитические проблемы современного Дагестана // Власть. 2015. №7. С. 62–66.
6. *Магомедова М.А.* Информационное противодействие религиозному экстремизму в контексте обеспечения национальной безопасности (на примере Северного Кавказа) // Общество: политика, экономика, право. 2019. №9 (74).
7. *Мохаммад М.Д.* Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Королевства Саудовская Аравия // Ислам в современном мире. 2018. Т. 14. № 1. С. 183–198.
8. ПМЭ – полевые материалы экспедиции 2022, 2023 и 2024 гг. // Архив Кавказской этнографической экспедиции УГИ УрФУ.
9. *Рагозина С.А.* Защищая “традиционный” ислам от “радикального”: дискурс исламофобии в российских СМИ // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 272–299.
10. Сведения о религиозных объединениях Республики Дагестан на 25 мая 2024 года. // Министерство по национальной политике и делам религий Республики Дагестан: официальный сайт. 2025. URL: <https://minnacrd.ru/activity/12795> (дата обращения: 28.04.2025)
11. *Филиппова Е.И.* Территории коллективной идентичности в современном французском дискурсе: автореферат дисс... д.и.н.: 07.00.07. М., 2010. 544 с.
12. *Хабибуллина З.Р.* Ислам и гендер в интернете: женщины, режим видимости и борьба со стереотипами // Этнография. 2021. № 4 (14). С. 119–137.
13. *Чеснова Е.Н.* Специфика цифровизации ислама и ИТ-халиль // Исламоведение. 2022. № 3 (53). С. 26–41.
14. *Ярлыков А.А.* Ислам и традиция на Северном Кавказе // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 301–315.
15. *Hall S., Hobson D., Lowe P.* Encoding, decoding in the television discourse // Culture, Media, Language. L.: Hutchinson, 1980. P. 128–138.
16. *Kaliszewska I.* «What good are all these divisions in Islam?». Everyday Islam and normative discourses in Daghestan // Contemporary Islam. 2020. Vol. 14. P. 157–178.

Д.Н. Караваева

Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН,

Уральский Федеральный университет

А.К. Малич

Екатеринбург, Уральский Федеральный университет

В поисках кавказских «амазонок» (по материалам полевых исследований в с. Ругуджа горного Дагестана 2023–2024 гг.)

Традиционная культура дагестанских народов, выраженная в адатном праве, обозначала границы поведения женщин и закрепляла за ними определенные роли (жена, сестра, мать, дочь), но несмотря на это существуют села, в которых можно встретить примеры поведения, вступающие в противоречие с патриархальными нормами [2]. В работах Ю.Ю. Карпова, Р.М. Магомедова, Е.М. Шилинга и др. есть примеры поведения женщин, из-за которого авторы во многих женщинах Кавказа видели наследниц легендарных амазонок. В целом, как отмечается, едва ли не каждый исследователь Кавказа, имеющий местные корни и интересующийся данной темой, находит именно в родной ему среде наследие амазонок или память о них [3, с. 180].

Бытующий в общественном сознании стереотип о маскулинности женщин села Ругуджа переплется с существующей в литературе дискуссией о так называемых «кавказских амазонках» [5]. Согласно М.О. Косвену, античная традиция относила место-пребывание амазонок к Кавказу, и в течение многих веков этот регион оставался относительно малоизученным европейскими путешественниками. Начиная с XVII в., интерес к Кавказу возрос, и многие путешественники, такие как Адам Олеарий и Обри де-ла-Моттре, ссылались на античные рассказы об амазонках, включая приводимые ими свидетельства о высоком уровне прав женщин у местных народов; Готлиб Шобер упоминал, что остатки амазонок, называемых «амазун», существовали среди других народов и все еще властвовали над мужчинами, оставаясь искусными охотницами; Якоб Рейнеггс ограничился тем, что записал со слов стариков-черкесов предание о происхождении черкесов, ведущих историю от женщинах народа эмеч, владевших всей нынешней черкесской и сванской землей. Женщины вели войны и отказывались от мужчин, пока одна из них не приняла решение

прекратить сражения и объединиться с черкесами. Археологические свидетельства о находках в женских погребениях Кавказа военных атрибутов наряду с женскими украшениями, подтверждают возможную историческую связь с амазонским фольклором. Хотя местные легенды, такие как истории о Кызе-хане (по Н.М. Дрягиной) и Кунитаге (по М.И. Ермоленко), содержат указания на женские военные фигуры, мало достоверных фактов подтверждают существование амазонок в регионе. Легенды об амазонках представляют собой отражение древних представлений о женщинах-воинах, символизируя «отголоски эпохи женского культа» [3, с. 35].

Основой исследования является массив полевых материалов Кавказской этнографической экспедиции 2020–2024 гг. (полевое исследование осуществлялось в республике Дагестан под руководством научного руководителя, к.и.н., с.н.с. ИИА УрО РАН Дины Николаевны Караваевой). География экспедиции включает регионы Северного Дагестана (Ботлихский, Гумбетовский р-ны), пограничного с. Хой в Чечне, Западного Дагестана (села Цунтинского, Дахадаевского р-нов), Южного Дагестана (села Ахтынского и Рутульского р-нов), Центрального Дагестана (села Гунибского и Шамильского р-нов); г. Дербент, Махачкала и др.

В полевой работе использовались: включенное наблюдение (публичное пространство: религиозные (мечети, медресе), культурные (музей), образовательные (школа) площадки, а также личное пространство жителей села (улица, дом), метод глубокого полуструктурированного интервьюирования по разработанному опроснику/беседнику. Так же использовались письменные источники (монографии, статьи, сборники фольклорных текстов), воспоминания, музейные материалы и пр. В качестве методологии используется «обоснованная теория», предполагающая построение гипотез посредством сбора и анализа данных. Было обработано 30 глубоких полуструктурированных интервью, по материалам которых был подтвержден музейный дискурс о кавказских (в общем) и ругуджинских амазонках (в частности), также популярный в СМИ, иллюстрирующий воинственное поведение женщин, оправдывающий их «амазонскость» [1].

Село Ругуджа Гунибского р-на, некогда место союза общин Андалал, позже центр аварского ополчения для отражения персидской агрессии, на протяжении многих веков являлось одним из крупнейших и зажиточных аварских населенных пунктов, одним из важных экономических, ремесленных, культурных и образовательных центров. Сегодня Ругуджа сталкивается с вызовами, связанными с изменениями платной системы и процессами исламизации, что в совокупности оказывает противоречивое влияние. С одной стороны, оказывается давление на традиционные роли (отказ от ремесленных профессий среди молодежи, миграционный отток), с другой – проявляются новые формам деятельности внутри села (строительство медресе, восстановление мечети, развитие туризма, возвращение жителей к «истокам»). Село до сих пор носит отметку о воинственном прошлом в общественном сознании (не зря же говорят «само название – это “рана”, война, рана и все, что с этим связано»: ПМА 2024). Предание об образовании села Ругуджа гласит, что его основатели прежде жили в 12 селениях, расположенных вокруг нынешнего аула [8, с. 42]. Воинственный характер, который отмечается в качестве черты, присущей всем ругуджинцам, объясняется историей образования села, которое было сопряжено с межтухумовской (внутренняя вражда) и внешней (набеги) конкуренцией за географическое расположение, плодородные земли, богатства.

В связи с этим, военизированный уклад жизни жителей наложил особый отпечаток на формирование маскулинных черт у женщин, которые выразились в некоторых направлениях. Можно выделить несколько проявлений так называемой «женской силы». Физическая развитость, требовавшаяся при ведении хозяйства: посевной труд, требующий физической подготовки, террасное земледелие, скотоводство. Исторически в селе Ругуджа наблюдалось разделение труда, присущее горным районам (женщины могли заниматься работой, которая считалась мужской на равнине, – переносили тяжести на спине или плечах), мужчины занимались его защитой, в военное время нередко на долю женщин выпадало поддержание жизнедеятельности и слежение за хозяйством (ПМЭ 2024: «Великая Отечественная война… Здесь были в основном работающие женщины»), однако они также участвовали в отражении угроз в отсутствии мужчин.

Женщины как носители локальной идентичности играют ключевую роль в передаче местных обычаев, традиций устного фольклора, топонимов и самоназваний (Красная река), легенд, нередко выступая также инициаторами, благодаря которым они возникают (Настин-гора). Легенды служат предостережением от рисков, связанных с местом (Бездонное озеро), вторая – объяснением возникновения несчастных случаев, прямо (Гора грешника) или косвенно (Райские деревья) к ним приведших. Сохранившиеся легенды связаны в основном с физико-географическими компонентами ландшафта, что обусловлено давней традицией сакрализации природных пространств [6], социально-культурный фактор сохранения и бытования «легенд», связанных с природным ландшафтом, хозяйственной деятельностью, участием в войнах и состязаниях.

Поведение, вступающее в противоречие с патриархальными нормами, можно проследить в настоящем (истории о женщинах, которые заняты боевыми искусствами, работой в правоохранительных органах), а также в прошлом (песни-плач, свадебные ритуалы, участие в кровной мести).

Особенно с охотой вспоминают о представительницах женского пола, которые памятны в истории: Мирза Аик, Адулай Окихиле, талантливые плакальщицы, Анхил Марин, поэтесса, фигура которой приобретает характеристики «женщины-воина», «обличительницы несправедливости». По П.И. Тахнаевой, исторический прототип легендарной Анхил действительно отличался своим норовом и свободомыслием. Для Дагестана тех лет ее страстные песни о любви казались невообразимо смелыми, она не записывала своих стихов, их запоминал народ, разносила молва [4].

Отождествление женщин села с амazonками может быть связано с возникающими отклонениями от четко очерченных границ «мужского» и «женского» среди современных жительниц. Речь может идти как о поведении (ПМА 2023: «такая женщина была, говорят, но такая боевая»), образе жизни (активное участие в жизни села, восстановление медресе) и выборе профессии (занятие спортом, работа в силовых структурах). Во-вторых, существование в прошлом ярких женских фигур (плакальщицы, Анхил Марин). В-третьих, идущие рука об руку исторические условия протекания жизни в селе (военизированный уклад и необходимость поддержания обороны) и социальная напряженность.

Литература

1. Анохина С. Кавказские амazonки: миф или реальность // Это Кавказ. 2016. URL: <https://etokavkaz.ru/traditcii/kavkazskie-amazonki-mif-ili> (Дата обращения: 01.02.2025).
2. Мутиева О.С. Этнокультурные особенности маскулинного поведения женщин у народов дагестана // Проблемы востоковедения. 2022. №1. С. 31–36.
3. Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 656 с.
4. Гасретова Н. Песенная легенда // ДагПравда. 2012. URL: <https://dagpravda.ru/kultura/pesennaya-legenda> (Дата обращения: 01.02.2025).
5. Косвен М.О. Амazonки. История легенды // Советская этнография. 1947. № 2. С. 33–59.
6. Лазарян С.С. Роль ландшафтов в контексте социокультурного существования и противоборства России с горскими обществами Северного Кавказа (1801–1864 гг.) // Диалог со временем. 2019. № 66. С. 287–305.
7. Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. 155 с.
8. Хапизов Ш.М. Ругуджинская надпись (о распространении христианства и ислама в Аварии) // Вестник Дагестанского Научного Центра. 2015. № 56. С. 36–45.

3.М. Акмурзаева

*Махачкала, Дагестанский государственный
педагогический университет им. Р.Гамзатова*

Вклад женщин Дагестана в решение задач специальной войenneй операции Российской Федерации на Украине

Немногим более двух лет длится специальная военная операция (СВО) Российской Федерации на Украине, объявленная 24 февраля 2022 г. Президентом РФ В.В. Путиным и поддержанная абсолютным большинством российского многонационального народа. Все регионы страны, в том числе и Дагестан, принимают активное участие в решении задач СВО.

С самого начала СВО руководство Республики Дагестан в лице Главы РД С.А. Меликова заявило: «Вчера наш Президент В.В. Путин заявил о начале специальной военной операции в Донбассе. Считаю это решение главы государства выверенным и обоснованным. Оно в первую очередь продиктовано тревожной обстановкой у нашего порога. И, конечно, мы не можем равнодушно смотреть на издевательства и многолетний геноцид жителей ДНР и ЛНР со стороны марионеточного киевского режима... У нас есть все необходимое вооружение и, главное, – настоящие патриоты, готовые мужественно исполнять свой долг по защите нашего общего дома» [3, с. 1].

Свою поддержку СВО РФ выразили многие политические и общественные организации Дагестана, все представители дагестанского общества, в том числе и женщины.

Деятельность женщин Дагестана по оказанию помощи в проведении СВО направляет Союз женщин Дагестана во главе с Интизар Мамутаевой. Эта общественная организация стал одним из учредителей Дагестанского регионального отделения Общероссийского комитета семей воинов Отечества (КСВО) по поддержке семей военнослужащих, мобилизованных и добровольцев по взаимодействию с органами власти, созданного в конце 2022 г. [2, с. 2].

Свою работу новая организация начала с необходимости всесмерной поддержки и широкого распространения через средства массовой информации идеи семьи Марзият и Гаджи Исмаиловых из Махачкалы. Они предложили из подручных материалов изготавливать своеобразные окопные свечи-печки, что станет настоящим спасением для солдат в зимнее время года. Семья Исмаиловых уже направила в фонд помощи военнослужащим около 500 окопных свечей собственного изготовления. Другим способом оказания помощи, по мнению ДРО КСВО, заведениях является сбор финансовых средств для приобретения составляющих, необходимых для изготовления свечей.

Союз женщин Дагестана проводит много различных патриотических акций, направленных на материальную и моральную поддержку воинов и их семей. Так, широкий размах осенью 2022 г. получила акция «Шьем для наших». Одну группу организовала Марьям Ибрагимова, супруга военнослужащего. В группе около 70 швей из Махачкалы, Каспийска, Хасавюрта, Кизляра,

Дербент и других мест республики. Швеи работают по своим мастерским в своих населенных пунктах и производят флисовые (утепленные изнутри) толстовки и балаклавы и отправляют их в зону проведения СВО через земляков. Это благотворительность, так как никакого заработка за это швеи не получают. Цель этих женщин – обеспечить теплой одеждой наших военнослужащих – участников СВО. Содействие движению «Шьем для наших» оказал председатель Собрания депутатов города Каспийска Абдулвахид Джавадов, который на выделенные деньги закупил необходимую ткань и др. [5, с. 1]. Движение «Шьем для наших» в последнее время набирает обороты, все больше неравнодушных людей хотят помочь. Изготовлением джемперов для участников СВО занимаются работницы швейной фабрики в городе Избербаше. Они также шьют плащи, брюки, утепленные куртки, спальные мешки для мобилизованных.

Много патриотических мероприятий, связанных с проведением СВО, в Дагестане было проведено Союзом женщин Дагестана накануне и в период празднования Международного женского дня 8 Марта 2023 г. Так, в преддверии праздника в республике состоялась патриотическая акция «Женские лица специальной военной операции» [6, с. 1]. Одной из героинь стала редактор отдела газеты «Илчи» Зулейхат Тахакаева. Она занимается сбором материалов о погибших в ходе СВО российских военнослужащих. С инициативой об издании такой книги выступило региональное общество «Сила матери».

По инициативе Союза женщин Дагестана в праздничный день в Махачкале состоялось торжественное собрание «Слава матери защитника», в котором приняли участие матери погибших и мобилизованных воинов-участников СВО из всех городов и районов республики. В фойе Дома дружбы была развернута фотовыставка Алены Нурмагомедовой «Жены Героев», которая вызвала особое внимание участников мероприятия и посетителей [8, с. 2].

В 2022 г. был запущен также Всероссийский проект «Всё для победы!». С тех пор активисты регионального отделения Народного фронта собрали и отправили в зону СВО около 250 тонн гуманитарной помощи. Это теплая одежда, квадрокоптеры, тепловизоры, радиостанции, газовые горелки, медицинские препараты, металлоискатели, бензопилы, спальные мешки и др.

5 декабря 2023 г. в Махачкале за активное участие в проекте «Всё для победы!» Народный фронт вручил премию «Команда Путина» 12 жителям Дагестана, которые оказали значительную помощь участникам СВО. Среди награжденных: мать погибшего военнослужащего Елена Барбара (организовала пошив одежды для бойцов), пенсионерка Бадуржиган Рамазанова (неоднократно готовила еду для бойцов и мирного населения в зоне СВО), первый заместитель руководителя Агентства информации и печати Дагестана Наида Магомедова (оказывала информационную поддержку проекту Народного фронта «Всё для победы». Благодарственное письмо Народного фронта за активное участие в данном проекте получила преподаватель Дербентского профессионально-педагогического колледжа Луиза Гаджимагомедова [7, с. 3].

Женщины Дагестана принимают самое активное участие в волонтерской деятельности. Так, Гулизат Мурадханова, учитель истории Маджалисской СОШ у себя на дому открыла пункт приема гуманитарной помощи. На более полумиллиона рублей были приобретены квадрокоптеры, тепловизоры, радиостанции, бинокли, палатки, машина. Учительница этой же школы Муслимат Джамалутдинова шесть раз отправляла гуманитарную помощь в зону проведения СВО. 16 ноября 2023 г. учительницы Маджалисской СОШ Гулизат Мурадханова и Муслимат Джамалутдинова с гуманитарным грузом в составе дагестанских «Волонтеров победы» сами отправились в зону проведения СВО и пробыли там почти неделю. За проявленные патриотизм и мужество Г. Мурадханова награждена медалью «За укрепление межнационального мира и согласия», М. Джамалутдинова – памятным орденом «Долг и честь» [9, с. 5–7].

Женщины Дагестана оказывают помощь в проведении СВО не только в тылу, но и на полях сражений они достойно и честно выполняют свой долг прежде всего в качестве медицинских работников. Это командир медицинского взвода операционная сестра передвижного медицинского взвода Каспийской флотилии Альбина Капланова, операционная сестра операционно-перевязочного взвода медицинской роты Асият Абдуразакова, операционная сестра хирургического отделения операционно-перевязочного взвода ефрейтор Айназ Азизова и др. [1, с. 1].

Осенью 2023 г. фельдшер скорой помощи города Буйнакска Раисат Алибулатова подписала контракт и отправилась добровольцем в зону проведения СВО спасать раненых воинов [4, с. 4].

Женщины Дагестана, как во время Великой Отечественной войны, событий 1999 г., так и сейчас, когда проходит СВО, находят в себе силы и мужество продолжать жить, воспитывать детей в духе патриотизма и любви к своей Родине.

Литература

1. *Абдурахманова А.* Достоинство, честь, мужество! // Женщина Дагестана. 2023. № 2.
2. *Галкин А.* Всемерная поддержка военнослужащих // Дагестанская правда. 2023. 3 февраля. № 25–26.
3. Дагестанская правда. 2022. 25 февраля. № 39–40.
4. *Исрапилова С.* Боевая сестра // Дагестанская правда. 2024. 8 марта. № 35.
5. *Курбанова М.* Шьем для наших. С любовью из Дагестана // Дагестанская правда. 2022. 29 ноября. № 312.
6. *Магамедов А.* Праздник в особых условиях // Дагестанская правда. 2023. 8 марта. № 51–52.
7. Молодежь Дагестана. 2023. 8 декабря. № 48.
8. *Сулейманов А.* Низко кланяемся вам // Дагестанская правда. 2023. 8 марта. № 51–52.
9. *Тажудинова А.* Волонтеры победы // Женщина Дагестана. 2023. № 5. С. 5–7.

РАЗДЕЛ 5

ЖЕНСКИЕ И МУЖСКИЕ ЭГО-ДОКУМЕНТЫ С ОПИСАНИЕМ ПРИРОДНЫХ И ТЕХНОГЕННЫХ КАТАСТРОФ: ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО- ПОЛОВОГО ВОСПРИЯТИЯ И СПОСОБЫ АДАПТАЦИИ К ПЕРЕМЕНАМ

Е.С. Бастрикина

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

**Болезнь, насланная ведьмами: преследования женщин
по обвинениям в колдовстве в эпоху эпидемии
бубонной чумы 1347–1352 гг.**

В середине XIV в. произошла эпидемия бубонной чумы в 1347–1352 гг., также известная как «Черная смерть». Начало эпидемии принято связывать с территорией Крымского полуострова, откуда болезнь перешла на все Средиземноморское побережье, и уже к 1349 г. распространилась по всей Европе и дошла до стран Скандинавии. Пандемия уничтожила от трети до половины населения Европы, а повторные вспышки продолжались до начала XV в., и население к этому времени сократилось вдвое по сравнению с 1346 г. Вторая же вспышка болезни произошла в 60-е годы XIV в., и к тому времени стало понятно, что чума – не единовременное событие [7, с. 333–334].

Еще до наступления пандемии смертность от болезней в средневековом европейском обществе была велика из-за неумения правильно хранить продукты, недоедания и примитивного состояния медицины. Болезни воспринимались как «божье наказание», и чума не стала исключением в этом понимании [4, с. 156]. Более того, о первой пандемии бубонной чумы осталось мало письменных источников, четко документирующих события, и связано это именно с пониманием мора как «божьей кары». Раз новая смертельная болезнь – это наказание за грехи, то она не нуждается в четком описании симптомов и создании схем лечения (несмотря на

то, что клиническое описание болезни уже было в ходу к тому времени), так как кара божья неотвратима [4, с. 157].

Тем не менее эпидемия не всегда воспринималась только как кара за грехи всего рода человеческого, но и как проклятие, ниспосланное за колдовство. Колдовство, целительство, гадания и прочие магические практики, являвшиеся отголосками языческих верований, порицались церковью, что подпитывало народную неприязнь ко всем, кто занимался ими. С точки зрения гражданского права колдовство редко являлось причиной для наказания (только если существовали доказательства того, что им был нанесен физический ущерб), а с точки зрения теологии вплоть до XIII в. считались лишь «языческим суеверием», которое можно было искупить покаянием [6, с. 23–25]. Но позднее магические практики связывали с демонологией и соблазнением демонами человеческих душ, что развивалось средневековой схоластикой в эпоху «Высокого средневековья» (XI–XIV вв.) [11, с. 328]. По этой причине одним из основных грехов, который и был причиной произошедшей эпидемии, считались именно языческие колдовские ритуалы, а основными виновниками страшной кары – женщины.

Хотя магические практики проводились представителями обоих полов, в основном под ударом оказывались женщины: бездетные, пожилые, вдовы, незамужние, «старые девы». Признаки, по которым можно было выявить колдунью или ведьму, различались в разных регионах, но в большинстве случаев именно принадлежность к женскому полу становилась общим ключевым моментом. Преследование и наказание женщин, использовавших магические практики (и неважно, действительно ли они их использовали), объединяло народные массы верой в общего врага, повинного в болезни, и мнения церкви относительно «охоты на ведьм» разнились – высказывалось как осуждение, так и неофициальная, но все же поддержка [9, с. 316].

Эпидемия чумы XIV в. не являлась эпохой самых масштабных преследований ведьм, более широкое распространение эта практика приобрела в начале XV в. и далее, когда ведьмовство было напрямую связано с конкретными ересями (например, ересью вальденсов в XV в.) [9, с. 317]. Но тем не менее преследования ведьм существовали в этот период, подогреваемые народным

стремлением найти общего врага в период экстремальной эпидемиологической ситуации, а также схоластическими сочинениями, связывавшими колдовство с дьяволом. В своей работе я исследую предпосылки и теоретические обоснования преследования ведьм, а также социальные контексты причин, по которым жертвами гонений становились именно женщины различных социальных групп и статусов в период эпидемии чумы 1347–1352 гг.

Источники и литература

1. *Арьеес Ф.* Человек перед лицом смерти / пер. с фр. С.В. Оболенской. М.: Прогресс-Академия, 1992. 528 с.
2. *Гуревич А.Я.* Избранные труды. Культура средневековой Европы. СПб.: Издательство С.-Петербург. университета, 2007. 544 с.
3. *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990.
4. *Делюмо Ж.* Грех и страх. Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII века) / пер. с фр. И.Б. Иткин и др. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. 750 с.
5. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр., общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; послесл. А.Я. Гуревича. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
6. *Маслова Н.* Ведовство в Европе // Бич и Молот. Охота на ведьм в XVI–XVIII веках / Н. С. Горелов. М.: Азбука-классика, 2005. 512 с.
7. *Уикхем К.* Средневековая Европа: От падения Рима до Реформации / К. Уикхем / пер. с англ. М. Десятовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2020.
8. *Фосье Р.* Люди средневековья / пер. с фр. А.Ю. Карабинского, И.А. Эгипти. СПб.: Евразия, 2017. 352 с.
9. *Шверхофф Г.* От повседневных подозрений к массовым гонениям.» Новейшие германские исследования по истории ведовства в начале Нового времени // Одиссей: Человек в истории. М., 1996.
10. *Fuhrmann H.* Bilder für einen guten Tod. München, 1997.
11. *Hansen J.* Zauberkahn, Inquisition Und Hexenprozess Im Mittelalter. Historische Bibliothek, 1900. Т. 12. 538 S.

О.А. Семенова
Санкт-Петербург,
Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина

Наводнение 1824 г. в Санкт-Петербурге: детская повседневность в экстремальной ситуации

Санкт-Петербург на протяжении нескольких столетий сталкивался с одной из самых серьезных экологических и социальных угроз – наводнениями. Наводнение 7 ноября 1824 г. не только нанесло серьезный ущерб инфраструктуре и экономике города, но и ударило по человеку, люди теряли свое имущество и здоровье.

Все свидетели этих событий передавали одну и ту же картину: погреба, подвалы и нижние этажи домов были в воде, каждый спасал что мог, оставляя большую часть своего имущества в воде [10, с. 11]. Деревянные постройки и мосты на Неве и ее рукавах были снесены стихией, везде неслись дрова, леса, бревна, мебель. Смоленское кладбище подверглось полному разрушению – могильные кресты и гробы с покойниками плавали по водяной поверхности. В потоке воды погибали животные и люди. После наводнения все продукты, строительные материалы и рабочие руки неизвестно выросли в цене. В городе не хватало лекарств, т.к. смешанные с водою медикаменты были утилизированы [8, с. 7].

Из письма Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I, матери мы узнаем, как в городе «находили не мало утопленниц, прижавших к себе детей своих» [9, с. 31]. Такую же картину описывает и А.С. Грибоедов в статье «Частные случаи петербургского наводнения (ноябрь 1824)» [3].

Писатель и журналист Ф.В. Булгарин отмечал, что «толпы несчастных рыдали над сими развалинами, оплакивая невозвратные свои потери... Вопли, горести и слезы сострадания были первым приветствием жителей столицы» [2, с. 185].

И.И. Мартынов, профессор, один из историографов наводнения, переживший стихию в мезонине своего дома, в своих письмах писал, что они потеряли почти всю одежду, и «все съестные припасы, помесячно... закупаемые и на зиму заготовленные, сделались бесполезными» [4, с. 118]. Как только вода начала уходить, Иван Иванович стал помогать своему бедному соседу, который

проживал с женой и с шестью детьми. Он послал им одеяло, шинель старшего сына, сапоги, и несколько сухих рубашек, горячей воды, чаю и размокшего сахара [4, с. 117–118].

Писатель П.П. Карагыгин в своем исследовании «Летопись петербургских наводнений 1703–1879» собрал воедино приметы, слухи, легенды и воспоминания разных людей (С.И. Аллер, А.П. Башуцкий, С.И. Златович и многих других) о наводнении 1824 г. [5]. Помимо ужасов смерти, когда умирали целыми семьями, как например жены и дети рабочих чугунолитейного завода, автор приводит примеры и чудесного спасения: «К одному домовладельцу на Выборгской стороне волнами принесло грудного младенца в пустом сахарном ящике. Утром, на другой день наводнения, он слышит детский крик, идет к месту, откуда он раздается, и находит ребенка, который улыбается... Нашедший, конечно, оставил его у себя на воспитание» [5, с. 80]. Другой случай описывал, как одна женщина бежала по воде, выбирая для этого высокие места, с малолетней дочерью, но вода быстро прибывала, и мать, уже не имея возможности к спасению, вдруг увидела позади себя солдата, плывущего на бревне, она бросила ему своего ребенка. Солдат подхватил дитя, а мать на его глазах ушла под воду и утонула [5, с. 79].

Другая история стала даже печататься в виде рассказа. Малолетние мальчик и девочка во время наводнения были одни дома, родители решили, что их дети погибли, но когда вернулись домой, то увидели их живыми. От лица детей мы и узнаем об их спасении: «Мама, мы играли в комнате, и как вода стала входить сюда, то мы вскочили на стул, а потом на стол. Нас очень забавляло, как стол начал плавать по комнате, а когда он стал подыматься, то мы не могли устоять на нем, а легли и проспали, покуда ты не пришла к нам» [5, с. 81; 6].

В некоторых учебных заведениях сложилась ситуация, когда детей не успели распустить по домам и их спасением занимались учителя [11, л. 2; 13, л. 2]. Также встречались дети, которые потеряли родителей и не могли назвать себя и сказать, чьи они. Очевидцы говорили, что таких детишек повсюду возили, вдруг они узнают кого-то или их [7, с. 57–59].

Для помощи пострадавшим Александр I повелел образовать, под председательством члена Государственного Совета князя

А.Б. Куракина, особый Комитет для пособия разоренным наводнением Санкт-Петербурга. В указе было сказано, чтобы первым делом Комитета было «доставление прибежища и содержания лишенным покрова и пищи...» [12, л. 3–3 об.]. Потерпевшие были разделены на три категории: 1) разоренные бедные жители; 2) старики; 3) сироты от наводнения [8, с. 9]. В свою очередь сироты разделили на четыре группы: действительные дворяне, личные дворяне, сироты другим состояниям принадлежащие и незаконнорожденные. Детей распределяли по учебным и ремесленным заведениям согласно их происхождению, а также назначали денежное пособие. К 27 июня 1825 г. Комитет поддержал 1846 детей [8, с. 16–19].

Императрица Мария Федоровна открыла новые убежища для воспитания детей, потерявших в наводнении родителей или опекунов. Во Вдовьем доме она организовала проживание и пропитание всем бывшим воспитанницам Общества благородных девиц, Военного отделения и мещанского училища, Военно-сиротского, Екатерининского и Марииинского институтов с их детьми [1, с. 383]. При Воспитательном доме было устроено временное убежище для малолетних детей.

Для всех нуждающихся по улицам Петербурга развозили хлеб и теплую одежду, в больницах и частных домах устраивали временные приюты. В первые сутки уже не было ни одного человека без пищи и крова [2, с. 185]. В каждом квартале ежедневно раздавали по несколько тысяч порций горячей пищи, состоявшей в обычные дни из щей с говядиной, в постные – из кашицы со сняtkами. Когда же в домах беднейших жителей были вставлены окна и восстановлены печи, стали раздавать дрова, муку и другие съестные припасы. При гарнизонном батальоне, расположенному на Петербургской стороне, устроили швальни, в которых шили армяки и тулузы, а также изготавливали иную одежду и обувь [1, с. 384]. К большему несчастию, после наводнения наступили морозы, поэтому беднейшие слои населения, плохо обутые и одетые, стали массово заболевать. Больницы были переполнены и мест не хватало.

Наводнение 1824 г. нанесло серьезный материальный ущерб, но самое страшное, что стихийное бедствие стало серьезной угрозой для здоровья и гигиены людей. Большая вода привела к нехватке продуктов и медикаментов, вспышкам инфекционных

заболеваний, а также сказалась на психологическом и нравственном состоянии людей.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421-П.

Литература

1. Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1871. Т. 6 [2]. 132 с.
2. Булгарин Ф.В. Полное собрание сочинений. Новое, сжатое (компактное) издание, исправленное и умноженное. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1845. Т. 5. 249 с.
3. Грибоедов А.С. Частные случаи петербургского наводнения (ноябрь 1824). URL: <http://griboedov.lit-info.ru/griboedov/articles/sluchai-peterburgskogo-navodneniya.htm?ysclid=ma5wp36n4w916894262> (дата обращения: 24.04.2025)
4. Записки И.И. Мартынова // Памятники новой русской истории. Сборник исторических статей и материалов / сост. В. Каширин. СПб.: Тип. Майкова, 1872. С. 68–183.
5. Каратыгин П.П. Летопись петербургских наводнений 1703–1879 гг. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1889. 87 с.
6. Наводнение. СПб.: б.и., 1869.
7. О наводнении в Петербурге 7 ноября 1824 г. // Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. М.: Тов. тип. А.И. Мамонтова, 1900. Ч. 6.
8. Общий отчет Центрального комитета о пособии разоренным наводнением Санкт-Петербурга. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1826. 27 с.
9. Померанец К.С. Три века петербургских наводнений. СПб.: Искусство-СПб, 2005. 212 с.
10. Салов В.В. Исторический очерк петербургских наводнений и предложений относительно предохраниения низменных частей города С.-Петербурга от затопления. СПб.: Тип. Д.В. Чичинадзе, 1898. 63 с.
11. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 139. Оп. 1. Д. 3684.
12. ЦГИА СПб. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1.
13. ЦГИА СПб. Ф.187. Оп.1. Д. 48.

B.B. Цысь
Нижневартовск,
Нижневартовский государственный университет

**Экстремальные и конфликтные ситуации
в сочинениях русских паломниц в Святую Землю
(1850-е – начало 1860-х годов)**

Долгое время паломничество россиянок в Святую Землю носило единичный характер. Ситуация меняется с середины XIX в. благодаря удешевлению транспортных расходов и развитию путей сообщения в целом. По данным русского вице-консула в Яффе, к 1858 г. до 60% богомольцев составляли женщины [1, л. 5–24]. С начала 1850-х годов появляются сочинения паломниц, делившихся впечатлениями от поездок с современниками.

Для большинства женщин пребывание на Святой Земле затмевало все проблемы и трудности. Особенно это касается представителей привилегированных сословий, благодаря деньгам и высокому социальному статусу огражденных от тех невзгод, которыми подвергались простолюдины. Сильные эмоции вызывало пребывание в местах, знакомых с детства по священным книгам. Для женских сочинений характерно преобладание позитивного настроя. Однако имели место ситуации, которые с полным правом можно отнести к экстремальными или конфликтным. Каковы были их причины, с чем же приходилось сталкиваться на пути в Святую Землю и во время пребывания в ней?

При поиске ответов на эти вопросы за основу нами были взяты сочинения Е.А. Волковой (1852–1853 гг. – здесь и далее год паломничества) [7], Е.П. Хрипковой (1852) [8], Е. Бадровой (1857) [2], В.А. Брюн де Сент-Ипполит (Копьева) (1858, 1862) [4], неизвестной (1860) [5], наследницы Брянского Петро-Павловского монастыря Марии (1860) [6].

К причинам экстремальных и конфликтных ситуаций можно отнести не наложенную инфраструктуру. Богомольцам не хватало мест на пароходах, случались аварии, из-за чего требовалось пересаживаться с одного судна на другое [6, с. 70], имелись проблемы с медицинским обслуживанием в дороге. Дискомфорт вызывали и непривычные средства передвижения. Так, Е.П. Хрипкова и ее

спутница «княгиня» упали с верблюда, и хотя «вопль ужаса вырвался в одно время у обеих нас», им удалось отделаться лишь небольшими ушибами [8, с. 79]. Столь же сильные чувства возникали при езде на осле: «мы сидели в корзинах... ехать было очень страшно... мое сердце замирало; невольно кричишь “ах, ах”!» [8, с. 98]. Неизвестная упоминает, что ее осленок «споткнулся, и я пеперелетела через его голову и ушибла только колену, потому что случилось на мягкое место» [5, с. 254]. Приходилось также вносить корректизы в свои привычки и нормы приличия, присущие Европе. Так, Е.А. Волкова в пути от Яффы до Иерусалима «первый раз в жизни сидела в мужском седле» [7, с. 340].

А.А. Дмитриевский, а вслед за ним и современный исследователь Ю.Е. Кондаков, указывали, что проблемы создавала «крайне нездоровая атмосфера Иерусалима»: постоянная непрекращающаяся борьба православных, католиков, протестантов, столкновение христианских и мусульманских интересов, алчность греческого духовенства [3, с. 30–31]. Как писала Е.А. Волкова, во время службы в храме Гроба Господня «сделался шум и драка с армянами... Камни, палки, башмаки – все летело по воздуху, и скоро лампады, украшающие Св. Гроб, с треском посыпались... многие были окровавленные... Милосердие Божие сохранило нас невредимо в столь ужасную минуту, где могла бы дойти и наша очередь» [7, с. 375–376]. Неизвестная пишет, вероятно, имея ввиду друзско-маронитский конфликт 1860 г.: «мы провели всю ночь в чтении акафиста Христовым страстям, Воскресению, Божей Матери, Ангелу Хранителю, стояли заутреню и обедню. В эту ночь турки положили убить всех христиан, находящихся в Иерусалиме, но по великому милосердию своему Господь предотвратил от нас удар этот» [5, с. 253]. Присущая женщинам эмоциональность, переходящая в экзальтированность, привела к ситуации, когда Е.П. Хрипкова прыгнула с возвышения в толпу во время крестного хода вокруг Кувуклии. Ее подхватили «добрые гречанки» и эпизод закончился благополучно [8, с. 97].

Разбойные нападения кочевых арабов (бедуинов) при передвижении караванов были проблемой, упоминаемой еще игуменом Даниилом в начале XII в. В рассматриваемый период обстановка

постепенно нормализуется. Тем не менее, хотя сами русские паломницы не подвергались грабежу, они рассказывали о подобного рода случаях, происходивших с другими [2, с. 16–17].

Еще одна причина конфликтов – стремление к самостоятельной благотворительной деятельности, не подкрепленное поддержкой официальных структур. В качестве примера можно привести попытки В. Брюн де Сент-Ипполит организовать школу для православных детей, закончившуюся ее высылкой на родину. Отсутствие опыта, излишняя амбициозность настроили против нее русского консула и настоятеля Русской духовной миссии. Как она писала позднее, «я дивным Божиим Промыслом поддерживалась без воды и без пищи, живши в чужом крае, страдая от притеснений своего правительства» [4, с. 71]. Источником стресса могли быть непривычные природно-климатические и географические условия, погода. Женским текстам свойственно более эмоциональное описание природных явлений, угрожавших опасностью. Неизгладимое впечатление производило волнение на море, с которым многие сталкивались впервые в жизни. При виде бури, качки, используются такие выражения как: «Ужасные волны катились к нам... гибель казалась неизбежна» [8, с. 87], «никогда... не видала себя так близко смерти!» [7, с. 339], «невозможно описать вполне всеобщего испуга и отчаяния... все в оцепенении ожидали смерти» [6, с. 54–55], «Мы думали, что уже должны погибнуть» [5, с. 264].

Вопреки ожиданиям, дискомфорт вызывала не только жара. «В Иерусалиме необыкновенно холодно..., – писала Е. Бадрова, – Я редко снимаю шубу... ветер от дверей и окон так и проникает насквозь; дрожу как в лихорадке и насилиу держу перо» [2, с. 9, 13]. Однако в этом виделся высший, смысл, посланное Богом испытание, т. к. «если бы мне было тепло, я, может быть, и забыла бы, как страдают бедные» [2, с. 9].

Влияла на настроение международная обстановка, обострение которой иногда перерастало в вооруженные конфликты. Е.А. Волкова отмечала: «В путь отправились, ибо слухи об войне [Крымской. – В.Ц.] грозят опасностью. Всем русским запрещали здесь оставаться... мысль, что и мне роковой час приблизился, и разлука с Иерусалимом неминуема, отравляла мою жизнь» [7, с. 392]. Однако суждения политического характера, оценки действий турецких или иных властей в текстах не обнаруживаются.

Таким образом, сочинения русских паломниц отражают процесс становления необходимой на пути из России в Палестину инфраструктуры. В рассматриваемый период пока еще наблюдалось нарушение координации в деятельности различных сторон: представителей МИД, духовной миссии, местных чиновников. Женщины наиболее ярко, эмоционально освещали эти проблемы, привлекая к ним внимание общественности и государства, заставляя искать пути их решения, а составленные ими описания предупреждали будущих паломников о потенциальных опасностях.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 25-28-01056

Литература

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 161. II-8. Оп. 44. Д. 8.
2. [Бадрова Е.] Два письма из Иерусалима русской поклонницы св. Гробу Господню. СПб.: в тип. Императорской Академии наук, 1858. 28 с.
3. Кондаков Ю.Е. Борьба за нравственность российских паломников во второй половине XIX в. // История повседневности. 2023. № 2. С. 22–36.
4. Крутова М.С. Воспоминания русских паломниц Варвары Брюн де Сент-Ипполит и Варвары Пельской о пребывании на Святой земле в середине XIX века (на материале отдела рукописей РГБ) // Христианство на Ближнем Востоке. 2023. Т. 7. № 3. С. 52–80.
5. Поляков И.А. «Самый счастливый день в моей жизни»: Путешествие русской паломницы на Святую Землю в 1860 году / вст. статья, публ. и комм. И. Полякова // Текст и традиция. 2023. Т. 11. С. 243–266.
6. Путешествие в Иерусалим на поклонение Святым местам или путевые записки. СПб.: в тип. А. Траншеля, 1866. 211, [5] с.
7. Самофалова Е.И. «Путевые записки» (1852–1853) Екатерины Волковой о паломничестве на Святую Землю // Литературные взаимосвязи России XVIII–XIX вв.: по материалам российских и зарубежных архивохранилищ. М.: У Никитских ворот, 2015. Вып. 1. С. 332–401.
8. [Хрипкова Е.П.] Путевые записки странницы. СПб.: типография духовного журнала «Странник», 1860. 138 с.

B.A. Веременко

*Санкт-Петербург, Ленинградский
государственный университет им. А.С. Пушкина*

**Детские болезни на страницах дневника и воспоминаний
петербургской прислуги**

«Экстремальная повседневность» – устойчивое, хотя и достаточно противоречивое выражение, традиционно применяемое в отношении изменения жизни людей, произошедших из-за крупных социальных катастроф, в результате которых кардинально менялась человеческая обыденность и реформировались повседневные практики. Речь, как правило, идет об адаптации к условиям войны, революции, массовых эпидемий, голода и других подобных им внешних для конкретной семьи обстоятельств. Вместе с тем, в жизни каждого человека всегда есть свои периоды «экстремальной повседневности», подчас совсем не связанные с глобальными изменениями – это безденежье, болезнь и / или смерть близких, собственные проблемы с самочувствием, наконец, конфликты в семье или на работе. В чедре этих бесконечных «экстримов» для любой матери одной из самых «повседневных», но в то же время «экстремальных» ситуаций является болезнь ребенка.

В конце XIX – начале XX в. обыденность детских болезней дополнялась обыденностью детских смертей. Так, в 1890-е годы только в европейской части Российской империи не доживало до года более миллиона детей ежегодно (1 196 000) [5, с. 6]. В такой ситуации сюжеты, посвященные болезни и смерти детей, как родных, так и живших в семьях ближнего и дальнего окружения, очевидно становились обязательным элементом женских дневников.

В отечественной историографии вопросы детского здоровья в России в пореформенный период вошли в последние годы в число наиболее исследуемых [3; 4]. Особо рассматриваются специальные детские дневники здоровья, в которых родители, как правило, матери, записывали физические показатели (вес, рост, характер кормления и т.д.) своих малышей [1; 2; 6].

Основная масса дошедших до нас женских эго-документов, на основе которых можно было бы выявить эмоциональную сторону отношения их авторов к вопросам детского здоровья, принадлежит представительницам привилегированных сословий. Однако

в данной статье предполагается посмотреть на этот сюжет глазами бывшей петербургской прислуги.

Автор этого-документа, содержащего в себе элементы дневника, воспоминаний и писем – Мария Скудре, лютеранка, покинувшая службу горничной после замужества, первоначально жила в Петербурге, где ее муж служил лакеем в Зимнем дворце. Спустя несколько лет, оставив супруга в столице, Мария с детьми перебралась в Малое Колпино под Гатчиной, куда до этого выезжала на лето. Именно из-за нахлынувшего в связи с переездом в деревню чувства одиночества Мария и взялась за перо...

Сюжеты, посвященные болезни, а то и смерти детей, встречаются в тексте регулярно, причем то, что касается собственных детей, написано как бы походя, в русле описания других событий. Так, в записях за март 1902 г., в разделе, посвященном болезни и смерти бедного соседа Михайлы, в помощи по организации похорон которого Мария принимала активное участие, находим следующее отступление:

«Вчера, в четвертом часу дня, я сидела на краю постели около моей, заболевшей, восьмилетней дочурки Мани, и читала ей вслух... По временам, я переменяла холодный компресс, на головке больной, так как у нее вторые сутки, как был жар и сильная головная боль. В это время пришла ко мне кума, передала мне просьбу вдовы, чтобы я пришла помочь сшить саван для покойного Михайлы, и помогла бы положить его в гроб». Далее мать сообщает о возникшем у нее «минутном колебании», которое все-таки разрешилось в пользу соседки. А собственная больная дочь была оставлена на попечение 10-летней Лиди [7, с. 459–460].

Зато очень подробно описываются в тексте этого-документа воспоминания об операции сына барыни, произошедшей в то время, когда Мария еще была прислугой и поденные записи, посвященные болезни и смерти новорожденной дочери соседей.

В первом случае, все внимание мемуаристки сконцентрировано на горе высокородной матери, волновавшейся за здоровье сына: «Болезнь и страданье и тревогу за детище я видела на лице Матери. Я успела привыкнуть и полюбить свою Госпожу, мне было вдвое больше жаль ее нежели больного» [7, с. 438].

Во втором же случае, самым важным для автора является ситуация, связанная с несостоявшимся крещением малютки, умершей

прямо на пороги церкви. Впрочем, и сама мать новорожденной, принимая ее возможную смерть как должное, также волновалась, прежде всего, из-за затягивания с крещением и «неоднократно напоминала» мужу о крестинах. Но тот, пытаясь раздобыть деньги, «так и затянул до последней минуты» [7, с. 448].

Итак, для бывшей петербургской прислуги болезни и смерти детей обыденная ситуация. Отношение к которой, однако, и на рубеже XIX–XX в. сохраняет определенную сословную специфику. «Дорогие воспоминания», посвященные переживаниям матери-аристократки, написаны возвышенным слогом, а само слово «Мать» ставится с большой буквы. Ее страдания вызывают у служанки чувство благоговения. Совершенно в других красках, спокойно и по-деловому описывает Мария состояние соседки, затянувшей с крещением дочери. В отношении же собственных детей женщина демонстрирует заботу, которая, тем не менее не дает ей забывать о христианском долге перед близкими.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421-П.

Источники и литература

1. Веременко В.А. Любовь, брак и родительство в дворянских семьях России во второй половине XIX в. (по дневникам Половцовых – Кравченко) // Модернизация в России: история, политика, образование. Вып. 4. Сборник материалов Всеросс. науч. конф. / отв. ред. В.А. Веременко. СПб., 2011. С. 62–70.
2. Веременко В.А. Родительский дневник как элемент новой системы дворянского семейного воспитания во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере дневника Е.С. Зарудной-Кавос) // Воспитание: возможности, реалии, перспективы: материалы науч.-практ. конф. / отв. ред. Н.В. Поликутина. Бокситогорск, 2012. С. 44–48.
3. Веременко В.А., Сутула Ю.В. Гигиена питания дошкольников в столичных дворянско-интеллигентских семьях России в конце XIX – начале XX в // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22, № 3. С. 496–509.
4. Гигиена детства в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии (середина XVIII – начала XX вв.): сборник документов и материалов / сост. В.А. Веременко и др. СПб., 2023. 432 с.

5. Гундобин Н.П. Детская смертность в России и меры борьбы с нею: Лекция, чит. 6 июня 1906 г. на I Рос. педол. съезде. СПб.: Лит.-мед. журн. д-ра Окса, 1906.
6. Мицюк Н.А. Родительский дневник – важный источник презентации истории семьи, материнства и детства в дореволюционной России // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 4 (31). С. 56–63.
7. Скудре М. Дорогие воспоминания. Дневник с 2 ноября 1897 г. по 30 октября 1902 г. Внушение детям // Прислуга в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. / отв. ред. В.А. Веременко. СПб., 2021. С. 430–568.

В.О. Левашко, С.А. Низов

*Санкт-Петербург, Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина*

**Досуг американских путешественников
в экстремальных условиях Дальнего Востока и Сибири
второй половины XIX в. (по опубликованным
автодокументальным источникам Джорджа Кеннана)**

К началу 1860-х годов, на волне неудач трансатлантического телеграфного проекта, у представителей США возникло несколько идей прокладки кабеля через Россию. Основания для такого развития телеграфной сети были весьма весомые. Большая часть линии проходила бы по сухе и, следовательно, проект нес гораздо меньше рисков и затрат, чем первоначальный вариант, а для Российской империи это была стратегически важная перспектива в военном отношении [6; 2, с. 197]. Несмотря на то, что в конечном итоге «Тихоокеанский проект» потерпел фиаско [2, с. 160] американские телеграфисты провели в экстремальных условиях дальнего Востока двухлетнюю разведывательную экспедицию, одним из итогов которой стала публикация в 1870 г. путевых заметок *«Tent Life in Siberia»*.

Джордж Кеннан, член экспедиции и автор публицистического очерка, изданного в Нью-Йорке, попал в экстремальные условия Дальнего Востока в 20 лет. Молодой человек отчетливо понимал, что его необыкновенный опыт путешественника придется «по вкусу» соотечественникам, поэтому книга *«Кочевая жизни в Сибири»* написана в художественно-публицистическом жанре.

Первое впечатление от экстремальной повседневности Дж. Кеннан получает во – время двухмесячного пребывания на бриге, пересекая Тихий океан, и как следствие морской болезни мучительный досуг, когда – «неделями приходилось наблюдать за покачивающейся лампой в каюте, не имея силы ни на что другое». Высадившись на берег, будущий публицист активно замечает природные и климатические особенности местности, культурные и языковые обычаи населения. Досуг телеграфных операторов, которых, по простодушию, в туземных селениях принимали за родственников императора, был разнообразным. Американцы посетили свадьбу, угощались вареньем из лепестков роз, ходили в церковь и парились в бане «по-черному». Экстремальные дорожные условия в перегонах между поселениями, вынуждали экспедицию охотиться на медведей, участвовать в алкогольных попойках с камчадалами и быть свидетелями жертвоприношений. Во время длительной стоянки в ожидании зимы, Дж. Кеннан перенимает навыки шитья одежды из шкур и знакомится с местным фольклором [3, с. 14, 41, 55, 74, 83].

По мере увеличения продолжительности нахождения в экстремальных условиях у американцев зарождается эмпатия к туземцам и ироничный тон повествования сменяется на уважительный по отношению к камчадалам – «честность, всеобщая приветливость... не злопамятны и верны как собаки» и корякам – «выражение прямой и искренней честности, которой недоставало краснокожим» [3, с. 120, 133].

Благополучно завершив телеграфную экспедицию, Дж. Кеннан совершает следующее путешествие по – югу России, а в 40 лет с зарождающимися антимонархическими взглядами посещает Сибирь, где знакомится с каторжно-ссыльной системой. На этот раз спонсором поездки выступил «Century Magazine» [4, с. 4], и бывший телеграфный инженер теперь выступает в роли журналиста. Вернувшись в США, политический коммерсант основывает «Американское общество друзей русской свободы», ключевой предпосылкой к которому стало широкое распространение публикации о Сибирской ссылке [5, с. 15]. В это же время, начиная с 1880-х годов, происходит охлаждение российско-американских отношений.

Путешествие Дж. Кеннана во второй половине XIX в. по Сибири можно назвать экстремальным, поскольку американцы совершили

перегоны на гужевом транспорте и в условиях летнего зноя. Каторги и тюрьмы располагались на большом расстоянии друг от друга, поэтому время от времени приходилось объяснять местному населению и не всегда дружелюбному начальству свою национальную принадлежность и цель поездки по русским тюрьмам. В часы при-валов путешественники делали портретные зарисовки с натуры, фотографировали, собирали цветы, беседовали с мужиками о ссылке в Сибирь, слали письма на родину [4, с. 44, 62, 74, 113]. Основная цель путешествия – это знакомство с политическими заключенными. «Мы пили чай и беседовали о революционном движении в России, американской политике, литературе и искусстве... «Нигилисты» по своему развитию могли бы поспорить со всеми моими знакомыми молодыми людьми», – описывает Дж. Кеннан свой досуг в компании ссыльной политической молодежи г. Семипалатинска. Любопытно, что при посещении публичной библиотеки американец подмечает, что «почти каждая глава «Истории рационализма» была обезображена русским цензором» [4, с. 84, 97].

Представители североамериканского континента в условиях Сибири были «диковиной штучкой» и, несмотря на их запыленный с дороги вид, они приглашались уездным начальством в гости, на именины и уличные развлекательные мероприятия. В то же время сами журналисты настаивали при любой возможности посетить казематы, медицинские и хозяйствственные тюремные постройки, рудники. Таким образом, получался необходимый для читателей «Century Magazine» контраст между тюремной повседневностью каторжан и праздничным досугом российских чиновников и городских обывателей [4, с. 49, 66, 108, 430].

Литература

1. *Барсуков И.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам: (материалы для биографии): кн. 2 / соч. Ивана Барсукова, д. чл. Имп. О-ва истории и древностей рос. при Моск. ун-те и чл.-кор. Имп. О-ва любителей древ. письменности. М.: Синодальная типография, 1891. 337 с. URL: http://az.lib.ru/b/barsukow_i_p/text_1891_graf_mu-raviev-amurskiy-oldorfo.shtml (дата обращения 23.04.2025)
2. *Болховитинов Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. М.: Наука, 1990. 367 с.

3. Кеннан Д. Кочевая жизнь в Сибири: Приключения среди коряков и др. племен Камчатки и Северной Азии / пер. А. Кондратьевой. СПб.: С.В. Звонарев, 1872. 330 с.
4. Кеннан Д. Сибирь и ссылка. СПб.: В. Врублевский, 1906. 458 с.
5. Нечипорук Д.М. Американское общество друзей русской свободы (1891–1919 гг.): автореф. дисс… к.и.н. 07.00.02. СПб., 2009. 20 с.
6. S. Cameron to W.H. Seward; June 26, 1862 // Foreign Relations of the United States, Office of the Historian, United States Department of State (FRUS), 1862. P 447–448. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1862/pg_447 (дата обращения 22.04.2025 г.)

И.В. Синова

*Санкт-Петербург, Ленинградский государственный
университет им. А.С. Пушкина,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет*

**Социальная роль матери в семьях военно-морских офицеров
как экстремальная повседневность во второй половине XIX –
начале XX в. (на основе эпистолярных источников)**

Эпистолярные источники носят репрезентативный характер и являются основанием для проведения исторических исследований, раскрывая чувства, эмоции, характер, психологию авторов. По содержанию и форме это может быть как деловая, так и повседневная переписка, письма с фронта, личные записки. Изучение данного вида документов представляет интерес для историков, филологов, психологов, культурологов [1, 2, 3, 4].

В личных фондах адмиралов, хранящихся в Российском государственном архиве военно-морского флота (РГА ВМФ) Г.И. Бутакова, Ф.В. Дубасова, Н.О. Эссена содержится значительный пласт писем, написанных их женами и относящимися ко второй половине XIX – началу XX в. [5, 6, 7]. Выполнение социальной роли матери женами военно-морских офицеров из-за длительного отсутствия мужей в силу специфики их службы заключалась часто в необходимости оперативного принятия самостоятельных решений и осуществления практических действий, касающихся здоровья, закаливания и гигиены детей, их питания, хозяйственно-

бытовых вопросов. Фактически для женщин это носило характер экстремальных повседневных практик, к которым они в силу своего воспитания и условий жизни у родителей не были готовы, но при этом они успешно осваивали роль многодетной матери. В семьях Ф.В. Дубасова и Н.О. Эссена было по четыре ребенка, у Г.И. Бутакова – трое детей.

В письмах основное внимание уделено детям, их физическому и психическому здоровью, успехам, увлечениям, достижениям. Одновременно в них открывается твердость характера, решительность в действиях и сила воли авторов. Женщины не проявляют, либо тщательно скрывают от мужей, слабость, растерянность, личные сомнения. Они не только с большим уважением относятся к военной службе, которую несут их мужья, но создается впечатление, что одновременно и не хотят перекладывать на них домашние проблемы, стойко перенося все возникающие сложности. Социальный статус супругов, которые фактически ежедневно сталкиваются с экстремальными условиями стимулирует женщин соответствовать главе семьи, а также достойно и самостоятельно преодолевать трудности повседневных практик.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421-П.

Источники и литература

1. Анненкова Е.И. Письма и записки М.П. Погодина о Крымской войне: политическая или исповедальная проза? // Русско-Византийский вестник. 2021. № 2 (5). С. 58–74.
2. Иванов А.Ю. Эпистолярный текст как источник исследования структуры индивидуального сознания // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 3. С. 249–255.
3. Наумов Е.Ю. Переписка Чичериных как источник по истории общественного сознания и культуры России второй половины XIX – начала XX вв.: дисс... к.и.н. М., 1985.
4. Суржик О.С. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в письмах К.П. Победоносцева к Е.Ф. Тютчевой // История и архивы. 2021. № 2. С. 114–125.
5. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 4. Григорий Иванович Бутаков.
6. РГА ВМФ. Ф. 9 Федор Васильевич Дубасов.

Д.И. Калашникова

Москва, институт этнологии и антропологии

им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,

*Смоленск, Смоленский государственный
медицинский университет Минздрава России*

**Дневниковые записи провинциалки начала ХХ в.
как форма переживания и адаптации к экстремальному**

Несмотря на интерес исследователей к изучению и осмыслению сложных для России эпох, в частности, Революции 1917 г., женские голоса провинциальных городов изучены в недостаточной степени [7, С. 267]. Обращение к личности Екатерины Николаевны Клетновой (1869–1938) – женщине, внесшей вклад в развитие отечественной археологии и этнографии, в изучение родной для нее Смоленщины, чья роль в теории и практике науки была недооценена после Революции, позволяет раскрыть данную тему с еще одного ракурса. Актуальность работы, в том числе, обусловлена возвращением женских имен в российскую теорию и практику этнографии.

До сегодняшнего дня дошли многочисленные записки и дневники исследовательницы, осознанная жизнь которой пришлась на начало ХХ в. – переломную историческую эпоху, характеризующуюся сменой не только идеологических и ценностных, но и методологических установок. Автодокументальные материалы Екатерины Николаевны сейчас находятся в разных архивах страны (ГАСО, ГА РФ, РГАЛИ, архив СмолГУ, ЦГАМ.ОХД до 1917 г.), соответственно методы данного исследования состояли в систематизации и анализе архивных документов.

Е.Н. Клетнова занималась ведением дневников всю осознанную жизнь, но оно отличалось нерегулярностью и даже редкостью, обыденным характером. Однако события Революции 1917 г. это резко изменили. Социально-политические потрясения, происходящие в стране, подтолкнули ее начать фиксировать окружающую действительность.

Маргинальное состояние Клетновой, связанное с установлением новой власти и лишением ею прежнего социального положения, явилось выходом «за пределы привычной среды» [7, с. 262], защитной реакцией на который и были многочисленные короткие тексты по фиксированию происходящих в Смоленской губернии происшествий. Введение записей для Екатерины Николаевны – «социальный поступок» [6, с. 217], с помощью которого происходило ее самовыражение в экстремальных обстоятельствах.

События воспринимались женщиной достаточно опосредовано – она записывала не факты обыденной жизни или свой распорядок дня, а лишь происшествия, вызывающие общественный резонанс, среди которых многочисленные разбои, грабежи и убийства, происходящие в пограничной Смоленщине в переломный для страны период. Эмоциональная окрашенность ее письма достаточно слабая, однако это является прямым следствием усталости и безнадежности положения Екатерины Николаевны. Личное отношение к происходящим событиям можно проследить лишь по фиксации ей многочисленных сожалений жителей губернии о падении монархии и о начавшемся экономическом кризисе: «Бабы в Чепчуговской волости, удрученные дороговизной и отсутствием необходимого, требуют настоятельно – «хотя бы маленького, да царя» [3, л. 23]; «Такое теперь стало, что и говорить… Николая то мы ссадили, да и Бог на нас похоже ополчился» [3, л. 23]; «Нашли на нас все 64 пакости» [3, л. 23]; «В очередях народ ругает буржуев, что те свергли Николая II» [3, л. 39]; «Был Миколашка, была мука и кашка. Нет Миколашки, нет муки и кашки» [3, л. 36].

Возможно Клетнова понимала ценность своих записей как будущего исторического источника по изучению социально-экономических и политических проблем населения российской провинции времен Революции 1917 г., а потому ежемесячно фиксировала в них не только общественные настроения и беспорядки, но и изменение цен на продукты питания, возможности использования железнодорожного транспорта гражданами, а также функционирование телеграфа [3].

Екатерина Николаевна тяжело переживала разорение собственного имения, и самая эмоциональная запись за 1917 г. относится ко дню, когда были сняты печати и возвращены ключи от Кочетово, а вместе с ними на свои места вернулись украденные и вынесенные

вещи, включая предметы ее этнографических коллекций [3, л. 40]. Только после этого события письмо перестает быть столь обезличенным и появляются привычные для исследовательницы заметки о работе: «Этнография. История. Письма» [2, л. 2].

Таким образом, записи Екатерины Николаевны Клетновой являются ценным историческим источником по изучению адаптации жительниц российской провинции к экстремальным условиям жизни, вызванных Революцией 1917 год, который пополняет «“архив женской истории”, позволяющий обогатить знания о социально-историческом контексте жизни женщин в разные исторические эпохи» [6, с. 226].

(Выполнено в рамках грантового проекта РНФ (№ 24-18-00212, Женская семейная память в России XVIII–XX вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия, 2023–2026 гг.)

Источники и литература

1. Архив СмолГУ. Св. 1. Д. 34.
2. ГАСО Ф. 113 Оп. 1 Д. 63.
3. ГАСО Ф. 113 Оп. 1. Д. 116.
4. Григорьева А.Ю. Смоленский этнограф, историк и археолог начала XX века Екатерина Николаевна Клетнова // Современная наука: идеи, которые изменяют мир: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Брянск, 22–23 ноября 2018 г. Брянск: Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, 2018. Т. 2. С. 30–33.
5. Пастернак Т.К. “Народные сюжеты” в литературном творчестве Е.Н. Клетновой // Живая старина. 2016. № 4(92). С. 38–40.
6. Пушикарева Н.Л. Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 214–245.
7. Чуракова О.В. «Душа человеческая разрушается от войны...»: Письменные источники периода Первой мировой войны как ресурс гендерно-ориентированной истории эмоций // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 246–277.

Д.О. Никулин
Новосибирск, Институт истории СО РАН

**Восприятие пожара и гендерные стереотипы
в сочинениях на звание вольноопределяющегося
в годы Первой мировой войны**

В последнее десятилетие в отечественной историографии возрос интерес к истории Первой мировой войны; при этом некоторые исторические источники были обделены вниманием исследователей. В частности, в указанный период при гражданских учебных заведениях желающие сдавали экзамены на звание вольноопределяющегося, составной частью которых были сочинения, отличавшиеся от других источников личного происхождения. Зачастую они были посвящены разным аспектам крестьянской жизни: переменам природы в различное время года, рассказам о детстве, о родном городе или деревне. В данном случае особый интерес вызывают сочинения, рассказывающие о пожарах, позволяющие проанализировать восприятие этого бедствия современниками.

Вольноопределяющиеся – лица, добровольно поступившие на военную службу, до жребия. Они делились на три разряда в зависимости от своего образовательного ценза и обладали определенными привилегиями – занимали только строевые должности, сами выбирали воинскую часть, не назначались на хозяйственные работы, по возможности жили в отдельных помещениях. Вольноопределяющиеся получали преимущества и в карьерном росте. Итак, статус вольноопределяющегося позволял расширить возможности для повышения по службе или, по меньшей мере, улучшить ее условия, ввиду чего не вызывает удивления то, что возможность получения такого статуса через экзамен пользовалась спросом.

Изучение сочинений, написанных в рамках экзамена на звание вольноопределяющегося, до сих пор было недостаточно популярно в историографии. В общих чертах эта тема была затронута Д.Б. Терешкиной, рассматривавшей их в рамках Новгородской губернии [5; 6], и Л.В. Котович, рассматривавшей сочинения как источник по военной истории [4]. Начинание Л.В. Котович было продолжено автором настоящих тезисов [7].

В фондах Государственного архива Новосибирской области отложился ряд документов, касающихся экзаменов на звание

вольноопределяющегося II разряда, в том числе и сочинений. Четыре написанных в 1916 г. сочинения посвящены пожарам, их авторы – нижний чин Новониколаевского местного лазарета С. Богданов [1, л. 51], сослуживцы по 11-й роте 17-го Сибирского стрелкового запасного полка младший унтер-офицер Т. Малыш [3, л. 2] и стрелок С. Дорошкевич [2, л. 32], а также гражданский житель Новониколаевска В. Плотников [3, л. 63].

Сочинения С. Богданова, Т. Малыша и С. Дорошкевича имеют схожую структуру: все они подробно описывают причину пожара (как правило, это неосторожное обращение с легко воспламеняющимися предметами). Малыш и Дорошкевич при этом представляют целый рассказ об этой причине, в котором важную роль отводят женскому образу: в одном из сочинений пожар возникает напрямую из-за халатности некой Анны Ивановны, в другом образ женщины – положительный, но она все же играет роковую роль, напоив спиртным дольяна непосредственного виновника возгорания. Все трое авторов указывают на оперативность прибытия пожарной команды и отмечают, что огонь легко перекидывался с одного дома на другой. Кроме того, Малыш и Дорошкевич говорят о потерях (в обоих случаях это два человека – взрослый и ребенок) и указывают, что благодаря своевременному получению страховых денег село успешно выстраивается заново за один-два года.

Сочинение В. Плотникова значительно выделяется среди прочих – как по структуре, так и по содержанию. Оно содержит меньше информации, чем труды других экзаменуемых, и благодаря этому более похоже на непосредственный опыт одного человека, чем на гипотетическое описание пожара или давнюю историю, о которой рассказчик услышал от третьих лиц (как, например, писал об этом Дорошкевич, указавший точную дату пожара – 24 июня 1908 г., т.е. восемь лет назад). Плотников не начинает свой текст с описания причины пожара – более того, он не упоминает начало пожара вообще. Текст начинается с положения самого автора в момент получения им новости: «однажды, сидя в своей комнате за чертежом, я услышал крики за окном» [3, л. 63]. Повествование строится вокруг юноши, свидетелем подвига которого становится автор: «возле меня крикнула женщина, что в ее доме есть еще ребенок. Никто не хотел идти в дом, зная что если пойдешь, то нужно рисковать жизнью. В это время вышел из толпы какой-то юноша и направился к

дому» [3, л. 63]. Любопытно, что и для В. Плотникова женщина играет центральную в повествовании роль. Автор указывает, что присутствовал на месте пожара вплоть до его окончания, но подвиг юноши запомнился ему больше всех прочих связанных с пожаром событий, и он не мог уснуть ночью, думая, «почему юноша пошел, а никто другой» [3, л. 63 об]. Возможно, автор посчитал, что на месте юноши должен был быть он, и рассматривал свою пассивность как неспособность проявить героизм и исполнить тем самым свою мужскую гендерную роль.

Таким образом, по сочинениям, написанным в рамках экзамена на звание вольноопределяющегося, можно судить о том, как сибиряки начала XX в. представляли себе пожар. Все они четко понимали, что подобные события происходят из-за халатности и что при преобладании деревянных построек огонь легко перекидывается на другие дома. При этом они были уверены в том, что пожарные прибудут на место оперативно, а казна поддержит жертв пожара страховыми деньгами. Важное место в сочинениях отводится женщине, играющей самые разные роли – виновницы пожара, как прямой, так и косвенной, и его жертвы, нуждающейся в мужской поддержке. В то же время мужской образ характеризовался, с одной стороны, как возможный пьяница, с другой – как потенциальный герой и защитник.

Работа выполнена в рамках проекта FWZM-2024-0007 «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)».

Литература

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-157. Оп. 1. Д. 61.
2. ГАНО. Ф. Д-157. Оп. 1. Д. 62.
3. ГАНО. Ф. Д-157. Оп. 1. Д. 64.
4. Котович Л.В. «В каждом русском человеке есть патриотизм: добровольцы Первой мировой войны о любви к Отечеству» // Вторые Ядринцевские чтения. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны (Омск, 29-30 октября 2014 г.). Омск, 2014. С. 52–54.
5. Терешкина Д.Б. Герои-«двоечники» в стенах Новгородской мужской гимназии (обзор документов ф. № 385 ГАНО) // Новгородский исторический сборник. 2019. № 18 (28). С. 254–274.

6. Терешкина Д.Б. Повседневность в экзаменационных сочинениях 1915–1918 гг. в фонде Новгородской мужской гимназии ГАНО // Новгородика – 2018. Повседневная жизнь новгородцев: история и современность. Материалы VI Международной научной конференции. Великий Новгород, 2018. Т. 1. С. 298–304.
7. Nikulin D.O. The Examination Essays for the Rank of Volunteer, II Category, as a Source on History of the First World War // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2023. Vol. 16, No. 12. P. 2086–2096.

О.С. Нагорных

Нижний Новгород,

Приволжский исследовательский медицинский университет

**«Рядовой подвиг русских девчонок»:
советские медицинские сестры в Амурской области
и советско-китайская дружба**

История советско-китайской дружбы, начавшейся в 1950-е годы, представлена не только межгосударственным, техническим, культурным сотрудничеством. Это и человеческие отношения, взаимодействия обычных граждан. Особенно это ощущалось на исторически приграничных территориях, расстояние между которыми было предельно близким. Учитывая, что сфера медицины имеет широко представленный этический компонент, очевидно, что профессия врача должна послужить фактором человеческого сближения. Культурно-медицинские аспекты экстремального в женских жизнях нашли свое отражение в профессиях врача и медицинской сестры.

Контакты между странами перешли на новый уровень после подписания «Соглашения между правительством Союза Советских Социалистических республик и центральным народным правительством Китайской народной республики о лечении граждан КНР в больницах и санаториях СССР» [3], а вскоре и «Плана культурного и научного сотрудничества между СССР и КНР на 1958 г.» [2, д. 435]. Довольно обширный IV раздел «Здравоохранение» включал и такое направление, как предоставление возможностей «для медицинских консультаций и лечения граждан другой страны» [2, д. 435. л. 14].

Исторически резонансной, буквально прошедшей сквозь десятилетия, является история 1958 г. о спасении советскими врачами

трехлетнего китайского мальчика Мэн Сяньго из провинции Хэйлунцзянь, получившего сильные ожоги в результате несчастного случая и отправленного в Тыгдинскую районную больницу Амурской области. До ближайшей больницы в Китае было двое суток пути и без своевременного вмешательства ребенок бы погиб. Жители китайского села решили обратиться к русским. Умирающего мальчика по льду реки доставили в советскую деревню, где ему оказали своевременную помощь советские врачи. Показательным моментом стало то, что 11 апреля 1958 г. две советские практикантки больницы добровольно и безвозмездно пожертвовали фрагменты своей кожи для пересадки мальчику. Данный сюжет был описан С. Иоффе в заметке «Обыкновенная история» в Амурской правде в 1958 г. [3, с. 3]. Позднее Хэйлунцзянское телерадиовещание сняло фильм под названием «Кровная дружба» о подвиге советских медиков, акцентируя внимание на важности этой составляющей в дружбе между социалистическими странами, а также о важности этического компонента в медицине в целом и невероятном героизме советских женщин. Показательным стало то, что женщины-медики не просто выполнили свой профессиональный долг, проявив человеческие качества, но и сыграли важную роль во взаимной поддержке граждан двух стран в условиях сложного периода начала охлаждений отношений между СССР и КНР.

В апреле 2020 г. в разгар эпидемиологического коллапса «Амурская правда» опубликовала статью, последовательно воссоздав хронологию событий данного инцидента, отмечая «ядровой подвиг русских девчонок». Это было связано и с желанием жившего пациента найти помогавших ему советских врачей и доноров-практиканток и поблагодарить их [1, с. 3].

Антropологический анализ, а также культурологический подход к подобным инцидентами позволяют исследователю акцентировать внимание на экстремальной повседневности, в которой находились молодые женщины-медики, на приграничной территории, не задумываясь идущие на риск ради спасения китайского ребенка.

Источники

1. «В теле Мэн Сяньго живет наша сестра!»: как советские медсестры пожертвовали кожу китайскому ребенку // Амурская правда. 2020. 7 апреля.
2. ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 34.

3. Обыкновенная история // Амурский комсомолец. 1958. 4 июня.
4. Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических республик и центральным народным правительством китайской народной республики о лечении граждан КНР в больницах и санаториях СССР // Советско-китайские отношения 1952–1955. Сборник документов. Ижевск: КиноГрад. ИП Пермяков С.А., 2015. С. 55–57.

*М.Ю. Милованова
Москва, Российской
государственный гуманитарный университет*

Пандемия COVID-19 как детерминанта социальных настроений сельских жителей: гендерный аспект

В 2020–2021 гг. Россия и весь мир столкнулись с пандемией COVID-19, ставшей детерминантой, влияющей на социальные настроения и социальное самочувствие. Достаточно быстро оценка пережитого стала трактоваться как «новая нормальность», а социально-психологическая доминирующая установка «мир уже не будет прежним» продолжает звучать рефреном. Напомним, что пандемия COVID-19 – пандемия коронавирусной инфекции, вызванная коронавирусом SARS-CoV-2, была зафиксирована в Ухане (Китай) в декабре 2019 г. 30 января 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила эту вспышку чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение, а 31 января поступили первые сообщения о выявлении в России первых двух случаев заражения COVID-19. По данным статистики с учетом методики подсчета за период пандемии с апреля 2020 по декабрь 2022 г. с диагнозом COVID-19 или его последствиями умерло от 600 тыс. до 1 млн чел.

Объектом данного исследования стали гендерные аспекты социальных настроений сельских жителей. Это продиктовано:

Во-первых, важнейшим вкладом женщин в развитие сельских территорий и общества, их отставание от сельских мужчин и городских женщин по всем глобальным гендерным показателям и индикаторам развития. В данном ключе международные институции не замедлили дать оценку о «непропорциональном отражении пандемии COVID-19 на сельских женщинах и как следствие, углубление гендерного неравенства» [1]; во-вторых, территори-

ально-демографическими вызовами депопуляции сельских территорий (37,3 млн чел или 25% населения страны, женщин на 1,2 млн чел больше, чем мужчин), более быстрым старением населения России в сельской местности (21% сельских женщин старше 65 лет, 12,7 сельских женщин старше 70 лет) [2, 3, 4]; в-третьих, состоянием здравоохранения в сельской местности в России, связанным с укомплектованностью врачебными кадрами, обеспеченностью медперсоналом как основным звеном оказания первичной медико-санитарной помощи на селе и уровнем посещаемости медицинских учреждений сельским населением; в-четвертых, неконтролируемыми информационными потоками, их всеохватностью и конструированием медиа, ставших мощным катализатором настроений неопределенности, стресса, депрессии независимо от места проживания; в-пятых, кажущиеся более сильные видоизменения в шоковый период 2020 г. в связи с плотностью социальных взаимодействий и контактных повседневных практик в первую очередь жителей крупных городов, а не сельских жителей. Сельский образ жизни стал олицетворять реальную возможность деурбанизации [5, с. 189–190], когда ситуация определила безопасное протекание именно загородной жизни, в деревне, где «все свое» и нет требований социальной дистанции.

В данной публикации поставлена конкретные задачи показать корреляцию фиксируемого социального настроения по признаку пола, отношения сельских жителей к событиям социально-трудовой сферы в связи с пандемией. Привлечены данные статистики, а также результаты многолетних исследований социологического факультета РГГУ по проблемам прекариата⁷ [6, 7]. Более прицельно данные, полученные в рамках НИР «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества» (РНФ № 18-18-00024)⁸ [8]. Процесс прекаризации зависел от того, что

⁷ Прекариат – слой работников нестабильного социального положения с неопределенной, гибкой степенью занятости, с неустойчивыми формами распределения прибавочного продукта и произвольной оплатой труда [Тощенко 2018].

⁸ Всероссийский опрос трудоспособного населения России в возрасте 18 лет и старше был проведен в октябре 2020 г. в трех сферах: промышлен-

после объявления пандемии в марте 2020 г. последовал локдаун (строгая изоляция). С 30 марта по 11 мая 2020 г. действовал режим нерабочих дней, ограничения большей или меньшей строгости сохранялись до конца 2020 г. и продолжились в 2021 г.

Результаты исследования. В 2020 г. почти в 3 раза возросло количество сельских жителей, неудовлетворенных своей жизнью (22% против 7%), превысив долю 2014 г. [4, с. 153–154, 6, с. 269–302]. В 2018 г. половина сельчан (50,8%) считали курс развития страны правильным, а в 2020 г. таких среди сельчан таких было в два раза меньше – 23,7%. Следовательно, зафиксировано увеличение более чем в два раза количество тех, кто заявил о неправильности курса страны, в 2018 г. – 16,1%, а в 2020 г. – 37,2% сельских жителей. Ситуация строгой изоляции в связи с пандемией, ухудшение материального положения (35,8%), недовольство условиями и организацией работы закономерно породили у людей чувства тревожности, страха перед будущим (16,5%), что так жить больше нельзя (9,3%). Об уверенности в будущем говорили 8,7% женщин и 4,7% мужчин, удовлетворены были настоящим 26,7% женщин и 18,7% мужчин, однако страх перед будущим испытывали в большей мере женщины, чем мужчины, а стыд за состояние своей страны, ощущение невозможности повлиять на происходящее присущи мужчинам больше, чем женщинам [3, с. 83–84].

Ограничительные меры 2020 г. предопределили отношения к событиям, влияющим напрямую на характер трудовых отношений и их прекаризацию: каждого одиннадцатого отправили в неоплачиваемый отпуск, каждый десятый перешел на сокращенный график работы или оказался в ситуации сокращения штатов/увольнения, каждый седьмой перешел на дистанционную работу, каждому пятому «урезали» зарплату. О происходящих трудовых конфликтах заявили 10,7% мужчин и 6,0% женщин, но об их возможности говорили около 20% как мужчин, так и женщин [3, с. 83]. Сельское население в большинстве своем могло рассчитывать на оплату больничных листов, о чем говорили 73,4% мужчин и 76,4% женщин, оплату отпуска (73,9% и 76,1%) и оплату по

ность, сельское хозяйство и наука. Объем выборочной совокупности – составил 900 человек. Исследование проводилось в 8 федеральных округах, в 21 субъекте РФ.

уходу за ребенком (62,8% и 62,3%), соответственно по полу. Работодатель шел навстречу и давал отгул в случае необходимости (76,4% и 75,9%). Однако самой тревожной цифрой стало то, что 54,3% сельских жителей и 50,3% населения в целом не рассчитывали на оплату во время вынужденной остановки работы [3, с. 86].

Таким образом, в ситуации пандемии COVID-19 динамика социальных настроений, сравнение позиций населения и сельских жителей, женщин и мужчин на происходящее показали не столько отличия в зависимости от места расположения, сколько более выраженный социальный оптимизм женщин, занятость которых в сельской местности в меньшей степени связана с сельским хозяйством, социальные гарантии которых исполнялись несколько исправнее, чем для мужчин по месту работы. В условиях пандемии перед работодателями была поставлена задача исполнения новых требований и правил чрезвычайной ситуации; реагируя на кризис и сокращения, сотрудники старались меньше рисковать и больше держаться за свое рабочее место, были готовы перерабатывать и брать на себя дополнительные обязанности в условиях чрезвычайных мер, отказывались от социального пакета частично или полностью, соглашались работать удаленно. Пандемия более очевидно показала недостаточную «подушку безопасности», отсутствие долгосрочных финансовых накоплений, нестабильность в трудовых отношениях, ограничения возможностей профессионального развития и повышения квалификации, усилилась тревожность и «хрупкость» личного и семейного будущего. Постфактум статистика показала, что в абсолютных числах смертность была выше в городах, но в относительных показателях (на 100 тыс. населения) сельская местность демонстрировала более высокие цифры, особенно на поздних этапах пандемии. Ключевыми причинами стали ослабленное состояние здравоохранения, возрастная структура, низкая вакцинация на селе.

Источники и литература

1. Женщины в экономике. Обзор международной и российской повестки департамента многостороннего экономического сотрудничества Минэкономразвития России, апрель 2021. Архив автора.

2. *Милованова М.Ю.* Трудовые ресурсы сельских территорий. В книге: Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство «Весь Мир», 2021. С. 117–138.
3. *Милованова М.Ю.* Социальное настроение сельских жителей в условиях пандемии COVID-19: гендерные аспекты // Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 77–89.
4. *Милованова М.Ю.* О прекаризации занятости на селе // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 152–156.
5. *Аверкиева К.В.* Пора валить в деревню. По материалам круглого стола на форуме «Устойчивое развитие сельских территорий» // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 1. С. 189–196.
6. *Тощенко Ж.Т.* Жизненный мир сельских жителей: векторы изменений Глава 12 // Двадцать пять лет социальных трансформаций. М., 2018. С. 269–302.
7. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Р.И. Анисимов, Н.И. Белова, М.Б. Буланова [и др.]. М.: ООО «Издательство “Весь Мир”», 2021. 400 с.
- [8] Отчет «О выполнении НИР по теме: «Проведение опроса и создание информационной базы по результатам исследования проблем занятости в российской экономике в трех сферах: промышленность, сельское хозяйство и наука», Центр социального прогнозирования и маркетинга. Москва, 2020 г. 461 с.

РАЗДЕЛ 6

СОЦИАЛЬНО-ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СПОСОБАХ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ВОСПИТАНИЯ МЛАДШИХ, ДЕТСТВО ДЕВОЧЕК И МАЛЬЧИКОВ В ГОДЫ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И КРИЗИСОВ

E.В. Бурлуцкая

*Оренбург, Оренбургский государственный педагогический
университет*

«Мальчикам, играющим в войну...». Первая мировая война на страницах детского журнала «Задушевное слово» в 1915 г.

Дети и война – это самое яркое противоречие, которое только может существовать. Однако на протяжении многих столетий дети вынуждены были существовать в условиях военного времени, так или иначе включаться в военную повседневность. Первая мировая война не стала исключением. И девочки, и мальчики должны были адаптироваться к новым реалиям, в чем им должны были помочь родители, учителя, а также внешние «агенты влияния», к которым вполне можно отнести детские журналы, приобретшие в начале XX в. огромную популярность. Как замечал в своей статье «Современная война и задачи воспитания» Н.Н. Володкевич, «материал, из которого строит учащийся свое отношение к событиям, доходит до него в виде газетных и журнальных статей и сообщений» [3, с. 22].

«Задушевное слово» – пожалуй, наиболее популярный в Российской империи журнал для детей младшего и среднего возрастов, который издавался в Санкт-Петербурге «Товариществом М.О. Вольфа» с 1876 по 1918 г. Журнал выпускался двумя тиражами – для младшего и для старшего (9–14 лет) возраста. В 1910 г. на журнал было разрешено подписываться учащимся военно-учебных заведений [9]. Журнал сразу же стал посвящать военной тематике чуть ли не большую часть своих публикаций. По мнению К. Чуковского, проблематикой журнала стали «петлички, маршировки, парады. Запах казармы несется от этих страниц» [9]. Для анализа были взяты 52 номера журнала за 1915 год.

Российский педагог А. Богданов писал в 1915 г.: «В связи с серьезностью момента, в детях нужно пробуждать гуманность и сознание долга перед народом, привлекая их к посильному сотрудничеству в общем деле и обогащая правильным пониманием действительности» [1]. С детьми следовало разговаривать о войне, объяснять им положение дел на фронте, успокаивать. Дети могли оказывать посильную помощь в лазаретах или при изготовлении требующихся на фронте вещей, собирать средства для нуждающихся. В отношении же непосредственного участия детей в военных операциях, Богданов высказывался категорично: «Подобное участие недопустимо» [2].

Однако в «Задушевном слове» постоянно публиковалась информация о юных воинах (как правило, представителях низших городских сословий или казаков), которые наравне со взрослыми выступили на защиту своей Родины. Подростки 12–14 лет и юноши постарше с разрешения родителей или тайно уходили на войну, становились разведчиками, принимали участие в боях, получали ранения. Причем на фронт, судя по публикациям в журнале, стремились не только мальчики, но и девочки. Эта информация, скорее всего, лишь подогревала желание подростков оказаться в самом пекле войны.

Детское бегство на войну стало настоящей эпидемией. Вероятно, чтобы избежать обвинений в подогревании этой эпидемии, десятый номер журнала «ЗС» за 1915 г. открылся статьей «Дети и война» [4]. Участник диалога с редакцией, боевой офицер заявлял в ней, что «детям не место на войне». Дети на войне «создают неудобства. Они мешают». И даже «геройство одного мальчика ничего не прибавляет к общему солдатскому геройству». В то же время, в другом номере отмечалось, что «замалчивать отдельные случаи проявления храбрости со стороны юных добровольцев не следует, так как все это своего рода “странички истории”» [7]. Сообразно этому взгляду редакция и впредь была намерена отмечать на страницах журнала подобного рода случаи.

В разделе, посвященном переписке журнала с юными читателями, девочки чаще всего писали о своем участии в сборе средств в пользу больных и раненых. На фронт отправлялись кисеты с мылом, чаем, сахаром и табаком, рубашки, вязаные шарфы и шлемы. В учебных заведениях проводились благотворительные

базары и спектакли, средства от которых шли в пользу воинов. Ученицы писали письма «солдатикам», что часто воспринималось как своеобразная игра.

Мальчики, как правило, сосредотачивались на непосредственной практической помощи нуждающимся. В различных российских губерниях школьники создавали сельскохозяйственные артели. Ребята собирали деньги на покупку табака для солдат или непосредственно сами папиросы. Подарки, собранные учащимися, на фронт часто отвозили они сами. Так, например, гимназисты московской 7-й гимназии Якушкин и Смирнов – «юноши 17 и 16 лет» – отвозили подарки в район Галиции. Ребята прожили «под обстрелом» три дня, после чего вернулись «к урокам» [6].

В то же время, многие подростки, судя по тексту их писем, были весьма далеки от военной хроники и боевых действий. Коля Осипов 14 лет, живущий в Гаграх, писал: «Летом тут очень весело, а теперь, когда зима, да еще война, то почти никого нет» [8, с. 3]. Девочки сообщали о прочитанных произведениях Л. Чарской, о путешествиях, дневниках, гимназических успехах. Мальчики – о чтении романов Майна Рида, Марка Твена и Жюля Верна, выпиливании, своих успехах в качестве наездников, катании на велосипеде, увлечении фотографией и собираании коллекций. И именно таких писем было большинство, что, несомненно, отражало общую концепцию редакции.

Журнал создавал впечатление, что война идет где-то далеко. Даже несмотря на то, что у многих юных читателей на фронте находились их отцы и братья, повседневная жизнь детей, как правило, почти не изменялась. В «Задушевном слове», в отличие, например, от другого детского журнала, «Путеводного огонька», не публиковались сводки с фронта, сведения о географии воюющих стран, информация о противниках и союзниках, военной технике и пр. Сведения о войне подавались либо через ура-патриотические сообщения, либо как информация, более пригодная для игр, нежели для реального понимания событий. В результате дети оказывались «неподготовленными для понимания тех великих событий, которые ныне совершаются»; их ум питался «часто самыми фантастическими слухами» [5, с. 57]. Абстрагированность значительного числа читателей «Задушевного слова» от реальности формировалась у них во многом искаженную картину мира.

Источники и литература

1. Богданов А.л. Дети и война // Нива. 1915. № 11. С. 209.
2. Богданов А.л. Дети и война // Нива. 1915. № 12. С. 239.
3. Володкевич Н.Н. Современная война и задачи воспитания // Дети и война: сб. статей. Киев: Издание Киевского Фребелевского общества, 1915. С. 21–37.
4. Дети и война // Задушевное слово для старшего возраста. 1915. № 10. С. 1–2.
5. Зеньковский В.В. О влиянии войны на детскую психику (По данным анкеты) // Дети и война: сб. статей. Киев: Издание Киевского Фребелевского общества, 1915. С. 38–66.
6. По России. Гимназисты на позициях // Задушевное слово для старшего возраста. 1915. № 20. С. 2–3.
7. По России. Юные герои // Задушевное слово для старшего возраста. 1915. № 13. С. 2.
8. Почтовый ящик. Переписка // Задушевное слово для старшего возраста. 1915. № 20.
9. Чуковский К. Матерям о детских журналах. Ч. III: Детские журналы за 1910 год // Речь. 1911. 20 марта (2 апр.) [Электронный ресурс] URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Матерям_о_детских_журналах_\(Чуковский\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Матерям_о_детских_журналах_(Чуковский))

T.B. Волгина

Санкт-Петербург, Ленинградский
государственный университет им. А.С. Пушкина

«Детский дом» в Петрограде в годы Первой мировой войны

В годы военных конфликтов особое внимание всегда уделялось малозащищенным слоям населения – женщинам, старикам и детям. В годы Первой мировой войны была создана целая сеть по призрению детей [4, с. 76]. Особое место в этой системе занимал «Детский дом».

Идея создания «Детского дома» была предложена К.Н. Вентцелем. «Дом» должен был стать новым типом воспитательно-образовательного учреждения для детей дошкольного и школьного возраста, главной целью деятельности которого должно было стать культивирование в детях творческих способностей [2, с. 2–

3]. «Детский дом» мог включать в себя ясли, детский сад, очаг, приют, школу и должен был стать идеальным общежитием для детей, лишенных семьи и заботы [1, с. 37].

В 1905 г. на Васильевском острове обществом «Трудовая помощь детям рабочих г. Санкт-Петербурга» была открыта детская столовая, первоначально ставившая своей целью кормление детей. Однако, постепенно, дети, приходившие за питанием, стали оставаться в столовой на целый день, и общество было вынуждено принять на себя заботу о снабжении детей одеждой и обувью, присмотре за ними, а также организации образовательной и воспитательной деятельности. Осенью 1906 г. обществом была снята квартира, в которой на постоянном попечении проживало 6 детей (вместе с матерью), а также было организовано дневное убежище для 12 детей. С осени 1909 г. учреждение получило название «Детский дом», руководителем которого стала Н.А. Ву-котич. К 1915 г. количество призреваемых детей составляло уже 47 воспитанников: 32 постоянно проживающих и 15 приходящих в специально организованный в 1911 г. детский сад [5, с. 7]. В сентябре 1915 г. при «Детском доме» было открыто отделение для детей-беженцев на 30 детей от 4 до 8 лет. Также действовала корзиночная мастерская и летняя детская колония под Лугой.

Все дети в «Детском доме» были разделены на три группы: старшие, средние и младшие. Разделение зависело не от возраста призреваемых, а от их способности самостоятельно заниматься хозяйственной деятельностью. С 4 лет дети должны были уметь самостоятельно застилать постель, проводить уборку, с 7-9 лет – начинали учиться шить и стирать, а к 12-13 годам ребенок в «Детском доме» умел вести все хозяйство. Именно идея «свободного творческого производительного труда», созданная К.Н. Вентцелем [3, с. 363], стала основой организации жизни в «Детском доме».

В вопросе признания детей в годы Первой мировой войны приютам рекомендовалось отказаться от устройства казарменного типа и приблизить их к семейному режиму [6, с. 328]. Проживающие в «Детском доме» мальчики и девочки в возрасте от 2 до 16 лет составляли одну дружную семью. Основными принципами существования «Детского дома» были самодеятельность, самостоятельность, принципы труда и равноправия между мальчиками и девочками. Руководители практически не вмешивались в

деятельность детей, ограничиваясь моральным влиянием. Весь распорядок жизни, выбор занятий, ремесел обсуждался на собраниях старших детей [7, л. 33].

Действующий при «Детском доме» детский сад принимал детей запасных. На протяжении 1914 г. ежедневно через него проходило 30-35 детей. Количество и состав детей колебались в зависимости от матерей, которые перемещали детей из одного убежища в другое, с целью поиска того учреждения, где оказываемая материальная помощь, была бы наиболее высокой.

Воспитанники детского сада были разделены на две группы: старшая (6–8 лет) и младшая (4–6 лет). Новоприбывших детей прежде всего обучали правилам личной гигиены. Занятия, проводимые старшей воспитанницей «Детского дома», начинались с 10 часов утра и включали в себя занятия, где использовался разнообразный дополнительный материал (глина, бумага, карандаши, краски, ножницы, клей). В 12 часов проводился завтрак. По возвращении старших детей из школ, дежурные «по малышам» наблюдали за ними во время мытья и уборки посуды, помогали при одевании, сопровождали на прогулку, присутствовали во время игр и нередко сами увлекались занятиями так, что «приходилось им напоминать, что они не ученики, а помощники руководительницы» [5, с. 11]. Время до 4-х часов заполнялось по желанию детей – занятиями, чтением, рассказыванием сказок или беседой. В 4 часа наступало время обеда, после которого дети расходились по домам. Подобный распорядок дня был сформирован исходя из желания самих детей «делать что-нибудь». Необходимость в реализации творческого потенциала выражалась в создании таких сложных работ, как, например, обставленная комната, сделанная из оклеенных цветной бумагой папиросных коробочек.

В отчете о деятельности «Детского дома» отмечалось благотворное влияние детского сада на «детей улиц» благодаря «отвечающей детским запросам обстановке детского сада, бережливому и ласковому обращению с ними» [5, с. 12]. Однако, в связи с невозможность содержать большое учреждение внутри сложно организованного «Детского дома», количество призреваемых в детском саду детей в 1915 г. было уменьшено до 15 человек. В журнале «Трудовая по-

мощь» отмечалось, что расширение сети «Детских домов» в Петрограде более необходима чем повсеместная организаций яслей, которые называли «складом детей» [8, с. 367].

Таким образом, «Детский дом» в годы Первой мировой войны был уникальным учреждением, сочетающим в себе черты постоянного приюта, дневного убежища и детского сада. Это было не только место призрения детей запасных и бедных рабочих, но и учреждение, обладающим высоким воспитательным потенциалом, благодаря положенному в основу его деятельности трудовому принципу. Детский дом предоставлял возможность бедным детям научиться жить в общежитии и реализовать свой творческий и профессиональный потенциал.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421-П.

Литература

1. Вентцель К.Н. Детский дом // Свободное воспитание. 1914–1915. № 7. С. 35–44.
2. Вентцель К.Н. Детский дом. М.: тип. Рижск. центр. сел.-х. о-ва, 1917. 12 с.
3. Веременко В.А. Трудовое воспитание в дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: мат. междунар. науч. конф., СПб., 17–19 марта 2016 г. / отв. ред. В.А. Веременко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. С. 361–370.
4. Волгина Т.В. Ясли и дневные приюты в Петрограде в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // История повседневности. 2024. № 1(29). С. 75–95.
5. «Детский дом»: очерк деятельности о-ва Помощь детям рабочих г. Петрограда (1908–1915): с прил. Денеж. отчета О-ва за 1914 г. Пг., 1915. 28 с.
6. Люблинский П. Совещание по вопросам призрения детей в связи с войной // Трудовая помощь. 1916. № 4. С. 311–335.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 183. Д. 326.
8. Фаусек Ю.И. Борьба с жилищной нуждой в связи с призрением детей дошкольного возраста // Трудовая помощь. 1916. № 9. С. 342–372.

С.В. Зайцева

*Санкт-Петербург, Ленинградский государственный
университет им. А.С. Пушкина*

**«Всмотриесь в это бледное, нередко рахитическое лицо,
устремляющее на вас глазки, как бы взывающие о помощи»:
деятельность Обществ по улучшению жизни питомцев
Санкт-Петербургского Воспитательного дома, оказавшихся
в экстремальных условиях, на рубеже XIX – XX вв.**

В конце XIX – начале XX в. в Российской империи, и в частности в Санкт-Петербурге, стали появляться благотворительные общества, в том числе оказывавшие помошь детям в трудных ситуациях. Однако в основном их деятельность распространялась на детей, проживавших в самом Петербурге, тогда как территория Санкт-Петербургской губернии практически оказывалась неохваченной.

Значительное количество детей направлялось из Санкт-Петербургского Воспитательного дома в сельские районы Санкт-Петербургской и соседних Псковской и Новгородской губерний для вскормления в деревенских семьях за плату. Данным учреждением была создана система сельских округов, число которых постоянно увеличивалось. Во главе округа стоял надзиратель или окружной врач, в его обязанности входил обезд всех питомцев, их медицинский осмотр и лечение, надзор за обучением и решение практически всех вопросов, связанных с жизнью ребенка. В 1872 г. была введена должность почетных попечительниц из числа местных землевладелиц, в их обязанности также входил надзор за детьми и их воспитателями. Однако ни те, ни другие не справлялись с огромным объемом работ. В этих условиях попечительницы выступили за создание специальных обществ, которые бы оказывали им поддержку [1, с. 215].

В 1880–1890-е годы были созданы такие общества попечения об улучшении быта питомцев Санкт-Петербургского Воспитательного дома в сельских округах по линиям железных дорог: Финляндской, Балтийской, Варшавской и Николаевской. В их работе ключевое место занимала помошь детям школьного возраста: снабжение их одеждой и обувью, предоставление горячих завтраков и ночлега при школах [1, с. 221; 2, с. 14].

Однако деятельность общества включала в себя и оказание поддержки детям, оказавшимся в безвыходных или даже экстремальных ситуациях. Так, одним из первых мероприятий Варшавского Общества стала помочь питомцам, пострадавшим от пожаров. В 1895 г. произошло 4 пожара, в результате которых дети деревень Плюсского, Соседнинского, Гдовского округов остались без одежды и обуви. По специальной смете ведомство Воспитательного дома возмешало сгоревшие вещи, но это происходило не сразу, а из сметных остатков, поэтому общество взяло на себя заботу о снабжении таких питомцев одеждой и обувью сразу же после получения сведений о случившемся пожаре [6, с. 13–14].

Помимо организации школьных горячих завтраков (приварков) общества помогали питомцам из крестьянских семей, проживавших в тех местностях, которые пострадали от неурожаев: нередко выделялись средства на покупку и раздачу хлеба детям из таких деревень. Да и сами приварки рассматривались как эффективная форма помощи в подобной ситуации.

Однако наиболее важным считалось оказание поддержки так называемым безместным питомцам. Это были дети, от которых крестьяне отказались по разным причинам: бедность, уход на заработки из-за неурожайного года, физические и нравственные недостатки питомцев. Сложность ситуации состояла еще и в том, что временно, до поиска новых воспитателей (от нескольких дней до нескольких месяцев), эти дети поступали под непосредственное попечение окружных врачей и надзирателей, жили в особых помещениях при квартирах или окружных лазаретах, но суммы на их содержание Воспитательным домом не выделялись. Таким образом, в восприятии таких детей они оказывались брошенными не только родителями, воспитателями, но и даже самим Воспитательным домом, что не могло не иметь психологические негативные последствия на личность ребенка.

Для таких безместных питомцев общества старались найти не только обувь и одежду, выделить денежные суммы на питание и содержание, но и предупреждать подобные ситуации. Важным результатом этой деятельности стало создание специальных приютов для содержания и обучения в них преимущественно безместных питомцев. В октябре 1896 г. Варшавским обществом был

открыт Килошицкий приют недалеко от станции Плюсса в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии. Приют был рассчитан на 20 детей в возрасте 9–13 лет. В нем был предусмотрен четырехлетний курс обучения грамоте в объеме начальной школы, ремеслам, огородничеству, садоводству, впоследствии – пчеловодству и луговодству [7, с. 17]. После посещения в 1897 г. Килошицкого приюта министром земледелия и государственных имуществ А.С. Ермоловым, заведению стало выдаваться от министерства пособие в размере 300 р. на сельскохозяйственные нужды. О положительных результатах работы приюта свидетельствовало награждение его в 1898 г. бронзовой медалью на сельскохозяйственной выставке в Луге [8, с. 9].

Николаевским обществом в 1900 г. была открыта сельскохозяйственная колония «Новинка» недалеко от станции Торбино в Крестецком уезде Новгородской губернии, она предназначалась для безместных питомцев с целью подготовки их к сельскохозяйственной деятельности [3, с. 8]. Сюда принимались дети не младше 13 лет. Колония «Новинка» активно развивала полеводство, луговодство, скотоводство, садоводство, под руководством наставников питомцы учились сельскому хозяйству, а также ремеслам: было принято решение о создании кузнеочно-слесарной и столярной мастерских, а также пасеки [4, с. 24–29]. С 1902 г. колония была преобразована в низшую сельскохозяйственную школу I-го разряда с выдачей от министерства земледелия и государственных имуществ ежегодной субсидии в размере 3000 р. в пользу школы [5, с. 50]. Несмотря на то, что на содержание этих заведений уходили значительные средства, общества неизменно выступали за сохранение их деятельности.

С самого начала работы обществ отмечалась большая роль почетных попечительниц в надзоре за детьми и улучшении их быта, особенно в работе Гарболовского и Балтийского обществ. Именно почетные попечительницы неоднократно выступали с инициативами открытия приютов, ремесленных школ, пристраивания питомцев в обучение к частным лицам. Среди питомцев Воспитательного дома крестьянам за повышенную плату передавались и увечные питомцы. Именно почетные попечительницы обратили внимание на их судьбу: без образования, дополнительной заботы

такие дети были обречены на нищее существование. Благодаря попечительнице Гарболовского общества, графине Ф.Н. Стакельберг в с. Вартемяках Петербургского уезда в 1886 г. был открыт приют для хронически-больных и убогих питомцев [9, с. 16].

Таким образом, деятельность Обществ по улучшению быта питомцев Санкт-Петербургского Воспитательного дома в конце XIX – начале XX в. была направлена не просто на оказание помощи детям, находившимся в сельских округах этого учреждения, но и на преодоление негативных последствий и нередко экстремальных условий, в которых оказались дети как дошкольного, так и школьного возраста.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421-П.

Источники и литература

1. Зайцева С.В. Деятельность Общества попечения об улучшении быта питомцев Санкт-Петербургского Воспитательного дома, размещенных в деревнях по линии Варшавской железной дороги, на рубеже XIX–XX веков // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2022. № 4(44). С. 214–230.
2. Общество попечения об улучшении быта питомцев обоего пола Императорского С.-Петербургского Воспитательного Дома, вскармливаемых и воспитываемых в деревнях округов, расположенных по линии Балтийской железной дороги. Отчет за 1894–95 г. СПб., 1895. 20 с.
3. Отчет правления Общества попечения об улучшении быта питомцев обоего пола Императорского С.-Петербургского Воспитательного Дома вскармливаемых и воспитываемых в деревнях Округов расположенных по линии Николаевской железной дороги за 1897 и 1898 г. СПб., 1900. 61 с.
4. Отчет правления Общества попечения об улучшении быта питомцев обоего пола Императорского С.-Петербургского Воспитательного Дома, вскармливаемых и воспитываемых в деревнях Округов, расположенных по линии Николаевской железной дороги за 1900 г. СПб., 1901. 71 с.
5. Отчет правления Общества попечения об улучшении быта питомцев обоего пола Императорского С.-Петербургского Воспитательного Дома, вскармливаемых и воспитываемых в деревнях Округов, расположенных по линии Николаевской железной дороги за 1902 г. СПб., 1903. 64 с.

6. Отчет состоящего под Августейшим покровительством Их Императорских Величеств Общества попечения об улучшении быта питомцев обоего пола Императорского С.-Петербургского Воспитательного Дома, вскармливаемых и воспитываемых в деревнях округов, расположенных по линии Варшавской ж.д., за 1895 г. СПб., 1896. 40 с.
7. Отчет состоящего под Августейшим покровительством Их Императорских Величеств Общества попечения об улучшении быта питомцев обоего пола Императорского С.-Петербургского Воспитательного Дома, вскармливаемых и воспитываемых в деревнях округов, расположенных по линии Варшавской ж.д., за 1896 г. СПб., 1897. 36 с.
8. Состоящее под Августейшим покровительством Их Императорских Величеств, Общество попечения об улучшении быта питомцев обоего пола Императорского С.-Петербургского Воспитательного Дома, вскармливаемых и воспитываемых в деревнях округов, расположенных по линии Варшавской ж.д. Отчет за 1898 г. СПб., 1900. 30 с.
9. Состоящее под непосредственным покровительством Их Императорских Величеств Общество попечения об улучшении быта питомцев Императорского С.-Петербургского Воспитательного дома, воспитываемых в деревнях Гарболовского округа, находящихся в пределах С.-Петербургского уезда. Отчет за 1888 г. (Восьмой год деятельности Общества). СПб., 1889. 31 с.

*Л.Р. Петрова, А.Н. Хасанова
Казань, Институт языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ*

**Быт и повседневность татарских мужчин
в Томской губернии в эпоху революции
(по воспоминаниям Гая Тагирова)**

Гай Хаджиевич Тагиров (1907–1995) – артист балета, балетмейстер, Народный артист Татарской АССР. Постановочную деятельность начал в Татарском государственном драматическом театре. На сцене Татарского Государственного театра оперы и балетаставил танцевальные сцены в оперных спектаклях, соавтор первого национального балетного спектакля Ф. Яруллина «Шурале» (1945). Длительное время занимался преподавательской деятельностью, автор первых методических пособий по татарскому танцу.

В фондах Центра письменного наследия «Мирасханэ» хранятся рукописи воспоминаний Г.Х. Тагирова, посвященных ярким событиям театральной жизни в советский период. Среди рукописей – воспоминание о детстве. Гай Хаджиевич родился в 1907 г. в Анжеро-Судженске, Томской губернии Российской Империи в семье рабочего. Семья часто переезжала. Потеряв родителей, Тагиров остался на попечении сестер; получил образование и связал свою судьбу с искусством, танцем и Татарией. Воспоминания Гая Хаджиевича погружают в детство героя, в предреволюционную эпоху, первые годы после революции. Мальчиком он совмещает учебу и тяжелую работу, частые переезды влекут за собой столкновения с трудностями. Также Тагиров повествует о судьбе отца, который рано остался сиротой и вынужден был с детства зарабатывать на пропитание; описывает условия труда и быт коллег отца – простых рабочих. Рукопись ярко иллюстрирует эпоху, на которую мы смотрим глазами ребенка. Воспоминания заканчиваются фразой «прошли трудные шесть лет из моей жизни в период разрухи, голода и НЭПа» и позволяют пролить свет на особенности жизни в период кризиса.

Источники

1. Фонд Г. Тагирова (Ф.162). Центр письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.

*A.C. Когаловская
Иваново, Ивановский гос. университет*

Военное детство. Гендерный аспект

В Ивановской области в рамках проекта «Дети войны» в 2021 г. вышла в свет книга «Прямая речь: «Мы военного времени дети»», содержащая воспоминания о военном детстве и сведения о жизни авторов, о роли, которую в их личностном становлении сыграла Великая Отечественная война. В 2024 г. вышла вторая книга проекта «Дети войны» – «Прямая речь: «Мы дети грозовых сороковых»», включающая в себя воспоминания жителей г. Иваново и области. Мы проанализировали, как гендерные особенности проявились в этих воспоминаниях.

Разные судьбы авторов, чьи воспоминания представлены в книге, объединяют общая трагедия, тяжелое детство и раннее взросление большинства из них в тылу, а некоторых – в условиях блокадного Ленинграда. Их отцы были на фронте, а матерей, которые трудились с утра до вечера, они почти не видели.

Условия, в которых жили они и окружающие их люди, существенно повлияли на их ценности, на их личностное развитие. Они способствовали формированию в них неравнодушия к людям, готовности к взаимопомощи, гражданской и этической позиций. Большинству из них приходилось очень тяжело. Конечно, были и те, кто, кто жили несколько лучше за счет огородов и содержания скота. Они делились с теми, кому было еще тяжелее, в частности, с эвакуированными.

В воспоминаниях прослеживается состояние в первые дни войны их авторов, которые тогда были детьми. Это печаль и страх. Приходилось расставаться с близкими, призванными на фронт. Дети, не представлявшие себе, что такое война, по реакциям взрослых безошибочно улавливали тревогу. В воспоминаниях описываются первые дни войны, поведения и эмоции взрослых.

Военное детство – это быстрое взросление. Это недоедание, а иногда голод, лишения и недетский труд. Это тревога за ушедших на войну, и за близких, оставшихся с ними, голодающих и работающих до измождения. Дети становились опорой своим матерям. Тревога и напряжение были постоянными спутниками их жизни. Светлые моменты во время войны и в голодное послевоенное время часто были связаны с едой. Так, вспоминая многое хорошего о Доме пионеров, не забывали упомянуть о том, как в перерывах между занятиями детей вели в буфет, где им давали стакан чая и маленькую булочку. Летом дети находили съедобные растения и радовались этому. Еда, будучи дефицитной, являлась также индикатором взаимоотношений, мерилом нравственности.

В годы войны забота о детях проявлялась особенно зримо [1, с. 543]. Не только родители, но и учителя, а бывало, и соседи делились с голодными детьми хлебом. В блокадном Ленинграде родители отдавали последнее детям, а сами умирали от голода, оставляя детям шансы выжить.

В воспоминаниях мужских и женских проявляются и различия в том, как они видят события, что для них становится особенно важным.

Детский труд в военное и послевоенное время воспринимался как норма. Образцом для детей являлись взрослые, которые много трудились. Этого требовало выживание семей. Этого требовала победа над врагом. И дети это понимали. Дети учились и помогали взрослым, порою работали наравне с ними в колхозах и на производстве. Некоторые были вынуждены бросить учебу, чтоб поддержать свои семьи.

Мальчики работали в колхозах. Труд для них явился средством самопознания и самоутверждения. В воспоминаниях с ним связана гордость, от того что им доверяли, что у них получалось, что они справлялись. Гордость от сознания, что их заработную плату поддерживала близких. Это символизировало их вхождение во взрослый мир. Девочки тоже работали много. Чаще на них ложились домашние дела и работа в огороде, пока матери были на работе. Они помогали в госпиталях раненым, а те из них, которые работали на швейных фабриках, получали и питание как взрослые, чем оказывали значительную поддержку семье. Таким образом, труд для мальчиков являлся, помимо прочего, средством вхождения в социальный мир, достижения социального признания и самоутверждения. Для девочек – это способ поддержать семью, родных.

Воспоминания мальчиков в целом имеют деятельно-событийный характер. А воспоминания девочек более эмоциональны. Эмоции в них в большей мере осознаются и описываются: «Это грустно и страшно, когда к госпиталю подъезжали железнодорожные платформы и с них сгружали раненых солдат» [1, с. 528]. Девочки – не просто свидетели исторических событий, они сочувствующие, сопререживающие свидетели.

При всем том, что детство было тяжелое, в нем были и светлые моменты. У мальчиков они связаны с приключениями, мальчишеским баловством, детскими подвижными играми (в прятки, в догонялки, в войну), с купанием рыбалкой, общением с животными (собаками, лошадьми) и, конечно же в воспоминаниях тех, кто были городскими мальчишками, важное место занимал Дом пионеров.

Не менее значимым Дом пионеров был и для девочек. Он являлся для них поддержкой, местом общения, в том числе с чуткими педагогами. Это место творчества, обретения умений, средство их общего развития. Дом пионеров – это еще и праздники, которые там умели отмечать. Светлые моменты девочек связаны прежде всего с общением.

Из воспоминаний женщин видно, что военное время способствовало формированию у них воли, выносливости, стойкости, качеств, относимых к мужским. Военное время отнюдь не способствовало формированию собственно женских качеств: женственности, нежности, чувствительности, эмоциональности, способствующим развитию у мужчин мужских качеств. В военное время все это не способствует выживанию.

Обычно человек адаптируется к изменяющимся обстоятельствам, и после войны женщины снова могли бы стать женственными, но часто этого не происходило. Этому препятствовала военная травма. Когда человек переживает трагедию, ему важно дать себе время ее пережить и восстановиться. Но в условиях военного и послевоенного времени такой возможности не было. Душевная боль оставалась запертой внутри, и женщины обретали суровый мужской характер. Это помогало им одним поднимать детей, восстанавливать быт. И девочки подчас перенимали этот закрытый, суровый мужественный характер своих матерей. Непрожитые страх и боль могут превращаться в тревожность у потомков, в необъяснимые страхи, в запрет на эмоции, в жесткость к себе, в чувство вины, в жертвенность, в невозможность радоваться жизни.

В [2] показывается, что любая семейная тайна обладает травматическим воздействием. Замороженные чувства матерей передаются дочерям и продолжают жить в характере их взаимоотношений с людьми, в самоощущении, в передающихся в последующие поколения повторений семейных сценариев. В ряде случаев это приводит к обострению межпоколенческих конфликтов. Важно способствовать тому, чтобы, почитая память прошлых поколений, прервать цепь бессознательных повторений семейных трагедий.

Литература

1. Прямая речь: «Мы дети грозовых сороковых...» / сост., предисл. Малининой. Иваново: Издатель Ольга Епишева, 2023. 606 с.
2. Шутценбергер А.А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы, М.: Изд-во Института психотерапии, 2005. 256 с.

В.Н. Паршина, Я.С. Белова, Е.О. Тишикина
Пенза, Пензенский государственный университет,
Пензенский социально-педагогический колледж

Реализация модели раздельного обучения в общеобразовательных школах в годы Великой Отечественной войны (на примере Пензенской области)

Вопрос о перспективах введения раздельного школьного образования по гендерной модели в современных условиях является дискуссионным. В связи с этим эффективным способом изучения указанной проблемы является ретроспективный анализ опыта реализации раздельного обучения в СССР.

Проекты внедрения раздельного обучения в СССР обсуждались партийным руководством и педагогами в начале 1940-х годов. К маю 1941 г. отдел школ ЦК ВКП(б) совместно с наркоматом просвещения подготовил материалы о введении раздельного обучения в целях подготовки мальчиков и девочек к практической деятельности [5, с. 138].

Начало Великой Отечественной войны отложило реализацию планов до октября 1942 г., когда было издано Постановление № 1729 Совета Народных комиссаров. На основании постановления раздельное обучение мальчиков и девочек вводится в начальной школе и на занятиях по допризывной военной подготовке.

Указания директивных органов были выполнены весьма оперативно, и уже через 2 месяца после этого постановления в приказе № 12 по Пензенскому Областному отделу народного образования от 02.01.1942 г. отмечалось: «Проверкой ОблОНО выявлено высокое качество работ по военному обучению учащихся. Все учителя сдали нормы на значок ГТО первой ступени. С учащимися 8-10 классов,

мальчиками, проводятся занятия по подготовке истребителей танков. Девушки 8-10 классов, по линии первичной организации РОКК, вовлечены в санитарную дружину» [1, л. 8].

16 июля 1943 г. появилось Постановление СНК СССР № 789 «О введении раздельного обучения мальчиков и девочек в 1943/44 учебном году в неполных средних и средних школах областных, краевых городов, столичных центров союзных республик и крупных промышленных городов» [6, с. 229–230].

В Пензенской области введение раздельного обучения было завершено к 1 сентября 1943 г. Мужскими стали средние школы № 2 и 10, 7-летние № 7, 12, 14; женскими – средние № 4, 6, 17, 7-летние № 5, 8, 9, 11, 16, 23 и 24; 7-летние № 19 и 37 остались смешанными [4, с. 397].

К объективным трудностям военного времени в регионе добавилась организационная неразбериха. Выросла наполняемость классов, количество учеников доходило до 52, возникли проблемы с распределением учащихся по школам. В городе Пензе и области остро ощущалась нехватка школьных зданий в связи реализацией требования обучения мужских и женских коллективов в раздельных учебных заведениях. Учитывая, что многие здания школ передавались на нужды госпиталей и различных организаций, появилась необходимость организации дополнительных смен обучения. Так, уроки в женской школе № 5 проводились в здании мужской семилетней школы № 7. Занятия в женской школе № 6 проходили в три смены. Занятия в специальной семилетней школе № 21 проходили в здании начальной школы № 29 в 3-ю смену [2, л. 1; 21. Л. 2].

Переполненные классы и плотность обучения, сопряженная с тяжелыми условиями военного времени, влияла и на образовательный процесс. Педагоги не имели возможности для реализации индивидуального подхода к каждому ребенку.

Введение раздельного обучения вызвало ряд изменений в методах работы в мужских и женских школах. Так, например, в отчете ГорОНО в разделе воспитательной работы за 1943–1944 г. отмечалось, что данные изменения связаны с гендерными особенностями мальчиков и девочек. В женских школах учителя, не меняя учебного материала, подбирали тексты письменных работ, статьи и кон-

спекты для творческих работ с преобладанием эмоциональных сторон [2, л. 3 (об)]. В архивных документах сохранились сведения, что работа кружков в мужских школах велась замкнуто, с малым охватом учащихся; самодеятельность, в отличие от женских школ, была развернута слабо, и этот участок воспитательной работы не был в должной мере использован преподавателями для укрепления дисциплины [2, л. 7–7 об.]. Возникали факты безнадзорности, что приводило к нарушению дисциплины.

Так, например, в докладной записке о состоянии дисциплины в мужских школах г. Пензы в октябре 1943 г. и отчетах об учебно-воспитательной работе за 1943 учебный год отмечалось большое число пропусков уроков мальчиками, проявление хулиганских пропступков, драк, использование неприличных слов, случаи воровства, поломка школьной мебели и неуважительное отношение к педагогам женского пола. [2, л. 5; 3, л. 19]. Усугублялись трудности проблемой подбора педагогического состава. Гендерная дифференциация определяла подбор учителей согласно гендерной модели. В условиях военного времени, мобилизации мужского населения и потерях на фронте, это представлялось невозможным. В связи с этим даже в мужских школах административный персонал составлялся из управленцев-женщин.

Таким образом, раздельное обучение в советских школах, введенное во время Великой Отечественной войны, основывалось на совершенно иных принципах, чем в дореволюционный период. Преобразования были вызваны тяжелой и изнурительной войной, военным положением, необходимостью широкой, можно сказать, тотальной, военной подготовки мужской части населения, что вызывало необходимость введения в школе целого ряда специфических дисциплин, изучать которые девочкам не было острой необходимости. При этом равенство прав женской части населения в сравнении с мужской под сомнение не ставилось.

Проведя анализ региональных архивных источников, отметим, что внедрение гендерной модели в школах СССР не встретило единогласного одобрения как в среде учителей, так родителей и учеников, ведь готовность педагогического теоретического обоснования и материальной базы для перехода на новую форму организации обучения была недостаточна. Раздельное обучение не решило поставленных задач.

Источники и литература

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. р-1381. Оп. 1. Д. 544.
2. ГАПО Ф. р. Оп. 1. 429. Д. 344.
3. ГАПО Ф. р. Оп. 1. 429. Д. 330.
4. История Пензенского края: в 3 т. / под общ. ред. О.В. Мельниченко. Т. 3. Пензенский край в XX – начале XXI века / под ред. О.А. Суховой. Пенза: Институт регионального развития Пензенской области, 2024. 768 с.
5. Образование и подготовка педагогических кадров в истории Пензенского края / под общ. ред. О.П. Суриной, О.А. Суховой. Пенза: ПГУ, 2024. 384 с.
6. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1942–1943. Л.: Лениздат, 1944. С. 229–230.

О.И. Лисицына

Тверь, Тверской государственный университет

Трансформация повседневности американских девочек-подростков после второй мировой войны (на примере субкультур «bobby-soxer» и «teeny bopper»)

В русскоязычном научном дискурсе отсутствуют такие понятия как «bobby-soxer» и «teeny bopper», обозначающие две субкультуры девочек-подростков, возникшие в США в конце 1940-х годов. При этом, по-видимому, они стали значимым феноменом американской послевоенной жизни, повлиявшим на дальнейшее развитие подростковой моды, музыкальной индустрии (в частности, феномен «битломании» 1960-х годов в значительной степени определялся активностью девочек-тинейджеров, начавшей возрастать именно в послевоенные годы), производства специализированных товаров и услуг для девочек-подростков, являющихся на сегодняшний день значимым сегментом рынка.

Принято связывать рост социальной (а также культурной, экономической и политической) значимости молодежи и подростков с так называемыми «бумерами» – поколением бэби-буна, представители которого родились в конце или сразу после Второй мировой войны и были явно многочисленнее своих предшественников, что

и стало важным фактором «молодежной революции» и расцвета субкультурного движения 1960-х годов, однако, следует признать, что многие тенденции этого рода были характерны и для предыдущего поколения, родившегося незадолго до или в годы Великой депрессии. Теория поколений Штрауса-Хоува определяет это поколение как «Великое» или «Величайшее», поскольку многие его представители уже достигли совершеннолетия в годы войны и принимали в ней то или иное участие, однако те, о ком пойдет речь ниже – это младшая когорта данного поколения, которую можно обозначить как «дети войны», как раз ставшие тинейджерами к концу 1940-х годов и образовавшие (синхронно с более старшими «битниками») первые девичьи подростковые субкультуры.

Более влиятельной, по-видимому, была субкультура «*bobby-soxer*», получившая свое название от англоязычного наименования носков-гольф («*bobby socks*»), ставших важным отличительным атрибутом нового поколения девочек-подростков в США после Второй мировой войны. В широком смысле «*bobby-soxer*» включали в себя «*teenybopper*», которые, в свою очередь, определялись увлечением подростковыми тенденциями в музыке и моде и были популяризированы как социальная группа маркетологами и музыкальными продюсерами с развитием рок-н-ролла уже в 1950-е годы.

«*Bobby-soxer*» же представляли собой несколько более раннее и более широкое – и в хронологическом, и в культурном плане – явление, нашедшее отражение в массовой культуре и искусстве. Пожалуй, самым широко известным примером девушки-«*bobby-soxer*», в литературе является набоковская Лолита. Несмотря на то, что ни в русско-, ни в англоязычной версии романа название данной субкультуры не фигурирует, по ряду признаков Лолиту можно отнести к представительницам «*bobby-soxer*». Так, первым «атрибутом», предвещающим появление главной героини в романе, становится валяющийся на полу белый носок [2, с. 42], который «недовольно крякнув» поднимает госпожа Гейз, показывая Гумберту дом [2, с. 42]. Но не только этот элемент гардероба позволяет причислить ее к рядам «*bobby-soxer*».

Ряд западных исследователей считают, что «*bobby-soxer*» можно охарактеризовать как исторически едва ли не первую молодежную (если говорить точнее – подростковую) субкультуру и,

что немаловажно субкультуру, как и сопутствующие ей «teenybopper», сугубо девичью. По-видимому, изначально представительницами данной субкультуры были поклонницы Фрэнка Синатры, которые «стонали, закатывали глаза» и «падали без чувств» на концертах своего кумира. Затем «bobby-soxer» стали называть школьниц, чей внешний вид и образ жизни существенно отличались от общепринятых стандартов. Они бунтовали против эталонов женственности, активно внедряя в свой гардероб джинсы, клетчатые рубашки и другие элементы мальчишеского гардероба [2], однако более стереотипный образ «bobby-soxer» – это свитер, короткая (до колен или выше) юбка, носки и туфли на каучуковой подошве или теннисная обувь (вообще, элементы спортивной одежды в повседневный гардероб также, по-видимому, первыми стали внедрять в повседневный гардероб именно они). На противопоставлении двух девичьих манер одеваться – «старой» и «новой» построены образы двух сестер в американском фильме 1947 г. «Холостяк и девчонка» [4], а вот как описывает типичную девушку «bobby-soxer» Б. Виан в своем скандальном романе «Я приду плюнуть на ваши могилы»: «она была одета в голубой с белыми полосами свитер без воротника, с закатанными до локтя рукавами, и на ней были беленькие носочки и туфли на толстых каучуковых подошвах. Она была миленькая. С хорошо развитыми формами. Под рукой это, наверное, ощущалось как зрелые сливы. Она была без лифчика и соски ее вырисовывались сквозь шерстяную ткань свитера» [1, с. 17]. Все это позволяет говорить об известной стереотипизации образа, а также о наличие неких типичных, повторяющихся черт и элементов гардероба, что позволяет авторам относить представительниц данных подростковых сообществ к специфической субкультуре.

Следует сказать, что повседневная жизнь всех подростков в странах Запада со второй половины 1940-х годов и далее претерпевает существенные изменения, затронувшие в большей степени девочек-тинейджеров, которые становятся значительно более вовлеченными в культурно-досуговые мероприятия, такие как посещение кино, танцевальных залов и площадок, времяпрепровождение в компании сверстников обоего пола в кафе, а еще чаще – в аптеках, имевших музыкальный автомат, посадочные места, ассор-

тимент десертов и безалкогольных напитков и потому становившихся центрами притяжения для тинейджеров» [1, с. 15–18], не имевших возможности в силу возраста посещать рестораны и бары (по крайней мере без сопровождения старших).

Таким образом следует сказать, что трансформациям повседневной жизни, наметившимся после Второй мировой войны в большей степени оказались подвержены именно девочки-подростки, противопоставившие себя, с одной стороны, молодым людям, имевшим на тот момент более широкие возможности, приобщиться к которым теперь стали стремиться и юные американки, а с другой – более старшим девушкам и женщинам, казавшимся им носительницами устаревших, консервативных ценностей, от давления которых пытались избавиться подрастающие «bobby-soxer».

Источники и литература

1. Виан Б. Я приду плюнуть на ваши могилы. СПб.: Азбука, 2009. 151 с.
2. Набоков В.В. Лолита. М.: Азбука, 2020. 448 с.
3. Sickels R. The 1940s. Bloomsbury Academic. 2004. 269 р.
4. Холостяк и девчонка [The Bachelor and the Bobby-Soxer]. Худ. фильм. Реж. Ирвинг Рейс. США, 1947.

В.И. Курашов

*Казань, Казанский национальный исследовательский
технологический университет*

Особенности самодеятельной игровой субкультуры девочек и мальчиков в ключе проблемы защищенности детской среды обитания от общественных потрясений и деструктивного вмешательства взрослых

*Мы ни минуты не были без дела,
Куда нас только черт не заносил –
На клен высокий залезали смело,
Носились так, что падали без сил.
Играли в «стрелы», вышибалы, прятки,
Скакалки, «классы», прыгали с мячом...
Татьяна Нужина «Старый двор»*

В предыдущей работе [1] были выделены три состоявшихся эпохи детского самодеятельного досуга: 1) полная самодеятельность и неограниченное пространство досуга; 2) ограниченная самодеятельность преимущественно в пространстве специальных детских площадок; 3) минимум самодеятельности и максимум поднадзорности. Недавно наступившая четвертая эпоха обусловлена возрастанием дистанционных форм общения детей как в системе образования, так и в часы досуга.

Время детского досуга до XXI в. (эпохи 1 и 2) проходило преимущественно вне дома, или как говорили «на улице» (досуг дома и домашние игры – отдельная тема). Вне дома без избыточного контроля взрослых складывались естественные взаимоотношения детей соседних домов: девочек с девочками, мальчиков с мальчиками и совместно девочек и мальчиков. Из поколения в поколение девочки придумывали игры для девочек (например, в дочки-матери), мальчики для мальчиков (например, сюжетные сражения разнообразным игрушечным оружием), а все вместе общие игры (например, догонялки, прятки, вышибалы, в колечко, испорченный телефон).

Разнообразие самодеятельных детских игр [1–2] включает все их психофизиологические потребности в движении, развитии ловкости и быстроты реакций, развитии смекалки, командной координации и исполнении разнообразных ролей.

В такой естественной среде без ежесекундного надзора взрослых складывались содружества по интересам, симпатии и антипатии, конфликты и их разрешение. Происходили непрерывная связь поколений детства, отрочества и юности при передаче правил детских игр и созворчество в их дополнении. Важно обратить внимание на высокую значимость детской игровой субкультуры недавнего прошлого – она автономна и практически не подвержена влиянию взрослых. Вместе с этим детские игры защищены от социально-экономических и политических потрясений. Помимо отмеченной автономности самодеятельно детского творчества важно обратить внимание еще и на то, что многие вещественные атрибуты для игр дети изготавливали сами или находили в ближайшем окружении.

Гармоничная жизнь детей естественно складывалась от одного детского поколения к другому до нагрянувшего вандализма со

стороны взрослых. Детская самодеятельная субкультура подверглась стремительному разрушению и вытеснению созданной взрослыми индустрией компьютерных игр. Если учитывать тот факт, что в области ИТ-технологий мужчин больше, чем женщин (а среди программистов их больше на порядок), то можно еще обсуждать доминирование мужчин в актах вандализма по отношению к детской самодеятельной культуре.

Замечу сразу, что я не противник компьютерных игр – они могут быть познавательными, развивающими, обучающими. В этом сообщении мы обращаем внимание на фундаментальный негативный компонент развлекательных компьютерных игр для детей. Негативный процесс проистекает:

- из того, что создаются компьютерные игры не самими детьми (как это было во все времена), а взрослыми, которые могут только догадываться, но не чувствовать, что нужно детям;
- из того, что происходит вытеснение форм традиционного детского досуга с самодеятельными играми на пленэре бдениями в комнате с хронической гиподинамией;
- из того, что ряд компьютерных игр создается не ради того, чтобы посеять разумное, доброе, вечное, а ради наживы (для которой все средства хороши, в том числе деструктивный контент).

В зародившей четвертой эпохе происходит еще большее угнетение среды обитания детей, когда происходит не дистанционное общение с живым человеком, а с компьютерной цифровой системой. В результате уходит из жизни детей и юношества многое важное: игры и детские шалости перед уроками, на переменах, после уроков. Также и мальчик не выйдет счастливый из школы с девочкой – его первой любовью; так и многое другое ценное личное не произойдет дистанционно. В результате утрачиваются многие счастливые события личного (не дистанционного) общения в детской жизни.

Как современная четвертая эпоха детского досуга влияет на физическое, душевное и моральное здоровье детей?

Во-первых – это уничтожение автономной самодеятельной детской субкультуры, сложившейся во многовековой истории.

Во-вторых – это уничтожение традиции детского творчества по созданию игр для самих себя (т.е. адекватных из психофизиологии).

Во-третьих – это гиподинамия со всеми ее последствиями; В-четвертых – это прогрессирующие асоциальность и аутизм; В-пятых – это перманентный стресс от ощущения тотальной поднадзорности электронными всевидящими глазами и все слышащими ушами.

Конечно, при анализе динамики изменений в жизни общества необходимо обращаться к системному подходу, что позволяет избежать крайностей при оценках любой области человеческой культуры.

Литература

1. Курашов В.И. Три эпохи детского досуга и конец истории детской субкультуры // Курашов В.И. Иллюстрированное введение в философию. М.: КДУ, «Добросвет», 2023. С. 94–108.
2. Покровский Е.А. Детские игры преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной). М.: Типо-литография В.Ф. Рихтер, 1895. 387 с.

A.A. Андреева

Тюмень, Тюменский государственный университет

Место женских литературных персонажей в нарративах выживания и адаптации

В статье обсуждаются результаты нейросетевого качественного анализа художественных нарративов как моделей активации адаптивного интеллекта [3]. Сюжеты перехода в художественной литературе базируются на лиминальных обрядах, запускающих особые свойства интеллекта в условиях острой, кризисной ситуации. Такие обряды обеспечивают переход в ситуации неопределенности, неясности, отсутствия ресурсов и поведенческих паттернов. Универсальная функциональная нарративная структура «волшебной сказки», описанная В. Проппом и сюжетные варианты мифа о «тысячеликом герое» Дж. Кэмпбелла в основе своей содержат обряд инициации, и активизируются во время переживания драматических этапов жизни человека: рождение-свадьба-браки-смерть, возрастной кризис, травмирующие события – смерть близкого, переезд, смена работы, война и мн.др. Чтобы выяснить, как в художественных нарративах выживания и адаптации герои

реализуют способности решать нетривиальные задачи, исследовательской группой Института адаптивного интеллекта (г. Москва) было проведено исследование и получены данные нейросетевого качественного анализа разных групп нарративов. Материалом исследования явилась литература «выживания», а также приключенческая литература, литература взросления и становления (детская литература) и классические произведения. После статистико-математической обработки данных было получено кластерное дерево (на 100 героев) и выявлены устойчивые группы персонажей с разными историями и исходами и разным уровнем адаптивного интеллекта [1; 2]. Среди этих групп выделились лидеры и аутсайдеры, между которыми расположилось еще девять групп героев, сближающихся по разным параметрам, однако все группы объединяет снижение характеристик адаптивности и таких параметров нарратива – позитивности исхода, субъектности героя в повествовании и т.п.

Несмотря на то, что литература выживания была представлена практически исключительно мужскими персонажами, которые вошли в группу лидеров, женские персонажи были представлены во всех остальных группах, включая аутсайдеров, также выделилась отдельная группа, представленная исключительно героинями-девушками. Таким образом, можно выяснить, существует ли специфика «женских» нарративов, активирующих способности человека выживать в острых ситуациях. Группа лидеров-мужских героев объединена сюжетом физического выживания в условиях мощного противодействия физической среды, и почти половина книг созданы по следам реальных историй выживания. В чем отличие их историй от истории шестой кластерной группы, представленной исключительно юными девушками – например, это Мари из «Щелкунчика», Алиса, Русалочка? Эта группа имеет по сравнению с другими наименьшие показатели интеллекта, но все же выше аутсайдеров (68,2 из 100), а также высокий уровень «общественного признания» (7,3 балла из 10), маргинальную позицию по отношению к социуму. Т.е., согласно этим историям, героини преодолевают давление общественных ожиданий, и здесь хрестоматийным примером является Русалочка – классическая жертва, имеющая все признаки «инаковости» в обществе. Перед

нами «женский» вариант испытаний и острой ситуации во взаимоотношениях. Он требует не физического сурового испытания стихией, но символического – через выстраивание связей в обществе, что, вероятно, можно признать особой стратегией активации АИ и вариантом инициации юной девушки.

В остальных группах, представляющих истории жизненных испытаний судьбы, последнего боя стареющего героя-наставника, молодых романтиков, идейных скитальцев и пр., женские персонажи присутствуют наравне с мужскими и могут быть как главными, так и второстепенными.

Литература

1. Гут В.В. Адаптивный интеллект: опыт феноменологической настройки определения // Научное мнение. 2023. № 6. С. 47–57.
2. Гут В.В., Доценко Е.Л. Конструирование определений: от манипуляции до адаптивного интеллекта // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2023. № 8. С. 50–58.
3. Sternberg R.J. Culture and Intelligence // American Psychologist. 2004. No. 59(5). P. 325–338.

РАЗДЕЛ 7

ЖЕНЩИНЫ-ВОИТЕЛЬНИЦЫ.

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО ВОЙНЫ.

ОТНОШЕНИЯ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН В

УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

М.Д. Сердюкова, Е.Н. Новоселова
Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова

Отказ от восприятия женщин как жертв военных конфликтов

В период Холодной войны – одного из важнейших противостояний двух сверхдержав СССР и США – в сфере международных отношений ведущей была парадигма политического реализма [3, с. 78]. В 1980-е годы произошел распад bipolarной системы, что породило кризис традиционных теорий международных отношений и вместе с этим было положено начало развития критических международных теорий, одно из которых зародилось в русле феминистского направления.

Ключевым элементом анализа феминистских исследований является гендер, который позволяет рассматривать проблемы как бы «снизу вверх», ведь «то, что затрагивает личность, затрагивает мировое сообщество» [9, с. 5]. В центре области исследований данной теории расположились проблемы войны, мира и безопасности [5; 6; 11].

С точки зрения феминистских исследователей, угрозами безопасности представляются не только угрозы уничтожения населения в ходе военных конфликтов, но и такие явления, как различные другие виды насилия, голод, нищета, экологическая обстановка, а также гендерная дискриминация. И именно гендерное неравенство является основным фактором, определяющим мужской пол доминирующим в международных отношениях [4, с. 120–122; 2]. Так, одной из целей феминистских теорий становится разоблачение традиционной гендерной дихотомии «слабого» и «сильного» пола на международной арене, в том числе в период военных конфликтов.

Дж. Элштайн описывала данную дихотомию патриархального общества как «праведный воин – прекрасная душа» [5, с. 3–4]. Мужской пол, таким образом, представляются воинственным и справедливым, а женский – нежным, невинным и ранимым. «Праведные войны» сражаются не во имя убийств, но во имя защиты «слабых». «Прекрасные души» становятся объектом, целью войны, но не ее участницами. Благодаря такому социально-исторически сконструированному образу мужчины являются активными борцами, защищающими пассивных и беспомощных женщин. Так, дихотомия трансформируется в категоризацию «защитник – защищаемый».

Помимо этого, женщины представляются особым объектом защиты еще и по той причине, что их материнским долгом (и наравне с этим обязательством перед государством) является биологическое воспроизведение нового поколения: его рождение и воспитание, заложение в него культурных и духовных основ [8, с. 32–37]. Потому долгом мужчины (отца в широком смысле слова) становится защищать свою нацию, воевать во имя ее сохранения.

Такое бинарное деление может служить весомым оправданием исключения женщин из участия в политических вопросах и международных отношениях в целом. Женщина является пассивным объектом этих отношений, на который направлены защитные меры и способы обеспечения безопасности. Более того, нередко мнение о том, что в таком положении женщины не только не имеют веса в принятии подобных решений, но и должны быть благодарны за обеспечение их защиты. Им полагается следовать диктуемым правилам, «чтобы оправдать право быть защищенными» [1, с. 33].

Согласно Л. Уиллоксу, идея о защите «слабой» части населения была основополагающей в наступательной политике во времена Первой мировой войны [11]. Действительно, легко направить солдата воевать, стимулировав его отстаивать честь не просто своего отечества, но и вместе с этим честь незащищенного, слабого населения, которое без него защитить себя просто не в силах.

В трудах А. Фарманфармайна отражено, как превосходно до-клады о насилии иракских солдат в отношении женщин в Кувейте поспособствовали созданию образа врага – Ирака – и развязать

неизбежный военный конфликт [7]. Немного позже идея об освобождении женщин помогла американцам свергнуть режим иракского диктатора Саддама Хусейна. Солдаты США, веря в свою миссию по спасению слабых, измученных и изнасилованных жертв, ощущали себя настоящими героями. В то время как женщины все также оставались в пассивной тени, ожидая своих освободителей и затем низкими поклонами в пол благодаря их.

Но вопреки традиционному представлению о жертвенном и беззащитном женском поле, Д. Эльштайн описала сильных и воинственных женщин, которые были ничуть не меньше мужчин активными участницами военных сражений и международных конфликтов [5, с. 3–4]. Эти женщины – воительницы, солдаты, революционерки и даже террористки – принимали на себя мужскую роль защитника, тем самым бросая вызов традиционным гендерным представлениям о женщинах как о матери, хранительницы домашнего очага и, в пору военных действий, жертв.

Стоит только вспомнить женщин-героев времен Великой Отечественной войны, мужественно сражавшихся за Родину. Людмила Павличенко (или известная в США как «Леди Смерть») – самая результативная женщина-снайпер в мировой истории (309 уничтоженных солдат и офицеров). Или Екатерина Демина – фронтовой санитар и в последующем морской десантник, не один раз раненная, но при этом спасшая сотни жизней, взявшая в плен вражеских солдат и отстоявшая честь страны, встретив победу в Вене. Или Мария Октябрьская – севшая за управление своей «Боевой подруги» (танка Т-34) и бомбившая врагов из пулемета на протяжении нескольких дней без перерыва. Или Марина Раскова – легенда советской авиации, совершившая несколько рекордных по дальности воздушных перелетов и создавшая первый в мире женский авиационный полк «ночные ведьмы». Все эти женщины наряду с остальными бойцами стояли против врага, совершая отважные подвиги. О женской слабости тогда и говорить нельзя.

Одной из самых известных женщин-борцов является Жанна д'Арк, мужественно возглавившая войска французской армии при освобождении Орлеана в 1429 г. в период Столетней войны. Л. Сьюберг полагает, что в истории Жанны д'Арк ощутимо важным является тот факт, что девушке пришлось отказаться от традиционного представления женщины в пользу своей «военной ка-

рьера». Только благодаря тому, что она придерживалась мужского образа, д'Арк смогла добиться такого места в армии и изменить ход Столетней войны. Но и этот «переворот» привел к ее трагической гибели – не на войне, но на костре за предания ереси и колдовству [10, с. 53–54].

Таким образом, подвиги женщин-воительниц не становятся полноправно соразмерными степени участия в боевых действиях мужчин-воинов. И даже если женский вклад признается, он воспринимается как «особый вид борьбы» [10, с. 58–59], не стоящий наравне с мужским противоборством.

Безусловно, среди воинственных и честных женщин были и злостные революционерки, и террористки. Народница-революционерка Вера Засулич, совершившая покушение на петербургского градоначальника Трепова; Мария Спиридонова – революционерка и террористка партии левых эсеров, смертельно ранившая советника тамбовского губернатора Гавриила Луженовского; Наталья Климова, принимавшая активное участие в террористическом акте покушения на премьер-министра Петра Столыпина, в ходе которого погибло около 30 человек.

В своей жестокости, но вместе с этим и отчаянности этим женщинам могли бы уступить многие мужчины. Но это лишь подтверждает невозможность сведения мира к четкому делению на «черное» и «белое». К тому же, поднимаемый в нашем докладе вопрос стоит лишь о возможности (и даже необходимости) женщин принимать такое же непосредственное участие в военных действиях, как это заложено общественной традицией в образе мужчин. А если быть точнее, то женщины уже это делают, однако их подвиги и вклад в развитие военно-политических событий остается, повторимся, «особым видом борьбы».

Даже при объективном изменении гендерных ролей во время военных конфликтов гендерные стереотипы, все еще традиционно присущие современному обществу, продолжают оставаться устойчивыми. Так, целью данного доклада является не только обозначение и закрепление проблемы неравного гендерного восприятия в отношении роли женщин в военных конфликтах, но и раскрытие обратной ситуации, в которой женщины вопреки традиционным стереотипам перестают быть «слабым» и «беззащитным» полом и встают в один ряд с теми мужчинами, которые стремятся их защитить.

Литература

1. Жигалева Ю.Е. Сексуальное насилие в условиях конфликтов: проблема виктимизации женщин // *Juvenis scientia*. 2017. №4. С. 32–35.
2. Митрофанова А.В. «Человеческая безопасность» – вызов национальному суверенитету? // Ученые записки. ИАМП. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2001. С. 34–53.
3. Скороспелова Т.В. Гендерная проблематика в исследованиях феномена войны // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2019. № 3. С. 77–91.
4. Тикнер Дж.Э. Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны». М.: Культурная революция, 2006. 336 с.
5. Elshtain J.B. Women and War. New York: Basic Books, 1987. 323 p.
6. Enloe C. Maneuvers: The international politics of militarizing women's lives. Berkeley, University of California Press, 2000. 443 p.
7. Farmanfarmaian A. Did you measure up? The role of race and sexuality in the Gulf War // The geopolitics reader / Ed. by S. Dalby, P. Routledge, G. Tuathail. London: Routledge, 1998. P. 286–293.
8. Pettman J.J. Worlding Women: A Feminist International Politics. New York: Routledge, 1996. 291 p.
9. Sjoberg L. Introduction. In Sjoberg L. (ed.). Gender and international security: Feminist perspectives. London, Routledge, 2010. P. 1–14.
10. Sjoberg L. Women fighters and the ‘beautiful soul’ narrative // International Review of the Red Cross. 2010. vol. 92. №877. P. 53–68.
11. Wilcox L. Gendering the cult of the offensive. In Sjoberg L. (ed.). Gender and international security: Feminist perspectives. London, Routledge, 2010. p. 61–82.

В.И. Яковлев

Москва, эксперт по вопросам эффективного управления персоналом, карьерный консультант

Эволюция форм участия женщин в военной службе от Древней Руси до начала XX в.

Как менялась роль женщины в русской армии на протяжении веков? Это удивительная история взлетов и падений, побед и забвения!

В древней Руси женщина-воительница не была чем-то немыслимым. Археологи находят в курганах IX–X вв. захоронения женщин с мечами и боевыми топорами. Они сражались наравне с мужчинами, защищая свои земли. В былинах их называли *Поляницами* – могучими воительницами, равными богатырям. В литературе встречаются предположения, что это прозвище пошло от слова «*палица*» – одного из видов оружия воина древности, хотя многие утверждают, что от слова «*полякование*» по названию одного из обычая: воин в одиночку выезжал в чистое поле и искал в степи «*поединщика*» под стать себе.

Но постепенно, с укреплением христианства и княжеской власти, женщину отодвинули от военного дела. И вот – первый парадокс! Чем строже становились законы и обычаи, тем изобретательнее были женщины в поисках путей на военную службу.

А потом – внезапный прорыв! Екатерина II, сама женщина на престоле, позволяет создать «Амазонскую роту». Впервые в истории России женщины официально надевают военную форму! Да, это было показательное подразделение. Но эти амазонки проходили настоящую военную подготовку: стреляли, фехтовали, скакали на лошадях. И главное – они создали прецедент.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. принесла новый феномен – женщин-разведчиц в регулярной армии. Они действовали в составе кавалерийских частей, проводили рекогносцировку, доставляли важные донесения. Официально их не существовало, но их донесения спасли не одну войсковую операцию.

А затем – Русско-японская война и оборона Порт-Артура. Впервые в истории русской армии женщины получили официальное право служить в боевых частях. Пусть пока только в разведке и связи, но это была настоящая революция! Они больше не должны были скрываться и притворяться.

Так, от тайного присутствия в войсках до официального признания, от единичных случаев до организованных подразделений – женщины прошли долгий путь в русской военной истории. Они доказали: пол не определяет способность служить Отечеству. И хотя до полного равноправия было еще далеко, фундамент был заложен. Эта эволюция уникальна тем, что происходила не сверху, не по указам и реформам, а снизу – благодаря упорству и мужеству

самых женщин. Они не просили разрешения служить – они служили, невзирая на запреты. И постепенно меняли саму систему, доказывая: женщина в армии – это не исключение, а возможность.

Что значит быть женщиной на войне? Этот вопрос, казавшийся немыслимым еще несколько десятилетий назад, в 1877 г. вдруг обрел новое звучание. Русско-турецкая война стала не просто очередным военным конфликтом – она изменила само представление о роли женщины в военном деле.

В архивных документах того времени можно проследить удивительную трансформацию языка. Если раньше о женщинах в армии писали, как о «переодетых» или «скрывающих свой пол», то теперь появляются новые определения: «женщина-офицер», «женщина-доброволица», «воительница». Язык отражал изменения в общественном сознании.

Особенно интересно проследить эволюцию образа женщины-воина в военных приказах. От настороженного «допустить с осторожностью» до уверенного «назначить командиром». Эта трансформация произошла всего за несколько месяцев войны, но она отразила глубинные изменения в армейской психологии.

Что же принесли женщины в военное дело? Не только традиционное милосердие медсестер, не только точность телеграфисток, не только отвагу разведчиц. Они принесли новый взгляд на саму природу войны. Там, где мужчины видели только тактику и стратегию, женщины находили человеческое измерение. Присутствие женщин в боевых частях меняло саму атмосферу. Солдаты становились не только храбрее (желание показать себя перед женщиной – вечный двигатель мужской доблести), но и человечнее. Меньше грубости, больше взаимопомощи. Но самое важное изменение произошло в самосознании женщин. Они поняли: защита Отечества – не привилегия, а право. Право, которое не даируется, а завоевывается. И они завоевали его не только храбростью в бою, но и ежедневным профессионализмом, умением доказать: они здесь не случайно.

Интересно проследить, как менялось отношение военного командования. От скептического «пусть попробуют» до уважительного признания заслуг. В конце войны появляются первые аналитические записки о перспективах женской службы. Военные теоретики всерьез обсуждают создание особых женских подразделений.

Но дело было не только в боевых качествах. Женщины привнесли в армию то, чего ей часто не хватало – способность видеть за войной мир, за победой – ее цену, за славой – человеческие судьбы. Это не делало их хуже, чем солдат, но делало армию более человечной. Особенно ярко это проявилось в отношении к местному населению. Женщины-офицеры часто становились не только военными командирами, но и организаторами помощи болгарским беженцам, создавали школы для детей, помогали восстанавливать разрушенные деревни.

В письмах того времени встречаются удивительные размышления женщин-военных о своей роли. Они не стремились подражать мужчинам, не пытались стать «второсортными солдатами». Они создавали новый тип воина – профессионального, образованного, способного как сражаться, так и созидать.

К концу войны сформировался совершенно новый феномен – женщина-военный професионал. Не амazonка из легенд, не переодетая в мужское платье авантюристка, а специалист, чьи знания и умения признавались и ценились армией.

Этот новый образ оказал огромное влияние на развитие русской армии. Он показал: армия может быть разной, она может включать в себя различные типы служения Отечеству. И женская служба – не исключение из правил, а новое правило, обогащающее военное дело.

Русско-японская война создала новый прецедент: женщина в армии стала не исключением, требующим особых разрешений, а нормой, закрепленной в уставах и инструкциях. Этот опыт оказался настолько успешным, что после войны женщин начали принимать на службу и в других военных округах.

В военных училищах появились первые курсы для женщин-связисток. В штабах создавались специальные отделения, где служили женщины-шифровальщицы. Армия признала: в современной войне пол солдата менее важен, чем его профессиональные качества.

Реакция общества тоже эволюционировала. Если в начале века разоблачение женщины в мундире вызывало скандал, то теперь все чаще звучали голоса в защиту «новых амазонок». В прессе

появились статьи о кавалерист-девице Дуровой, о женщинах-воинах прошлого. История словно готовила общественное мнение к грядущим переменам.

Особенно интересны свидетельства сослуживцев. В мемуарах офицеров того времени нередко встречаются намеки на то, что некоторые «странные» молодых сослуживцев замечали, но предпочитали молчать. «Если человек честно служит и храбро сражается, – писал в дневнике один штабс-капитан, – не наше дело проверять, что у него под мундиром».

К началу Первой мировой войны ситуация подошла к переломному моменту. Пример Марии Бочкаревой, получившей высочайшее разрешение на службу, показал: государство готово признать право женщины носить мундир, хотя бы в исключительных случаях. Многие из тех, кто раньше вынужден был скрывать свой пол, теперь получили возможность служить открыто.

История показала правоту тех, кто выступал за более гибкий подход. Когда в 1917 г. началось формирование женских батальонов, оказалось, что среди их командиров и инструкторов немало тех, кто прежде служил «под чужим именем». Их опыт, добытый такой дорогой ценой, теперь служил новому делу.

Но главное наследие этих женщин – не в воинских достижениях, а в том, что они изменили само представление о границах возможного. Они доказали: преданность долгу и любовь к Отечеству не зависят от пола. Путь, начатый ими как вынужденный обман, привел к важным переменам в российском обществе.

Литература

1. Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М.: РОССПЭН, 2002. 266, [5] с. (Серия «Человек и война»).
2. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
3. Тончу Е. Женщина и война. М.: Изд. дом ТОНЧУ, 2009. 312 с.
4. Шпаковский С.А. Женщина-воин. Буэнос-Айрес, 1969. 253 с.
5. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2004. 508 с.

A. С. Новиков

*Санкт-Петербург, Ленинградский государственный
университет им. А.С. Пушкина*

**Женщина в оппозиции «свой – чужой» сквозь призму
нarrативных источников домонгольской Руси**

Оппозиция «свой–чужой» для человека в мировой истории нередко является основой для определения другому человеку места в собственной социальной структуре, культурной жизни и картине мира. Население Руси до монгольского вторжения маловероятно могло демонстрировать иной подход. И наиболее остро упомянутая оппозиция проявлялась в ходе разнообразных боевых действий – войн между странами и политиями, междуусобиц и походов – завоевательных, грабительских или карательных. Именно военный контекст может считаться превалирующим при обозначении наиболее заметных проявлений образа женщины в полярных позициях «свой–чужой» в контексте предложенного исследования.

Из домонгольских нарративных источников именно летописные своды достаточно емки и ретроспективны, дабы предложить исследователю эволюцию женского образа в обозначенной оппозиции.

Так, Повесть временных лет впервые упоминает женщин в контексте боевых действий в договоре 945 г. между Игорем Рюриковичем и ромейскими василевсами из династии Лакапинов: речь шла о выкупе военнопленных, притом греческие девушки и юноши выкупались по наиболее весомой цене в 10 золотников [5, с. 40], а взрослые, старики и дети стоили дешевле, притом без указания гендерной принадлежности [5, с. 40]. Так что захват пленных был вполне привычной и распространенной практикой – настолько, что удостоился отдельного упоминания в договоре; притом девушки и юноши ценились выше военнопленных других возрастов. Это может быть обусловлено характером эксплуатации труда невольников [1, с. 49–50], однако летописные своды имели и иные версии: под 976 г. было указано, что женой Ярополка Святославича была гречанка-монахиня, приведенная отцом князя [5, с. 64]. Учитывая неприкосновенность монахинь в христианской культуре и отсутствие монастырей на Руси в дохристианскую

эпоху [см. напр.: 7], неназванная супруга Ярополка могла быть только военнопленной, приведенной из какого-либо похода Святослава. Притом взятие плененных в ходе военных действий женщин замуж не уникально: младший брат Ярополка Владимир взял в жены полоцкую княжну Рогнеду, предварительно убив ее родню (так же, как и некогда Рюрик, пришедший «из-за моря», что подчеркивал летописец [см. напр.: 5, с. 64–65]) и разорив Полоцк; притом, вне зависимости от того, называла ли Рогнеда его по имени [5, с. 65] или именовала «робичичем» [4, с. 77], древнейшие летописные своды сходятся – она стала женой Владимира, а не наложницей. Так или иначе, до принятия христианства взятые в плен женщины (как и любые другие пленные) поступали в полное распоряжение «победителя», и авторы летописей не видели большой разницы между иноплеменницами и представительницами родственной культуры. Таким образом, среди плененных женщин не было «своих»; хотя наличествовала некая событийная развилка – пополнить ряды невольниц, или, приглянувшись тому или иному воителю, квинтэссенцией которого являлся князь, стать его женой.

Некоторые изменения наступили после крещения Руси, хотя и не единомоментно и не всеобъемлюще. Похоже, отношение к пленным, принадлежавшим к иным народам, культурам и (что теперь обрело смысл) религиям, осталось прежним: в своем походе на касогов 1022 г. князь Мстислав Владимирович «взял» все имущество, жену и детей вождя Редеди [5, с. 135]. «Слово о полку Игореве» лишний раз подтверждает и то, что никоим образом и в более поздние времена женщины из инокультурных народов не покинули ряды «чужих»: среди потенциальной добычи (злато, и павлочки, и драгоценные оксамиты) были упомянуты и «красныя девки половецкыя» [5, с. 12]. Отголоски дохристианской традиции были замечены и в походе полоцкого князя Всеслава Брячиславича на Новгород 1067 г. – но уже в отношении населения Руси. Здесь тот «взял» город «с женами и детьми» [2, с. 17]. Такой подход не был особым для князя Всеслава, слывшего язычником [6, с. 6]: старшие Ярославичи ответили Всеславу тем же, при разорении Минска в том же году «жены и дети взяша на щиты» [5, с. 156]. Так что «инородцы», равно как и «сородичи» незнатного происхождения, свое положение заметным образом не изменили.

Другое дело – члены княжеских семейств. В годы междуусобных войн жизнь матерей, жен и дочерей воинственных князей Руси была немногим менее опасной, нежели жизнь их родичей-мужчин. Вместе с тем, некоторую эволюцию в своем положении знатные женщины претерпели, что могло быть обусловлено христианским пониманием брака [см. напр.: 3]. Так, захваченные в 1085 г. в Луцке мать и жена Ярополка Изяславича были перевезены в Киев [5, с. 198], однако даже в своей лексике летописец использовал новый оборот: вместо «ять», подразумевавшего в том числе захват в плен, было применено слово «приведе», которое по меньшей мере добавляло некий оттенок добровольности. Такое изменение касалось, похоже, исключительно «равных», то есть «своих» знатных женщин, поскольку в событиях 1094 г., когда Святополк Изяславич берет в жены дочь половецкого вождя Тугоркана [5, с. 217], вновь используется глагол «поя[ть]».

Из вышеозначенного следует, что на заре существования Руси женщина воспринималась нарративными источниками исключительно как военная добыча. Отсюда следовало два пути – стать невольницей или женой того или иного участника похода или его родственника. Так что до принятия христианства на Руси женщины в контексте боевых действий безысключительно находились среди «чужих». Принятие христианства внесло в систему некоторые корректизы: хотя женщины из народов, принадлежавших к иным культурам и исповедовавшим иные религии, все так же находились в стане «чужих», но оформилась и концепция «своих» – знатных женщин из семей князей и, возможно, других представителей военной аристократии.

Литература

1. Зимин А.А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М.: Наука, 1973. 389 с.
2. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / АН СССР, Институт истории; отв. ред. М.Н. Тихомиров; под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 640 с.
3. Омельянчук С.В. Брак и семья в Древней Руси IX–XIII веков: морально-нравственный и правовой аспекты: автореф. дисс... к.и.н. Тамбов, 2009. 22 с.

4. Полное собрание русских летописей, издаваемое Постоянной Историко-археографической комиссией АН СССР. Т. I: Лаврентьевская летопись, вып. 1: Повесть временных лет. Л.: Издательство АН СССР, 1926. 286 с.
5. Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. Томъ II: Ипатьевская летопись. СПб.: Типографія М.А. Александрова, 1908. 939 с.
6. Семячук Г.М. Усяслау Брачыславіч, князь Полацкі (штрыхі да гістарычнага партрэту) // Białoruskie zeszyty historyczne. 2002. № 28. С. 5–20.
7. Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М.: Наука, 1989 232 с.

В.А. Веременко, Е.В. Смагина

*Санкт-Петербург, Ленинградский
государственный университет имени А.С. Пушкина*

**Досуговые практики Российских сестер милосердия
военного времени по материалам эго-документов
конца XIX – начала XX в.**

Военную повседневность, начиная со второй половины XIX в. уже невозможно представить без женщин, именно в это время происходит расширение их гендерной роли в Российском обществе и, как следствие, на фронте. Представительница новой формации могла рассчитывать попасть на войну будучи сестрой милосердия, а это значит, что при анализе военных эго-документов, необходимо учитывать базовый порог вхождения женщины в эту профессию. К моменту наибольшей концентрации фронтовых сестер от Российской империи (1914–1918 гг.) можно выделить следующие материнские источники: сестринская община, прикомандированные краснокрестные сестры и волонтерки военного времени.

Вариативность способов [2, с. 153, 161] играть «милосердную роль» настоящую или подменную для женщин возрастает с каждой кампанией, поэтому отдельно, как категория, участвовавшая в военном досуге мужчин, выделяются ряженые сестры – самозванки [5, с. 917; 4, с. 43]. В этой же связи прослеживается и меняющийся тон автодокументальных мужских источников в отношении всех

«сестер», от восторженно-поэтического [10, с. 198], до обыденного, местами сексуально-обезличенного [9, с. 123].

Обширный корпус сестринской автодокументалистики, необходимо разделять по целеполаганию (отчет для высокой покровительницы, агитация, рефлексия событий) и местоположению (прифронтовой госпиталь, эвакуационный транспорт, судно, тыл и пр.). Являясь полноправным участником санитарно-медицинского обеспечения на всех фронтовых позициях, женщины вынужденно разделяли с мужчинами их досуговую деятельность в экстремальных условиях войны, но описание этих практик зачастую не фиксировалось, чему способствовали как личность самой сестры, так и назначение воспоминаний.

Эволюция побудительных мотивов для сестер участвовать в войнах носила накопительный эффект, причем каждый последующий мотив не отменял предыдущий и если в начале — исключительно гуманистические идеалы [3], то позднее это следование за мужем [6; 11] и наконец, война как самоцель взаимодействия с мужчинами [7] или же побег от семьи [12, с. 103].

В дневниках прослеживаются изменения досуга от привычного до девиантного. Например, летом 1855 г. Крестовоздвиженские сестры совершают общепринятые для светской женщины занятия, будь то прогулки в экипаже или на катере, гостевые визиты, встреча представителей царской фамилии, переписка с родными и др. [3, с. 37, 67, 93]. Затем, начиная с Русско-турецкой войны (1877 г.), женщины, добровольно последовавшие за мужем — врачом или офицером — на фронт и получившие свой первый отпуск, сразу же спешат к мужу, чтобы обеспечить привычный семейный досуг. Празднуются карьерные успехи, происходит семейное представление лицам императорской фамилии обоих супругов в форменном платье/мундире и конечно, стремление воссоединиться на праздники [6, с. 36, 52, 68, 84; 11 с. 267]. Досуговые практики сестер в опубликованных до революции женских источниках по Крымской и Русско-Турецкой кампаниям практически не носят девиаций или черт мужского досуга, а спустя четверть века (1904 г.) уже отражены и эти компоненты, которые подвергаются авторскому остроклизму [12, с. 104; 2, с. 83] и расцениваются как фривольность.

Начиная с 1900-х годов в сестринских записках все чаще появляется детализация военного быта и технические подробности вооружений, прописываются диалоги с врачами и офицерами, очерчиваются география театра боевых действий, а также культурные и этнографические особенности не только противника, но и коренного населения. Сестра милосердия начинает играть новую досуговую роль корреспондента [1; 2, с. 17, 36, 50, 65, 71, 94].

В 1915 г. в дневнике (современной публикации) реальной волонтерки тылового госпиталя А. Ждановой содержатся фотографии и портретные мужские зарисовки, любовные письма от разных адресатов. Рефреном на страницах появляются ночные игры в карты, синематограф и «волшебный фонарь», граммофон, балалайка и шашки в мужской компании пациентов, новогодний «пьяный угар» не только врачей, но и сестер, любовные святочные гадания в компании «наших друзей» пациентов, а также девиантные черты совместного досуга. Подобное поведение всего лишь журится начальством, а сама молодая сестра гордится отсутствием всякого ханжества [7, с. 27, 39, 49, 55]. Переписка не только с семьей, но и с бывшими пациентами (чаще любовная) становится привычным делом [4, с. 53; 7, с. 20].

Наибольший массив эго-документов рассматриваемого периода, датируются Первой мировой войной, чему способствовало не только возросшее количество мемуаристок, но и способ ведения боевых действий – окопная война. Последнее означает, что в том числе и у сестер появилось время для ведения записей, то есть сам дневник как способ времяпрепровождения в затяжных экстремальных условиях. Именно в это время некоторые сестринские эго-документы эволюционируют до художественной прозы [12, с. 100; 8, с. 59, 172], а другие начинают носить манифестационные черты – «конец войны, конец нашей самостоятельности» [12, с. 106].

Литература

1. *Баумгартен О.* Воспоминания о Трансваале сестры милосердия общинны святого Георгия О. фон Баумгартен. 1899–1900. СПб.: Гос. тип., 1901. 44 с.
2. *Баумгартен О.* В осажденном Порт-Артуре. Дневник сестры милосердия. М.: ГПИБ, 2023. 352 с.
3. *Первушина Е.В.* Быть сестрой милосердия. Женский лик войны. М.: «Алисторус», 2016. 151 с.

4. Варенек Т. Воспоминания сестры милосердия. М.: АСТ, 2014. 320 с.
5. Вестник Красного Креста № 3. Пг.: Гос. тип., 1915.
6. Духонина Е. Мирная деятельность на войне. Записки сестры милосердия, находившейся при дивизионном лазарете 14-й пехотной дивизии в войну 1877–1878 гг. Варшава: Тип. окр. штаба, 1885. 102 с.
7. Жданова А. Записки сестры милосердия Анны Ждановой. Тверь: ООО «Триада», 2014. 240 с.
8. Захарова Л. Дневник сестры милосердия: На передовых позициях: 1914–1915 гг. Пг.: Б-ка Великой войны, 1915. 173 с.
9. Колоницкий Б.И. Образ сестры милосердия в российской культуре эпохи Первой мировой войны // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 100–126.
10. Пирогов Н. Севастопольские письма и воспоминания. М.: Акад. Наук СССР, 1950. 650 с.
11. Семина Х. Записки сестры милосердия Кавказский фронт. 1914–1918. М.: «Кучково поле», 2016. 397 с.
12. Сумбурова Е.И. Сестры милосердия первой мировой войны: на материалах автодокументальных текстов // Известия Самарского научного центра. Исторические науки. 2019. № 2. С. 100–108.

*О.С. Поршинева
Екатеринбург,
Уральский федеральный университет*

**Женский опыт участия в национальной мобилизации
в России в условиях Первой мировой войны**

Первая мировая война породила феномен национальных мобилизаций, обусловив формирование новых моделей и практик вовлечения гражданского населения, в том числе женщин, в военные усилия государств. В России женщины более активно, чем до войны, включились в общественную и производственную сферы. Они заменили мобилизованных мужчин в сельском хозяйстве, ремеслах, торговле, промышленности, на транспорте, в сфере услуг, офисной работе. Был востребован труд женщин с высшим образованием – инженеров, врачей, агрономов, преподавателей, юристов [3, 7, 11, с. 410, 12]. Доля женского труда в промышленности возросла с 1914 по 1917 г. с 26 до 43% [12].

Небывалых масштабов достигла в годы войны благотворительная деятельность, опиравшаяся на богатый опыт и традиции дореволюционной благотворительности. Активную роль в благотворительном движении играли женщины, создававшие Дамские комитеты при светских и церковных организациях, органах местного самоуправления. Основными направлениями работы Комитетов были помочь семьям мобилизованных, солдатам действующей армии, беженцам, попечительство о материнстве и младенчестве, забота о детях, оставшихся без родителей. Благотворительная деятельность женщин была одной из значимых тем общественного дискурса, находила воплощение в плакатной и печатной пропаганде.

Вопреки историографическим стереотипам, сложившимся в советский период, можно обоснованно утверждать, что в благотворительности участвовали не только горожанки, но и крестьянки. Основными направлениями и формами крестьянской благотворительности в условиях перенесения основной тяжести работ на плечи женщин-крестьянок были участие в снабжении армии, помочь семьям призванных, больным и раненым воинам, беженцам, детям-сиротам, военнопленным. Война породила новые поведенческие практики крестьянок, обусловленные мобилизацией мужчин-домохозяев и новой социальной ролью солдатки [10, с. 246]. Новые и традиционные проявления социального поведения крестьянок фиксировали сельские священники в донесениях епархиальным архиереям, являющихся важным источником их изучения [5].

Война ознаменовалась оживлением деятельности женских общественно-политических объединений. Как отмечает И. Юкина, в начале войны российских равноправок, как и большинство населения страны, охватила волна патриотизма, с другой стороны, служение Родине и работа на ее нужды было для них символическим вхождением в категорию граждан и рассматривалось как гражданская ответственность [11, с. 407–410].

Модели поведения и восприятия событий женщинами, вовлеченными в общественно-политическое движение, позволяет охарактеризовать анализ дискурса женских журналов, таких как «Женский вестник», «Женское дело», «Женская жизнь». В них продвигались идеи женского равноправия, обосновывалась новая

роль женщины в условиях невиданной по масштабам и характеру войны. На страницах публикаций раскрывалась высокая степень взаимовлияния и взаимозависимости фронта и тыла, стиравшая гендерные барьеры и границы, продвигался образ активной, новой женщины, берущей на себя задачи, бросавшие вызов общепринятым нормам. В дискурсе журналов продвигалась модель идентичности, базирующаяся на ценностях равноправия полов. Содержание публикаций женских журналов свидетельствует о важной роли войны в ускорении темпов включения женщин в публичную сферу, получении ими новых социальных возможностей [4].

Важной формой участия женщин в деле помощи фронту, больным и раненым воинам, стало массовое волонтерство представительниц всех социальных слоев в ряды сестер милосердия. Сестры милосердия оставили многочисленные дневники и воспоминания, которые позволяют реконструировать их восприятие событий, картину общественных настроений военного времени, детали военной повседневности. Дневники сестер милосердия и другие документы являются основой реконструкции вариантов их идентичности, демонстрируя, в ряде случаев, отвержение социальных барьеров и стереотипов, стремление к общественной самореализации, деятельности служению Родине [1, 6, 9].

Образ сестры милосердия стал наиболее ярким символом патриотической мобилизации женщин России. В то же время он претерпел в ходе войны, особенно в условиях Революции 1917 г., существенную эволюцию как на фронте, так и в тылу, трансформировавшись из «подобия ангела» в синоним «тылового разврата» [2], отражая процессы «политической демобилизации» российского общества. Опыт России был уникальным и еще в одном отношении: это была единственная страна, где были созданы специальные женские воинские подразделения, на службу в армии в годы Первой мировой войны поступили 6 тысяч женщин [8, с. 673]. По оценкам исследователей, еще до Революции, с 1914 до лета 1917 г., в русской армии служила почти тысяча женщин [Там же, с. 676]. Женщины, ставшие добровольно солдатами русской армии, имели самое разное происхождение: они были аристократками, ученицами средних школ и высших курсов из рядов высших

и средних классов, представительницами городского пролетариата, казачками и крестьянками. Главным побуждением, приводившим женщин на военную службу, было чувство патриотизма с присущими ему оттенками [Там же, с. 682–683].

Таким образом, миллионы российских женщин, начиная с 1914 г., участвовали в реализации широкого круга задач, необходимых в условиях национальной мобилизации для успешного ведения боевых действий, работая как в тылу, так и на передовой. Первая мировая война стала важной вехой женской истории в России, интенсифицировав отношения женщин с государством, стимулируя их включение в социальные и политические процессы. Масштабное вовлечение женщин в годы войны в медицинскую сферу, благотворительность, культурно-просветительную работу, решение социально-бытовых проблем, промышленное производство, армейскую службу создавало предпосылки для освоения ими в будущем новых социальных ролей и практик.

Литература

1. Записки сестры милосердия Анны Ждановой. Тверь: Триада, 2014. 240 с.
2. Колоницкий Б.И. Образ сестры милосердия в российской культуре эпохи Первой мировой войны // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М.: НЛО, 2014. С. 100–126.
3. Крестьянников Е.А. Женщины-юристы Российской империи накануне и в условиях Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2023. № 2 (79). С. 68–76.
4. Поршинева О.С. «Будет совершенно невозможно вновь запрятать женщин в те углы, в которые загнали их с незапамятных времен...». Великая война и эмансипация женщин в дискурсе женских журналов (1914–1916 гг.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории». 2022. № 81 (4). С. 332–343.
5. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. ДД. 2651, 2713, 2751, 2758, 2759, 2783, 2793.
6. Россия 1917 года в эго-документах: Дневники / науч. ред. Н.В. Суржикова. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 678 с.
7. Сердюк В.А. Динамика численности железнодорожниц Российской Империи в годы Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2023. № 2 (79). С. 77–86.

8. Стофф Л. Женщины-солдаты России на фронтах Великой войны // Русский сборник: Россия и война. Т. XXVI. М., 2018. С. 672–706.
9. Чуракова О.В. «Душа человеческая разрушается от войны...»: письменные источники периода Первой мировой войны как ресурс гендерно ориентированной истории эмоций // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 246–277.
10. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII–начале XX века. Тамбов: Юлис, 2004. 508 с.
11. Юкина И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 539 с.
12. Grayzel S.R. Women's Mobilization for War // 1914–1918 online. International Encyclopedia of the First World War. URL: <http://www.1914-1918-online.net/> (дата обращения: 19.04.2025)

А.Ю. Фогель

Бийск, Бийский филиал им. В.М. Шукина АлтГПУ

**Женское милосердие: отделения Красного Креста
в Сибири во время русско-японской войны 1904–1905 гг.**

К началу XX в. Российское общество Красного Креста (РОКК) было самой крупной общественной благотворительной организацией в Российской империи, став одним из механизмов взаимодействия государства и общества в решении гуманитарных проблем [6, с. 59]. Целью создания общества была помочь раненым и больным в период ведения военных действий. Помимо этого, РОКК осуществляло попечение о военных инвалидах и семьях погибших воинов, оказывало поддержку населению в мирное время в случае различных бедствий (пожаров, наводнений, неурожаев, эпидемий) [1, с. 54]. Такая многосторонняя деятельность организации послужила на пользу популяризации работы РОКК на территории Российской империи, наряду с простотой, с которой создавались на местах общинны сестер милосердия: «достаточно, чтобы нашлось в любом уездном городе, любом поселке пять лиц, желающих послужить гуманному делу Красного Креста, и они могут с разрешения губернатора открыть Комитет Красного Креста» [4, с. 36].

Одним из факторов функционирования Российского общества Красного Креста была женская благотворительность, которая была одной из очень немногих возможностей проявить себя в общественной сфере, официально закрытой для большинства женщин в

этот период. Региональной особенностью Сибири можно считать отсутствие организационного оформленного женского движения, однако женская общественная активность в экономической, социальной сферах возрастила, начиная с середины XIX в.

Важной вехой в работе РОКК стала Русско-японская война, начавшаяся 9 февраля 1904 г. с внезапного нападения японского флота на русскую эскадру в Порт-Артуре. В этот же день от покровительницы общества Красного Креста государыни императрицы Марии Федоровны на имя Главного управления Российского общества Красного Креста был направлен высочайший рескрипт, по которому все учреждения Красного Креста и жители Российской империи призывались к участию в великом деле милосердия под знаменем Красного Креста, что требовало экстренной мобилизации всех общественных сил и ресурсов [3, с. 168].

В Сибири проводилась мобилизация, переброска войск, закупки продовольствия для армии, а также забота о больных и раненых воинах. В первый же месяц после начала войны в регионе начали возникать дамские комитеты. Так, в Томске открылся комитет под председательством попечительницы Томской общины сестер милосердия Красного Креста Н.И. Образцовой, в Барнауле – под председательством члена Барнаульского общества Красного Креста Ю.А. Пранг, в Новониколаевске – под председательством супруги управляющего Сибирским торгово-промышленным банком – Чуфаровой, в Красноярске – под председательством купчихи Е.П. Кузнецовой, в Каинске – под председательством супруги старшего врача А.В. Беляевой. В дамских комитетах женщины одновременно занимались как сбором пожертвований по подписным листам в пользу нуждающихся, так и собственноручным трудом: от стирки белья раненых, до изготовления комплектов, которые отправлялись в места ведения боевых действий.

Так, с разрешения Святейшего Синода члены РОКК Томской губернии еженедельно производили на воскресных богослужениях сбор пожертвований в пользу раненых и больных солдат. За 1904 г. дамский комитет г. Томска израсходовал на помощь семьям запасных нижних чинов 2955 рублей, охватив 320 семей [2, с. 83]. Красноярский дамский комитет регулярно устраивал народные гуляния в Красноярском городском саду, кружечные сборы и лотереи,

ставил спектакли, доходы от которых шли в пользу раненых солдат и их семей. За два месяца было собрано 4950 рублей пожертвований, расход составил 753 рубля, в том числе на выдачу пособий было потрачено 493 рубля. В среднем семьям выдавалось от 2 до 8 рублей в месяц, некоторым семьям комитет обеспечил бесплатные квартиры [2, с. 84].

В Барнауле по поручению местного управления Красного Креста в восьми церквях был открыт тарелочный сбор. Сбор пожертвований также производился сестрами Барнаульского Богородицеского Казанского женского монастыря под руководством игумении Парфении [3, с. 170]. Дамский комитет при Барнаульском управлении Красного Креста принимал как денежные пожертвования, так и материальные: постельное белье, полотенца, вату, бинты, одежду, обувь, продукты питания. Члены комитета ежедневно посещали раненых в госпитале и снабжали их предметами первой необходимости, не относящимися к больничным [5, с. 30–31].

С первых дней учреждения барнаульского дамского комитета основной его деятельность была работа швейной мастерской, которая занималась изготовлением личных вещей. Под руководством Ю.А. Пранг помимо постоянно работающих членов дамского комитета пошивом белья и комплектов одежды занимались до 200 человек [5, с. 33]. Члены барнаульского комитета высоко оценивали работу дамского комитета: «Вообще говоря, без горячего участия и усиленного труда женщин – членов отдела, не только в Барнауле, но и в остальных пунктах, где самостоятельно работали Комитеты Красного Креста, местное управление далеко не смогло бы выполнить всех тех задач, которые оно поставило себе. Достаточно указать на то только: какая масса самого кропотливого, внимательного и необычайно утомительного труда была положена женщинами на изготовление из малоценных в отдельности предметов огромного количества бельевых и одежных принадлежностей» [5, с. 34].

Дамские комитеты Российского Красного Креста в годы русско-японской войны сыграли огромную роль в дополнении усилий государственных учреждений по ликвидации последствий ведения военных действий, а также внесли существенный вклад в создание атмосферы единства армии и народа. Женщины в дамских комитетах выполняли разнообразные общественно-полез-

ные дела от сбора пожертвований до оказания помощи нуждающимся личным трудом, и эта работа стала основой для развития гражданского самосознания женщин Сибири.

Источники и литература

1. Дегальцева Е.А. Общественная благотворительность Западной Сибири в XIX – начале XX в. // Вопросы истории Сибири XX века. 2001. № 5. С. 47–69.
2. Долидович О.М. Дамские комитеты Сибири в период Русско-японской войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. 2013. № 8 (34). Ч. 1. С. 82–85.
3. Окорокова О.В. Формы и методы помощи Российского общества Красного Креста Томской губернии воинам-сибирякам в период русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Известия АлтГУ. 2012. № 4-2 (76). С. 168–171.
4. Оксенюк Е.В. Деятельность Российского общества Красного Креста в начале XX в. (1903–1914 гг.): дисс. ...к.и.н. 07.00.02. М.: 2012. 186 с.
5. Отчет Барнаульского отдела Российского Общества Красного Креста за 1904 г. Барнаул, 1906.
6. Рудой Н.А. Деятельность Красного Креста во время русско-японской войны 1904–1905 гг. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2012. № 6. С. 59–61.

Д.А. Прохоров

*Симферополь, Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского*

Женщины-караимки в составе врачебного и санитарного персонала русской армии в годы Первой мировой войны

История развития отечественной военно-полевой медицины насчитывает немало эпизодов, ознаменованных подвигом во имя гуманизма, совершившимся российскими медиками, военными врачами и сестрами милосердия, принимавшими участие в кровопролитных сражениях Первой мировой войны. Достойным примером служения своему Отечеству является деятельность женщин-караимок, находившихся в рядах русской армии. В предлагаемой статье речь пойдет о некоторых из них.

Сестрами милосердия в первые дни войны записались представительницы многих караимских общин. Среди них были: Анна Сергеевна Дубинская (штатная сестра милосердия Екатеринославской Екатерининской общины Красного Креста; принята 26 июля 1914 г.; 4 августа 1914 г. переведена в 388-й военный госпиталь), Елена Ивановна Бутук (запасная; Кишиневско-Гербовецкая община Красного Креста; 15 июня 1915 г. переведена в Кишиневский городской лазарет) Евгения Аппак (Одесская Касперовская община; сестра милосердия военного времени, зачислена 26 июля 1915 г. в Екатеринослав на плавучий госпиталь Красного Креста по Днепру); Тамара Николаевна Кокизова (запасная сестра милосердия; принята 30 июля 1914 г. в Брест-Литовске; Петроградской Св. Георгия общиной Красного Креста); Мария Ивановна Оксюзова (сестра милосердия военного времени; находилась в лазарете Академии Наук; при Петроградской Св. Георгия общине); Лея Юфудовна Аппак (сестра милосердия военного времени; принята 1 января 1915 г. в лазарет при Петроградской общине Красного Креста им. генерал-адъютанта М.П. фон Кауфмана), Ольга Александровна Сарач (сестра милосердия военного времени; принята 24 августа 1914 г. в 3-й госпиталь общиной Красного Креста им. Петроградской еврейской общины; состояла при Петроградской общине им. генерал-адъютанта М.П. фон Кауфмана; выбыла из состава 26 октября 1914 г.), Лидия Яковлевна Дуван (кандидат в члены общины Красного Креста; принята 1 февраля 1915 г. в лазарет дамского комитета лейб-гвардии Казачьего полка им. Верховного главнокомандующего Петроградского общества содействия частным сестрам); Вера Семеновна Рофе (сестра милосердия военного времени; 25 января 1915 г. принята в госпиталь Полтавского эвакуационного пункта; Полтавская община Красного Креста), Ревекка Соломоновна Казас (сестра милосердия военного времени; принята в Симферопольско-Новиковскую общину Красного Креста; 15 января 1915 г. направлена во 2-й Симферопольский городской лазарет), Александра Аверьяновна Дубинская (сестра милосердия военного времени, 2 июня 1915 г. принята в г. Люблин; состояла при Харьковской общине Красного Креста) [4, с. 118, 176, 361, 460, 480, 576, 614, 678, 687, 781, 874]. Первым городским лазаретом «Красного Креста» в Симферополе в сентябре 1916 г. временно заведовала караимка Татьяна Давидовна Языджи, после чего ей было поручено заведование

2-м Симферопольским городским лазаретом. Новый лазарет для раненых в Симферополе был создан на средства караима И.Б. Стамболи, а заведующим хозяйством Симферопольских лазаретов в 1916 г. состоял санитар-шофер И.Я. Шишман [2, с. 118–120].

Женщины-караимки числились и в составе младшего врачебного персонала, призванного на действительную службу. Например, Ася (Хасиня) Савельевна (Садуковна) Габай (1882–1949), окончившая в 1902 г. 7 классов Евпаторийской женской казенной гимназии, а в 1904 г. – 8-й (педагогический) класс в Симферопольской женской казенной гимназии, в 1909 г. поступила в Харьковский женский медицинский институт, который успешно окончила в феврале 1914 г. С началом Первой мировой войны была мобилизована, получила назначение младшим ординатором 16-го полевого запасного госпиталя в Евпатории, а с приходом советской власти – переведена на ту же должность в 24-й запасной госпиталь. По словам современников, А.С. Габай была опытным и квалифицированным врачом-невропатологом [1, с. 27–29].

Стера (Эстер) Иосифовна (Осиповна) Максимаджи (1883–?) родилась в Екатеринославле, в небогатой караимской семье. Получила среднее образование в Екатеринославской Мариинской женской гимназии, которую успешно окончила в 1905 г. Начало медицинскому образованию С.И. Максимаджи было положено в Страсбурге, где она в течение 1906–1907 гг. слушала лекции по медицине в местном университете. Затем – поступление на открывшиеся в Киеве Высшие женские медицинские курсы, которые Стера Иосифовна окончила в 1913 г. с отличием, получив звание лекаря. После этого в 1914 г. она устроилась работать терапевтом в Обуховскую больницу в Санкт-Петербурге.

В начале 1915 г. С.И. Максимаджи добровольцем поступила на работу в Российское общество Красного Креста и была назначена на должность старшего врача во Второй эпидемический отряд, созданный при Первой армии, в котором применяла полученные ею медицинские знания, спасая раненых и больных. После Октябрьской революции 1917 г. С.И. Максимаджи осталась работать в эпидемическом отряде, всем составом которого она единогласно была избрана старшим врачом. На этом посту оставалась вплоть до ликвидации отряда в 1918 г. За свою деятельность в этом подразделении в 1915–1918 гг. С.И. Максимаджи была награждена медалью «За усердие»

на Анненской ленте. В 1918–1919 гг. работала врачом городской больницы в Екатеринославле; с 1919 г. по 1921 г. – помощником главного врача по медицинской части в 883-м запасном военном госпитале в Харькове [1, с. 136–137; 5, с. 46].

Имеются также сведения о караимках, отправившихся на фронт добровольно. Например, Эсфира (Эсфиры) Бабакаевна Тиро, проживавшая до начала войны в Одессе, летом 1917 г. направилась на фронт в качестве сестры милосердия; выпускница Симферопольской женской казенной гимназии Александра Туршу в 1914 г. состояла медсестрой лазарета Фаберже, находившегося в Москве на Арбате, в Денежном переулке, 13. Ухаживала за ранеными и караимка Экмекчи. Елена Робачевская состояла сестрой милосердия во время Первой мировой войны. Она приходилась родной сестрой Вадиму (Владимиру) Елисеевичу Робачевскому – сыну капитана (впоследствии – полковника) русской армии Елисея Ноевича Робачевского, командовавшего в годы Первой мировой войны нестроевой ротой в Пскове [3, с. 359–360].

Источники и литература

1. Ельяшевич Б.С. Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.) // Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры» / под ред. М.Н. Губогло, А.И. Кузнецова, Л.И. Миссоновой. М., 1993. Вып. XIV, кн. 2. 238 с.
2. Крымская Книга Памяти Великой войны 1914–1918 годов / сост. А.И. Григоров. М.: Московский изд. дом, 2014. Т. 1: Преимущественно уроженцы и жители города Симферополя, Симферопольского и Феодосийского уездов Таврической губернии. 750 с.
3. Прохоров Д.А. Караимы в Российской империи в конце XVIII – начале XX века. Симферополь: Антиква, 2019. 632 с. (Сер.: «Золотой век» крымских караимов).
4. Список сестер милосердия Российского общества Красного Креста, назначенных для ухода за ранеными и больными воинами в лечебные учреждения Красного Креста, военного ведомства, общественных организаций и частных лиц. Пг.: Гос. тип., 1915. XVI, 924 с.
5. Фуки А. Караимы – сыновья и дочери России. М.: Интерпринт, 1995. 152 с.

Е.В. Годовова

Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет

Казачки на защите станиц: экстремальность фронтонной повседневной жизни

Фронтонная повседневность казачьей жизни и постоянные набеги воинственных соседей формировали у казачек моральные качества. Они умели ездить верхом, стрелять и рубить.

В XIX в. стал широко известен подвиг красавицы казачки Марьяны Горбатко. В середине XIX в. для связи Правобережья Кубани с берегом Черного моря была построена Адагумская оборонительная линия, в состав которой входило 20 укреплений и постов. Но знаменитым стал только один – Липкинский. Здесь несли службу 35 казаков шестого черноморского пешего гарнизона. Тридцать шестой была Марьяна, которая так любила своего мужа сотника Ефима Мироновича, что последовала за ним на опасную службу.

4 сентября 1862 г. на пост напали 3 тыс. горцев. Казаки стояли насмерть, отбиваясь штыками и прикладами. Был убит сотник Горбатко. Это воодушевило врага. Несколько горцев бросились к трупу, чтобы отрубить голову. Но на их пути, защищая тело мужа от поругания, встала с ружьем в руках Марьяна Горбатко. Один из горцев был убит выстрелом, другого отважная женщина заколола штыком. Враг отпрянул – женщина убивала мужчин-воинов. Но, оправившись через мгновение, горцы изрубили ее шашками. Бой шел около полутора часов, но сломить казаков врагам так и не удалось [1, с. 176].

Кубанские казачки смело обороняли свои станицы от черкесов, тем более что те во время нападений первым делом хватали девушек и увозили, привязав к седлам: юные казачки – ценная добыча для продажи на турецких базарах. Когда казаки одной из станиц находились в 25 верстах от нее на смотре, налетели черкесы, рассчитывая на легкую добычу. Да не тут-то было: не дались девушки горцам. Бросились врассыпную. Красавица Ариша, спасаясь от врага, забежала на чердак своей хаты, где хранились собранные арбузы, тыквы и т.д., и стала кидать их в поднимающегося за ней по лестнице черкеса. В результате он упал и, хотя

сумел выползти во двор, не ушел от справедливого возмездия: был застрелен подоспевшими подростками.

Пограничная жизнь превращала казачек в женщин отважных, энергичных, способных противостоять опасности. Много историй сохранилось о том, как проявляли казачки храбрость и хитрость в, казалось бы, безвыходных ситуациях.

Маленькая, худенькая и тихая Груня, дочь станичного писаря, побежала на реку, где у самого берега ее догнал черкес, подхватил на седло и полез в воду. Но река в этом месте была глубокая, а течение быстрое. Испугался черкес, что коня потопит, да и сам утонет. Закрутился на берегу и не знает, что делать. Груня не растерялась и говорит ему: «Давно я хочу к вам, веру вашу приму и замуж за черкеса пойду. Посади меня сзади за седло и поскакем в брод, а там и в аул, я ведь за тем на реку бежала, а не спряталась». Черкес так и сделал, а Груня выхватила у него из-за пояса пистолет и выстрелила ему в бритый затылок, потом скинула мертвого с коня, пересела в седло и понеслась к скирдам с хлебом, закопалась там с головой и отсиделась до конца тревоги [2, с. 76].

Анна Сердюкова – рослая, стройная, красавая 16-летняя девушка. Многие станичники засматривались на «черные огненные ее очи и роскошную русую косу», но суровый казак-отец держал ее в «ежовых рукавицах», так что баловаться не приходилось, несмотря на далеко не строгую нравственность станичного прекрасного пола. Подвиг, совершенный Анной, выходит из ряда обыкновенных и реальено показывает те условия, в которых вырабатывались характеры, вращалась жизнь и воспитание казачества. Как-то вечером Анна вместе с братом – мальчиком одиннадцати лет – отправилась за станицу на свой огород, стала собирать овощи, как вдруг услышала крик брата, оглянулась и увидела, что к ней бегут пять горцев. Анна бросилась от них, а ее брат со своим ружьем забился в кусты под забором, боясь не только выстрелить, но и крикнуть.

Один горец бросил в Анну кинжал, но промахнулся. Девушка подняла кинжал, и, когда этот горец нагнал и обхватил ее, она, сама не поняла как, зарезала его. В этот момент другой набежавший горец ударил ее шашкой сзади, нанеся неглубокую рану. Боль и страх ошеломили девушку, она потеряла сознание и пришла в себя уже за Лабой, сидя за седлом привязанная ремнем к поясу всадника. Горцы (их было пятеро), отъехав на значительное расстояние от Лабы,

остановились на ночлег, развели костер и легли спать. Считая себя уже дома, они были уверены в своей безопасности и не только не связали пленницу, но даже не позаботились о карауле: именно эта оплошность спасла Анну, лежавшую возле вожака. Невзирая на физическое изнеможение, она тихо приподнялась с намерением бежать; страх быть настигнутой дал ей решимость: придерживая одной рукой ножны, казачка вынула из них кинжал и мгновенно всадила вожаку в горло. Горец не успел даже пикнуть, так был силен и ловок удар.

Затем, схватив его шашку и пистолет, Анна принялась рубить спавших и, прежде чем они проснулись, троих убила. Последний бросился бежать, но она догнала его и застрелила. Собрав лошадей и трофеи, храбрая девушка вернулась в станицу. Подвиг Анны был отмечен высокой наградой – золотой медалью за храбрость на георгиевской ленте. Также она получила пожизненный пенсион в 50 рублей серебром, а от главнокомандующего князя Воронцова подарок – золотой браслет [3, с. 195–197].

Гребенскую казачку Елену Степановну Сухову выдали замуж за совершенно невзрачного, шупленьского казака, вместо него ей приходилось и домом править, и чуть ли не самой служить. Взятая в плен беглыми ребятами, она должна была стать женой одного из них. Петербургский князь Гагарин, оказывавший Суховой знаки внимания, предложил за нее выкуп. Но когда Елена узнала, от кого исходит предложение, она предпочла сожительствовать с разбойником, нежели получить освобождение за золото князя, зная, какую цену ей придется платить за свою свободу. Мужественной казачке пришлось самой изыскивать средства, для того чтобы спастись из плена, и она нашла их... в мужестве и присущей женщине хитрости.

Она сделала вид, что покорилась своей судьбе – быть женой беглого, тем самым усыпила его бдительность и получила полную свободу. Воспользовавшись этим, однажды темной ночью Сухова бежала к себе на родину. Она не побоялась совершить побег, хотя была уже беременна. Благополучно вернувшись в свою станицу, отважная казачка, как и прежде, стала мужу-недорослю верной женой и вела хозяйство до самой смерти [4, с. 147–148].

За проявленное мужество казачки получали награды. Так, была награждена серебряной медалью с надписью «За спасение погибших» для ношения на груди на Владимирской ленте жена урядника

Студеновского форпоста Уральского казачьего войска Феврония Турчева, спасшая в ноябре 1877 г. тонущих в речке Заживной двух детей казака Ивана Турчева – Ивана 11 лет и Федора 9 лет [5].

Итак, пограничная жизнь превращала казачек в отважных женщин, способных давать врагам отпор. Конечно, не все казачки имели хорошую военную подготовку, о чем говорят факты пленения девушек горцами, киргизами и другими воинственными соседями. Однако умение ездить верхом, управляться на реке с лодкой, обращаться с оружием [6, с. 73] в большей степени было свойственно именно казачкам, а не представительницам других сословий.

Литература

1. Стецуря Ю.А. Влияние хозяйственного фактора на процесс маскулинности женщины-казачки в XIX – начале XX века // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен. Материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2012 г. Тверь. М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 1. С. 175 –178.
2. Казачий быт. Литературный сборник. Париж, 1925. 112 с.
3. Шпаковский А. Записки старого казака // Военный сборник. 1870. № 7. С. 188–220.
4. Гребенские, терские и кизлярские казаки. Книга для чтения в станичных и полковых школах, библиотеках и командах / сост. Г.А. Ткачев. Владикавказ: Электропечная типография Терского казачьего войска, 1911. 244 с.
5. Уральские войсковые ведомости. № 33 от 24 августа 1880 г.
6. Ауский С. Казаки. Особое сословие. М.: ОЛМА-ПРЕСС; СПб.: Издательский дом «Нева», 2002. 446 с.

И.В. Алферова

*Брянск, Брянский государственный университет
им. И.Г. Петровского*

Женщины в системе контроля общественно-политических настроений в России в период Первой мировой войны

На сегодняшний день существует немалое количество исследований, в которых интерпретируются процессы кардинальной трансформации традиционных мужских и женских ролей, гендер-

ных стереотипов, моделей мужественности и женственности в Российской империи в годы Первой мировой войны [2, 3, 4, 9, 10]. Тем не менее, необходимо согласиться с утверждением, что до воссоздания полной картины происходивших процессов еще далеко [5].

Сложность реконструкции имевших место изменений обуславливается в том числе их многоаспектностью, тем, что они вызывались разными причинами и аккумулировали в себе многие составляющие. С одной стороны, очевидно, что изменения в гендерных ролях было предопределено экстремальными военными условиями, в рамках которых женское население с необходимостью начинало реализовывать традиционные функции мужчин по обеспечению семьи. С другой стороны, по мере увеличения числа мобилизованных на фронт мужчин, с определенного момента проявилась заинтересованность в привлечении женщин в сферы деятельности, которые до этого были для них недоступны. При этом государственная политика в отношении женщин генерировалась ситуативно и противоречиво, по мере назревания проблем в различных сферах жизнедеятельности российского социума.

Необходимо учитывать при проведении исследований и изменения, которые происходили в самоидентификации самих российских женщин, начиная со второй половины XIX в., что обеспечивало их активное участие в общественных движениях за право на образование и профессию, а затем и за политические права. Формирование осознанной гражданской позиции проявилось в желании у части из них с началом войны оказаться непосредственно на фронте в виде сестер милосердия или даже комбатантов. При этом в данном процессе необходимо вычленять психоэмоциональную составляющую, которая формировалась особенно в атмосфере патриотической эйфории начального этапа войны.

На наш взгляд, обозначенные составляющие проблемы достаточно показательно просматриваются при интерпретации процесса освоения женщинами профессии военного цензора, которое происходило в годы Первой мировой войны.

Военная цензура, введенная 20 июля 1914 г. указом императора Николаем II с целью сохранения военной тайны, предполагала просмотр всех почтовых отправлений, поступавших с фронта в тыл и наоборот. В тылу цензурный контроль писем и

телеграмм осуществлялся в пунктах военной цензуры при почтовых и почтово-телефрафных конторах, а обязанности военных цензоров возлагались на местных должностных лиц, наблюдавших за печатью, и на почтово-телефрафных чиновников [8, д. 3902, л. 40]. Количество почтовых отправлений уже в первые месяцы войны, когда на фронте находилось более 5 млн комбатантов, оказывалось колоссальным. Объем работы вынуждало увеличивать штат работников военной цензуры, в том числе за счет женщин. По-видимому, изначально это были женщины-служащие телеграфной службы, а затем, по мере расширения фронта деятельности стали привлекаться желающие. Условием их зачисления было обязательное наличие среднего (гимназического) образования и знание европейских языков, входивших в программы женских гимназий. Женщины первоначально принимались на работу в качестве «переводчиц» в помощь военным цензорам-мужчинам со слабым знанием иностранных языков.

Осенью 1915 г. все возраставшее количество почтовых отправлений поставило на повестку дня вопрос о привлечении женщин непосредственно к цензированию писем и телеграмм. Первоначально предложение встретило известное противодействие со стороны военных цензоров-мужчин. Так, на совещании членов Петроградской военно-цензурной комиссии от 27 января 1916 г. было высказано пожелание привлекать к военной цензуре «испытанных и достойных переводчиц» [8, д. 3902, л. 27 об.], только при отсутствии кандидатур мужчин и при этом подчеркивалось, что «нельзя назначать женщин на самостоятельные должности, а допускать их к работе под руководством военных цензоров» [8, д. 3902, л. 27–28]. Примечательно, что ко времени этого обсуждения женщины уже работали военными цензорами, в том числе в петроградской военной цензуре, что следует из представленных ими меморандумов по поводу просмотренных корреспонденций [1].

Мобилизация почтово-телефрафных служащих все более усиливала кадровый дефицит работников цензуры. Это касалось и территории, находившихся в непосредственной близости к фронту. Согласно разъяснению Ставки, в мае 1916 г. женщины могли допускаться к работе «только в случае недостатка подходящих лиц мужского пола и исключительно в местностях тылового

района, находящихся в ведении главных начальников военных округов на театре военных действий» [7, д. 1232, л. 263 об.].

Женщины, изъявившие желание работать в учреждениях военной цензуры, должны были предоставить свидетельства о своей благонадежности, для проверки которой в соответствующие контрразведывательные отделения отправлялись запросы. При наличии схожих характеристик у претенденток учитывалось их материальное обеспечение. Преимуществами пользовались вдовы и сироты, а также другие члены семейств военных.

Некоторые сохранившиеся в фонде РГВИА прошения от женщин содержат объяснения причин, которые сподвигли женщин добиваться работы военными цензорами. Чаще всего это затруднительные материальные обстоятельства [8, д. 3856, л. 399]. Однако часть прошений, свидетельствует об этической мотивации женщин, желавших участвовать в деле, «имеющем целью воспрепятствовать распространению разных слухов и сведений, могущих отрицательно повлиять на настроения и успехи славной нашей армии» [8, д. 3856, л. 579].

В Петроградской военно-цензурной комиссии к июлю 1916 г. уже работали 1538 женщин-цензоров [8, д. 1586, л. 132–156 об.]. В Гельсингфорсе в этот же период в цензуре числились 21 женщина и один мужчина-цензор, в Выборге – 39 женщин и 4 мужчины-цензора [8, д. 1586, л. 30, 30 об.]. Старшими цензорами везде числились мужчины.

На основании сохранившихся ежемесячных отчетов отдельных военно-цензурных пунктов можно утверждать, что некоторые женщины продолжали работу вплоть до октября-ноября 1917 г. [6, д. 1, л. 65–93], т. е. до прихода к власти большевиков, а часть из них продолжали работать и при новой власти.

Таким образом, недостаток кадров заставил военное командование разрешить привлекать женское население сначала к работе в тыловых военно-цензурных пунктах, а затем и в подобных учреждениях в военных округах на театре военных действий. В военных условиях их вынуждали трудиться прежде всего материальные лишения. Работа в цензуре могла рассматриваться ими и с точки зрения выполнения патриотического долга и служения Отечеству. Женщины смогли продемонстрировать свою квалификацию, пройдя путь от «переводчицы» и «помощницы цензора» до

«военного цензора», что явилось еще одним показателем трансформаций гендерных ролей, которые происходили в Российской империи на фоне социально-политических катаклизмов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ – 25-28-00933

Источники и литература

1. Алферова И.В. Женская история российской военной цензуры периода первой мировой войны // Российская история. 2024. № 2. С. 115–126.
2. Асташов А.Б. Милосердие и труд: небоевые практики русских женщин в Первой мировой войне // Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память. Материалы Международной научной конференции. Сер. II. Исторические исследования, 129. Труды исторического факультета МГУ. Вып. 194. М., 2021. С. 178–187.
3. Васильев М.В. Женские батальоны в Первой мировой войне. Псков, 2014.
4. Крестьянников Е.А. Женщины-юристы Российской империи накануне и в условиях Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2023. № 2(78). С. 68–76.
5. Поршинева О.С. Гендерный фактор политической мобилизации в России в условиях Первой мировой войны: методология и историография // Вестник РГГУ. Серия: политология. история. международные отношения. 2022. № 2. С. 21–31.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 624. Оп. 1.
7. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1.
8. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1.
9. Сердюк В.А. «Прием на службу женщин допущен... вне всякой процентной нормы». Труд женщин на фронтовых железных дорогах Российской империи в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2023. № 3. С. 86–94.
10. Щербинин П.П. Женщины в русской армии в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестник Тамбовского университета. серия: гуманитарные науки. 2004. № 3(35). С. 42–49.

B.H. Романишина
*Москва, Российский государственный
гуманитарный университет*

Участницы Гражданской войны на фронтах Великой Отечественной

Первая половина XX в. стала для России временем драматических событий и грандиозных потрясений: три революции, гражданская и две мировые войны. Череда испытаний, с которыми столкнулась страна, напрямую коснулась всего населения бывшей Российской империи, включая женщин. Тяжелые физические нагрузки, голод, болезни, бомбежки, сложные бытовые условия, воспитание детей, работа в тылу и на фронте, в партизанских отрядах и на оккупированных территориях, восстановление хозяйства после революций и войн – неполный перечень тех невзгод и бед, которые пришлось выдержать представительницам «прекрасного пола».

Если в годы Гражданской войны в Красной Армии служили 66 тысяч женщин [8, с. 107], то в период Великой Отечественной войны – не менее 800 тысяч [3, с. 165]. В первой половине XX в. женщины освоили самые различные военные специальности: от пулеметчика и снайпера до летчика и танкиста. Судьбы многих из них складывались трагично.

Александра Александровна Пермякова, дочь сормовского рабочего, в 16 лет вступила в РСДРП(б) и за пропагандистскую деятельность была заключена в тюрьму, а потом сослана в ссылку. С началом Первой мировой войны приехала в Москву, где окончила шестимесячные курсы сестер милосердия и работала в госпитале. После Февральской революции была направлена в областное бюро Московского комитета партии, где познакомилась со своим будущим мужем, революционером Михаилом Петровичем Янышевым. Вместе они принимали участие в событиях Октября 1917 г., а в начале 1919 г. выехали на фронт. М.П. Янышев был назначен комиссаром 15-й Инзенской (Сивашской) дивизии, а Александра Александровна возглавила отдел агитации политотдела, затем – политотдел дивизии, с которой супруги Янышевы дошли до Таврии. После гибели мужа А.А. Янышева осталась в дивизии и в со-

ставе передового отряда принимала участие в форсировании залива Сиваш и удержании занятого плацдарма до подхода основных сил, за что впоследствии была награждена орденом Красного Знамени [9]. Великая Отечественная война застала А.А. Янышеву на посту председателя Пятигорского горсовета. Сначала она служила комиссаром в действующей армии, а позже была назначена заместителем начальника по политчасти одного из госпиталей. В 1944 г. под Грозным она получила тяжелое ранение и контузию, была демобилизована. За участие в войнах А.А. Янышева была награждена орденом Ленина [7].

Донская казачка Павлина Ивановна Кузнецова в годы Гражданской войны была сначала санитаркой 1-го Донского крестьянского социалистического кавалерийского полка 1-й Донской конной бригады. Освоив пулемет, служила его наводчицей в 35-м кавалерийском полку 6-й Чонгарской кавалерийской дивизии Первой Конной армии, воевала на Южном и Польском фронтах. Находясь в разведке с небольшим отрядом и столкнувшись с противником, вынуждена была открыть пулеметный огонь, чтобы не позволить противнику их окружить. За этот подвиг Павлина Ивановна была награждена орденом Красного Знамени [2, с. 39].

В 1941 г. член партии П.И. Кузнецова была оставлена в Новочеркасске для подпольной работы. Оказавшись в фашистских застенках, она мужественно встретила свою смерть, и, идя на расстрел, бросила своим палачам: «Я боролась за Советскую власть и до конца жизни буду ее защищать, только смерть может заставить меня молчать и не вести борьбу с врагами революции» [6, с. 100].

Уроженка Псковской губернии крестьянка Ангелина Дмитриевна Махновская-Золоцевская в годы Гражданской войны являлась бойцом 17-го Петроградского полка, освоила пулемет. Сражаясь на Восточном фронте, попала в плен и содержалась сначала в Пермской каторжной тюрьме, потом в «эшелоне смерти» оказалась в Харбине, в концентрационном лагере, откуда смогла бежать к партизанам. Участвовала в боях с японскими интервентами, была инструктором политуправления Амурского фронта. После ранения в 1921–1922 гг. была направлена на обучение в Красноармейский университет в Беларусь. С 1930 г. заведовала библиотеками и вела просветительскую деятельность в воинских

частях Новочеркасска и Ростова-на-Дону. В годы Великой Отечественной войны преподавала в Бакинском пехотном военном училище. Ее двое сыновей добровольно ушли на фронт и погибли. Узнав об их смерти, она добилась отправки на фронт. Была начальником секретной части по управлению военными комендатурами 2-го Украинского фронта. Победу Ангелина Дмитриевна встретила в Чехословакии [7].

Многие женщины в годы Гражданской войны участвовали в работе большевистского подполья. Во врангелевском Крыму член Симферопольского подпольного комитета комсомола К.К. Кожина являлась заместителем начальника разведки боевой дружины и связной Крымского подпольного областного комитета РКП (б) с партизанской армией. После эвакуации остатков Белых армий была назначена заместителем начальника погранично-разведывательного пункта Южного берега Крыма, затем членом ялтинского уездного комитета и заведующей политпросвета, работала в органах ЧК. В 1921 г. была направлена на партийную и комсомольскую работу в Москву. В годы Великой Отечественной войны являлась помощником начальника разведывательного отдела Штаба Морских Сил Дальнего Востока. Дослужилась до звания полковника пограничных войск [5, с. 236].

В годы Великой Отечественной войны на фронтах и тыловых госпиталях трудилось более 200 тысяч врачей, 500 тысяч человек среднего медперсонала, около миллиона санинструкторов и санитаров [4, с. 6]. Среди них было немало участниц Гражданской войны.

Елизавета Иезекиилевна Гуревич, в годы Гражданской войны была врачом 503-го стрелкового полка 56-й (позже – Московской) стрелковой дивизии. Принимала участие в боях против войск генерала Н.Н. Юденича, в освобождении Ямбурга, в операциях советско-польской войны. Была награждена орденом Красного Знамени. В начале Великой Отечественной войны была назначена начальником отделения Эвакогоспиталия № 1015 Ленинградского фронта. Дослужилась до звания майора медицинской службы [1, с. 27].

Александра Ивановна Ляхович в годы Гражданской войны была санитаркой перевязочного отряда 2-го кавалерийского полка отдельной кавалерийской бригады под командованием Г.И. Котовского. С началом Великой Отечественной войны работала старшей хирургической медсестрой госпитального взвода 292-го

отдельного медсанбата в составе 48-й армии на Брянском, Центральном и Белорусских фронтах [1, с. 37].

Несмотря на сложные испытания, все эти женщины не отделяли свою жизнь от судьбы своей страны, а Гражданская война оказалась не единственным военным конфликтом, в котором им довелось участвовать.

Источники и литература

1. *Музалевский М.В.* Героини Гражданской войны. М., Кавалеръ, 2015.
2. *Озюбшин Д.* 1-я Конная и ее герои // Пропагандист и агитатор РККА. 1919. № 21.
3. *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.
4. *Симоненко В.Б., Овчинников Ю.В.* Навстречу 75-летию Победы. Вклад медицинских работников в победу в Великой Отечественной войне. Клиническая медицина. 2020. № 98 (1). С. 5–8.
5. Сквозь бурю времени. Сборник воспоминаний. Кишинев, 1979 г.
6. *Соболь Т.А.* По зову революции // Правда, ставшая легендой: [Сборник]. Москва: Воениздат, издание второе, исправленное и дополненное, 1969.
7. *Черепанов А.И.* Поле ратное мое. М.: Воениздат, 1984.
8. *Чирков П.М.* Женщины в Красной Армии в годы гражданской войны и империалистической интервенции (1918 – 1920) // История СССР. 1975. № 6. С. 104–113.
9. *Янышева А.А.* Пережитое // Без них мы не победили бы. Воспоминания женщин-участниц Октябрьской революции, гражданской войны и соц. строительства. М. 1975. С. 36–42.

И.И. Юкина
Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ СПб

Милосердное сестринство: от войны до войны

Организационной формой первых Общин сестер милосердия в России послужила устоявшаяся практика совместного проживания в богадельнях немонашествующих женщин по правилам, приближенных к монастырским. Катализатором процесса развития медицинского сестринства стали войны, которые Россия вела

на протяжении XIX в. – времени становления профессии сестры милосердия в нашей стране.

Начало развития сестринского дела как светского проекта положила вдовствующая императрица Мария Федоровна, которая в 1813 г. открыла отделение «сердобольных вдов» при основанных ею же Вдовьих домах в Петербурге и Москве. Это стало первым опытом светского, немонашеского женского милосердного служения в больницах и богадельнях, вызванного в первую очередь нехваткой младшего медицинского персонала, ряды которого поредели в ходе войны 1812 г. и заграничного похода русской армии. Расходы по содержанию «сердобольных вдов» императрица взяла на себя.

«Сердобольные вдовы» получали 5 руб. за двухнедельное дежурство, улучшенное питание, занимали хорошие комнаты в богадельне, где могли жить со своими детьми, могли отдать детей в учебное заведение на казенный кошт. После 10 лет службы «сердобольным» выплачивалась пожизненная пенсия в 150 руб. в год, а за каждые пять лет службы сверх того еще по 50 руб. Правила проживания во Вдовьих домах были строгими, практически монастырскими. Если «сердобольная» желала выйти из Вдовьего дома, то в этом случае она получала единовременное пособие в 100 руб., а после ее смерти близкие получали пенсию в 50 руб.

Поначалу в «сердобольные» принимались только женщины старше 35 лет, вдовы офицеров. Год «сердобольные» находились «под испытанием». За это время проверялась их возможность «печься о телесном и душевном здравии болящих». По истечению года, прошедшие испытание женщины, приводились к присяге. Первые вдовы были торжественно приняты в звание «сердобольных» в марте 1815 г. Для них был разработан особый чин посвящения с принятием обета и возложением на них особых крестов. В обещании вдовы клялись употреблять все свои «попечения и труды на богоугодное служение болящим». Трудовую деятельность вдовы начали в Мариинской больнице.

Можно смело утверждать, что «сердобольные вдовы» стали началом российского медицинского сестринства.

Первой Общиной сестер милосердия, как особого объединения немонашествующих женщин, оказывающих услуги в сфере медицинского ухода, стала Свято-Троицкая община. Община открылась

в Петербурге в 1844 г. по инициативе принцессы Терезии Васильевны Ольденбургской. Ее поддержали дочери императора Николая I великие княгини Мария Николаевна и Александра Николаевна, при покровительстве императрицы Александры Федоровны. Это был светский проект: объявление о приеме в Общину печаталось в Санкт-Петербургских Ведомостях. От претенденток требовалась набожность, милосердие, доброта, терпеливость, скромность, опрятность.

По мнению многих исследователей, милосердные сестринские общины в России по своему устройству и направлениям деятельности переняли опыт Домов диаконисс в Западной Европе. Косвенно это подтверждается тем фактом, что Свято-Троицкая община была межконфессиональной. Здесь существовало две церкви во имя святой Троицы – православная и лютеранская, в последней также проводились католические богослужения. Первой начальницей Общины стала квакерша Сара Биллер. Но в отличие от сестринских общин Европы, которые возникали в лоне и под руководством церкви, в России это была частная инициатива. Содержались сестринские общины на деньги благотворителей и потому были более светскими, чем женские конгрегации в Европе.

Именно в эти 1840-е годы в России в образованных кругах активно обсуждался вопрос об интеллектуальных возможностях, моральных и нравственных качествах женщин, и применении их «природных свойств» на пользу обществу. Одним из качеств, имманентно присущих женщинам, определялись доброта и милосердие, что послужило «идеологическим» обоснованием сестринского дела.

Претендентки на звание свято-троицких милосердных сестер попадали под «испытание», которое продолжалось год, позже – три. За это время проверялись их моральные качества и возможность «ходить за больными». После чего сестра приводилась к присяге священником Общины, а митрополит Санкт-Петербурга вручал ей золотой нагрудный крест с изображением Богородицы. Идея «христианского служения» сестры, понималась как служение Христу во имя спасение своей души и души страждущего через медицинскую и духовную помощь, жертвенность и терпеливое отношение к больному.

За основу жизнеустройства Общины были взяты правила православных женских монастырей. Образ жизни сестер был похож на образ жизни монахинь, хотя милосердные сестры не принимали монашеского пострига. Сестры не получали жалования, не могли иметь своих денег, собственной одежды. Отлучаться с территории Общины и принимать гостей сестрам позволялось лишь с разрешения начальницы не чаще двух раз в неделю. Форменная одежда была обязательной. Пенсии не полагались: свой век сестры доживали в Общине. Основными обязанностями были суточные дежурства в больнице, работа в амбулатории и аптеке, обучение на курсах, организованных для них при Общине. Свято-троицкие сестры работали в военных госпиталях Петербурга, участвовали во всех войнах, начиная с Крымской и кончая I мировой войной.

Крымская кампания 1853–1856 гг. стала рубежной в развитии профессионального медицинского сестринства. К началу Крымской войны общины сестринские милосердные общины уже не были редкостью. Они появились не только в обеих столицах, но в провинции. Но инициатива вел.кн. Елены Павловны несла в себе новый вызов – великая княгиня предложила отправить сестер милосердия на театр военных действий. С этой целью ее усилиями и на ее средства в ноябре 1854 г. была создана Крестовоздвиженская община сестер милосердия. Инициатива Елены Павловны нарушила представления о женщинах, которые в общественном мнении преставали существами физически слабыми, не обладающими волей и, конечно, не имеющими чувства гражданского долга. С другой стороны, распространенное мнение о «природной» женской доброте и сострадании оправдывали эту инициативу, так же как и ее безусловная практическая польза: война выявила потребность в младшем медицинском персонале. Николай I не был склонен к изменению сложившегося в армии порядка, но огромные потери на войне, настойчивость великой княгини переломили ситуацию.

Великая княгиня обратилась с призывом «ко всем русским женщинам, не связанным семейными обязанностями» прийти на помочь раненым воинам. На подготовку и экипировку отряда она выделила 200 000 руб. Единомышленник Елены Павловны хирург Н.И. Пирогов вел для сестер занятия. Социальный состав сестер был

пестрым. В Общину вступили патриотически настроенные женщины практически всех слоев общества. 25 октября 1854 г. император подписал временный устав Общины, 5 ноября первые волонтерки были посвящены в сестры милосердия и буквально на следующий день выехали в район боевых действий. В Крым также отбыли «сердобольные вдовы» и свято-троицкие сестры.

Призыв Елены Павловны к женщинам – это уже был призыв к принятию женщинами не только своего христианского, но и гражданского долга. Идея «служения» оставалась центральной, но теперь она трансформировалась в идею служения своему Отечеству.

Судя по тому, как дальше развивались события, сестры милосердия продемонстрировали новую гражданскую женскую идентичность. О мужестве и героизме сестер писали газеты, свидетельствовали очевидцы. Сестры опрокинули привычные представления о «женской природе», женском предназначении, женских умственных и физических возможностях.

Крымская война сделала актуальным вопрос об организационной форме сестринства. Развиваться ли ему как монашескому служению или как частной гражданской инициативе с дальнейшей профессионализацией сестринского дела. По мнению Пирогова второй путь более соответствовал «духу и потребности нашего времени».

Сама Елена Павловна видела Крестовоздвиженскую общину скорее монашеской организацией под руководством церкви. Но этого не случилось. В 1858 г. по ходатайству Военного министерства Община получила постоянный статус и частичное государственное финансирование. В итоге развитие сестринского дела пошло по пути гражданского служения. Военные конфликты, в которых участвовала Россия, укрепляли первичность идеи гражданского, а не христианского долга и способствовали профессионализации сестринских общин. Эта тенденция подтвердилась созданием в 1866 г. «Общества попечения о раненых и больных воинах» (с 1879 г. Российской Общество Красного Креста) по инициативе М.С. Сабининой и баронессы М.П. Фредерикс при поддержке императрицы Марии Александровны как частной инициативы, основанной на гуманистической и гражданской идеи всенародной помощи воинам, проливших кровь за свое Отечество. В 1870 г. по инициативе гр. Елизаветы

Николаевны Гейден и при поддержке принцессы Е.М. Ольденбургской была основана первая «военная» сестринская община св. Георгия (Свято-Георгиевская община), в которой сестры изначально готовились к работе в военно-полевых условиях.

Таким образом, в общинах сестер милосердия, появившихся в России в XIX в. как частная, преимущественно женская инициатива, основанных на принципах гуманизма и гражданского долга и в ситуации войн, которые вела Россия, сформировалась новая женская профессия сестры милосердия.

Литература

1. Карпичева Л.А. Из истории «женского милосердного» служения в России XIX века // «На небесах уготовится истина Твоя». Неравнодушные мысли верующего человека. СПб., 2009. С. 211–223.
2. Козловцева Е.Н. и др. Общины сестер милосердия Российской империи в 1844–1917 гг. Энциклопедический справочник / под ред. А. Постернака. М., 2019.
3. Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950.
4. Постернак А.В. Очерки по истории общин сестер милосердия. М., 2001.

E. Сенявская
Москва, Институт российской истории РАН

Женщины в Красной Армии: вклад в Великую Победу

Женщины в СССР не были военнообязанными, но статья 13 Закона «О всеобщей воинской обязанности», принятого 1.09. 1939 г., предоставила НКО и НК ВМФ право принимать на службу в армию и на флот женщин, имеющих медицинскую, ветеринарную и специально-техническую подготовку.

В период Великой Отечественной войны в действующей армии женщины составляли 41% фронтовых врачей, 43% военных хирургов и военных фельдшеров, 100% медицинских сестер и 40% санитарных структоров и санитаров. В 1941–1945 гг. по линии Красного Креста 300 тыс. женщин получили специальности медицинских сестер, 300 тыс. – санитарок, свыше 500 тыс. – сандружинниц МПВО. Они спасали жизнь раненым, эвакуировали в тыл, лечили в госпиталях, вернули в строй 72% раненых и 91% больных, предотвратили эпидемии.

За мужество и труд в годы войны 40 тыс. женщин-медиков были удостоены разных наград, 16 получили звание Героя Советского Союза, одна стала полным кавалером ордена Славы.

16.09.1941 г. постановлением ГКО в стране было введено всеобщее военное обучение. 21.11.1942 г. – дата издания приказа НКО СССР № 0902 об обучении военным специальностям женщин в комсомольско-молодежных спецподразделениях Всевобуча. За время войны без отрыва от производства военную подготовку прошли свыше 222 тыс. женщин, из них ок. 6 тыс. получили специальность минометчиц, свыше 12 тыс. – пулеметчиц, свыше 15 тыс. – автоматчиц, 29,5 тыс. – связисток, 11 тыс. – специалистов для подразделений военно-автомобильных дорог.

На базе Центральной школы инструкторов-снайперов при Главном управлении Всевобуча НКО действовали курсы по подготовке женщин-снайперов. 21.05.1943 г. приказом НКО № 0367 они были переформированы в Центральную женскую школу снайперской подготовки, которая отличилась 7 выпусками, то есть более 1 тыс. снайперов и 400 инструкторов снайперского дела. В январе 1944 г. она стала Краснознаменной. Уничтожившие тысячи фашистских солдат и офицеров, 492 снайперши награждены орденами и медалями, 5 стали Героями Советского Союза, одна – полный кавалер ордена Славы.

Красная армия была первой европейской армией XX в., включавшей в себя отдельные женские регулярные боевые подразделения: 1-ю отдельную женскую добровольческую стрелковую бригаду, 1-й отдельный женский запасной стрелковый полк, Центральную женскую школу снайперской подготовки, уникальные боевые авиационные части летчиц-добровольцев.

8.10.1941 г. НКО СССР издал приказ № 0099 «О сформировании женских авиационных полков ВВС Красной Армии» (588-го ночных бомбардировочного авиаполка; 587-го авиаполка дневных бомбардировщиков, 586-го истребительного авиаполка ПВО). Их формирование было поручено прославленной летчице, Герою Советского Союза Марине Расковой. Советские женщины сражались и в обычных «мужских» частях во всех видах авиации (истребительной, штурмовой, бомбардировочной). За боевые успехи в ВОВ 32 летчицы и их штурманы стали Героями Советского Союза, 5 – Героями России, одна – полным кавалером ордена Славы.

Женщины попадали в армию не только на добровольной основе, но и по мобилизации. Годные к военной службе и не обремененные семьей женщины в возрасте от 19 до 30 лет призывались и направлялись в войсковые части, а в возрасте до 45 лет – в стационарные тыловые учреждения. Кроме женщин-военнослужащих были вольнонаемные, служившие в штабах на должностях обслуживающего персонала военно-медицинских, продовольственных, вещевых,банно-прачечных, ремонтных учреждений.

Особенно интенсивно проводилась мобилизация женщин в тяжелейшем 1942 г. (постановлениям ГКО от 25.03.1942, 13.04.1942, 23.04.1942). По призыву комсомола воинами стали свыше 550 тыс. патриоток, 5 мобилизаций было проведено среди женщин-коммунисток.

26.03.1942 г. вышел приказ НКО СССР № 0058 о мобилизации 100 тыс. девушек в войска ПВО. В октябре 1942 г. по решению ГКО была проведена вторая мобилизация женщин в Войска ПВО. К январю 1943 г. по комсомольским путевкам туда пришли около 124 тыс. девушек, всего же с апреля 1942 г. по май 1945 г. в этих войсках отслужило до 300 тыс. женщин. В некоторых полках и дивизиях они составляли от 50 до 100% личного состава. К концу войны удельный вес женщин достиг 24% контингента Войск ПВО. Много женщин служило связистками; уже в августе 1941 г. в войска связи было призвано 10 тыс. девушек. В апреле 1942 г. (по приказам НКО № 0276 и 0284 о мобилизации) 30 тыс. женщин заменили на фронте связистов-мужчин. За годы войны женщины составили 12% личного состава войск связи, а в отдельных подразделениях – до 80%.

Большие потери на фронте требовали пополнения. И в различных видах Вооруженных Сил и родах войск женщины заменяли мужчин. Согласно Приказам НКО № 0296 и 0297 от 19.04.1942 г., из тыловых частей стрелковых войск, укрепрайонов, политических учреждений Красной Армии мужчин отправляли в действующую армию, их замещали женщинами. 40 тыс. женщин были мобилизованы в ВВС на должности специалистов связи, кладовщиков, деслопроизводителей, писарей, поваров, библиотекарей, бухгалтеров, даже шоферов и стрелков-вооруженцев.

5.05.1942 г. по постановлению ГКО № 1703сс о мобилизации 25 тыс. комсомолок и некомсомолок-добровольцев пополнили

Военно-морской флот (приказ НК ВМФ СССР № 0365). 10 мая Главное политическое управление ВМФ издало специальную директиву об организации с ними политической работы.

6.05.1942 и 3.06.1942 г. по Приказам НКО № 0635 и 0447 женщинами и вольнонаемными были замещены некоторые должности командного и начальствующего состава. 4.07.1942 г. Приказ НКО № 0459 предписал замену женщинами отдельных должностей в автобронетанковых военно-учебных заведениях и в тыловых учреждениях Красной Армии. В этих войсках женщины служили не только на вспомогательных должностях. Были среди них механики-водители, стрелки-радисты, командиры танков и танковых подразделений. Две танкистки стали Героями Советского Союза.

В годы войны женщины освоили более 20 военных профессий. Они воевали летчицами и танкистками, пулеметчицами и автоматчицами, минометчицами и саперами, минерами, артиллеристками, разведчицами, снайперами, зенитчицами и прожектористками, водителями и регулировщицами... Тысячи женщин-офицеров командовали расчетами, взводами, ротами, полками, служили политработниками...

По закрепившимся в историографии данным, в Великой Отечественной войне участвовало от 800 тыс. до 1 млн советских женщин. Правда, в статистическом исследовании «Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь» (М., 2010) под редакцией генерала Г.Ф. Крикошевеева утверждается, что «за период Великой Отечественной войны всего было призвано на военную службу 490 235 женщин». В его число не вошли женщины-вольнонаемные. Число погибших, умерших и пропавших без вести военнослужащих-женщин в документах отдельно не выделялось, а показывалось в графах, соответствующих их воинским званиям вместе с потерями всего личного состава войск, а все лица вольнонаемного состава показывались в графе «рядовые». По этой причине исследователи не смогли определить точное число женских потерь в армии.

С момента первой публикации в 1985 г. книги С.А. Алексиевич «У войны – не женское лицо» утвердилось мнение, что советское государство, призвавшее женщин на военную службу, полностью игнорировало их потребности. Это не так. В первый, самый тяжелый период войны, действительно, хватало других проблем. Не

было опыта присутствия женщин в войсках. Но по мере роста числа женщин-военнослужащих и вольнонаемных руководство страны постаралось по возможности решить «женские проблемы». Начиная с 1942 г., высшим руководством страны было издано несколько «женских» приказов и постановлений: 12.08.1942 г. вышел приказ НКО СССР № 244 «О выдаче некурящим женщинам шоколада или конфет взамен табачного довольствия»; 11.04.1943 г. приказ НКО СССР № 164 «Об увеличении нормы выдачи мыла женщинам-военнослужащим».

Не осталось без внимания и медобслуживание женщин. В 1943 г. в издательстве «Медгиз» вышла брошюра «Указания по организации гинекологической лечебно-профилактической помощи женщинам, служащим в Красной Армии», где отмечалось, что «особенности физиологии женщины требуют серьезного внимания к организации ряда специфических мероприятий лечебного и профилактического порядка». Была разработана система оказания помощи раненым и больным женщинам на всех этапах медицинской эвакуации. В армейских госпиталях развертывались женские палаты, во фронтовых – гинекологические отделения. В составе каждой армейской и фронтовой госпитальной базы с 1943 г. имелось до 300 гинекологических коек. Создавались специальные женские госпитали.

Особыми нормативными документами регулировались случаи, когда женщины демобилизовывались из армии по беременности. 1.09.1942 г. вышло два Постановления Совета НКО СССР – № 1458 «О порядке выдачи пособий по беременности и родам работницам и женщинам-служащим вольнонаемного состава войсковых частей КА, ВМФ и войск НКВД СССР на военное время» и № 1459 «О порядке выдачи пособий по беременности и родам женщинам-военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава, уволенным из КА, ВМФ и войск НКВД СССР на военное время»; 10.09.1942 г. Приказ НКО СССР № 269 «О порядке обеспечения при временной нетрудоспособности вольнонаемного состава и о порядке выдачи пособий по беременности и родам» и 28.09.1944 г. Приказ заместителя НКО № 187 «О предоставлении льгот беременным женщинам и матерям».

За заслуги в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы ВОВ свыше 150 тыс. женщин были награждены боевыми

орденами и медалями, более 200 чел. получили орден Славы, четыре женщины стали полными его кавалерами. 92 советские женщины – Героями Советского Союза, 6 – Героями России. Бывшие солдаты с благодарностью вспоминают своих подружек и сестренок, которые выволакивали их, раненых, с поля боя, выхаживали в медсанбатах и госпиталях, сражались рядом в одном строю. Женщина – друг, соратник, боевой товарищ, делившая все тяготы войны наравне с мужчинами, всегда воспринималась ими с подлинным уважением.

Н.К. Курмеева
Оренбург, краевед, свободный исследователь

На фронтах и в тылу – ты везде приближала Победу

Женская доля всегда нелегка, но особенно она тяжела в годы войн и лишений. Женщины взвалили на свои плечи не только все тяготы тыловых работ – от сельского хозяйства до производства, выполняя мужскую работу, но стремились и в активном участии на фронтах Великой Отечественной войны приближать победу.

Расскажем о судьбах нескольких женщин, проявивших себя в эти суровые годы. «Всего за годы войны в различных родах войск на фронте служило свыше 800 тысяч женщин» [1, с. 187]. Для того чтобы заменить мужчин на фронте, в 1942 г. был издан приказ о мобилизации девушек в Красную Армию. Мобилизации подлежали «физически здоровые возрастом 19–28 лет. В числе мобилизованных 40% должны иметь среднее образование, остальные не менее 5 классов» [2, л. 7]. Среди призванных была Мария Ахметжановна Рахматуллина (в девичестве Маторина), которая была определена в 103 отдельный батальон воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС). С мая 1942 по 1945 г. прошла военными дорогами от Камышина под Сталинградом до польского города Познань (о ней написана статья [3], оренбургские архивисты сняли фильм). Молодым девчонкам приходилось жить в сырых землянках, мерзнуть и голодать, перебираться через Волгу, чтобы напилить дров, главное – выполнять боевые задания: сообщать о налетах врага, незамедлительно передавать сведения о марках самолетов, их количестве, высоте полетов. На посту – какой-нибудь возвышенности – стояли по два часа, затем сидели у рации столько же, передавая сведения, сменяли друг друга.

Валенки были одни на шестерых, одна снимала, друга надевала, они практически не высыхали, ноги сильно мерзли. Эти часы тянулись бесконечно, в дождь и ветер, стужу и палиящий зной, но сознание защиты Родины было той силы, что не давала и мысли о чем-то ином.

М.А. Рахматуллина вспоминала разные эпизоды из фронтовой жизни: испытанный ужас от гула нескольких сотен летящих вражеских самолетов, бомбёжка судов на Волге, горевшая на воде разлившаяся из танкера нефть. На всю жизнь запомнился случай, когда, преодолевая сильный буран, пришлось несколько километров добираться до своего расположения с тяжелой рацией за спиной; можно было сбиться с пути, и только мужество, твердость характера не дали девушкам остановиться, замерзнуть и потом считаться пропавшими без вести. Такой Мария Ахметжановна осталась на всю свою долгую жизнь (1922–2021) – доброй, понимающей, но в главных делах уверенной и решительной. Как и почти все ветераны Великой Отечественной, она не любила вспоминать и рассказывать о войне.

Еще одна военная судьба – Прасковьи Григорьевны Канцедал (1902–1982). Уроженка Оренбурга на начало войны жила с мужем в Харькове. Муж был партийным деятелем, которого немцы сразу расстреляли по доносу. Прасковья же осталась в Харькове на все время немецкой оккупации. Приходилось как-то добывать пищу, выезжала в деревни менять вещи на муку и другие продукты. Однажды нескольких женщин зимней ночью преследовали волки. Увидев их горящие глаза, женщины не стали ускорять шаг, только читали молитвы, хотя не были верующими, так и дошли до крайних домов, испытав колоссальный ужас. Но еще страшнее было, когда женщин согнали в одно большое здание, чтобы затем отправить в Германию. Прасковье Григорьевне с подругой чудом удалось выбраться оттуда и избежать этой участи. В 1943 г., при освобождении Харькова, П.Г. Канцедал был уже 41 год. Она добровольно вступила в ряды Красной Армии, ей хотелось после всего увиденного и испытанного хоть чем-то помочь своей стране в борьбе с фашистскими захватчиками. Прасковья Григорьевна, не имея военной специальности, становится санитаркой в полевом передвижном хирургическом госпитале № 4390. Вместе с госпиталем «красноармеец, санитарка П.Г. Канцедал», как написано в наградном листе, прошла фронтовыми дорогами от Харькова до

Берлина, имела много благодарностей и медали «За боевые заслуги» и «За победу над Германием в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». По-матерински относилась она к раненым, старалась своими заботами, теплом и помощью быстрее поставить на ноги, утешить, облегчить боль. Многие молодые бойцы годились ей в сыновья. Не имея своих детей, Прасковья Григорьевна всю свою душу и любовь отдавала раненым. В дальнейшей жизни работала в детских садах, воспитывая молодое поколение в любви к Родине. Долгие годы юные потомки даже не знали, что их родственница была участницей войны.

В тыловом городе Чкалове (Оренбурге), в эвакогоспитале № 4409 работала поваром Анастасия Степановна Малышева (1898–1966). У тыловой жизни свои законы, которым приходилось подчиняться по военному уставу. Работа с утра до вечера, сделал свою раныше, помогаешь другим. Часто готовить приходилось из однообразных продуктов – то одна крупа, то другая, нет овощей, мяса, масла. Эвакогоспиталь располагался в здании выстроенной перед войной школы, но постоянно были перебои с водой, электричеством, отоплением, канализацией, особенно в начале войны. Воду приходилось носить с дальних колонок, сколько ее нужно было для обеспечения трехсот человек. Дома помимо своей семьи жили эвакуированные с Украины муж с женой и его родители. Жили дружно, делились всем, чем могли, питание, которое полагалось в госпитале каждому работнику, Анастасия Степановна отдавала жильцам. Каждый день приносила с собой ворох окровавленных бинтов, которые нужно было выстирать, высушить, а наутро свернуть в рулоны и принести назад. Жили, как и все, очень скучно: не всегда хватало дров для печи, приходилось топить подсолнечной лузгой, которая мгновенно прогорала, стоять в очереди за хлебом и другими продуктами по карточкам. Выручала природная смекалка: А.С. Малышева с дочерью и племянницами научились шить из простынного полотна кофточки, вышивать немудреным узором, продавать на рынке или менять на продукты, летом и осенью по возможности заготавливать соления, которые тоже шли на обмен. Часто Анастасия Степановна приносила свои заготовки и в госпиталь, чтобы порадовать ранбольных чем-нибудь домашним. Анастасия Степановна Малышева была одной из тех исконно русских женщин, которая своим непрерывным трудом обеспечивала в тылу жизнь родных и незнакомых людей [4].

Разные судьбы разных женщин дают нам образец стойкости и несгибаемости при любых обстоятельствах военного времени. Каждый день военной поры – это подвиг женщины на своем месте, приближающий общую победу страны.

Источники и литература

1. Женщины Страны Советов. М.: Политиздат, 1977.
2. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 371. Оп. 6. Д. 557.
3. Курмееva Н.К. Защитница Сталинграда М.А. Рахматуллина // Одна на всех трагедия и одна Победа. Международная научно-практическая конференция к 80-летию начала Великой Отечественной войны. Оренбург, 28-29 мая 2021 г. / науч. ред. Р.Р. Хисамутдинова. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2021. С. 155–158.
4. Курмееva Н.К. Повседневная жизнь простой оренбурженки в первой половине XX века // Человек и город в историко-культурном пространстве. Восьмые краеведческие чтения, посвященные памяти почетного гражданина города Оренбурга В.В. Дорофеева. Оренбург, 4 декабря 2024 г. / науч. ред. Е.В. Бурлуцкая. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2024. С. 78–89.

Т.Ю. Новинская

*Пенза, Пензенский государственный
технологический университет (ПензГТУ)*

Женщины-пилоты на войне: «Нас называли ночных ведьмами»

В годы Второй мировой войны формирование чисто женских боевых авиаполков было уникальным явлением. Уникальность обуславливалась доступностью к профессии и стереотипами. Пилоты-мужчины на военной службе были нормой. Женщины становились с недоверием в их профессионализме.

В британских вооруженных силах с 1939 по 1945 г. функционировало специализированное подразделение – Вспомогательная транспортная авиация (ATA) [1]. Это был уникальный для того времени пример вовлечения женщин в выполнение ответственных задач. Женщины проходили полный курс подготовки и допускались к управлению всеми типами самолетов.

В США в 1943 г. в рамках специальной программы была создана Женская служба пилотов Военно-воздушных сил США (WASP) [2, с. 73]. 1074 женщины участвовали в перегонке самолетов (включая B-17, P-51 Mustang), буксировке мишеней, совершали испытательные полеты после ремонта. Они не считались военными до 1977 г. [2, с. 182]. Во Франции это были единичные случаи, в боевых действиях не участвовали.

Нацисты вообще не допускали женщин до боевой авиации. Исключением стали Ханна Райч и Беата Узе, пилотировавшие бомбардировщики Me-163 и V-1 с ракетным двигателем в тылу.

Советский Союз стал исключением: три женских авиаполка были сформированы по инициативе Мариной Расковой. Способствовало этому острая нехватка пилотов-мужчин и идеологическая установка о равенстве полов. Более 1000 летчиц от 17 до 22 лет на тихоходных учебных бипланах без брони, радио и парашютов бомбили, сбивали самолеты противника, вели разведку.

588-й полк легких ночных бомбардировщиков под командованием Е. Д. Бершанской прошел с боями от Донбасса, через Сальские степи и предгорья Кавказа, через Кубань и Крым с наступающими фронтами, Белоруссию и Польшу, дошел до Восточной Пруссии, Германии и окончил войну севернее Берлина. В феврале 1943 г. полк стал первой гвардейской частью в 4-й Воздушной армии, в состав которой на тот момент еще входили: 216-я, 217-я, 229-я истребительные дивизии; 230-я штурмовая дивизия; 219-я бомбардировочная дивизия; 218-я ночная бомбардировочная дивизия; один учебно-тренировочный и семь отдельных смешанных авиаполков, эскадрилья связи и эскадрилья дальней разведки. Так сбылось сказанное Расковой: «Я верю, мои скромные ночники, вы будете гвардейцами» [3, с. 199].

Заслуги полка необходимо связывать с мужеством и хладнокровием Евдокии Давидовны Бершанской, ее умением организовать деятельность полка так, что «девушки, чувствовали себя на фронте во всех отношениях на равных правах с мужчинами» [3, с. 320]. Им не давали поблажек, но девушки сами стремились не отставать от мужских полков. Авторитет завоевывался упорными тренировками и стойкостью духа в боях. Когда полк перешел в состав 4-го Украинского фронта и вошел в состав новой дивизии, девушки вновь оказались в положении как в 1942 г., когда только

прибыли на фронт. К ним «снова присматривались, часто с недоверием» [3, с. 288]. Но, увидев девушек в деле, вспоминали об их боевом опыте: «Вам приходилось летать и в горах, и в туманы, и над морем...» [3, с. 289]. Когда на совещание в штаб прибывало руководство женского полка для доклада, командующий вставал первым, за ним встали все остальные командиры.

Отношения между мужчинами и женщинами на войне не ограничивались профессиональной деятельностью, включали сложный комплекс социальных, психологических и личных аспектов. Летные же женские полки отличались строгой дисциплиной, в следствии организации службы были изолированы от основной массы мужчин, а также большинство девушек-летчиц осознанно избегали отношений. В одной из эскадрилий висела юмористическая стенная газета «Заповеди женского полка». Среди них: «Гордись, ты женщина. Смотри на мужчин с высокой! Не отбивай жениха от ближней!» [3, с. 93].

Как выстраиваются отношения с противоположным полом, можно увидеть и по эпизодам, описанным в книге. Надо отметить, что все мужчины, приезжающие в полк, держались весьма осторожно [3, с. 91]. Однажды к 588-му полку был приписан радиотехник. Мужчине в женском коллективе пришлось трудно. В столовую ходил после того как все 200 девушек поедят. А когда ему на продскладе выдали женское белье (в 1943 г. уже выдавали не только кальсоны), радиотехник написал рапорт, что установить связь на По-2 технически невозможно. Из полка его перевели.

«Заповеди» содержали рекомендации по внешнему виду: «Не стригись. Храни женственность!», регулировали солдатский быт: «Не завидуй другу (особенно если он в наряде)! Не топчи сапоги. Новых не дадут! Люби строевую! Не выливай раку, отдай товарищу!», учили соблюдать солдатский кодекс чести: «Не сквернолюбивые! Не теряйся!» [3, с. 93]. Летчицы были очень требовательны к себе. В полку работал суд чести.

Эпизоды из жизни, поступки, характеры, описанные в книге, показывают не только подвиги, но и внутреннее состояние женщин-пилотов. Как пример, описание командира эскадрильи Мариной Чечневой: «Ужасно ей хочется походить на мужчину. Ухватки былого солдата. А присмотришься – милая девушка, ласковая. Обожает стихи» [3, с. 90].

Москвичку Руфину Гашеву Ракобольская сравнивает с «Джульеттой в комбинезоне». «Пусть она наденет унты, шлем, перчатки. Пусть подпояшется ремнем с кобурой. Произойдет чудо – возникнет военный летчик, но при этом не исчезнет Джульетта... Тихая, очень поэтичная, ясноглазая – вот какова эта девушка с именем Руфина» [3, с. 92]. О ней же Ракобольская пишет: «Когда я услышу о силе человеческого духа, я обязательно вспомню об этой московской девушке, прямо из аудитории университета ушедшей на фронт» [3, с. 92, 93]. Ракобольская часто приводит высказывания самих девушек, в данном случае Руфины: «...страшно бывает редко. Больше всегда азарта. Попадешь в луч прожектора и думаешь, как бы влепить бомбу в самый прожектор» [3, с. 92, 93]. О таких девушках в своих воспоминаниях К.К. Рокоссовский написал: «Наш фронт законно гордился крылатыми героями, доставлявшими врагу немало бед своими личими ночных полетами» [4, с. 358].

Еще одна история из книги о молодой летчице, прибывший в полк «после окончания аэроклуба в глухом сибирском mestечке», стремившейся «больше всех летать». В 1945 г., когда полк находился на землях Передней Померании, все заметили, что девушка начала полнеть. Подруги заставляли ее заниматься физкультурой, не давали много есть. Однажды она родила: «Это было ЧП!... Это в нашем-то полку!» [3, с. 130–131]. «Страшно расстроенные» Ракобольская и Бершанская приехали к командующему армией К.А. Вершинину, он долго смеялся, а потом сказал: «Дуры вы, дуры, она же герой, она с ребенком летала на боевые, война окончилась, ее награждать надо, не возмущаться. Надо подумать, как ей помочь» [3, с. 131].

Родившийся мальчик, прибывший с матерью в полк перед окончанием войны, стал символом новой жизни. Описывая прощальный вечер в Швейднице, когда Вершинин вручал последние ордена и желал успеха в мирной жизни, Ракобольская вспоминает, как он ей пожелал иметь семерых детей [3, с. 132].

Полк окончательно был расформирован осенью 1945 г. История боевого пути полка, каждой его летчицы – пример повседневного героизма. Женщины-пилоты доказали, что могут воевать наравне с мужчинами-пилотами, но им пришлось для этого не

только овладеть навыками летного дела, а также преодолеть социальные барьеры. СССР – единственная страна, где женщины официально воевали в авиации наравне с мужчинами.

Источники и литература

1. *Curtis L. The Forgotten Pilots: A Story of the Air Transport Auxiliary, 1939–45.* Crecy Publishing, 1992. 272 p.
2. *Gee E. WASP. Women Airforce Service Pilots, American Patriots, Trailblazers and Heroines WWII.* 2013. 191 p. URL: file:///C:/Users/golub/Downloads/_OceanofPDF.com_WASP-Women_Airforce_Service_Pilots-American_Patriots_Trailblazers_n_Heroines_WWII_-Emma_Gee.pdf
3. *Ракобольская И., Кравцова Н.* Нас называли ночных ведьмами. Издательство «КоЛибри», серия «Персона», 2024. 448 с.
4. *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 1968. 358 с.

И.М. Трень
Черняховск,
Гимназия №2

На пути к Параду Победы... 125-й бомбардировочный (женский) авиаполк в небе Восточной Пруссии в 1945 г.

Доклад раскрывает боевые эпизоды экипажей 125-го бомбардировочного авиаполка зимой и весной 1945 г. на территории Восточной Пруссии. Также делается попытка показать другую сторону жизни летчиц полка (их таланты и занятия в часы досуга), взаимоотношения в женском коллективе. Источниками для работы послужили архивные документы из ЦАМО, сборник воспоминаний «В небе фронтовом» (1962 г.), интервью и др.

История авиаполка началась осенью 1941 г. Приказом народного комиссара обороны, 8 октября 1941 г., в составе Красной Армии появились три женских боевых авиаполка. Одним из них был 587-й бомбардировочный авиаполк, командиром которого была назначена Герой Советского Союза майор Марина Михайловна Раскова. Начало боевого пути полка было омрачено гибелью командира Марины Расковой в авиакатастрофе при перелете полка на фронт.

5 февраля 1943 г. командиром полка был назначен майор Валентин Васильевич Марков (1910–1992), который командовал им

по 14 апреля 1945 г. В мае 1943 г. полку присвоено имя Героя Советского Союза Марины Расковой. В сентябре 1943 г. полк был преобразован в 125-й гвардейский бомбардировочный авиационный полк.

В ходе войны авиаполк принял участие в важных военных операциях. За отличия в боях при форсировании реки Березины и при освобождении города Борисов, в июле 1944 г. полку присвоено почетное наименование Борисовский.

С апреля 1945 г. полком командовал гвардии майор С.М. Титенко. Под его командованием полк произвел 90 боевых самолетовылетов по уничтожению живой силы и техники противника в районах: Гросс-Хаденкруг, Гросс-Блюменау, Фишхаузен, Панакен, Лохштадт и др. Массированными бомбардировочными ударами полк существенно способствовал успешному наступлению наших наземных войск. Активное участие принимали женские экипажи полка в операциях на Земландском полуострове.

Как складывались отношения в почти совсем женском коллективе 125-го бомбардировочного авиаполка? «...Все мы люди. Тем более, женский коллектив, который вместе спит, вместе ест, вместе работает. Конечно, эмоциональная нагрузка большая... Всегда мы работали, если бы было много свободного времени, наверное, было бы по-другому. Даже тогда, когда не было полетов – погоды нет или аэродром раскис, старались не сидеть без дела. Штурмана учили районы до мелочей, летчики тоже занимались. Потом очень хорошая была самодеятельность», – вспоминала впоследствии Е.М. Малютина [1].

Комиссар полка Л.Я. Елисеева (1907–1979) вспоминает о талантах и увлечениях женщин в 125-м авиаполку: «Любили наши девушки песню. Она была их спутницей по всем фронтовым дорогам. Песня слышалась всюду: в землянках, на аэродроме, в самолетах и на вечерах самодеятельности. Много талантов было в полку: певцы и танцоры, песенники и рассказчики, они скрашивали тяжелые фронтовые будни» [2].

Победу полк встретил на аэродроме Груджай, в Прибалтике. Ночью Мария Кириллова узнала новость об окончании войны по телефону и сообщила подругам: «Мы вскочили с постелей, с криком и шумом стали обнимать и целовать друг друга. Затем выбежали на крыльце и открыли стрельбу из пистолетов. Это был наш

салют концу войны! А утром 9 мая был митинг в честь Победы. Нам вручали ордена и медали. Все еще не верилось, что наступил день мира и счастья на земле», — вспоминает командир звена старший лейтенант Е.П. Федотова [3].

Девять лучших экипажей полка вылетели для участия в параде Победы в Москве. После парада полк расформировали. Младшие специалисты были почти все демобилизованы, знамя полка передали в музей Вооруженных Сил, а восемь экипажей передали в 124-й полк [1].

Подводя итоги, приведем строки из воспоминаний генерал-лейтенанта авиации, командира полка В.В. Маркова: «Всем сердцем каждый летчик, штурман, радист рвались в бой, чтобы как можно скорее освободить нашу Родину от фашистских захватчиков. Дни и ночи готовили самолеты к боевым полетам наши девушки — техники, механики, прибористы... И только такая дружная, сплоченная работа помогла с честью пройти всю войну одному из женских авиационных полков — 125-му Гвардейскому, дважды орденоносному Борисовскому, имени Героя Советского Союза Марины Расковой» [4, с. 29].

Источники и литература

1. Драбкин А. Малютина Елена Мироновна. Летчики-бомбардировщики. URL: <https://www.iremember.ru/memoirs/letchiki-bombardirov/maluitina-elena-mironovna/>
1. Елисеева Л.Я. Сила советского патриотизма // В небе фронтовом. Сборник воспоминаний советских летчиц-участниц Великой Отечественной войны. Москва: Молодая гвардия, 1962. С. 115.
3. Федотова Е.П. Нас было трое // В небе фронтовом. Сборник воспоминаний советских летчиц-участниц Великой Отечественной войны. М.: Молодая гвардия, 1962. С.95.
4. Марков В.В. Горжусь боевыми друзьями! // В небе фронтовом. Сборник воспоминаний советских летчиц-участниц Великой Отечественной войны. М.: Молодая гвардия, 1962. С. 29.

В.В. Лобова
Ростов-на-Дону,
Южный Федеральный университет

Женское лицо Победы – «Ночные ведьмы»

Женщины Великой Отечественной войны – героини невидимого фронта, чье мужество, самоотверженность и героизм стали символом силы духа и преданности Родине. Их вклад в Победу порой остается незамеченным на фоне боевых подвигов мужчин, однако и женщины сыграли не менее важную роль в победе над врагом. Они служили медсестрами, санитарками, связистами, партизанами, работали на заводах и полях, обеспечивая фронт боеприпасами и провизией, становились летчицами и снайперами.

В истории Великой Отечественной войны есть множество героических отрядов и полков, но история 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка, более известного как «Ночные ведьмы» запомнилось и останется в памяти на долгие времена. Это неповторимое, полностью женское авиационное подразделение, внесло огромный и поистине неоценимый вклад в победу над нацизмом.

Многие задаются вопросом, почему великие летчицы получили такое название. Немецкие солдаты, слышавшие шум их бипланов По-2 (У-2), сравнивали его с метлой, а самих летчиц – с невидимыми ночными духами, внезапно появляющимися и исчезающими во тьме. Они боялись, ненавидели, и уважали их. Их смелость и отвага восхищала и советские войска, и войска противников.

История создания женского ночного бомбардировочного авиационного полка начинается с Мариной Расковой. Она была знаменитой советской летчицей, совершившей в 1938 г. беспосадочный перелет по маршруту Москва – Дальний Восток, протяженностью 6450 км, установив тем самым мировой рекорд.

Когда началась война, сотни девушек, вдохновленные ее примером, написали письма с просьбой отправить их на фронт. Но военное руководство очень скептически относилось к женским экипажам. Тогда Марина Раскова лично обратилась к Сталину с предложением создать женские авиационные полки. 8 октября

1941 г. Сталин подписал приказ о создании трех женских авиа- полков.

Раскова лично посещала училища и авиакружки, где отбирала подходящих кандидаток. Как правило, возраст летчиц был в пределах 17–25 лет. Она самостоятельно занималась обучением девушек, многие из которых до этого никогда не сидели в кабине боевого самолета и требовала от них железной дисциплины, но при этом заботилась о каждой. Полк был оснащен пикирующими бомбардировщиками По-2 – сложными машинами, требующими высокой подготовки.

Среди «Ночных ведьм» было множество героинь, их имена навечно выгравированы в истории. Среди них были Евдокия Бершанская, которая стала второй матерью для многих летчиц (в ее честь группу стали называть «Дунькиным полком»), Марина Чечнева, совершившая 810 вылетов. После войны она стала писательницей, которая описала подвиг полка в своих книгах. Руфина Гашева и Наталья Меклин, эти две летчицы заключили между собой негласное пари: кто сделает больше вылетов, получит коробку шоколада после войны. В итоге Гашева выполнила 848, а Меклин – 980. Обе стали Героями Советского Союза.

Надежда Попова совершила 852 боевых вылета, это абсолютный рекорд среди женщин-летчиц. В одном из сражений ее самолет был подбит, но она сумела посадить его на вражеской территории и вместе со штурманом Катей Рябовой несколько дней пробиралась к своим.

Поскольку самолеты изначально были созданы только для обучения пилотов, они не имели брони, а отсутствие мощного оружия и максимальная скорость 150 км/ч делали их очень уязвимыми, было принято решение летать на них девушкам именно ночью. Здесь их легкость была их преимуществом. Самолеты были практически бесшумны и могли садиться на крошечных полевых аэродромах. Ко всему прочему, из-за своей малой скорости, самолеты были невидимы для радаров.

Женщины летали очень близко к военным немецким базам. Так как распознать летательные объекты на таком расстоянии от земли было сложно, враг не успевал вовремя отреагировать. Подлетая непосредственно к цели, летчицы глушили моторы и барражируя над противником, сбрасывали бомбы, после чего заводились и

быстро улетали на базу. Немцы обещали Железный крест любому, кто сбить их было почти невозможно.

Женщины-пилоты ежедневно проявляли невероятную смелость и упорство. Они часто летали в условиях сильного огня и неблагоприятных погодных условий, рискуя своей жизнью.

По подсчетам специалистов, самолеты «Ночных ведьм» за весь период участия в боевых действиях, находились в воздухе 28 676 часов, а доблестные экипажи сбросили на позиции противника около 3000 тонн бомб и более 26 000 зажигательных снарядов. Благодаря смелым действиям женщин-летчиц, было выведено из строя 9 железнодорожных поездов, 17 переправ, 2 железнодорожные станции, уничтожено 26 складов, 12 цистерн с горючим, подавлено 86 огневых точек [1].

30 марта 1945 г. советскими войсками был героически освобожден г. Данциг (сейчас – Гданьск). Среди участников операции по освобождению этого города, был и 46-й гвардейский авиационный полк, со своими «Ночными ведьмами».

За годы сражений 23 летчицы «Ночных ведьм» были удостоены высшей награды – звания Героя Советского Союза. Но по сути, их весь полк стал геройским и бессмертным, который вместе со всей советской армией ковал победу и победил фашизм.

После войны многие летчицы стали учеными, преподавателями, писательницами. Их история – пример того, как женщины изменили представление о войне [2].

Женщины Великой Отечественной войны проявили невероятное мужество, жертвенность и силу духа. Они воевали на передовой, спасали жизни и стали символами победы. Их подвиги напоминают, что геройизм не имеет пола и каждый способен бороться за свободу Родины. Вклад женщин в Победу невозможно переоценить. Благодаря мужеству женщин были спасены тысячи жизней солдат. Они обеспечивали фронт и сохраняли надежду на светлое будущее. Память о них должна жить вечно и передаваться следующим поколениям, ведь история нашей страны состоит не только из великих побед и громких сражений, но и из маленьких личных историй простых людей, ставших героями своего времени.

А если сказать больше, то вклад каждого летчика и солдата бессмертен и вечен, его не измеришь цифрами и не опишешь словами, он отражается и должен всегда отражаться в нашей памяти,

скорби и необъятной любви к Родине и Отчизне, которую для нас отстояли и сохранили они, наши Победители!

Литература

1. Аронова Р.Е. Ночные ведьмы. М.: АСТ, 2008.
2. Торопов Л.Ф. Героини. Очерки о женщинах – Героях Советского Союза. Выпуск 1. 1967.

A.A. Хохлов

Казань,

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Женское лицо Волжского оборонительного рубежа

Осень-зима 1941–1942 гг. стали для СССР одним из самых тяжелых и драматичных периодов. Преодолевая упорное сопротивление Красной Армии, немцы стремились к захвату Москвы. За их спиной уже была Ржевско-Вяземская линия обороны, которую противник преодолел еще летом. Захват столицы страны имел не только символическое значение, но и сулил выход на оперативный простор и успешное продвижение к Уральскому промышленному району. С этой целью 30 сентября военно-политическое руководство нацистской Германии начало операцию «Тайфун». Превентивно стремясь предотвратить прорыв Вермахта к Волге, Государственный комитет обороны СССР (ГКО) 13 октября издал постановление «Об оборонительном строительстве», в результате чего при Наркомате обороны было создано Главное управление оборонительного строительства (ГУОБР). ГУОБР, объединив силы Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) и Главного инженерного управления Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА), немедленно приступил к реализации масштабного плана по строительству нескольких оборонительных рубежей восточней Москвы по линии Карелия – Северный Кавказ (Чечня). В ряду прочих возводился Волжский (Заволжский) оборонительный рубеж, прошедший по территориям Горьковской области, Марийской, Чувашской, Татарской АССР, Куйбышевской, Саратовской и Сталинградской областей.

Ввиду мобилизации значительной части мужчин в действующую армию, основная тяжесть строительства оборонительных сооружений легла на плечи гражданского населения и, прежде всего женщин и детей. В тяжелейших погодных условиях (осадки, распутица, морозы) ежедневно проводились работы по ручной, крайне трудоемкой выемке тысяч тонн грунта, укреплению откосов, траншей, строительству ДОТов, ДЗОТов, блиндажей, противотанковых ям и рвов. Письменные и устные источники сохранили массу сведений о беспримерном подвиге сотен тысяч женщин, внесших ключевой вклад в выполнение государственного задания по обороне страны. От холода, голода и невыносимых условий труда многие из них погибли, обморозились или остались инвалидами. Тем не менее в основе поставленная задача была выполнена. Таким образом, касаясь темы строительства Волжского оборонительного рубежа, можно обоснованно констатировать, что основная заслуга в непосредственной реализации планов военно-политического руководства СССР по защите Поволжья и Уральского промышленного района принадлежит труженикам тыла – советским женщинам.

3.3. Мухина

*Старый Оскол, Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал)
Национального исследовательского технологического университета МИСИС*

Женщины Старого Оскола на защите Отечества

2025 год в России объявлен Годом защитника Отечества и 80-летия Победы в Великой Отечественной войне. Участие женщин в военных событиях 1941–1945 гг. было обусловлено объективной необходимостью и социальным явлением, имевшим массовый характер. В условиях недостатка людских ресурсов в соответствии с «Законом о всеобщей воинской обязанности» от 1 сентября 1939 г. женщины стали привлекать к военной службе не только на добровольной основе, но как мобилизационный ресурс. О том, какие возможности открывались с привлечением женщин, свидетельствует то, что в разные периоды войны в действующей

армии воевало по разным источникам от 800 тысяч до 1 млн. советских женщин [3, с. 14].

Женщины использовались во всех службах Красной армии. Они были представлены почти во всех видах и родах действующих воинских и тыловых частей Красной Армии, партизанских отрядах и подпольных организациях. В Вооруженных силах имелись военные специальности, которые могли выполнять женщины без особых физических усилий. Они были медиками, штабными работниками (самое большое число), зенитчиками, летчиками, разведчиками, снайперами, водителями, поварами, связистами, регулировщиками, и даже танкистами, артиллеристами, минерами, топографами, служили в пехоте и дорожно-строительных войсках.

Свой вклад в осуществление Победы в 1945 г. внесли и женщины Старого Оскола и его района. Более всего на фронтах были представлены женщины-медики – хирурги, фельдшеры, санитарки, санинструкторы и др. Благодаря медицинским работникам в строй вернулось 71,7% всех раненых и 86,7% больных, то есть приблизительно 17 млн человек [5, с. 136].

На территории Старого Оскола с 23 июня по 7 августа 1941 г. было сформировано два эвакогоспиталя – № 1926 и № 2720, которые находились в составе разных фронтов. Для работы в них были мобилизованы многие врачи, медсестры и санитарки Старого Оскола и Старооскольского района. В составе эвакогоспиталя № 1926, возглавляемого В.С. Абельдяевым, 93% были женщины, среди них врачи-хирурги – А.Г. Абельдяева, В.Н. Мамехова, К.В. Псарева и др. Начальником эвакогоспиталя № 2720 была назначена Л.К. Осьминина. Для работы в эвакогоспитале № 2720 мобилизованы врачи М.Я. Конецкая, М.Н. Зеленская, Л.С. Соколова, а также медсестры и санитарки Старого Оскола и Старооскольского района [2, л. 2, 8].

В ноябре 1941 г. эти эвакогоспитали вместе с пациентами и персоналом под угрозой захвата города были переведены из Старого Оскола за Урал, затем в качестве военно-полевых госпиталей передислоцированы на Северо-Западный фронт.

На территории Курской области располагались в разное время десятки армейских и фронтовых госпиталей. Санитарками в госпиталях были оскольчанки Р.И. Дегтярева, М.П. Кологриных, А.Г. Кравцова, Е.А. Лоскутова, В.П. Лысенко, М.М. Мишенина,

Н.Н. Невинных и многие др. [4, с. 316–319]. Под Прохоровкой воевала оскольчанка санинструктор танкового батальона 32-й танковой бригады Н.Я. Вишневская.

Юная оскольчанка, радиотелефонистка В.Я. Клюбина, прозванная «Курским соловьем», служила в составе 97 гвардейской дивизии. В.Я. Клюбина участвовала в Сталинградской, Курской битвах и Ясско-Кишиневской битвах, в освобождении Польши, Германии и закончила войну в Праге [4, с. 188–192]. В 219-м отдельном отряде разминирования 3-го Белорусского фронта служила сапером М.И. Алифанова, закончила войну в Берлине [там же, с. 283]. За мужество и героизм, проявленные на полях сражений, все они были награждены орденами и медалями.

Нельзя не сказать об участии старооскольских девушек и женщин в строительстве железной дороги Старый Оскол – Ржава, имевшую стратегическое значение в подготовке к Курской битве. Вся тяжесть выполнения этой стратегической и ответственной задачи легла в основном на женские плечи. Тысячи женщин и девушек Курской области построили 95 км дороги в крайне тяжелых условиях за 32 дня (с 15 июня по 17 июля 1943 г.) [6].

Сотни женщин и девушек строили оборонительные и противотанковые сооружения на прифронтовых территориях, под Прохоровкой, работали на железной дороге, обеспечивая бесперебойное движение поездов к фронту [1].

Женщины Старого Оскола и Старооскольского района, как и все советские женщины, ценой величайшего самопожертвования, испытывая тяжести и невзгоды военного времени, лишения встали на защиту Отчизны, внесли свой вклад в победу и завершение Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. *Андрусенко Е.А., Деревянченко Г.В., Мицерина С.М.* Память поколений: документы и материалы. Старый Оскол, 2020.
2. Архив Старооскольского краеведческого музея. Фонд Старооскольские эвакогоспитали. Д. № 296.
3. *Барсукова Н.В.* Женщины в Вооруженных силах в годы Великой Отечественной войны (по материалам Красноярского края): Автореф. дис... к.и.н. Красноярск, 2005.
4. Во имя жизни. Старый Оскол, 2005.

5. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и вооруженных конфликтах: статистическое исследование / под ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993.
6. Мухина З.З. Женщина и война. Личность женщины в военных условиях (на примере строительства железной дороги Старый Оскол – Ржава, Россия, 1943 г.). Пер. Фудзивара Кацуми // Север (Япония). 2019. № 35. С. 18–30.

Д.И. Наволоцкая

Архангельск,

Государственный архив Архангельской области (ГААО)

**Лечебная работа Александры Петровны Тюкиной –
старшего хирурга и начальника эвакогоспиталя № 2515
г. Няндома Архангельской области
в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)**

До революции 1917 г. женщина-хирург была явлением уникальным, возникшим вопреки обстоятельствам. Период массовой подготовки женщин-врачей начинается с 1930-х годов, после выхода постановления СНК РСФСР от 19 июня 1930 г. «О реорганизации системы подготовки врачебных кадров» [1, с. 30].

Великая Отечественная война повлияла на кадровый состав медицинских учреждений. За годы войны множество женщин стали хирургами либо повысили свою квалификацию в этой должности. На 1 января 1941 г. в рядах РККА насчитывалось 12 418 кадровых врачей, 63,5% из них были женщины [2, с. 130]. Среди 600 тысяч врачей 44,5% составляли женщины-хирурги [1, с. 30].

Уже в начале войны в эвакогоспиталах Архангельской области возник острый дефицит военно-полевых хирургов [3, л. 126], травматологов-ортопедов, среднего и младшего медицинского персонала [4, л. 120]. Нехватка медицинского персонала сохранялась и в 1943 г. [5, с. 102].

На должность начальника эвакогоспиталя назначались в основном женщины, работавшие до войны в больницах области [6, с. 86]. А.П. Тюкина избрала хирургию своей специальностью еще до начала войны, несмотря на малый стаж работы до войны, про-

шла путь от старшего хирурга отделения до начальника эвакогоспиталя. Все практические навыки военно-полевой хирургии постигала в короткие сроки во время работы.

Александра Петровна родилась в 1916 г. в семье крестьянина средняка в деревне Луцевская Вельского уезда Вологодской губернии. В 1940 г. закончила с красным дипломом Архангельский государственный медицинский институт по специальности врач-лечебник, прошла двухмесячную специализацию при хирургической клинике института. До мобилизации в РККА в июле 1941 г. работала в качестве заведующей хирургическим отделением районной больницы г. Мезень. В июле 1941 г. была назначена на должность заведующей хирургическим отделением эвакогоспиталя г. Архангельска № 2525, в декабре 1941 г. переведена в той же должности в эвакогоспиталь № 2526 г. Няндома [7, л. 377, 380].

Полной неожиданностью для Александры Петровны стало назначение старшим хирургом эвакогоспиталя № 2515 г. Няндома в июле 1943 г.: «Когда начальник госпиталя К.П. Бычихина объявила мне этот приказ, со мной было дурно. При наличии 3-летнего стажа работы занять такой пост я считала немыслимым. Поехала в Архангельск отказываться от назначения... [В Архангельске] приказано в 24 часа вернуться в Няндому и приступить к исполнению обязанностей и доложить. Приказ есть приказ» [8, л. 50]. Инспектор-хирург Н.С. Мойсеев помогал оперировать более сложных раненых первую неделю. С 1943 г. трудами всего медицинского персонала госпиталя удалось повысить хирургическую активность, количество операций, что значительно сократило сроки лечения больных и раненых.

В 1944 г. хирургическая работа эвакогоспиталя № 2515 получила высокую оценку в Архангельском областном отделе здравоохранения. В марте 1945 г. А.П. Тюкину назначили на должность начальника эвакогоспиталя № 2515 [8, л. 52–53].

Александре Петровне писали письма красноармейцы – ее бывшие пациенты с желанием сообщить о своем состоянии здоровья, поздравить с ближайшими праздниками, узнать, как дела, работа и здоровье любимого доктора, передать приветы знакомым из медицинского персонала. Бывшие раненые благодарили Александру Петровну за образцово проведенную операцию, уход и заботу, чуткое отношение и ее слова, которые останавливали любую боль.

Красноармейцы обращались в письмах к Александре Петровне как к профессионалу, с большим уважением [9, л. 2, 116]. Один боец восхищался ее энергичностью, не замечая небольшого стажа работы: «Сегодня в далеком Заполярье, вспомнил о вас... Ваш энергичный облик, самоотверженной, неутомимой и опытной представительницы нашей лучшей части работников советской медицины, стоит предо мною как живой» [9, л. 17]. Другой красноармеец вспоминал своего врача как хорошего молодого специалиста: «Конечно, я о вас вспоминаю как о хорошем, молодом хирурге» [9, л. 95].

Важным для красноармейцев было отчитаться перед доктором об общем состоянии своего здоровья и ранения: «Первым делом разрешите предоставить вам годовой отчет по эксплуатации ремонтированной вами детали моего грешного тела. С момента выписки от вас нога моя ни разу не дала почувствовать, что она побывала в ваших руках, хотя мне уже пришлось пройти немало километров. Это я думаю самое ценное для вас во всем моем письме. Разрешите за это поблагодарить еще раз вас и остальной личный состав» [10, л. 1].

Труд хирурга авторы писем воспринимали как работу, приносящую боль и страдания для раненых и в то же время как благородный, самоотверженный труд, необходимый для пользы страны [10, л. 1]; [11, л. 22–22об.]. Работа хирурга приравнивалась красноармейцами к фронтовым будням: «Здесь [на фронте] я встречаю очень многих ваших бывших больных. В общем среди бойцов нашего фронта я вижу и Александрю Петровну Тюкину» [10, л. 1].

Биография А.П. Тюкиной за период работы в эвакогоспиталах Архангельской области в годы войны – пример выдвижения и повышения квалификации молодых женских кадров в экстремальных условиях военного времени. Несмотря на то, что столь стремительное повышение по службе могло стать неожиданностью для самих молодых кадров, за годы войны профессионализм женщин-хирургов не подвергался сомнению, а их благородный, самоотверженный труд приравнивался к фронтовым будням красноармейцев.

Источники и литература

1. Пацков К.А., Нечаев О.И. Истоки деятельности женщин в хирургии // Московский хирургический журнал. 2022. № 2.

2. *Невоструев Н.А., Лядова В.В. Исторический опыт деятельности женщин в российской медицине // Международный научно-исследовательский журнал. № 08 (2). Часть 1, Август.*
3. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 2036. Оп. 9. Д. 22.
4. ГААО. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 122.
5. *Быков В.П. Госпитальная база Карельского фронта 1941–1945 гг. Архангельск, 2020.*
6. *Быков В.П., Андреева А.В., Самбуров Г.О. Медицинские кадры госпитальной базы Карельского фронта и клиник Архангельска в 1941–1944 гг. // Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2020. № 2.*
7. ГААО. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 195.
8. ГААО. Ф. 2744. Оп. 1. Д. 21.
9. Ф. 2744. Оп. 1. Д. 6.
10. ГААО. Ф. 2744. Оп. 1. Д. 7.
11. ГААО. Ф. 2744. Оп. 1. Д. 8.

*Е.В. Баранова, В.Н. Маслов, М.М. Лопатин
Калининград, Балтийский федеральный
университет им. И. Канта*

**«За взятие Кёнигсберга» – и за возрождение края:
двойной подвиг женщин-переселенок**

После победы во Второй мировой войне советское правительство приступило к интеграции бывшей Восточной Пруссии в состав СССР, создавая новую социально-экономическую реальность Калининградской области. Переселение советских граждан, начавшееся уже в 1945 году, традиционно ассоциируется с мужчинами-фронтовиками. Однако не меньшую роль в становлении региона сыграли женщины – не только как участницы боевых действий, но и как основательницы мирной жизни на разоренной войной земле.

Особое место в истории области занимают женщины-военнослужащие, проявившие геройзм в штурме Кёнигсберга весной 1945 г. Их послевоенные судьбы стали объектом исследовательского проекта, в основе которого – база данных с информацией о жителях Калининградской области, принимавших активное участие в военных

действиях периода Второй мировой войны. Данные собираются путем изучения документов ГАКО и открытых источников, таких как архивы Министерства обороны («Подвиг народа», «Память народа»).

Уже внесены в БД сведения о 811 калининградцах из почти двух тысяч включенных в списки. Анализируя демографию поселенцев, обращаем внимание на небольшой процент участия женщин (при мерно 5%), которые внесли значительный вклад в развитие региона. Они представляли различные этнические группы, главным образом русские, хотя присутствовали также представительницы армянского, белорусского и татарского народов. Профессиональная структура переселенок отражает ведущую роль медицинских работников: врачи, медсестры, санитары и фельдшеры составили основную массу трудового контингента женщин.

Важнейшей особенностью женской части переселенцев является факт начала службы большинства из них в период с 1943 г., причем основная часть находилась вне рядов Коммунистической партии или состояла в ВЛКСМ. Значительная доля женщин получила звания младшего офицерского состава, чем подчеркивались их профессионализм и ответственность.

Работа по изучению роли женщин-поселенцев Калининградской области находится лишь в начальной стадии. Хотя уже собран определенный объем информации, предстоит еще многое сделать для полного раскрытия их вклада в освоение и развитие региона. Важно продолжить исследования, чтобы восстановить полную картину исторических процессов и сохранить память о каждом человеке, чей труд способствовал становлению Калининградской области.

И.А. Снежкова

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

**Женщины в экстремальных ситуациях во время
Великой Отечественной войны на фронте и в тылу**

Война – не женское дело – это расхожее выражение оказалось нарушенным, как и многие другие в годы Великой Отечественной войны. Гражданскому человеку трудно перестроиться на военный лад, тем более женщине. Воинская дисциплина, военная форма не

по размеру, отсутствие возможности поддерживать личную гигиену, скучное питание, жилье где придется – в лесу, в блиндажах в землянках. Наконец, преобладающее мужское окружение и тяжелые физические нагрузки. Несмотря на все сложности на защиту Родины встали женщины разных возрастов, национальностей и профессий [1, с. 72–81].

Женщины на фронте

На фронте находилось около 1 млн женщин-добровольцев. Конечно, на войне прежде всего предполагается участие женщин в качестве медицинских работников – врачей, медсестер и санитарок, однако их присутствие на фронте этим не ограничилось. Учитывая стремление женщин принимать непосредственное участие в вооруженной борьбе, и для того, чтобы придать их патриотическому движению более планомерный и организованный характер, правительство СССР призвало их овладевать и другими профессиями, востребованными на войне. Был принят ряд постановлений о частичной и добровольной мобилизации женщин и девушек для несения военной службы в таких родах войск, как противовоздушная оборона, артиллерия, снайперское дело, военно-автомобильные дороги, связь, разведка и др. [3, с. 7–25].

Медицина. Исключительное мужество и храбрость проявили советские женщины в борьбе за жизнь раненых воинов. Когда начались ожесточенные бои, только в Сталинградских госпиталях ежедневно 500 девушек – врачей, медсестер и санитарок работали по уходу за ранеными. Кроме того, они выносили раненых бойцов с поля боя.

Летчицы. Уже в 1942–1943 гг. были созданы три авиационных полка, дальше больше. Особо прославился полк 588 – «Ночные ведьмы»; так его называли фашисты, а наши бойцы именовали их «Ласточками». Одной из первых получила признание Марина Раскова, которая была первым командиром авиационного полка, к сожалению, она погибла в бою. Женщины были бомбардировщиками, истребителями, что требовало особого умения и мужества. Среди них было много героев, награжденных орденами и медалями.

Артиллерия. Поскольку в начале войны страна столкнулась с катастрофическими людскими потерями, женщины чтобы восполнить

количество мужчин на поле боя также занялись артиллерийской стрельбой, мужчины при необходимости помогали им заряжать тяжелые артиллерийские орудия, всю остальную работу делали женщины – около 800 тысяч женщин.

Снайперы. В период тяжелого положения на фронте Государственный комитет обороны принял решение создать женские снайперские соединения. Считалось, что точность, хладнокровие и терпение, присущие женскому характеру, подходят для подобной деятельности. Девушки учились маскироваться, наблюдать за противником, метко стрелять.

Психологическая нагрузка у снайперов была сильной. В открытом бою они не погибали, но на своих замаскированных позициях должны были находиться часами. Они могли быть там убитыми или ранеными и их не сразу находили наши бойцы. Из 2000 женщин-снайперов 500 не вернулись домой.

Разведчицы. Много ярких страниц в истории борьбы с врагом вписали бесстрашные разведчицы. Рискуя жизнью, они шли на передовую линию огня, проникали на территорию вражеских укреплений, уходили в глубокий тыл противника, доставляя много ценных сведений. Тысячи советских патриотов – бойцов невидимого фронта за подвиги, совершенные в годы Отечественной войны, были награждены орденами и медалями страны.

Связистки. Связистками на войне как правило были женщины. Их количество составило порядка 80%. Часто учиться на связисток отправляли в города покрупнее. Женщин и девушек учили азбуке Морзе, профессии радиистки и телефонистки, а также умению починить средства связи в случае повреждения. Быт связисток был тяжелый, т.к. часто они находились на передовой. Спали в землянках и в блиндажах, в одежде, укрывались шинелью. Женщины связистки рискуя жизнью доставляли в подразделения почту, налаживали связь, ремонтировали поврежденные провода находясь часто под пулями.

Партизаны. Партизанское движение женщин в годы Великой Отечественной войны занимало особую роль.

В партизанские отряды вступали женщины разные по возрасту, социальному положению, образованию, профессии. Были в лесной жизни такие ее стороны, где без женщины обойтись было нельзя.

Они могли накормить, обстирать, создать элементарный уют в партизанском отряде. Но особенно нужны были женская забота и тепло раненым и больным. При отсутствии лекарств и специалистов, даже незначительная рана могла стоить жизни. Медсестры, нянечки, используя отвары трав, лечебные настои, витаминные чаи из хвои, липы, буквально выхаживали раненых. Женщины-врачи организовали партизанские госпитали. Медики строго следили за гигиеной партизан, чтобы предупредить инфекционные заболевания и эпидемии. Неоценимы были женщины и как связистки между отрядами партизан и бойцами на фронте. Женщина в лесу, в поле – явление на первый взгляд вполне мирное. Она могла собирать грибы, ягоды, травы. А то, что эти милые девушки и есть опасные партизанки немцам, было невдомек. Женщины партизанки при этом умели все: стрелять из пулемета, минировать железные дороги, выносить с поля боя раненых. Партизанки наравне с мужчинами участвовали во всех военных действиях [2, с. 272].

Женщины в тылу

Трудовые подвиги женщин Советского тыла во время ВОВ послужили фундаментом для индустриального подъема СССР в послевоенные годы и успешного развития сельского хозяйства в стране. К началу войны в СССР были созданы мощная индустрия, крупное механизированное сельское хозяйство, подготовлены квалифицированные кадры. Однако в основном обслуживание всех достижений происходило преимущественно за счет мужчин. Война вызвала колоссальные потребности в людях. Активное участие женщин в созидающем труде резко изменило их положение в народном хозяйстве, намного возросла доля их участия в производстве страны. Женщины овладели такими профессиями, которые прежде были под силу лишь мужчинам. Так в начале войны только в металлообрабатывающей промышленности работало около 50 тыс. женщин токарями, слесарями, фрезеровщицами, инструментальщицами и т.д. Советские женщины заняли видное место и в рядах интеллигенции. Если до победы Октября женщина-инженер была редким исключением в России, то в 1940-е годы женщины составляли 10% инженерно-технического персонала в промышленности. Особенно высокий процент составляли женщины в годы войны в отраслях легкой и текстильной промышленности страны.

В осажденном Ленинграде уже в первые дни войны на Кировский завод пришло 500 домохозяек, и число их возрастало с каждым днем. В августе 1941 г. в Механическом цехе этого завода женщины составляли 90% всех работающих. В первые два месяца войны на заводы и фабрики Горького пришло 11 600 женщин, и в основном это были домашние хозяйки. Более 500 домохозяек пришло на Горьковский автомобильный завод, где они работали кузнецами, слесарями, формовщицами, нагревальщицами и т. д. Так, к концу 1942 г. в важнейших отраслях оборонной промышленности женщины составляли половину рабочих мест. Много женщин пришло и в химическую и нефтяную промышленность страны. Намного увеличилась численность женщин и среди рабочих промышленного строительства. Активное участие принимали женщины в обслуживании железнодорожного и автомобильного транспорта, игравшем в минувшей войне решающую роль. Женщины работали машинистами поездов, водителями машин, регулировщицами на дорогах, занимались ремонтными рабочими. Важно отметить, что в 1944 г. женщины составляли 80% всех трудоспособных колхозниц. В сельском хозяйстве они работали звеньевыми, бригадирами, счетоводами, завхозами, трактористками, механизаторами и председателями колхозов [4, с. 3–9].

Боевые и трудовые подвиги советских женщин на фронте и в тылу страны внесли неоценимый вклад, в победу над фашизмом. За боевые заслуги ими получены многочисленные медали и ордена. Их именами названы улицы и города. О них сняты фильмы и написаны книги.

Литература

1. Волкова Е.Ю. Решение повседневных проблем женщин в годы ВОВ // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 72–81.
2. Мурманцева В.С. Советские женщины в годы Великой Отечественной войны. М. Мысль, 1974.
3. Сенявская Е.С. Фронтовой быт Великой Отечественной войны: структура и особенности // Вестник антропологии. 2021. № 2. С. 7–25.
4. Хазбулатова О.А., Околотин В.С. Трудовой подвиг женщин в тылу в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 3–9.

С.Л. Рыков
*Балашиха, Военная академия
Ракетных войск стратегического назначения*

Женщины России на защите Отечества (1914–2025 гг.)

Анализ социальной и политической активности в современном обществе свидетельствует о том, что женщины все более целенаправленно продолжают осваивать ключевые позиции иерархического ландшафта в системе органов государственной власти и общественных движений мирового сообщества. Достаточно назвать председателя Европейской комиссии и в недавнем прошлом министра обороны Германии Урсулу фон дер Ляйен, министра иностранных дел Германии Анналену Бербок, премьер-министра Эстонии Каю Каллас, президентов Греции – Катерину Сакелларопулу, Словении – Наталью Пирц-Мусар, Швейцарии – Виолу Амерд, Индии – Драупади Мурму и многих других.

Споры о роли женщины в обществе, ее предназначении и социальном положении существовали во все времена. С. Алексиевич утверждала, что «у войны не женское лицо» [1]. Однако практика показывает, что женщины активно участвуют в защите Отечества. При этом вопрос о возможности прохождения женщинами военной службы остается одним из наиболее острых. Столетиями женщины постепенно завоевывали свое право находиться в рядах вооруженных защитников своего Отечества.

Участие женщин в воинских формированиях различных государств имеет давнюю традицию. В древнем Китае отряды женщин охраняли жизнь императора. Во времена Пелопонесской и Коринфской войн женщины впервые приняли участие в военных походах, а в IV в. до н.э. в Афинах и Спарте они наравне с мужчинами участвовали в вооруженных формированиях греческих войск [3, с. 34].

В России женщины заняли свое место в армейском строю намного раньше, чем это сумели сделать женщины в странах Западной Европы и Америки. Еще при Петре I Воинский устав 1716 г. (гл. 34) предписывал женщинам нести службу воинству в военных госпиталях, на хозяйственных и санитарных работах в армии [4, с. 15].

Впоследствии по повелению князя Григория Потемкина в Крыму была устроена «амазонская рота», сформированная из числа жен и дочерей офицеров. Они прекрасно держались в седле, метко стреляли из ружей, отличались отвагой. Екатерина II, посетившая в 1787 г. Крым, осталась довольна женской ротой. Однако вскоре роту расформировали, сочтя, что русская армия может выигрывать сражения, не прибегая к помощи женщин [3, с. 23].

В годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. женщины активно участвовали в боевых действиях. Согласно ходатайства Генерального штаба Российской армии «О формировании войсковых частей из женщин-добровольцев» от 18 июня 1916 г. из женщин было сформировано два отдельных пехотных батальона согласно штату отдельного Туркестанского стрелкового батальона (по военному времени) и четыре отдельных команды для связи [5].

Большой приток женщин в армию наблюдался в годы Великой Отечественной войны. С началом войны на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. началась мобилизация. С учетом чрезвычайных обстоятельств, было принято решение о массовом наборе женщин в Красную Армию. Для фронта было подготовлено 300 тыс. медсестер, 300 тыс. санитарок, 222 тыс. снайперов, связисток и других специалистов. Женщинами укомплектовывались не только отдельные подразделения специальных родов войск; из них были сформированы отдельная женская добровольческая стрелковая бригада, отдельный женский запасной стрелковый полк, а также несколько истребительных и бомбардировочных авиационных полков: 586-й истребительный полк (самолеты Як-1), 587-й бомбардировочный авиаполк (Пе-2) и 588-й ночной авиаполк (По-2) [3, с. 113].

В Великой Отечественной войне принимали участие почти 800 тыс. военнослужащих женского пола. За мужество и геройизм свыше 150 тыс. женщин награждены боевыми орденами и медалями, 90 из них стали Героями Советского Союза.

С принятием Закона Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе» от 11 февраля 1993 г. № 4455-1 граждане женского пола в возрасте от 20 до 40 лет получили право заключить первый контракт о прохождении военной службы (мужчины могли заключить первый контракт в возрасте 18 лет).

Закономерным следствием введения контрактной формы комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации явилось существенное увеличение числа женщин-военнослужащих. В 1995 г. женщины составляли более 60% всех проходящих военную службу по контракту в Российской армии [5, с. 4].

Россия уверенно возвращается к тому времени, когда служить в армии было не только престижно, но и выгодно. При этом неуклонно растет число женщин, желающих поступить на службу в Вооруженные силы РФ. [2, с. 1]. На начало 2025 г. российской армии служат 39 тыс. военнослужащих женского пола, более 5 тыс. из них – офицеры. А если брать общую численность военнослужащих женского пола и гражданский женский персонал, то эта численность увеличивается до 350 тыс. человек (24% всего личного состава) [4, с. 7].

В приказах министра обороны РФ № 25-1994 г. и № 38-1998 г. (с изменениями, внесенными приказом министра обороны РФ № 461 от 16.10.1998 г.) представлен Перечень наименований штатов воинских частей и учреждений, в которых разрешено содержать военнослужащих женского пола. К таким воинским частям отнесены: ансамбли песни и пляски, архивы, библиотеки, бригады связи, военные комиссариаты, военные вузы, госпитали, военные дома отдыха, издательства и типографии военных СМИ, научно-исследовательские организации, отдел военно-учебных кино-видеофильмов, службы вещевого имущества, подразделения парашютноуокладки и др.

«Современную Российскую армию невозможно представить без женщин, – отметил министр обороны Российской Федерации А. Белоусов. – Это военные медики, связисты, геодезисты, снайперы, психологи, операторы беспилотных летательных аппаратов» [2, с. 10].

Президент России В.В. Путин 7 марта 2024 г. на встрече с выпускницами Краснодарского военного авиационного училища летчиков отметил, что возможностей служить Родине у женщин становится все больше – армия открыта для них. Путин приветствовал это. В гражданском обществе число женщин, желающих связать свою судьбу с армией, продолжает расти [7, с. 10].

В Специальной военной операции участвует 1100 женщин. Каждая третья из них за мужество и героизм награждена государственными наградами. В их числе – военврач Диана Багаева, спасшая жизнь более 50 тяжелораненых бойцов. Указом Президента Российской Федерации она награждена медалью «За спасение погибавших». Подполковник медицинской службы Вероника Булкина в ходе наступательных действий лично руководила лечебно-эвакуационным процессом, не допустив летальных исходов у раненых. Ее государственные награды на сегодняшний день: медаль Суворова и орден «За заслуги перед Отечеством» II степени. Ефрейтор Анна Поминова, командир медицинского взвода батальона морской пехоты Черноморского флота, награждена Орденом Мужества [2, с. 1].

Таким образом, история нашей страны показывает, что женщины являются активными защитницами Отечества, их вклад в боевую готовность войск, морально-политическое и психологическое состояние военнослужащих неуклонно растет.

Источники и литература

1. Алексиевич С.А. У войны – не женское лицо. Последние свидетели. Повести. М.: Сов.писатель, 1989. 367 с.
2. Душа Отчизны – женщины России // Красная звезда. 2025. 10 марта.
3. Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. М.: Российская политическая энциклопедия, 2002. 272 с.
4. Женщины на защите Отечества: 1941–1945 гг.: Вып. 3 / Рос. Комитет ветеранов войны. М.: Изд-во «Гном и Д», 2000. 213 с.
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 349. Л. 1.
6. Жеребцов В.В. Комплектование армии: реальность и перспективы // Ориентир. 1995. № 4. С. 3–8.
7. Коммерсантъ. 2024. 23 февраля.

РАЗДЕЛ 8

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В НЕСПОКОЙНЫЕ, «ЛИХИЕ» ГОДЫ: АСПЕКТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПОЛОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬЮ

Г.В. Карапашев

*Ярославль, Ярославский государственный
педагогический университет им. К.Д. Ушинского*

Криминализация повседневности и «сухой закон» 1914 г.: гендерный аспект

Первая мировая война значительно изменила привычную жизнь россиян. Кроме системных кризисов, население столкнулось с введением сухого закона. Летом 1914 г. перед правительством встало необходимость в проведении быстрой мобилизации. В связи с этим 19 июля была прекращена продажа водки, а со 2 августа весь спирт стал использоваться для военных нужд. «Сухой закон» был продлен Временным правительством 27 марта 1917 г. и затем поддержан большевиками [2, л. 36]. Массовая продажа алкоголя прекратилась, появились штрафы и запреты на употребление спиртного в общественных местах. Все эти меры принимались на волне патриотического подъема в российском обществе. С особым одобрением их встретила женская половина общества. Введение сухого закона стало одним из ключевых элементов регулирования общественной жизни в России с началом Первой мировой войны [5, с. 151].

В первое время наблюдались позитивные моменты, такие как снижение числа грабежей и пожаров, рост производительности труда, но антиалкогольные настроения постепенно угасали. Резкое ограничение продажи спиртных напитков в 1914 г. привело к развитию нелегального производства и продажи не предназначенных для питьевого потребления спиртосодержащих веществ. Провинция активно снабжалась спиртом из Москвы и Петрограда. Широкое развитие получило изготовление самогонов и браги. Борьбе с этими явлениями мешала коррупция, как в центре, так и на местах [3, с. 309–310].

В 1914 г. представители зажиточных городских слоев сохранили доступ к спиртным напиткам в ресторанах и клубах, сталкиваясь лишь с повышением цен и ограничениями, касающимися

появления в нетрезвом состоянии на улицах. В противоположность этому, среди простонародья наблюдалась возрастающая склонность к потреблению суррогатов, обладающих выраженным одурманивающим эффектом [1, с. 22].

В изготовление и реализацию фальсифицированного алкоголя были вовлечены представители различных сословий и профессий. В период действия «сухого закона» женщины наравне с мужчинами занимались нелегальной торговлей спиртными напитками. Например, согласно полицейским отчетам, 3 мая 1916 г. в городе Романов-Борисоглебск Ярославской губернии была задержана крестьянка А.А. Александрова, у которой на пристани пароходства «Кавказ и Меркурий» обнаружили 18 бидонов денатурированного спирта, оказавшегося питьевым продуктом завода «Кенига». В том же году к ответственности за торговлю денатуратом привлекли дворянку М.И. Маркевич. В начале февраля 1917 г. в незаконном производстве спирта были уличены даниловский мещанин А.Б. Борисов, рыбинская мещанка Е.В. Смирнова и крестьянин из Лифляндской губернии П.М. Бунде [4, с. 14]. В сельской местности тайная продажа вина часто организовывалась вдовами или женщинами-солдатками. Посетителям смело предлагались водка и закуска, что создавало атмосферу, схожую с маленькими трактирами. Женщины, занимающиеся этой деятельностью, не только обеспечивали доступ к спиртным напиткам, но и нередко совмещали продажу алкоголя с оказанием сексуальных услуг [4, с. 13–14].

Основными потребителями поддельных спиртных напитков являлись лица мужского пола, что подтверждается данными врачебной и полицейской статистики. Хотя подобная женская алкоголизация также фиксировалась. Фальсифицированные напитки реализовывались в гостиницах, ресторанах и на пароходах, часто смешиваясь с безалкогольными напитками. Производством таких суррогатов занималась прислуга ресторанов и буфетов, однако не исключалось участие в этом промысле и фармацевтов, чья продукция обычно имела значительно более высокую цену [3, с. 310–311].

Усилия по борьбе с пьянством и махинациями в сфере алкоголя не приводили к значительным результатам. Развивавшийся нелегальный рынок суррогатов оперативно удовлетворял спрос на алкоголь, что усугубляло негативные последствия для физиче-

ского и психического здоровья населения. Правительство, стремясь уменьшить уровень потребления спиртных напитков, выбрало стратегию ограничений и запретов, однако реформа оказалась неэффективной. Это указывает на то, что простые запретительные меры не способны решить сложные социальные проблемы, такие как пьянство и алкоголизм. Они требуют комплексного подхода, который включает просвещение, поддержку и иные альтернативные меры.

Одной из ключевых причин алкоголизации населения были тяжелые социально-экономические условия, в которых алкоголь для большинства потребителей превратился в привычный стимулятор, позволявший отвлечься от реальности и забыться. Эти обстоятельства способствовали формированию зависимости от алкоголя как механизма преодоления стрессов и трудностей, с которыми в повседневной жизни сталкивались как мужчины, так и женщины.

В условиях ограниченного доступа к спиртным напиткам и тяжелого материального положения нелегальная торговля стала привлекательным бизнесом для части женщин, что свидетельствует об их способности адаптироваться к экономическим изменениям и извлекать выгоду из сложившейся ситуации.

Источники и литература

1. Букалова С.В. Государственная политика трезвости в годы Первой мировой войны. Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 3(14). С. 18-25.
2. ГАЯО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 771.
3. Карандашев Г.В. Фальсификаты и суррогаты: незаконный оборот и потребление спиртосодержащей продукции в Российской провинции в начале XX в // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 3. С. 308–311.
4. Карандашев Г.В. Социокультурные особенности женского отклоняющегося поведения в России в конце XIX – начале XX в.: преступность и алкоголизация // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2021. № 1(57). С. 5–18.
5. Колесников В.А. Сухой закон 1914 года и отношение к нему в провинции (по материалам Костромской губернии) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2023. № 1. С. 151–156.

C.P. Нагоева

*Майкоп, Адыгейский педагогический колледж
им. Х. Андрухаева*

**«Мы вам, теперь не игрушки!»: к вопросу о борьбе с
бытовыми преступлениями против женщин в 1920–1930-е
годы (на материалах Адыгеи)**

После прихода к власти большевистская партия предприняла ряд мер, направленных на решение «женского вопроса» по всей стране. Одним из важнейших мероприятий по обозначенной проблеме, являлось «раскрепощение» женщин Востока, включавшие в том числе, борьбу с бытовыми преступлениями против женщин. В восточных и кавказских областях, под данную категорию, в первую очередь, попадали: калым, похищение невесты для вступления с нею в брак против ее воли и многоженство. Адыгея, как одна из кавказских областей, являлась примером внедрения нового советского законодательства, боровшегося с вышеперечисленными явлениями в семейном быту. Однако наивно было бы считать, что бытовые преступления против женщин, ограничивались данным списком. В быту встречалась и проблема семейного насилия, весьма табуированная в адыгском обществе, и крайне редко, насилистственные действия сексуального характера.

Похищение невесты или умыкание – одна из самых распространенных форм заключения брака в адыгском обществе, имевшая несколько вариаций. Самым распространенным являлось похищение невесты с ее предварительного согласия. Заметим, что в обществе встречалось и умыкание с целью принуждение девушки к браку, так как девушка, после похищения, крайне редко возвращалась домой, опасаясь осуждения. В 1920 г. съезд горцев Кубани и Черноморья постановил «клеймить позором всех похитителей невест» [5, л. 271].

В Адыгее бытовые преступления против женщин осуждались властями, и кроме официальных рычагов давления, стремились вызвать общественное порицание в отношении подобных преступлений путем проведения публичных судебных процессов, сопровождавшихся бурными обсуждениями на страницах областной прессы, которая и стала основным источником для данной

статьи. Так, «Адыгейская жизнь», описывала слушания уголовного дела об избиении адыгейской женщины Манисет ее мужем, а также гражданское дело об алиментах, в ауле Шенджий. После заседания показательного судебного разбирательства, по словам журналиста, мужчины и женщины, отреагировали на него по-разному. Если мужчины сетовали на то, что многоженство теперь под запретом, заявляя: «Не женишься теперь на двух: бабы права пришли», на что, женщины парировали: «Не бабы права, а одинаковые с вами. Мы вам, теперь не игрушки!» [1]. Одним из самых громких дел, подобного характера, вылившихся в полноценный показательный процесс, стало дело «шапсугских насильников», как его называли в прессе.

Юридической основой дела являлось заявление потерпевшей Саферхан, поданное в административный отдел Тахтамукайского района о заключении брака против ее воли и изнасиловании. В феврале 1926 г. Саферхан получила предложение о браке от Хамида из аула Панахес и согласилась на него. Но затем, когда друзья жениха, согласно обычаяу, приехали ее «похищать», произошло непредвиденное: девушка понравилась одному из друзей жениха – Ахмеду, и он увез ее для себя. Ахмед даже смог достать справку о регистрации брака, естественно против воли Саферхан. Невеста отчаянно сопротивлялась браку и уговорила похитителей вернуть ее домой, но, не доехав до ее родного аула Панахес, один из похитителей изнасиловал девушку, причем насилие совершил один, а четверо других ее удерживали, и в их числе был ее несостоившийся жених Хамид. После совершенного преступления, Хамид цинично спросил, не желает ли она теперь выйти замуж за Ахмеда. Вероятно, преступники были совершенно уверены, что после совершенного над девушкой насилия, она будет вынуждена согласиться на брак. Однако Саферхан ответила отказом, и на следующий день ее вернули к матери [2].

Выездная сессия областного суда заседала с 24 по 28 июня в ауле Тахтамукай. Дело было настолько резонансным, что каждое утро и вечер на заседаниях собирались по 200–300 человек, в том числе и жители других аулов. Несмотря на летний период, жители, отложив полевые работы, шли на суд. Такие преступления в традиционном адыгском обществе, безусловно, порицались, и ви-

новные подвергались кровной мести. Однако, несмотря на безусловное осуждение насилия над женщиной, как явления, в редких случаях девушка предавала подобное преступление общественной огласке, тем более совершенное после умыкания. Поэтому дело приобрело такой громкий общественный резонанс. Показательный суд заслушал резолюции и решения нескольких женских собраний, каждая из которых вынесла свое решение. Конференция женской кенайской плантации № 3 решила, что преступники заслуживают расстрела. Женское собрание черкешенок аула Тахтамукай вынесла резолюцию с требованием самого строившего приговора [3]. Вынесенный приговор был суровым: Хамид был приговорен к расстрелу, а четверо других похитителей – к 10 годам лишения свободы [4].

Нужно отметить, что данное дело – не столько о совершении насильственных действий против женщины, сколько об абсолютной уверенности преступников в том, что осуждение общества помешает девушке уйти от «жениха» и уж тем более придать этому делу публичный характер, заявив о совершенном преступлении. Таким образом, в конце 1920-х годов страх перед «хайнапе»⁹ в мире адыгской женщины постепенно уходил на второй план, ведь новые рычаги борьбы за свои права позволяли ей совершать попытки идти наперекор общественному мнению и осуждению.

Источники

1. Адыгейская жизнь: Орган Адыгейского обкома ВКПб, облисполкома, облсовпрофа. 1926. 15 апреля.
2. Адыгейская жизнь: Орган Адыгейского обкома ВКПб, облисполкома, облсовпрофа. 1927. 31 мая.
3. Адыгейская жизнь: Орган Адыгейского обкома ВКПб, облисполкома, облсовпрофа. 1927. 28 июня.
4. Адыгейская жизнь: Орган Адыгейского обкома ВКПб, облисполкома, облсовпрофа. 1927. 15 июля.
5. Национальный архив Республики Адыгея (ГКУ НА РА). Ф. Р-293. Оп. 1. Д. 1.

⁹ В переводе с адыг. – «стыд». Прим. авт.

Г.П. Сидорова

Ульяновск, Ульяновский государственный
технический университет

**Криминализация российского общества конца 1980-х –
начала 1990-х годов: гендерный аспект
(по текстам киноискусства)**

Научное исследование теневой экономики в России и криминализации общества конца 1980-х и начала 1990-х годов стремительно росло со второй половины 1990-х годов (С.Ю. Барсукова, В.В. Радаев, Г.А. Сатаров, Н.В. Артемьев, Ю.Г. Наумов, Ю.В. Латов, В.Н. Титов, Н.В. Тарасова и др.), но в гендерном аспекте указанный объект не изучен. В какой-то мере эту нишу заполняет данное культурологическое исследование, изучающее аутентичные художественные фильмы на основе методологии источниковедения Л.Н. Пушкирева и А.К. Соколова. Личный исследовательский опыт неоднократно доказал: литература и искусство имеют свойство «нащупывать» реальность, фиксировать возникающее бытие, предвосхищая то, что лишь потом найдет отражение в науке [1].

Исторический и социокультурный контекст создания выбранных для анализа фильмов: отсутствие положительных результатов экономических реформ 1985–1988 гг.; падение производства в сельском хозяйстве и промышленности; нехватка элементарных продуктов питания и введение нормированного их распределения; реформы ценообразования Е. Гайдара и резкое падение уровня жизни основной массы; формирование частного сектора экономики. Частичная легализация теневого рынка; отсутствие инфраструктуры свободного рынка торговли основными фондами; отсутствие законов для регулирования деятельности стихийно возникавших товарных бирж и государственного контроля за ними; контроль криминалитетом посреднических структур. Закон «О коперации в СССР» (1988) и стремительное развитие рэкета.

Источники для изучения гендерных аспектов криминализации российского общества – произведения советско-российского киноискусства 1987–1995 гг., популярные у массового зрителя. Рассмотрены мужские и женские образы.

«Разорванный круг» (СССР, 1987, реж. В. Дорман). Мужчины: преступная группа, теневики на государственной швейной фабрике – директор фабрики (убит); работник ОТК; главный технолог; завскладом готовой продукции; экспедиторы; бывший ревизор. Женщины: гражданская жена директора, в курсе его дел; жена работника ОТК.

«Воры в законе» (СССР, 1988, реж. Ю. Кара, по мотивам романа Ф. Искандера «Сандро из Чегема»). Мужчины: глава местной мафии, контролирующий местных цеховиков; цеховики, воры и рядовые бандиты. Женщина: любовница и помощница главы мафии.

«Интердевочка» (СССР, 1989, реж. П. Тодоровский по повести В. Кунина). Женщины: валютные проститутки.

«Катала» (СССР, 1989, реж. С. Бодров-старший). Мужчины: профессиональные игроки в карты, помощники игроков. Женщины: любовница игрока; портовая проститутка.

«Криминальный квартет» (СССР, 1989, реж. А. Муратов). Мужчины организованная преступная группа (ОПГ) на обувной фабрике: директор, главный инженер, главный технолог, завскладом, водитель фабричного фургона, а также нанятые ими бандит, похититель ребенка и вымогатель.

«Сувенир для прокурора» (СССР, 1989, реж. А. Косарев). Мужчины: ОПГ – директор машиностроительного завода, директор сувенирной фабрики, председатель кооператива при фабрике, шофер фабрики, завскладом (легализация теневой экономики и рэкет). Женщины: жена директора завода, в курсе его дел.

«По прозвищу Зверь» (СССР, 1990, реж. А. Муратов, по роману В. Доценко «Срок для Бешеного»). Мужчины: советский коммерсант первой волны, работающий на бандитов; бандит, криминальный авторитет и др. Женщина: любовница коммерсанта.

«Я объявляю вам войну» (СССР, 1990, реж. Я. Лапшин). Мужчины: глава местной ОПГ, рэкетиры. Женщина: администратор гостиницы, без нарушений закона помогающая мафии; проститутка.

«Волкодав» (СССР, 1991, реж. М. Туманишвили). Мужчины: глава местной мафии, рядовые бандиты, кассир мафии, коррумпированный майор милиции – осведомитель бандитов. Женщины: проститутки.

«Гений» (СССР, 1991, реж. В. Сергеев). Мужчины: директор кооперативного овощного магазина и преступник-авантюрист, в прошлом – талантливый физик; его ближайшие помощники; криминальный авторитет, бандиты. Женщины: возлюбленная преступника-авантюриста, помощница, посвященная в его дела.

«За последней чертой» (СССР, 1991, реж. Н. Стамбула). Мужчины: главарь банды, рядовые бандиты, бандит-сутенер. Женщины: проститутки.

«Тридцатого – уничтожить!» (РФ-Сирия, 1992, реж. В. Доценко). Мужчины: глава мафии, рвущейся к власти и торгующей оружием и наркотиками; террористы. Женщина: проститутка, помощница мафии.

«Кодекс бесчестия» (Россия, 1993, реж. В. Шиловский, по роману В. Черняка «Золото красных»). Мужчины: высшие партийные и советские чиновники, сотрудники КГБ в Москве и в Цюрихе – организаторы и участники валютных махинаций накануне краха СССР. Женщина: секретарша и любовница директора Внешэкономбанка.

«Любить по-русски», «Любить по-русски-2» (Россия, 1995–1996, реж. Е. Матвеев). Мужчины: глава местной ОПГ и его бандиты, отнимающие землю у фермеров; коррумпированные председатель колхоза и полковник – глава РОВД.

«На углу у Патриарших» (Россия, 1995, реж. В. Дербенев). Мужчины: адвокат, теневой бизнесмен, организатор краж антикварных драгоценностей и контрабанды; вор-рецидивист; грабитель-одиночка; милиционер-рэкетир; наемный убийца; теневой хозяин ювелирной лавки, шантажист; продажный журналист, наводчик на драгоценности. Женщины: хозяйка притона и соучастница шантажа; соучастница преступлений адвоката, выполняющая отвлекающий маневр; алкоголичка, сдающая комнату беглому вору-рецидивисту.

Все источники показывают, как шел процесс криминализации российского общества в конце 1980-х и начале 1990-х гг. Реалистично раскрыта мотивация занятия рэкетом. Так, в картине В. Криштофовича «Ребро Адама» (СССР, 1990) молодой человек размышляет: куда пойти работать после армии – в охрану кооператива от рэкетиров или наоборот – в рэкет, потому что они «с каждого дела 2–3 штуки берут. А таких дел по Москве знаешь сколько?! Я че подумал: зря, что ли, два года в ВДВ? Может мне

сразу в рэкет идти? Че я – человек тренированный... Пока эту халюву-то не прикрыли, надо материальную базу создавать...»

Изучение криминализации российского общества указанного периода в гендерном аспекте по аутентичным текстам киноискусства показывает: мужские образы – организаторы и участники легализации теневого бизнеса, ОПГ, занимающихся контрабандой и шантажом; воры, бандиты, рэкетиры. Женские образы – проститутки, жены или любовницы теневиков, бандитов и воров; редко – содержательницы притона; связанны с криминалом, но чаще всего юридически неуязвимы. Криминальная деятельность мужчин, получившая отражение в фильмах, была связана со статьями УК РСФСР (до 1996 г.): ст. 77 «Бандитизм»; ст. 78 «Контрабанда»; ст. 93. «Хищение государственного или общественного имущества путем мошенничества»; ст. 144 «Кражи»; ст. 145 «Грабеж»; ст. 148 «Вымогательство»; ст. 173 «Получение взятки»; ст. 208.1. «Организация азартных игр». По этим статьям было предусмотрено наказание в виде лишения свободы на различные сроки (от 1 года до 15 лет), вплоть до смертной казни, с конфискацией имущества или без таковой, в зависимости от тяжести преступления и др. факторов [2]. А проституция – административное правонарушение (с 1987 года). Наказание, согласно ст. 164-2 КОАП РСФСР, – штраф в 100 руб. (в 1987 году среднемесячная зарплата в РСФСР составляла 214 руб.). Ст. 241 «Организация занятий проституцией» (штраф от 100 тысяч до 500 тысяч рублей... либо принудительные работы до 5 лет, либо лишение свободы до 5 лет) появилась в УК РФ с 1996 г.

Таким образом, тексты киноискусства зафиксировали не только «возникающее бытие» – особенности криминализации российского общества конца 1980-х – начала 1990-х, предвосхитив то, что позже нашло отражение в науке, но и гендерные аспекты этого бытия, до сих пор не изученные наукой.

Источники и литература

1. Соколов А.К. Источниковедение и путь к современной лаборатории изучения новейшей истории России // Мир историка. XX век / под ред. А.Н. Сахарова. М.: ИРИ РАН, 2002. С. 280–344.
2. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. URL: https://nnav.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/14_ugol_kodeks

K.A. Петров
Тверь, Тверской государственный университет

Насилие в отношении женщин в Нигерии в начале XXI в. в условиях деятельности террористических группировок

На протяжении всего постколониального этапа развития Нигерии насилие в отношении девочек и женщин оставалось острой социальной проблемой. Ситуация усугублялась военно-политическими конфликтами, связанными с борьбой за власть между отдельными этноконфессиональными группами и сопровождавшимися усилением, прежде всего, сексуального насилия. На рубеже XX–XXI вв. крупные вооруженные столкновения уступили место деятельности террористических группировок, в основном представляющих интересы канури, фульбе и хауса, проживающих в северных штатах Нигерии и соседних государствах.

Насилие в отношении женщин осуществляется как в процессе стихийных нападений со стороны радикально настроенных этнических общин, так и в рамках целенаправленной террористической деятельности организованных группировок. К первым случаям, в частности, следует отнести активность представителей народа фульбе (фулани). Этнические фульбе совершают нападения на соседствующие с ними территории преимущество в штатах Бенуз, Кадуна, Плато и Энугу. Атаки обычно сопровождаются массовыми изнасилованиями и убийством девочек и женщин из числа представителей немусульманских этноконфессиональных групп. Типичной является ситуация, представленная в публикации Ифреке Инианга для *Daily Post Nigeria*, в которой он сообщает о ежедневных случаях сексуального насилия над девушками со стороны кочевников фульбе в сельской местности штата Энугу [1].

Из числа организованных террористических группировок Нигерии особенно выделяется «Боко Харам», состоящая преимущественно из представителей народа канури с некоторой долей хауса и фульбе. Они отличаются тем, что не только осуществляют целенаправленное физическое насилие над женщинами, но также крайне активно вовлекают их в процесс своей деятельности различными средствами.

Именно девочки и женщины, наиболее часто подвергаются воздействию со стороны участников «Боко Харам». Поскольку эта группа населения является наиболее социально незащищенной и уязвимой, террористы вербуют их в свои ряды как путем обещаний улучшения положения и материальных выгод, так и методами устрашения и похищения.

Наиболее крупными акциями похищения девочек и женщин стали события в г. Чибок штата Борно в 2014 г., когда в ходе атаки из школы были похищены 276 девочек, а также инцидент в деревне Гумсури (штат Борно) с похищением 185 детей и женщин [4, с. 101]. Впоследствии жертвы использовались «Боко Харам» для получения выкупа и давления на местные политические элиты с целью возвращения лидеров организации из тюремного заключения.

Девочки и женщины, похищаемые террористами в этих и других случаях, также подвергаются различным формам физического и психологического насилия: изнасилованиям (в том числе групповым), избиениям, принудительным бракам, принудительной беременности и родам, трудовому рабству. Члены организации рассматривают похищаемых женщин как объект получения удовольствия, бесплатную рабочую силу, а также способ пополнения собственных рядов через рождение и воспитание детей, невольно становящихся членами группировок.

Часть женщин – среди похищенных, добровольно примкнувших или родившихся и воспитанных в лагерях «Боко Харам» – также используются террористами как элемент практики террора – их выставляют в качестве живых щитов или подрывников-смертников. Как отмечается в исследовании Дж. Уорнера и Х. Мэтфесс, женщины-смертницы составляют, как минимум, 56% всех подрывников «Боко Харам» в период с 2011 по 2017 г. Если учитывать только тех, чей пол удалось определить, этот показатель доходит до 72,2% [2, с. 29]. Такие показатели могут объясняться тем, что женщины традиционно не воспринимаются как угроза, и меры по обеспечению безопасности часто их не затрагивают.

Части девушек и женщин удается спастись из лагерей «Боко Харам», однако, как отмечается в данных Института ООН по ис-

следованию процесса разоружения, большинство из них продолжает сталкиваться с дискриминацией и насилием различного вида: угроза мести со стороны террористов, отсутствие социально-экономической поддержки, отсутствие признание в качестве матерей для рожденных в лагерях детей, депривация со стороны общины и собственной семьи, особенно мужьями и т.д. [3, с. 19–36]. Подобные обстоятельства показывают системный характер проблемы гендерного насилия в Нигерии, которая не ограничивается лишь деятельностью террористов.

Таким образом, женщины в начале XXI в. в Нигерии продолжают оставаться основным объектом гендерного насилия в обществе. Культурные предрассудки, исторически сложившиеся гендерные сценарии и стереотипы феминности делают их положение уязвимым, чем пользуются представители террористических группировок и радикально настроенных этнических общин. Они подвергают женщин физическому, в особенности сексуальному, насилию, а также используют в дальнейшем в целях расширения поля террористической деятельности. В случае спасения из лагерей террористов женщины не обязательно оказываются в лучших условиях, поскольку часто их оставляют на произвол судьбы государство, община и семья, еще сильнее ухудшая их социальное положение и психологическое состояние.

Источники и литература

1. *Inyang I.* Fulani herdsmen unleash terror in Enugu: Rape women, kill two teenagers // Daily Post. URL: <https://dailypost.ng/2012/08/18/fulani-herdsmen-unleash-terror-enugu-rape-women-kill-two-teenagers> (accessed: 30.04.2025).
2. *Matfess H., Warnet J.* Boko Haram's Demographic Profile in Suicide Bombing // Exploding Stereotypes: The Unexpected Operational and Demographic Characteristics of Boko Haram's Suicide Bombers. 2017. P. 28–38.
3. *Nagarajan C., Batault F., O'Neil S., Badu F.Y.A.* MEAC Findings Report 39. Survival and Struggle: The Experience of Women and Girls With and After Boko Haram. 2024. 40 p.
4. *Nna-Emeka Okereke C.* Nigeria // Counter Terrorist Trends and Analyses. Vol. 7, № 1. 2015. P. 100–104.

А.И. Сердюк, К.А. Созинова

Екатеринбург, Уральский федеральный университет

Исламофобия в Испании: мусульманки в испанском социокультурном пространстве XXI в.

В 2023 г. мусульманское население Испании насчитывало около 2,4 млн человек, что составляет около 5% от общего населения страны [12]. Это выходцы из стран Магриба: Алжира, Ливии, Мавритании, Марокко, Туниса. Хотя ислам остается религией меньшинства, он становится не только религией иммигрантов, но и граждан Испании. Сегодня мусульманки в Испании часто сталкиваются с дискриминацией на религиозной почве и сложностями интеграции в испанское общество. Западный феминизм долгое время ошибочно связывал ношение хиджаба и другой символической одежды мусульманок с их подчиненным положением, угнетением и невежеством, что несомненно повлияло на стереотипы о мусульманках в Испании.

Опрос, проведенный в 2010 г. доктором философии по теории и истории образования из Мадридского университета Комплутенсе Салам Адлби Сибай среди мусульманок-мигранток в Испании, выявил две важные тенденции:

1. Респондентки четко разделяют этническую и религиозную идентичность, отмечая, что «не все арабы – мусульмане, и не все мусульмане – арабы».

2. Было отмечено, что женщины испытывают чувство потери, когда в Испании их воспринимают как «чужих», что создает внутренний конфликт: на родине родителей они чувствуют себя «недостаточно своими», а в Испании – «недостаточно испанками» [13].

Также использование таких обобщений, как «мусульманский мир» или «женщины в исламе», подразумевает, что все мусульманки происходят из одного и того же окружения и разделяют одинаковые убеждения. Это упускает из виду разнообразие и сложную социологическую динамику внутри мусульманских обществ, а также различные социально-экономические и исторические контексты каждого из них [8].

С усилением интенсивности иммиграций в начале XXI в. мусульмане сталкиваются с негативной реакцией испанцев, которые

не могут принять рутинные привычки мигрантов, что усложняет процесс интеграции в принимающее сообщество. Мусульманки-мигрантки из стран Магриба в Испании именуются «мора»¹⁰. Сейчас это выражение используется в негативном ключе как в быту, так и в СМИ для описания современных мусульман на территории Испании [9].

В Испании последовательницы ислама боятся носить одежду, которая представляет их идентичность, из-за возможных последствий, которые это может повлечь за собой, например, отказ в трудуоустройстве, академическая и социальная изоляция [6]. Кармен Барсело¹¹ объясняет это так: «Платок находится в центре исламо-фобской дискриминации, потому что люди, которые его дискредитируют, считают свободу, которую они защищают, единственной возможной для женщин» [11]. Некоторые мусульманки, ранее не носившие платок, начинают его использовать как акт сопротивления стереотипам, например, после теракта 11 марта 2004 г. в Мадриде [4]. Таква Реджеб, студентка IES Benlliure¹² в Валенсии, которую в 2016 г. не пустили на занятия в платке, в свою очередь, высказалась, что как у женщины, исповедующей ислам, у нее есть выбор носить платок или нет [6].

Сегодня иммигрантки находят поддержку через формирующиеся ассоциации мусульманских женщин [7]. Среди таких организаций в Испании можно выделить: Bidaya¹³ [5], ACHIME¹⁴ [3] и др. Последняя является единственной, предназначеннной исключительно для испанских мусульманок. Участие мусульманок в некоторых мероприятиях, организуемых этими ассоциациями и НПО,

¹⁰ Так называли мусульман, проживавших в Испании с VIII по XV в. во время существования халифата аль-Андалус на территории современной Испании.

¹¹ Профессор арабских и исламских исследований Университета Валенсии.

¹² Государственный институт среднего образования, бакалавриата и высшего образования в Валенсии.

¹³ Ассоциация, созданная в 2007 г. для поддержки мусульманок, проживающих в Стране Басков.

¹⁴ Общенациональная некоммерческая ассоциация мусульманских девушек Испании, основанная 6 августа 2012 г.

ограничено либо из-за запрета их супругов, либо плохой информированности о существовании таких организаций.

Таким образом, мусульманки в Испании сталкиваются с комплексом проблем, включая дискриминацию, исламофобию и трудности интеграции, особенно при ношении платка. Также одним из вызовов являются поколенческие различия потомков мигрантов, родившихся на территории Испании. Несмотря на это, они активно формируют свою идентичность, балансируя между религиозными традициями и требованиями светского общества Испании.

Источники и литература

1. Хенкин С.М. Мультикультурализм в испанской политии: дискуссия и линии размежевания // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 4. С. 140–166.
2. Хенкин С.М. Мусульмане в Испании: проблемы адаптации // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 3. С. 48–58.
3. Achime / La Asociación de Chicas Musulmanas de España (ACHIME). URL: <https://www.asociacionachime.com/> (accessed: 28.02.2022).
4. Beck L. The mezquita-garaje, mezquita-sótano, and Islam in Spain Since 11-M // Historia Actual Online. 2009. № 17. P. 147–158.
5. Bidaya – asociación de mujeres musulmanas de Euskadi / Femiagenda. URL: <https://femiagenda.org/portfolio/bidaya-asociacion-de-mujeres-musulmanas-de-euskadi/> (accessed: 15.04.2025).
6. Dietz G., El-Shohoumi N. Muslim Women in Southern Spain between Discrimination and Empowerment // Al-Raida. 2007. Vol. 24. P. 21–27.
7. Eventos de la mujer musulmana para el 8M / Observatorio de la islamofobia en los medios. URL: <https://www.observatorioislamofobia.org/2021/03/08/eventos-la-mujer-musulmana-8m/> (accessed: 17.06.2022).
8. Laabadli. A. How discrimination affects Muslim women living in Spain // NADJA. 2024. URL: <https://nadja.co/2024/08/29/how-discrimination-affects-muslim-women-living-in-spain/> (accessed: 11.04.2025).
9. Moro, ra / Real Academia Española. URL: <https://dle.rae.es/moro> (accessed: 17.04.2025).
10. Musulmanas en España: entre la soledad y la culpabilidad // El Periódico. URL: <https://www.elperiodico.com/es/sociedad/20220321/mujeres-musulmanas-espana-soledad-culpabilidad-foro-granada-13387531> (accessed: 03.02.2024).

11. No sin mi velo / Observatorio de la Islamofobia en los Medios. URL: <https://www.observatorioislamofobia.org/2018/06/08/no-sin-velo/> (accessed: 27.04.2025).
12. Porcentaje de musulmanes en España en 2023, por nacionalidad / Statista. URL: <https://es.statista.com/estadisticas/555424/musulmanes-en-espana-por-nacionalidad/#:~:text=A%20finales%20de%202023%20resid%C3%A9Dan,proced%C3%A9Da%20de%20este%20pa%C3%ADs%20africano> (accessed: 28.05.2025).
13. Sibai S.A. «Sometimes I am Spanish and Sometimes Not»: A Study of the Identity and Integration of Spanish Muslim Women // Research in Comparative and International Education. 2010. Vol. 5. № 2. P. 185–204.

Н.Г. Голанн

*Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии им.
Петра Великого (Кунсткамера) РАН*

М.М. Рыжкова

Санкт-Петербург, независимый исследователь

**«Рубаха чумы»: роль женщины в традиционных ритуалах
защиты от гибели во время эпидемий и войн у румын
и румыноязычного населения долины реки Тимок**

Словосочетание «рубаха чумы» в современном румыноязычном пространстве часто представляет собой метафорическое обозначение ритуализированных действий, направленных на защиту человека от смертельной опасности. Не случайно именно такое название современный румынский этнограф Камелия Бургеле выбрала для одного из своих трудов, посвященному народной медицине, а точнее «системному медико-магико-религиозному синкретизму, который формирует в традициях румынской деревни, основу терапевтического действия» [4, с. 411].

Чума столетиями была одним из самых ужасных видов смертельной болезни, влекущим за собой массовую гибель людей. С течением времени слово стало ассоциироваться с еще одним видом бедствий – войной или с тем, что ее провоцирует. Первое упоминание о «рубахе чумы» на румынских землях встречается в книге Антона-Марии дель Кьяро «История современных мятежей в Валахии», опубликованной в Венеции в 1718 г. Изготовление такой рубахи

было самым распространенным способом, который, как считалось, мог остановить эпидемию чумы [7, с. 211; 6, с. 227].

Процесс создания рубахи представлял собой магический ритуал, который выполняли исключительно женщины: все операции по изготовлению рубахи (прядение, ткачество, раскрой, шитье) должны были быть выполнены в течение одного дня или одной ночи [2, с. 37; 5, с. 165–167]. В разных регионах, согласно источникам, были установлены разные правила: женщины должны были носить одно имя, либо должны были быть вдовами, либо должны были быть преклонного возраста, либо молодыми. Традиция изготовления «рубахи чумы» была распространена и за пределами современной Румынии: она была зафиксирована и у румыноязычного населения долины реки Тимок, на территории Сербии, Болгарии и Македонии [3, с. 487–489; 5, с. 166–167; 1, с. 261–265].

В современном обществе сохраняется основная функция «рубахи чумы» – функция защиты от гибели, и, несмотря на непрекращающиеся эпидемии, цель использования «рубахи чумы» изменилась: прежде всего она стала элементом защиты от гибели во время военных действий, о чем свидетельствуют данные полевых исследований современных этнологов. Так, по данным, собранным Н. Голант, одна такая рубаха до недавнего времени хранилась в деревне Шипиково в семье лу Чупиту. Перед тем, как молодой человек, которого отправляли в армию или на войну, должен был пролезть сквозь «рубаху чумы» и взять с собой лоскуток или нитку от этой рубашки. Венцислав Дуйнович, житель деревни Шипиково, которого отправили служить в армию в 1991 г., во время войны в Боснии, трижды прополз через «рубаху чумы» и унес с собой нитку от этой рубашки. По его воспоминаниям, «рубаха чумы» выглядела не как настоящая, а как разрезанный пеньковый мешок. В 1999 г., во время конфликта в Косово, другой житель деревни Шипиково, офицер полиции Мирослав Дубрич, который был направлен с миссией в Косово, также трижды пролезал через ту же «рубаху чумы» и унес с собой нитку от этой рубахи [6, с. 226].

Таким образом, на протяжении веков, роль женщины в традиционном ритуале, обладающем защитными функциями, не менялся – она оставалась ключевой фигурой, актором ритуала, направленного на спасение человеческих жизней.

Литература

1. *Antić S.* “Jednodanka košulja”. Za zdravlje. Iz istorie narodne medicine i zdravstvene culture. VII naučni skup. Rajačke pivnice. Zaječar: Narodni muzej, 2000. P. 261–265.
2. *Голант Н.Г.* Мифологические представления румын Олтении и Мунтении (по материалам экспедиций в вылчу, Горж, Мехединць и Бузэу) // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. 12. № 3. С. 27–40.
3. *Толстая С.М.* Обыденные предметы // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах // ред. Н.И. Толстой. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 487–489.
4. *Burgheli C.* Cămașa ciumei: note pentru o antropologie a sănătății. București: Paideia, 2003. 435 p.
5. *Candrea I.A.* Folclorul medical român comparat. Privire generală. Medicina magică. Iași: Polirom. 1999. 485 p.
6. *Golant N.* “Plague shirt” and “Plague commemoration”: mythological representations and ritual practices associated with the personification of the Plague among the Romanians of Oltenia and Timok Valley // *The yearbook of balkan and Baltic studies*. Vilnius; Tartu; Sofia; Riga, 2022. V. 5. P. 219–235.
7. *Stahl H.* Eseuri critice despre cultura populară românească. București: Minerva, 1983. 426 p.

С.В. Ефимова
Санкт-Петербург

«Тупость социальных чувств»: женщина – соучастница серийных преступлений

В Центральном Государственном архиве Московской области хранится дело, беспрецедентное для советской судебной практики начала 1920-х годов. Дело было громким, о нем писали в московских газетах, а также в журнале «Огонек». На судебном заседании присутствовал Михаил Булгаков, который описал процесс в небольшом уголовном фельетоне под названием «Комаровское дело». Таким образом дело было мной обнаружено, крайне заинтересовало и заставило найти себя среди архивных описей, и, в конце концов, сорваться в Москву для работы с ним. Это дело так же, как и многие

из исследованных мной для моего дипломного исследования, относится к категории внутрисемейных преступлений, однако в данном случае впервые в моей практике «семья» не была жертвой или подстрекательницей, она стала «подельницей»: серийный убийца Василий Комаров, орудовавший в Москве с 1921 по 1923 г., обманом заставил свою жену Софию участвовать в сокрытии его деяний, за что она была привлечена к суду как соучастница. При анализе этого дела интересно выяснить обстоятельства, приведшие к ее казни, поскольку она стала первой в РСФСР женщиной, получившей расстрельный приговор, не совершив военных или контрреволюционных преступлений.

София не была первой женой Комарова, так же как и он не был первым ее мужем. Она имела детей от первого брака и одного ребенка от Комарова – на момент совершения Василием убийств, следствия и суда их общему ребенку не было и года. Однажды, избавляясь от тела одной из своих жертв, Василий был допрошен милиционером и отпущен. Тогда он понял, что его жена и ребенок могут послужить его делу – супружеская пара с младенцем вызвала бы гораздо меньше подозрений. Так, в следующий раз он взял жену с малышом ночью прокатиться на повозке и сбросил что-то в реку. На вопросы жены о том, что это было, он ответил честно и пообещал, что этот раз был последним. В результате следствия выяснилось, что он также просил жену уходить из дома и запирать дверь снаружи, находясь в своей квартире наедине с жертвой, а однажды даже заставил ее пригласить на встречу с ним мужчину, которого впоследствии убил. София признавалась, что не до конца понимала, что делала, эти просьбы не вызывали у нее подозрений. Эти слова были также подтверждены Василием на суде. Она рассказывала, что в быту он был страшным человеком. На слушании дела присутствовали эксперты-психиатры, которые описали психическое состояние подсудимых супругов «тупостью социальных чувств», а также утверждали, что София жила в страхе перед своим мужем, переживала как физическое, так и психологическое насилие, живя с ним. Однако заключения экспертов не спасли ее от расстрельного приговора.

Занимаясь своим исследованием, я рассматривала уголовные дела, посвященные разным типам тяжких преступлений, совер-

шенных женщинами, но ни в одном из изученных дел я не встречала такого серьезного приговора. Потому этот случай очень важен. Объектом изучения в докладе будут являться интерпретация судом показаний Софии и сопоставление их с показаниями ее мужа, а также формулировки, которые были использованы при вынесении им приговора.

Источник

ЦГАМО. Ф. 5062 Оп. 3. Д. 229.

М.И. Старун
Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ СПб

Обещание жениться как изнасилование: новации раннесоветского права

После социальных катаклизмов Первой мировой войны, революций 1917 г. и Гражданской войны советское общество столкнулось с ростом половых преступлений, что заставило большевиков пересмотреть традиционные подходы к уголовному праву [8, 9]. В соответствии с Уголовным кодексом 1922 г., работа над которым интенсивно шла в заключительные годы Гражданской войны, в юридической практике для определения совершения изнасилования достаточно было доказать применение не физического, а только «психического насилия» [10]. Это новое правовое понятие позволяло включить туда разные формы воздействия на пострадавшую, в том числе обманные действия в виде обещания жениться. В результате такой криминализации в качестве изнасилования стали рассматриваться и секс без согласия в браке, и обещание жениться, то есть обман женщины с целью вынудить ее согласиться на секс.

Почему вообще обещание жениться могло рассматриваться как криминализирующий признак и почему это произошло именно в начале 1920-х годов? Дело в том, что в дореволюционной правовой традиции считалось, что половая связь является конечной целью брака, а революционное законодательство, как отмечали советские юристы, «ослабило брачную связь» [6, с. 71]. Ряд юристов настаивали также на том, что изнасилование возможно и в браке, так как

муж не обладает никакими априорными правами на тело жены [2, с. 22]. При этом на практике женщины рассматривали такое обещание как некий договор, который предоставляет мужчинам право на их тело, хоть бы это и противоречило юридическим нововведениям и сохраняло патриархальный подход к браку. Большевики в условиях экстремальной ситуации создания совершенно новой правовой системы расширили возможности защиты женщин, уверенно настаивая на их эмансипации. В рамках этой новой криминализации они, во-первых, пытались отвязать брак от права на секс, а во-вторых, заставить мужчин «по-человечески» относиться к женщинам [1].

В историографии половые преступления против женщин, практики правоприменения, дебаты юристов и позиции обвиняемых и пострадавших в советский период практически не изучены [11]. На основе периодики, текстов юридических экспертов и судебных дел 1920-х годов я исследую, как формировалась, применялась, критиковалась и менялась практика советских судов в отношении таких обещаний жениться. Основной спектр моих источников сфокусирован на первой половине 1920-х годов и материалах петроградских-ленинградских судов первой и второй инстанции.

Исследование показывает, что нормы не были оторваны от практики. Женщины действительно часто обращались в суд, и часто уже в своих заявлениях называли произошедшее изнасилованием. Наступившая впоследствии половых отношений беременность и последующее исчезновение мужа также могло быть поводом для обращения в правоохранительные органы [3, с. 3–6]. В отдельных случаях заявления были отозваны пострадавшими за примирением, когда, например, женитьба действительно состоялась или планировалась [5, с. 35]. Некоторые такие обращения завершались прекращением разбирательства за неимением преступления, однако советский суд мог и весьма строго карать за подобные преступления и присуждать разные сроки лишения свободы [1, 4].

При этом в УК 1926 г. понятие «психическое насилие» исчезло из ст. 169 об изнасиловании в связи с критикой юристов, а также после постановлений Пленума Верховного суда, о том, что обещание жениться является личным делом и его нарушение не требует государственного вмешательства [7]. Однако даже после

этого в судебной практике такое правоприменение сохранилось, что говорит о сохранившемся запросе снизу [1, 4].

Таким образом, криминализация таких действий, как обман женщины, началась в экстремальных условиях Гражданской войны. Это нововведение отражает более широкую тенденцию – попытку советского государства в «лихие годы» социальных потрясений использовать уголовное право как инструмент трансформации повседневных практик и гендерных отношений. При этом несмотря на то, что центральные органы и сами юристы во второй половине 1920-х годов требовали ограничить такое право-применение и устраниться из этой личной сферы, такая криминализация обещания жениться была необходима женщинам, находящимся в уязвимой позиции в результате не только многочисленных социальных потрясений, но и советской семейной политики. Провозгласив сексуальную свободу и упростив разводы, государство не создало эффективных механизмов материальной поддержки, оставив женщин один на один с последствиями «свободных отношений». Подобные судебные практики демонстрируют, как в условиях разрыва между законодательной эмансипацией и социальной реальностью женщины были вынуждены использовать уголовное право как компенсаторный механизм достижения гендерной справедливости.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01622

Источники и литература

1. Андреев М. За что мы судим при обвинении в изнасиловании // Рабочий суд. 1928. № 8–9. С. 695–704.
2. Жижиленко А.А., Оришанский Л.Г. Половые преступления. Л.: Рабочий суд, 1927. 112 с.
3. Ленинградский областной государственный архив в Выборге (далее – ЛОГАВ). Ф. 2502. Оп. 1. Д. 240.
4. ЛОГАВ. Ф. Р-2407. Оп. 1. Д. 333.
5. ЛОГАВ. Ф. Р-2205. Оп. 1. Д. 614.
6. Н.Н.Р. Изнасилование в браке // Право и жизнь. 1924. Кн. 9. 1924. С. 71–72.

7. Седлис К. Изнасилование путем вступления в брак // Вестник Советской Юстиции. Орган НКЮ УССР. № 17. С. 505–508.
8. Старун М.И. Половая свобода и защита женщин: трудности раннесоветской уголовной кодификации // Вестник Пермского университета. Серии: История и Политология. 2025. № 3. (в печати)
9. Тепляков А.Г. «Сотни девушек стали женщинами...»: массовое сексуальное насилие со стороны партизан Сибири и Дальнего Востока (1918–1920 гг.) // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI вв.: Материалы XVI Международной научной конференции: в 2 частях. Иваново, 05–06 апреля 2017 года. Ч. 2. Иваново: Ивановский государственный университет, 2017. С. 448–452.
10. Уголовный кодекс РСФСР // СУ РСФСР. 1926. № 80, ст. 600.
11. Kowalsky S. The Group Rape of Mariia N.: Gender, Violence, and the Crisis of Legitimacy in Early Soviet Russia / S. Kowalsky // The Soviet and Post-Soviet Review. October 2022. № 50(2). P. 1–23.

РАЗДЕЛ 9

ЖЕНСКОЕ ЗДОРОВЬЕ И РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ГОДЫ ПЕРЕЛОМОВ И СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ. КУЛЬТУРНО- МЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО В ЖЕНСКИХ ЖИЗНЯХ

Н.Б. Кончаковская

Екатеринбург, Институт истории и археологии УроСАН

О проблемах реализации материнства женщинами в городах Пермской губернии в экстремальной повседневности начала ХХ в.

В пореформенное время в российских городах происходили процессы модернизации, урбанизации. Процессы становления капиталистических отношений, развитие образования и культуры были взаимосвязаны женской эмансипации; все больше женщин включались в рынок труда городов, составляли поток мигрантов. С одной стороны, согласно выводов Н. Пушкаревой, Н. Мицюк, А. Беловой, формировалась культура сознательного материнства, шла эволюция родильной культуры (в первую очередь, среди образованных горожанок), что наблюдалось и среди части горожанок Пермской губернии [4; 7].

Однако в городах Пермской губернии, в особенности в региональных торгово-промышленных центрах Перми и Екатеринбурге проживало в тяжелых условиях много женщин мигрантов из сельской местности и заводов, трудившихся, как правило, на неквалифицированных низкооплачиваемых работах.

Миграция, необходимость обосноваться на новом месте влияли на брачное и репродуктивное поведение женщин: в результате в городах насчитывалась большая доля незамужних молодых женщин. На условия жизни женщин оказывали влияние события начала ХХ в.: Первая Русская революция, Русско-японская война, Первая мировая война.

Крайне негативным фактором являлась катастрофически высокая детская [2, с. 22] смертность (особенно младенческая, до 1

года, в 1897 г. по нашим расчетам КМС=362% [3, с. 37, 163–164]) в регионе; высокая заболеваемость маленьких детей желудочно-кишечными болезнями; в целом плохие условия для выживания детей. Врачи и общественные деятели указывали на прямую взаимосвязь работы женщин-матерей с высокими показателями детской смертности. Показатели младенческой смертности увеличились в годы Первой мировой войны. Так в Перми по записям метрических книг КМС по православным церквям в 1914 г. = 319%, в 1915 г. КМС= 386%. В Екатеринбурге КМС вырос в 1914 г. до 380% [1, с. 11]. Также по записям метрических книг церкви при Пермской Александро-Невской больнице и роддоме, в который роженицы обращались часто при патологических родах, с 1906 г. наблюдаем увеличение числа мертворожденных детей, в 1906 г. – 21 чел., в 1909 г. – 22 чел., в 1914 г. – 41 чел., в 1915 г. – 45 чел.

В связи с экстремальными условиями повышалась доля внебрачных детей; матерями-одиночками были в первую очередь крестьянки. В среднем по городам показатель внебрачной рождаемости был высоким, увеличиваясь в годы Первой русской революции и Первой мировой войны. Войны и революция усугубляли тяжелое положение матерей-одиночек, матерей из бедных семейств, вдов.

Зашитники прав женщин призывали признать социальную значимость материнства [8, с. 43]. Так, М.К. Цебрикова указывала на важность правильного, демократичного женского воспитания, охраны материнства и детства [9, с. 489–499]. При этом не существовало на постоянной основе социальной (материальной) помощи матерям на уровне государства, социальная защита женщин-матерей могла рассматриваться в рамках общественных, благотворительных организаций.

В начале XX в. энтузиастами был открыт местный Уральский отдел всероссийского Союза для борьбы с детской смертностью: проводились мероприятия, велась пропаганда.

Во время военных действий Русско-японской, Первой мировой войны семьям воинов, отправленных на фронт, полагались казенные пайки, пособия. Жены и дети призванных на фронт имели право на бесплатное помещение с отоплением, если не имели собственного жилища или приюта, продовольствие «нату-

рою» [5, с. 4]. Алексеевским комитетом в Пермской губернии выплачивались пособия вдовам и детям погибших нижних военных чинов в Русско-Японской войне. В Первую мировую войну также была введена в постоянную практику помочь семействам, оставшимся без кормильца во время войны: казенные пайки и пособия. Вдовам солдат выдавалось пособие. Великая Княгиня Ксения Александровна призывала общественность помочь семействам убитых воинов, воспитать их детей [6, с. 3].

О переживаниях матери о сыновьях, участвовавших в военных действиях, можно судить по переписке А.В. Батмановой, представительницы интеллигенции Екатеринбурга, воспитывавшей четверых сыновей. Двое сыновей участвовали в Первой мировой войне. Старший сын, с детства страдавший болезнью сердца, получил медицинский отвод от воинской службы, мать организовала ему посещение врачей.

Источники и литература

1. Бахарев Д.С., Главацкая Е.М. Младенческая смертность в русском позднеимперском городе: уральский контекст// Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 72. С. 5–14.
2. Голикова С.В. Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.): источниковедческий и методический аспекты. Екатеринбург: УроРАН, 2012.
3. Движение населения в Европейской России: статистические таблицы за 1897 г. СПб.: Центр. Стат. комитет внутр. дел, 1900. [2], XVI.
4. Мицюк Н.А. Зарождение идеологии «сознательного материнства» в российском обществе на рубеже XIX – начала XX в. // Смоленский медицинский альманах. 2016. № 4.
5. Пермские губернские ведомости. 1915. № 44. 6.08.1915.
6. Пермские губернские ведомости. 1915. № 51. 17.09. 1915.
7. Пушкирева Н., Мицюк Н., Белова А. Человек рождающий. История родильной культуры в России Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
8. Хвостов В.М. Женщина и человеческое достоинство. М.: Изд-во Г.А. Леман, Б.Д. Плетнев, 1914.
9. Цебрикова М.К. Мать-воспитательница // Воспитание и обучение. 1879. № 11. С. 489–500.

А.Ю. Конькова

*Москва, Российский государственный
гуманитарный университет*

Переславль-Залесский, Феодоровский женский монастырь

**Трансформация отношения к инокиням в русских
православных монастырях: от битья шелепами
до «внушения наедине» (на примере Переславского
Феодоровского женского монастыря)**

*Основы внутренней жизни остались те же, с
теми же некоторыми добрыми пережитками,
какие передала нам древнерусская старина, но
вместе с тем с теми же вносящими недостат-
ками, которые тоже достались нам, как тяже-
лое наследие нашего старинного прошлого».*

Малицкий Н.В. [1, с. 529]

Монастыри и женские судьбы неразрывно связаны одной цепью. Как мы знаем из отечественной истории, очень часто негодные жены насильственно направлялись в монастыри, где их ждал постриг. «Постригись моя немилая, постригись моя постыдная», – так обозначалась судьба нелюбимой супруги.

В Российской империи вплоть до 12 марта 1914 г., когда замужние женщины получили право получать отдельный вид на жительство без согласия их мужей [2], женщина не могла самостоятельно совершать переезды. Это можно было сделать только в сопровождении отца, брата или мужа. Какова была судьба женщин, если они так и не выходили замуж? Как было прожить крестьянской вдове, оставшись без мужской силы в хозяйстве? На эти и другие вопросы может ответить изучение истории православных женских обителей.

Автор изучает историю женских судеб на примере насельниц Феодоровского «девичьего» монастыря в г. Переславле-Залесском в дореволюционный период. На основании архивных материалов можно составить некую картину обстоятельств, предшествующих поступлению в монастырь, причем как в детском возрасте, так и в молодые и зрелые годы.

Поступление в младенчестве могло быть обусловлено сиротством, тяжелым материальным положением семьи с количеством

детей от десяти и более, возможностью обучить девочку грамоте и т.д. Девицы, не вышедшие замуж, также находили пристанище в монастырях, где за выполнение определенной работы («послушание») они получали приют, одежду и пропитание. Вдовы крестьянские, вдовы купеческие, вдовы потомственных и личных почетных граждан, а также священников, сделав небольшой вклад в монастырскую казну, также могли рассчитывать на место в калии или даже отдельную келью [3].

Как менялось положение инокинь на протяжении веков? История Переяславского Феодоровского женского монастыря об этом наглядно повествует.

Во второй половине XVII – начале XVIII в., когда в преобразованном из мужского в женский Феодоровском монастыре многие старицы были «непослушны и из монастыря исходили в мирские domы» [4, л. 61–64], они были сосланы в другой монастырь. В апреле 1693 г. последовал «Указ царей Ивана Алексеевича, Петра Алексеевича игуменье Федоровского монастыря Каптелине с сестрами о том, как оне должны жить и вести себя». Отныне игуменье и старицам надлежало «быть в том монастыре неисходно», категорически запрещалось под любым предлогом покидать монастырь («ни к сродникам», «ни для каких дел») [5, с. 1–2].

Таким образом, монастырь превратился в «крепкожительную» обитель, наряду с Новодевичицм в Москве, Александровским Успенским, Покровским в Суздале. Т.е. он стал местом насильственного заточения женщин и их принудительного пострижения.

В период правления Петра I в Федоровскую обитель женщин ссылали и за политические, и за бытовые преступления. Документы 1695–1703 гг. строго регламентируют пребывание в монастыре нарушительниц законов. Особенно детально были оговорены условия содержания раскольниц: держать их следовало в земляной избе со стоячим острогом. «...И буде ис тех стариц которая обратитца на истинной путь и пожелает ходит в святую церковь и станет просити отца духовнаго, и таковых ис тюрмы вынимая и заковав в кандалы, велеть приводить в церков во время божественного пения...».

По политическим мотивам в Федоровском монастыре оказались связанные с царевной Софьей Алексеевной кормилица царевича

Симеона Алексеевича Ирина (1690 г.) и постельница царевны Марфы Алексеевны Анна Клушина (1702 г.), за котою должны были смотреть «накрепко с великою осторожностью» [6].

О том, что подобная практика насильственного заточения в Федоровский монастырь сохранялась и в последующий период, свидетельствует распоряжение Синода от 1721 г., где Александровский Успенский и Переславский Федоровский названы монастырями, «особо назначенными» для ссылки раскольнических стариц, и впредь требовалось посыпать их только в эти обители, которым, в свою очередь, надлежало беспрекословно принимать их там.

Иногда указы оговаривали более мягкий, индивидуальный режим пребывания в монастыре: некоторых лишь обязывали строго соблюдать нормы монастырского устава, то есть причащаться, присутствовать на службах и т.д. Присылаемых за пьянство, кражи, грехопадение надлежало содержать скованными в «чепи в мирских трудах неисходно» «под крепким началом»; от женщины, сосланной за незаконный брак, необходимо было добиться письменного раскаяния [5, с. 2].

В 1723 г. в Федоровский монастырь была сослана жена генерал-прокурора Сената П.И. Ягужинского Анна Федоровна. Архивные документы Федоровского монастыря и другие источники дают нам знать, что тут скрывается самая тяжелая, грустная семейная драма, доставившая множество хлопот и Святейшему Синоду, и Федоровскому монастырю, доказывающая в то же время, что жизнь в монастыре генеральши Ягужинской не добровольно была избрана ею для «благочестивых подвигов», а невольно навязана по настойчивому желанию ее супруга [7, с. 3].

В этом же монастыре оказалась Наталья Юрьевна, жена Ивана Мусина-Пушкина, постиженная под именем Неонили.

Обращение с женщинами, попавшими в монастырь, отражает некоторые коллизии женской судьбы в дореволюционной России, а именно зависимость от мужа, официальное отсутствие открытых разводов (в метрической книге до 1917 г. существовало только три части: о родившихся, брачующихся и умерших).

В самой обители по отношению к монашествующим также долгое время сохранялось наследие старины, иногда довольно тяжелое. В апреле 1746 г. Настоятельница Переславского Феодоров-

ского девичьего монастыря Александра написала Преосвященному Серапиону, епископу Можайскому и Волоколамскому, «всепокорное» доношение о том, что «старицы крылошанки Александра, Измарагдина, Александра Рижская производили многой шум с криком, следующий мне именованной к немалому поношению». Резолюция епископа Серапиона была суворой: «дать каждой шелепами по пятьдесят ударов, и дабы впредь непорядков быть таких учинить не дерзали и бы ли бы игумении благопослушны». Чтобы судить о степени строгости наказания, которому подверглись переславские «клирошанки», следует иметь в виду, что шелепами назывались веревочные канаты с короткими рукоятками, наказание которыми назначалось за тяжелые преступления. Также стоит отметить, что при довольно значительном количестве ударов, ему подверглись женщины, и притом престарелые [1].

Однако со временем, многое, ко всеобщему благу, поменялось. Ведомости о Переславском Феодоровском девичьем монастыре начала XX в. содержат указания на то, что ситуация исправилась. Налицо многие установленные в монастыре существенные послабления в монашеской жизни. Так заболевшим сестрам (и постриженным, и непостриженным) разрешалось оставаться в своих кельях (т.е. не ходить на службу в храм), но читать молитву келейно; все насельницы обители могли пользоваться библиотекой с книгами религиозно-нравственного содержания; отлучки из монастыря были дозволены (безусловно, с разрешения Настоятельницы или Казначеи); с близкими родными также было разрешено видеться на территории монастыря («с ближайшими родными свидание имеют днем в своих келлиях»); в обители была устроена общая для всех сестер трапеза; одежду было положено носить «скромную, приличную монастырю, черную, но не грубую...» и т.д. И наконец, самое важное, на взгляд автора, установление заключалось в том, что, в случае непослушания насельниц, «мерами к вразумлению» было «внушение от Настоятельницы на едине» [8].

В завершение, и в качестве выводов, следует отметить, что жизнь женщин в монастыре отразила все социально-политические и культурные коллизии своего времени: от пережитков прошлого к духовному, физическому и психологическому оздоровлению. Что повлияло на это? Отчасти личность знаменитой Игумении Переславского Феодоровского женского монастыря Евгении (1875–

1916), которая при ее жизни была признана, и названа «Маститой инокиней» [9]. Но, следует сказать, что и общая обстановка, способствующая эволюции статуса женщин в Российской империи (развитие женского образования, поступление женщин на службу и проч.), также способствовала изменению условий пребывания насельниц в монастырях.

Источники и литература

1. *Малицкий Н.В.* Меры монастырских дисциплинарных взысканий в XVIII веке // Владимирские епархиальные ведомости (часть неофициальная). 1907. 1 сентября (№ 35). С. 529–531.
2. Собрание узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1914. № 825.
3. Ведомость о Переславском Феодоровском женском второго класса монастыре за 1909-й год. Черновик рапорта во Владимирскую Духовную консисторию от 07 декабря 1910 г. Рукопись. Переславль-Залесский, 1909 г.; 1910 г. ПЗМ-16858/26.
4. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 9.
5. *Левицкая Н.В.* К истории переславского Федоровского монастыря в конце XVII – начале XVIII в. // Труды Всероссийской научной конференции «Когда Россия молодая мужала с гением Петра», посвященной 300-летнему юбилею отечественного флота. Переславль-Залесский. 30 июня – 2 июля 1992 г. Переславль-Залесский, 1992. Т. 1. С. 131–135. / Переславская Краеведческая Инициатива. Тема: монастырь. № 6439. С. 1–2. URL: <http://pki.botik.ru/articles/m-fedor1992levizkaa.pdf> (дата обращения: 04.04.2024).
6. Архив СПФ ИРИ РАН. Коллекция 102. Картон 7. № 22.
7. *Сверелин А.И.* Надгробная надпись на могиле А. Ягужинской: Исторический экскурс по поводу ее. М.: MelanarÈ, 2005. 14 с. (переиздание 1901 г., Владимир: Типо-литография Губернского Правления).
8. Ведомость о Переславском Феодоровском монастыре за 1913 г. Филиал ГАЯО в г. Ростове. Ф. 326. оп. 1. Дело 294; Рукопись. Ведомость о Переславском Феодоровском женском второго класса монастыре за 1909-й год. Черновик рапорта во Владимирскую Духовную консисторию от 07 декабря 1910 г. Переславль-Залесский, 1909 г.; 1910 г. ПЗМ-16858/26 и т.д.
9. *Малицкий Н.В.* Игумения Евгения, настоятельница Феодоровского женского монастыря в г. Переславле-Залесском, Владимирской губернии (К сорокалетию в сане игумении) // Владимирские

епархиальные ведомости (часть неофициальная). 1915. 18 июля (№ 29). С. 589–595.

Ю.С. Филина
Москва, Институт российской истории РАН

**Трансформация репродуктивной медицины
и гинекологии в чрезвычайных условиях (на примере
Акушерско-гинекологического института в Петрограде
в годы революции и гражданской войны)**

За последние 150 лет медицина в целом и медицина «женского здоровья» совершила потрясающий прорыв, спасший многие жизни. Тем не менее, научные работы, посвященные истории развития родовспоможения, эволюции акушерской практики, внедрения гигиенических норм и формирования репродуктивной грамотности, стали публиковаться лишь в последние годы, что свидетельствует о необходимости дальнейших исследований в данной области [1; 2; 3 ;4; 5 и т.д.].

В 1904 г. в Институте акушерства и гинекологии были организованы новые клинические и учебно-вспомогательные отделения, оснащенные современным оборудованием, а также инфраструктурными объектами, включая автономную электростанцию, систему водоснабжения, канализацию с очистными сооружениями, прачечную, вентиляцию и стерилизационный блок [7]. Следует подчеркнуть, что подобные учреждения в России являлись единичными, тогда как потребность регионов в квалифицированных акушерских кадрах оставалась высокой. К 1917 г. Институт сохранял статус одного из наиболее прогрессивных медицинских учреждений в своей области. Это была сложившаяся организация с выработанной системой работы и относительно сложенным коллективом, пополнения в котором производились преимущественно за счет кадров, воспитанных в этом же институте.

Однако с наступлением Революции 1917 г., а затем и гражданской войны произошли не только политические и риторические изменения, но, естественно, подобная чрезвычайность повлияла на репродуктивное поведение и, соответственно медицину. Об изменениях в данных о рождаемости свидетельствует (как «большие»

данные городских переписей 1920-х годов) сохранившаяся в архиве ежегодная статистика Института, а также и произведения культуры, вбирающие в себя социальную проблематику времени. Например, в одном из фрагментов сценария будущего фильма «Счастливых финиш» героиня встречалась с грустной женщиной, которая сообщает, что в годы революции многие женщины, забеременев, шли на аборт, «не могли иначе» [6].

Аборт действительно стал одной из главных точек трансформации. Во-первых, конечно, это связано с его легализацией. Во-вторых, в условиях отсутствовавшей контрацепции и информации о ней, женщины нуждались в этой услуге и обращались к ней весьма массово. Применительно к 1960-м годам, социологи назвали этот фактор «абортной культурой». В-третьих, в дореволюционном медицинском сообществе аборт активно осуждался. Соответственно, воззрения врачей вступали в противоречие с новой реальностью. Тот факт, что врачи с дореволюционной практикой критически относились к аборту, подтверждается и тем, что сам термин в Институте не употреблялся, в документации можно увидеть разного рода справки, что женщины лежали в институте, список процедур и вмешательств, но «аборта» нет ни разу [9]. Вместо него преимущественно употреблялся выкидыш. В случае, если поступала женщина в экстренном состоянии, начавшая делать аборт в «домашних условиях», то использовалась формулировка «доделали выкидыш». Если женщина приходила в Институт именно за абортом, то он именовался «искусственный выкидыш» [8, л. 17 об.]. Кроме того, для осуществления процедуры требовалось медицинская консультация и в случае претензии на бесплатное оказание услуги – справка. Однако ужесточение режима проведения абортов, обсуждение во врачебном сообществе различных вариаций дополнительных барьеров к процедуре начало происходить только в 1921 г., т.е. именно тогда, когда чрезвычайность пошла на спад.

Источники и литература

1. Киселев А.С. Краткая история зарождения клинической специальности «Акушерство и гинекология» // Сеченовский вестник. 2014. № 3 (17). С. 22–28.

2. Логинов А.Б., Зайнулина М.С. Золотые страницы истории российского акушерства: от екатерининских времен к современности // Акушерство, гинекология и репродукция. 2017. № 11 (2). С. 69–74.
3. Мицюк Н., Пушкирева Н. Человек рождающий: История родильной культуры в России Нового времени. М.: НЛО, 2022. 512 с.
4. Мицюк Н.А., Пушкирева Н.Л. От повивального искусства к акушерской науке: анализ акушерской литературы, изданной в России в 1760–1860 гг. // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2017. Т. 16, № 3. С. 151–164.
5. Синова И.В. «Наука о бабичьем деле»: медицинские новации и гендерная характеристика кадрового состава Санкт-Петербургского клинического повивально-гинекологического института для бедных в конце XIX – начале XX в. // «Женское наследие в культурах народов России и мира». Материалы XVII Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Махачкала, 26–29 сентября 2024 г. / отв. ред. Н.Л. Пушкирева, О.С. Мутиева; сост. А.И. Громова, О.И. Секенова, А.В. Жидченко: в 2-х ч. М.: ИЭА РАН, 2024. Ч. 1. С. 373–377.
6. Филина Ю.С. Концепции репродуктивного поведения и материнства в советском кино 1920-х–1930-х гг. // Российская история. 2024. № 4. С. 124–140.
7. ЦГАНТД. Ф. Р-193. Оп. 11. Д. 10.
8. ЦГАНТД. Ф. Р-193. Оп. 11. Д. 65.
9. ЦГАНТД. Ф. Р-193. Оп. 13. Д. 10.

*Е.А. Здравомыслова, А.В. Орлова
Санкт-Петербург, Европейский университет*

Работа абортных комиссий как пространство репрезентации женского проблемного и травматичного опыта

В 1920-е годы СССР становится первым в мире государством, которое легализовало медицинское прерывание беременности по решению женщины. Это репродуктивное право, гарантированное советским женщинам, можно назвать условным и разрешительным (а не абсолютным). Законодатель объясняет, что Постановление обabortах является временной правовой нормой, обусловленной чрезвычайными обстоятельствами, сложившимися в обществе в результате войн и революционных преобразований, эконо-

мической разрухи, роста сексуализированного насилия, криминальных абортов, инфатицида и женской смертности. В целях ограничения и упорядочивания потока обращений женщин в медучреждения за получением разрешения на операцию в 1924 г. Постановление Наркомздрава и Наркомюста [1, с. 78] учреждает так называемые abortные комиссии (АК), которые рассматривают заявления женщин, взвешивают их аргументы и принимают решение о выдаче разрешения на бесплатный аборт в порядке очереди. АК стала новым советским бюрократическим органом, который собирал статистические данные об abortах, рассматривал заявления женщин и выносил по ним решения. АК стала контролирующим посредником между женщиной и медицинским учреждением, выполняющим функции фильтра и отбора. В 1920-е годы (вплоть до своего закрытия в 1928 г.) abortные комиссии стали частью женской повседневной жизни в условиях традиционной контрацептивной культуры, когда практики надежного предохранения были неразвиты, ощущалась нехватка противозачаточных средств и практически единственным способом ограничения рождаемости были abortы.

В историографической традиции изучения советской политики в отношении abortов можно выделить два подхода. Часть исследователей подчеркивает патерналистское отношение советского государства к репродуктивной жизни женщин, его попытки обезопасить их от материальных трудностей и сбежавших отцов [6, с. 172]. Другие авторы делают акцент на том, что репродуктивная политика советского государства преимущественно связана с контролем над женщиной [2, с. 228] и стремлением подчинить ее нуждам экономики и воспроизводства населения нового социалистического государства [7, с. 181]. Обе группы исследователей фокусируют внимание на анализе законодательства в отношении abortов, рассматривают правовые нормы и идеологические аргументы власти. Одним из центральных исследований, повлиявших на выбор текущей темы, стала работа российских социологов Е. Здравомысловой и А. Тёмкиной, которые предложили рассматривать репродуктивную политику в СССР как механизм формирования «abortной культуры» [1, с. 108], под которой исследовательницы понимают такой тип массовых репродуктивных практик, когда при отсутствии широкого доступа к средствам контрацепции единственным выходом

контроля рождаемости становится операция абORTа. До сих пор за пределами внимания исследователей оставалась деятельность abortных комиссий (АК) 1920-х годов и опыт обращения в эти инстанции советских женщин.

Объектом данного исследования является работа АК. В качестве исторических источников используется делопроизводственная документация abortных комиссий Ленинграда и Ленинградской области в период с 1924 по 1928 г. Хронологические рамки отбора источников обоснованы периодом деятельности АК. В рамках исследовательского проекта к настоящему времени проанализированы делопроизводственные документы девяти (9) АК Ленинградской области. Большая часть использованных в работе документов обнаружена в Центральном Государственном Архиве Санкт-Петербурга в фондах связанных с функционированием больниц разных районов Ленинградской области в 1920-е годы. В данном докладе рассматривается организационная структура АК, практики институционального взаимодействия женщин с ними, нарративные стратегии, используемые заявительницами для получения разрешений на абORT. Представим кратко результаты исследования.

Структура делопроизводственной документации АК состоит из следующих элементов: статистические сведения об абORTах, разрешение на которые дала комиссия (количество заявительниц, возрастной состав, социальное положение, мотивы обращения), переписка с местным Наркомздравом и отделом Охраны материнства и младенчества, заявления женщин, адресованные АК, протоколы заседаний АК, отчетные документы и распоряжения контролирующих органов – Наркомата здравоохранения и отделов Охраны материнства и младенчества, которые уточняли функционал АК.

Abortные комиссии состояли из трех человек (тройки): представитель(ница) отделения Охраны материнства и младенчества, врач (акушер-гинеколог), представитель(ница) женотдела. Комиссия выдавала разрешения на бесплатные абORTы, выполнявшиеся в порядке классовой приоритетности [1, с. 81]. Свою деятельность комиссии осуществляли при больницах и были подот-

четны Губернским отделам здравоохранения, куда каждый квартал отправляли статистические данные о количестве обратившихся женщин и проведенных операций.

Единицей эмпирического анализа в данном докладе являются заявления женщин, адресованные АК. Всего было проанализировано более пятисот обращений. Заявления рассматриваются нами как поле презентации женского проблемного и травматичного социального опыта, препятствующего деторождению. Цель заявлений – убедить членов АК выдать женщине разрешение на бесплатное для женщин медицинское прерывание беременности. Анализ текстов позволил выделить две основные нарративные стратегии заявителниц. Первая стратегия – использование «большевистской риторики» [3, с. 254], с помощью которой женщины легитимизируют свой репродуктивный выбор (отказ от деторождения), обращаясь к категориям советской идеологии и лексемам раннесоветского идеологически насыщенного бюрократического языка. В таких заявлениях женщины указывали на свое социальное происхождение (из рабочих, крестьян), общественный статус, заслуги перед советской властью, подчеркивали патриотические чувства и верность женскому гражданскому долгу. В заявлениях такого типа указывается позиция на шкале общественно-политической активности: «секретарь завкома, делегатка работниц, член правления кооператива, член шефной комиссии» [7, л. 186]. Приводятся аргументы в пользу отложенного во времени материнства: «...Прошу сделать мне аборт... я не отказываюсь от ребятишек... С 27 лет до 45 время еще много, за 18 лет можно еще четырех граждан подарить Союзу» [8, л. 81 об.], «хочу быть полезным работником, для тех работ, которые мне назначены» [7, л. 186]. Исследование показало, что к такой нарративной стратегии обращались грамотные женщины, которые писали заявления самостоятельно, были работницами советских предприятий и активистками: они освоили навыки большевистской риторики в ходе обучения в совпартшколах, на рабфаках или принимая активное участие в работе женотделов. Вторая – более распространенная – традиционно-патерналистская нарративная стратегия, когда женщины выдвигали в качестве аргументов в пользу прерывания беременности такие социальные обстоятельства как бедность на грани нищеты, многодетность, плохое здоровье и др. При этом

выбор той или иной нарративной стратегии не гарантировал получения искомого разрешения, так как главную роль в принятии решения играли предоставленные документы, подтверждающие медицинские и социальные основания для производства операции по прерыванию беременности.

Проведенное исследование работы абортных комиссий позволяет сделать следующие выводы. 1) АК были гейткiperами, контролирующими допуск женщин к медицинским учреждениям и реализации репродуктивных прав. 2) АК создавали пространства репрезентации, где женщины публично представляли и обосновывали перед лицом представителей власти свой репродуктивный выбор (прерывание беременности). 3) В заявлениях женщины использовали две ключевые нарративные стратегии оправдания своего репродуктивного решения. Общим для обеих стратегий является представление о вынужденности прибегания к аборту в условиях травматичного опыта, при сложных жизненных ситуациях, неблагоприятных социальных условиях. Стратегия – использования большевистской риторики характерна для активисток, женщин, успешно интегрированных в советские коллективы и образовательные форматы. Массовая традиционно-патерналистская стратегия апеллирует к государственной функции помощи и защиты женщин-работниц.

Финансовая поддержка – часть расходов может быть покрыта средствами университета.

Источники и литература

1. Боголепов П.П. Справочник по охране материнства и младенчества. Систематический сборник действующего законодательства и официальных материалов с 1917 г. по 1 октября 1927 г. М.: Охрана материнства и младенчества НКЗ, 1928. С. 81.
2. Здравомыслова Е.А. Гендерное гражданство и абортная культура // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине: сборник статей / под ред. Е. Здравомысловой и А. Тёмкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 108–135.
3. Коткин С. Говорить по-большевистски (из кн. Магнитная гора: Стalinизм как цивилизация) // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во Самарский университет. 2001. С. 254–270.

4. Лебина Н. «Навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин...» Абортная политика как зеркало советской социальной заботы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007. С. 228–241.
5. Хоффманн Д.Л. Возвращение масс: модерное государство и советский социализм, 1914–1939 / пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 422 с.
6. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. Л.Ю. Пантина. 2-е изд. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008.
7. ЦГА СПб. Ф. Р-2523. Оп. 9. Д. 1. Тройка по разрешению абортов при Троцком Уздревотделе.
8. ЦГА СПб. Ф. Р-2523. Оп. 9. Д. 11. Обabortах.

A.A. Помелова

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.А. Миклухо-Маклая РАН*

Отражение темы репродуктивного выбора и материнского опыта провинциальной российской горожанки начала 1990-х годов в материалах местных периодических изданий (на примере Владимирской, Рязанской и Ивановской областей)

События, происходившие в России в начале 1990-х годов, несомненно, оказывали влияние на все сферы жизни общества. Не могли они не коснуться и института семьи, а, в частности, репродуктивного и материнского поведения женщины. Смена политического режима в декабре 1991 г., ее предпосылки, а также серьезные экономические трансформации влекли за собой переосмысление нашими соотечественницами собственного отношения к рождению и воспитанию (возвращению) детей. Не стоит забывать так же об общей демократизации общественных взглядов, растущем темпе, как сексуального просвещения, так и сексуальной свободы.

Безусловно, образ жизни российской женщины в крупном городе, провинции и сельской местности значительно различались. Жительница провинциального города, о которой идет речь, была удалена от эпицентра «смены вех», однако, особенно остро ощущала на себе последствия «лихого» времени, как экономические,

так и социальные (совершенно пустые полки магазинов, неизвестность, ухудшение качества медицинского обслуживания, бытовая неустроенность и т.д.). Оценить эти последствия и пристально взглянуть на «женский» мир начала 1990-х годов невозможно без погружения в контекст, важным и неочевидным источником изучения которого выступает периодическая печать.

В ходе работы были изучены подшивки 17 периодических изданий, выходивших в 9 городах Владимирской, Ивановской и Рязанской областей за 1990–1995 гг. («Призыв», «Калейдоскоп», «Комсомольская искра» (г. Владимир), «Знамя труда», «Ковровские вести» (г. Ковров), «Гусевские вести» (г. Гусь-Хрустальный), «Ленинец», «Прямая речь», «Рабочий край» (г. Иваново), «Шуйянка», «Шуйские известия» (г. Шуя), «Приволжская правда» (г. Кинешма), «Приокская правда», «Рязанский комсомолец», «Вечерняя Рязань» (г. Рязань), «Скопинский вестник» (г. Скопин), «Мещерские вести» (г. Касимов)), а также избранные номера читаемых почти в каждом доме журналов «Работница» и «Крестьянка» за указанный период. Использованы материалы областных и городских библиотек, а также государственных архивов (ГАВО, ГАИО, ГАРО), электронных баз данных по периодическим изданиям. Сделана попытка найти и проанализировать публикации, затрагивающие тему женской телесности, репродуктивного выбора и репродуктивных установок, родов, материнства. Основным объектом изучения стали статьи и рубрики, отражающие социальный и бытовой контекст рассматриваемого времени.

За рассматриваемые 5 лет (1990–1995 гг.) прослеживается изменение содержания публикаций от превалирующей роли производственных вопросов и вопросов охраны здоровья/труда (что характерно для советской печати) к активному обсуждению психологии, духовных и «эзотерических» тем, телесности, сексуального просвещения.

Нами выявлено постепенное увеличение интереса местных СМИ к теме женского здоровья, планирования беременности и самим родам. При этом публикации часто приобретают детальность и особую «душевность». Начинают встречаться упоминания современной и традиционной родильной обрядности (например, «имянаречение»), примет, религиозных интерпретаций репродуктивного опыта. Все это позволяет в отрыве от советской

цензуры проследить важнейшие функции сохраняющихся ритуалов: «в том виде, как они представлены в традиционной культуре, и являясь важнейшим механизмом коллективной памяти и средством поддержания социального порядка» [1].

Благодаря тематическим статьям, «письмам в редакцию» и даже колонкам о купле/продаже мы можем составить представление о бытовой жизни, эмоциональном состоянии, «надеждах и чаяниях» матери одного, двух и более детей в указанную эпоху. Важность приобретают вопросы финансов, семейного бюджетирования, «дефицита» и борьбы с ним, активно обсуждается законодательство в области защиты материнства и детства, новые педагогические/материнские практики. Принимая во внимание типологию основных постсоветских «гендерных контрактов», предложенных А. Тёмкиной и А. Роткирх [4, с. 7], мы можем проследить, что адресатами публикаций одновременно являются и «работающие матери» и «домохозяйки с детьми».

На первый план выходят также проблемы репродуктивного выбора. Особо отметим, что в периодических изданиях небывающую остроту приобретает, активно обсуждается концепция «отказа от материнства/родительства». Отказ этот мог иметь разные формы, вполне социально одобряемые (планирование семьи, контрацепция и т.д.), а также негативно окрашенные (прерывание беременности на разных сроках) и даже девиантные (отказ от новорожденного ребенка). Вышеназванная тенденция отлично подтверждается статистическими данными по стране за 1991–1993 гг. [3]. Мы видим огромный рост показателей использования контрацептивов, повышение количества прерываний беременности, «отказников» в родильных домах. Вместе с волной отказа от материнства нам важно упомянуть о возникающем феномене т.н. «сожалеющего материнства», который отлично описала немецкая исследовательница К. Мундлюс [5], а также об увеличении доли «внебрачного материнства» [2].

И, хотя следует принять во внимание влияние на большинство рассматриваемых изданий идеологической ангажированности, остатков советской цензуры и редакционной политики, сведения, полученные при анализе публикаций, могут стать хорошей базой для дальнейшего изучения провинциальной родильной культуры раннего постсоветского периода.

Литература

1. *Белоусова Е.А.* Представления и верования, связанные с рождением ребенка: современная городская культура. Дисс... к.и.н. М., 1999.
2. *Бондарская Г.А.* Внебрачная рождаемость в Российской Федерации: динамика и перспективы // Женщина и свобода. М., 1994.
3. *Борисов В., Синельников А.* Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М., 1996.
4. *Тёмкина А., Роткирх А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11.
5. *Mundlos Ch.* When mother is not happy: the phenomenon Regretting Motherhood. Mvg.Verlag, 2015.

*А.А. Самуленкова, А.Ю. Конькова
Москва, Российский государственный
гуманитарный университет*

Материнство в системе нацистских лагерей: медицинские, социальные и культурные аспекты

Материнство в условиях концлагерей Третьего рейха является одной из актуальных проблем в контексте изучения истории Холокоста и Второй мировой войны. Трудность исследования состоит в объективном анализе эмоционально нагруженного материала. Актуальность исследования определяется большим интересом к женской истории, движению феминизма и многозначностью Второй мировой войны и Великой Отечественной войны в истории человечества. Цель исследования – установить, какие были особенности в социальном, культурном и репродуктивном положении женщин в условиях фашистских концлагерей.

Быт и повседневность женщин в условиях концлагерной системы Третьего рейха представляет собой комплекс антигуманых мер по унижению и уничтожению женщин. СС в концлагерях использовали не только национальный принцип стигматизации, но и каторжные работы, и медицинские эксперименты (программы эвтаназии, сексуальное насилие и т.д.), и психологическое

давление. Жизель Перл, бывшая узница концлагеря Аушвиц, вспоминает: «Однажды утром нам пришлось задрать наши лагерные юбки, чтобы проходившие мимо СС, смеясь, могли отобрать тех из нас, кто сгорит в огне наказания за испорченное лагерное имущество» [1, р. 33–34]. Эгер Е.Э., бывшая узница, балерина и психолог, вспоминала: «Была беременная женщина, которая каким-то образом попала в Аушвиц, а не была убита сразу же на распределении. Когда начались роды, эсэсовец связал ей ноги. Я не видела агонии страшнее» [3, с. 93].

Не меньший интерес представляет собой стигматизация женщин, и как она повлияла и трансформировала впоследствии внутрилагерные отношения. Северина Шмаглевская, бывшая узница Аушвица, которая впоследствии стала одним из обвинителей на Нюрнбергском процессе, писала в своих воспоминаниях: «Те, кто работают в отделе учета, «купаются» еженедельно. Каждой выдают по ведру горячей воды – в нем они моют голову и тело. Работающим вне лагеря эта привилегия недоступна. Работницы кухни – об их гигиене заботятся особо – время от времени купаются в цементных бассейнах, где обычно моют брюкву и картофель» [2, с. 63].

Во всемирной историографии только с 2010-х годов начали исследовать тему сексуального насилия над женщинами в концлагерях. В ходе Нюрнбергского процесса эта тема была табуирована. Анализ сексуального опыта женщин в условиях концлагерей и после освобождения из них, а также роды и воспитание детей требует привлечение специалистов из области психологии и психиатрии для объективного анализа и четкой дифференциации. Мы коснемся лишь воспоминаний женщин, которые уже рассказали о своем опыте миру: Эдит Евы Эгер, Северины Шмаглевской и других.

В отдельных медицинских блоках работали наравне с СС и узники, которые часто обладали медицинскими навыками, они же считались и привилегированной прослойкой – капо. На базе лазаретов и медблоков существовали лагерные подполья, которые в своих мемуарах описывали Даниил Кловский, Северина Шмаглевская, а также описание работы подполья можно встретить и в рассекреченных отчетах по освобождению лагерей. Мы обратимся к опубликованному отчету об освобождении концла-

геря Дахау, а также предпримем попытки поисках и других отчетов. В частности, женского концлагеря Равенсбрюк, который освобождала Красная Армия.

В качестве источников будут использованы опубликованные мемуары и воспоминания бывших узников нацистских концлагерей как на русском, так и на английских языках. Планируется привлечение неопубликованных архивных источников.

Список использованных источников:

1. *Perl G. I was a doctor in Auschwitz.* New York, 1948. 189 p.
2. *Шмаглевская С. Дым над Биркенау.* М., 1970. 289 с.
3. Эгер Е.Э. Выбор. М., 2024. 352 с.
4. *Women in the Holocaust / ed. by Ofer D., Weitzman L.J. Weitzman.* New Haven, 1998.

М.В. Сентябова

Красноярск, Красноярский государственный аграрный университет

Организация охраны материнского здоровья в экстремальных условиях Восточной Сибири 1950-х – 1960-х годов (на примере сельских районов Красноярского края).

С момента включения в состав Российской государства в XVII в. территория Восточной Сибири выступала как специфическая зона для проживания, особенно в сельской местности. В условиях сурогового резко континентального сибирского климата повседневная жизнь в сельских районах, где низкая плотность населения сочетались с крайне ограниченной транспортной инфраструктурой, приобретала экстремальные черты. Это неизбежно сказывалось на жизни женщин, в том числе в аспекте материнства.

На территории Восточной Сибири система охраны женского здоровья начинает создаваться в 1920-е годы, однако институциональная обеспеченность оказания акушерской помощи женщинам здесь имела меньшие объемы и возможности по сравнению с другими регионами [1, с. 35]. В послевоенный период Краснояр-

ский край вступает в период социальных трансформаций, связанных с ускорением процессов урбанизации и увеличения миграции населения, как из сельской местности в города, так и в пределы края из других регионов. В свою очередь, это оказывает существенное влияние на развитие системы учреждений охраны материнского здоровья.

В первой половине 1950-х годов сеть женского здравоохранения в сельских районах Красноярского края в количественном отношении переживает период расцвета. Если в 1950 г. здесь действовало 914 ФАП, то к 1955 г. это число вырастает до 1128. В селах края насчитывалось 47 женских консультаций и 54 колхозных родильных дома [6, с. 43; 2, л. 2]. Однако уже в 1960-е годы ситуация начинает меняться в противоположную сторону. Количество ФАП в крае продолжает расти: к 1960 г. их насчитывалось 1310, а к 1970 г. – уже 1368 [6, с. 43]. Однако количество коек, выделенных для беременных в сельских районах края сокращается с 1272 в 1955 г. до 903 в 1965 г. и до 853 в 1970 г., причем сильнее всего уменьшается количество коек в ФАП и колхозных роддомах – с 531 в 1965 г. до 297 в 1970 г. [2, л. 2; 5, л. 1]. Сокращается и количество женских консультаций: если в 1955 г. их было 47, то к 1960 г. остается 44, а к 1970 г. – уже 38 на 57 районов Красноярского края [2, л. 2; 3, л. 3; 5, л. 1].

Частично этот процесс можно связать с уменьшением доли сельского населения. Если в 1950 г. в Красноярском крае насчитывалось 1057 тыс. сельских жителей, что составляло 60% населения края, то к 1970 г. это число сократилось до 953,6 тыс. и 38% соответственно. Кроме того, концепция оказания медпомощи в СССР предполагала в случаях необходимости оказание высококвалифицированной медицинской помощи беременным женщинам и роженицам в городских больницах и роддомах. По мере расширения транспортной доступности роль ФАП и колхозных роддомов неизбежно должна была сокращаться. Так, к 1970 г. на ФАП и колхозные роддома Красноярского края приходилось только 2,5% родов [5, л. 8].

Такая система была очень требовательна к квалификации сотрудников ФАП и районных женских консультаций как первичного звена учреждений охраны материнского здоровья, ведь именно они отве-

чили за своевременную диагностику проблем протекания беременности и скорейшую передачу пациенток соответствующим специалистам. Однако состояние кадрового потенциала органов женского здравоохранения в сельских районах Красноярского края в исследуемый период было весьма далеким от идеала. Наиболее остро ощущалась нехватка врачей акушеров-гинекологов. В 1955 г. не хватало врачей в 16 районах Красноярского края [2, л. 1]. К 1965 г. нехватка акушеров-гинекологов наблюдалась в Ирбейском, Курагинском, Туруханском, Казачинском районах, в селах Хакасии и Эвенкии [4, л. 7]. К 1970 г. в сельских районах края укомплектованность акушерами-гинекологами без учета совместительства составляла только 43%. В 21 районе работал один акушер-гинеколог на район. В 8 районах их не было вовсе. 4,3% ФАП пустовало из-за отсутствия сотрудников [5, л. 5].

Это неизбежно сказывалось на показателях работы ФАП, районных женских консультаций и роддомов. На протяжении всего исследуемого периода охват медицинским наблюдением женщин на ранних сроках беременности в сельской местности края был существенно ниже, чем в городах. В 1955 г. этот показатель составлял 37%, а в отдельных районах – от 20 до 24% [2, лл. 4–5]. К 1960 г. цифры вырастают до 45,9%, а к 1970 г. – до 61,8%, что было на 3,3 процентных пункта меньше, чем в городах [4, л. 9; 5, л. 7].

В сельских районах края чаще, чем в городах встречались проблемы с оказанием медицинской помощи при родах. В 1955 г. в отдельных районах края – Ермаковском, Ирбейском, Аскизском и т.д. – от 10 до 19% родов происходили без присутствия медицинских работников. К 1960 г. это количество сокращается до 0,2%, прежде всего за счет повышения транспортной доступности отдаленных территорий [2, лл. 6–7; 3, л. 15–16]. Что же касается родовспоможения в стационаре, то к 1960 г. свыше 30% родов в Красноярском крае проходили вне медицинских учреждений. Даже в 1970 г. в почти 2% случаев родов в отдаленных районах края доставить врача или фельдшера к роженице было проще, чем везти ее в ФАП или роддом [4, л. 10, 5, л. 8].

Все это непосредственно влияло на показатель материнской смертности. Если за 1960-е годы в городах Красноярского края материнская смертность сократилась с 8,6 на 10 000 родов в 1960 г. до

4,8 в 1970 г., то в сельских районах края меняется не значительно: от 8,7 на 10 000 родов в 1960 г. до 8,3 в 1970 г. [4, л. 11; 5, л. 9].

Таким образом, несмотря на количественный рост, нехватка квалифицированных медицинских кадров в ФАП и районных женских консультациях приводила к тому, что качество медицинской помощи матерям в сельских районах Красноярского края существенно отставало от городского уровня. В условиях сурового климата, низкой плотности населения и проблем с транспортной инфраструктурой это неизбежно превращало процесс родов в экстремальный опыт для многих сельских женщин.

Работа выполнена по бюджетной теме FWZM-2025-0002 Факторы стабилизации региональной семейно-демографической системы: ретроспективный анализ (конец XIX – первая четверть XXI вв.).

Источники и литература

1. Афанасова Е.Н. Реализация социальной политики Советского государства в области охраны материнства и детства в 1920–1930-е гг. (по материалам Восточной Сибири): автореф. дис... д.и.н. Улан-Удэ, 2020. 50 с.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1384. Оп. 4. Д. 109.
3. ГАКК. Ф. Р-1384. Оп. 4. Д. 266.
4. ГАКК. Ф. Р-1384. Оп. 4. Д. 322.
5. ГАКК. Ф. Р-1384. Оп. 4. Д. 459.
6. Красноярскому краю – 85. Статистический сборник. Красноярск, 2019. 128 с.

П.И. Гайдаржи, М. Попович
Москва, Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Защита репродуктивных прав женщин в деятельности международных органов через призму Российской Федерации

Научный интерес обусловлен развитием репродуктивных прав, которые вызывают много споров даже среди ведущих специалистов. Например, Е.В. Перевозчикова их относит к личным

правам [5, с. 17], а М.А. Лаврик выделяет соматические права как отдельное поколение прав [1, с. 71], включающее репродуктивные. Исходя из этого, возникает много вопросов в сфере регулирования этого вида прав, поэтому стоит подробнее проанализировать данный вопрос.

Вопрос репродуктивных прав женщин зачастую рассматривается в нескольких плоскостях: медицинской, правовой и этической. Международное сообщество, начиная с середины XX в., выработало обширную систему норм и рекомендаций по защите репродуктивных прав, опираясь на универсальные ценности права человека. Однако реализация этих прав на национальном уровне сталкивается с различными вызовами. Российская Федерация, являясь участницей ключевых международных договоров, провозглашает в Конституции защиту прав человека, включая права женщин, однако в сфере репродуктивных прав сохраняется ряд проблем, требующих комплексного анализа. Целью настоящей работы является изучение того, как международные органы защищают репродуктивные права женщин и насколько эффективно это реализуется в практике Российской Федерации.

Первостепенно стоит рассмотреть понятийно-категориальный аппарат: Международная конференция по народонаселению и развитию (далее – Международная конференция) провела огромную работу над выявлением критерий и терминологических особенностей при определении понятия «репродуктивные права». Следовательно, можно привести именно столько проработанное определение: «Репродуктивное здоровье – это состояние полного физического, умственного и социального благополучия, а не просто отсутствие болезней или недугов во всех вопросах, касающихся репродуктивной системы и ее функций и процессов». Международная конференция также указала, что репродуктивные права базируются на доступе к информации по вопросам половой жизни, возможности пользоваться доступными и безопасными методами планирования семьи и деторождения, причем делается акцент на развитие системы медицинских услуг, необходимых для ранее сказанного.

Репродуктивные права охватывают большой перечень вопросов, среди которых крайне актуальны:

- Право на доступ к качественной медицинской помощи – на данный момент государства и даже отдельные регионы мира находятся на грани в вопросе обеспечения женщинам качественной помощи во время родов и беременности, именно поэтому мировое сообщество обеспокоено медицинским беспределом и отсутствием специалистов и условий для проведения такой помощи.
- Право на законный аборт – на данный момент мировое сообщество крайне обеспокоено тем, что ряд государств осуществляет уголовное преследование за процедуру абортов, тем самым ставя под угрозу здоровье женщин и их право на распоряжение своим телом. Далее данная проблема будет более подробно освещена [2].
- Право на информацию – данный вопрос крайне актуален в современных реалиях, поскольку информирование о доступных средствах контрацепции, планирования семьи и тому подобное крайне затруднено в ряде стран.
- Право на защиту от дискриминации – можно отнести такой щепетильный вопрос как калечащие операции на женские половые органы, приносящие излишние страдания женщинам по всему миру.

Исходя из этого, далее стоит рассмотреть подходы к защите репродуктивных прав в рамках международных организаций. В рамках международного права выделяют три основных подхода:

1. Правозащитный подход – это подход, делающий акцент на восприятие репродуктивных прав как неотъемлемой части прав человека, которые закреплены в международных актах, в частности, основополагающих договорах. Основным проявлением работы данного подхода является Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., на основании которой работает договорный орган - Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, а также Совет по правам человека ООН и его механизм Универсального периодического обзора, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам [4].

2. Публично-здравоохранительный подход базируется на создании доступной и эффективной информации и медицинских услуг. Данный подход крайне важен в контексте распространения информации и создания безопасного пространства для женщин,

желающих получит помощь. Проявлением данного подхода является работа ВОЗ, ЮНИСЕФ и многих других организаций, которые занимаются просветительской деятельностью.

3. Гендерно-ориентированный подход – подход, наделенный некой спецификой, в силу которой могут осуществлять большую координацию и реализацию вопросов, касающихся прав женщин, поскольку именно данный подход реализуется через призму оценку дискриминации и неравенства женщин. Проявлением является Пекинская платформа действий 1995 года, Цели устойчивого развития и многое другое.

Исходя из вышесказанного, следует рассмотреть реализацию данных подходов в Российской Федерации.

Во-первых, стоит отметить, что Российской Федерации подписала и ратифицировала Конвенцию о ликвидации дискриминации в отношении женщин 1979 г., подкрепив свою заинтересованность активным сотрудничеством с одноименным договорным органом через ратификацию Факультативного протокола 1999 г., позволяющего женщинам подавать жалобы в ООН, а также подписала и ратифицировала Международный пакт о социальных и экономических правах 1966 г., который закрепляет право на здоровье непосредственно.

Заключительные замечания по девятому периодическому докладу Российской Федерации Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин (2021 г.) также подчеркнули активную и эффективную работу РФ в правах женщин, в том числе, и репродуктивных [3, с. 2].

Говоря про публично-здравоохранительный подход, нельзя не отметить высокопрогрессивный вклад Российской Федерации в репродуктивные права: наличие бесплатного консультирования, ведения и курирование беременности в рамках ОМС, большое количество перинатальных центров и иных механизмов, способствующих улучшению репродуктивных прав женщин. Кроме того, в рамках ОМС есть возможность сделать ЭКО, что крайне прогрессивно в целях помочи женщинам со стороны государства. Однако доклад CEDAW в 2021 г. [3, с. 7] отметил некую критику национальных мер по повышению рождаемости: введение дней раздумий перед

абортом, запрет абортов в частных клиниках в некоторых регионах. Тем не менее, данные меры не носят усугубляющий характер, поскольку не позволяют допустить халатности.

Вышеперечисленные подходы осуществляются непосредственно в связи с гендерно-ориентированным подходом, поскольку Российская Федерация принимает активное участие как на международной арене, так и на национальном уровне в вопросе прав женщин, и, в частности, в репродуктивных. Тем не менее, к данному подходу наибольшая критика в силу отсутствия полового воспитания в школах, отсутствие закона о домашнем насилие и многое другое, однако данная критика обоснована стремление мирового сообщества к унификации подходов.

Подводя итог, можно отметить, что Россия демонстрирует активную политику в области защиты репродуктивного здоровья и прав женщин, прежде всего через реализацию публично-здравоохранительного подхода, уделяя особое внимание снижению материнской и младенческой смертности, а также повышению качества и доступности медицинской помощи во всех регионах страны. В то же время сохраняются отдельные вызовы, связанные с необходимостью дальнейшего развития просвещения, равного доступа к услугам в отдаленных регионах и совершенствования правовых механизмов защиты уязвимых категорий женщин. В целом Россия демонстрирует приверженность международным стандартам в области репродуктивного здоровья и стремится к балансу между охраной здоровья нации и уважением прав и свобод граждан.

Литература

1. Абашидзе А.А. Новое поколение прав человека: соматические права // Моск. журн. междунар. права. 2009. № 1. С. 71.
2. Всемирная организация здравоохранения. Аборт: информационный бюллетень. 17 мая 2024 г. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/abortion> (дата обращения: 30.04.2025).
3. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Заключительные замечания по 9-му периодическому докладу Российской Федерации. CEDAW/C/RUS/CO/9. 2021. URL: <https://docs.un.org/ru/CEDAW/C/RUS/CO/9> (дата обращения: 30.04.2025).
4. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. Подход, основанный на правах человека, к охране материнского здоровья.

URL: <https://www.ohchr.org/ru/women/human-rights-based-approach-maternal-health> (дата обращения: 30.04.2025).

5. Перевозчикова Е.В. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека: дис... к.ю.н.: 12.00.02. Казань, 2006.

Е.А. Сорокина

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

**Социально-экономический контекст
репродуктивного здоровья женщин. Шведский кейс**

Матери и дети, их рождение и воспитание – важнейший социальный феномен и проявление преемственности поколений на протяжении многих веков всегда находится в центре внимания социума и семьи. Традиционно помочь при родах оказывали повивальные бабки (*barnmorska*), имевшие необходимые медицинские знания. Еще в 1708 г. в Стокгольме было создано специальное учебное учреждение [2, с. 21]. Впоследствии на специальных курсах при церковных приходах стали готовить акушерок, которые пользовались особым уважением и вниманием всего приходского общества. Специальные подразделения по родовспоможению стали создаваться уже значительно позднее, в начале XX в. при крупных госпиталях. Существовали они для сложных случаев, когда требовалась высококвалифицированная медицинская помощь. Также там могли рожать одинокие матери (не состоящие в браке). Нередко это были молоденькие девушки из шведских сельских районов, нашедшие работу на фабричных производствах или в частных богатых домах (прислугой). Уже в первой прошлого века домашние роды уступили место родам в специализированных родильных учреждениях, при госпиталях или в частных клиниках, что способствовало сокращению случаев неудачных родов. Этому содействовало и успешное развитие экономики, расширение транспортной и дорожной инфраструктуры, что позволяло добираться в больницы из самых дальних районов страны.

С середины XIX в. в Швеции проходила индустриальная революция. Помимо массового перехода к машинному труду, развитию фабричного производства отмечались изменения социальной структуры страны, происходило постепенное сокращение доли

сельского населения, отмечались перемены в структуре традиционной семьи и отношении общества к одиноким матерям. Вопросы женского репродуктивного здоровья шведок целесообразно рассматривать в контексте социально-экономических и политических трансформаций страны конца XIX – начала XX в. Ранее, еще в XVIII в. женщины активно и успешно участвовали в деятельности купеческих гильдий, широко распространенных в портах крупной морской державы Швеции. Во второй половине XIX в. в стране уже действовали несколько добровольных женских организаций разного толка – филантропические, религиозные, позднее феминистские. Важное значение для укрепления положения женщин имело и введение в стране в 1842 г. бесплатного обязательного государственного школьного образования, впервые в мире.

Женщины-активистки (еще в конце XIX в.) стремились привлечь внимание общественности и властей ко многим повседневным проблемам и вопросам, в том числе – к нелегкому материальному положению молодых матерей-работниц с малышами. В 1909 г. шведки получили право участия и выборов в муниципальные органы власти, а в 1921 г. они уже смогли принять участие и в выборах в парламент страны, т.к. вступил в действие Закон о всеобщем избирательном праве. Всю первую половину XX в. шведки выступали за равные права с мужчинами во всех сферах жизни (рынок труда и зарплаты, равный доступ к профессиям и к образованию). Они привлекали внимание властей страны к повседневным проблемам женщин и к положению молодых матерей и их маленьких детей, к необходимости поддержания здоровья женщин и молодого поколения в целом.

В самом начале XX в. в Швеции был принят Закон об охране труда, фиксирующий некоторые права молодых матерей. Тогда же был введен 4-недельный, но неоплачиваемый, послеродовой отпуск для работниц. Вопрос укрепления материального положения молодых матерей стоял остро [1, с. 280]. К 1930-м годам необходимость увеличение численности населения страны стало актуальной задачей государственной политики и важной демографической задачей. В стране проходили широкие публичные дебаты по вопросам демографии, увеличению рождаемости, социальному и экономическому положению и здоровью молодых матерей, состоянию

здоровья малышей. В связи с проблемами депопуляции актуализировалась тема репродуктивной политики [3, с. 71].

Репродуктивное здоровье шведских женщин и репродуктивную политику властей надо рассматривать как часть общей актуальной медико-социальной стратегии в конкретном социально-политическом контексте. В стране существовала исключительно нелегальная практика прерывания беременности, без медицинского участия и сопровождения. Такого рода манипуляции впрямую подпадали под действие ряда статьей шведского уголовного законодательства. Важным шагом социальной политики властей для женщин-работниц стало принятие и введение в повседневную практику Закона о страховании по беременности и родам, по которому молодые матери получили право на определенные выплаты и пособия. В 1938 г. в интересах сохранения женского здоровья был принят Закон о легализации абортов, по которому тогда разрешалось проводить эту процедуру (исключительно по медицинским и гуманитарным причинам и показаниям, наличие угрозы для жизни матери или ребенка, серьезное заболевание или криминальные причины – изнасилование). Принятие закона стало первым шагом к формированию паттернов по выбору женщинами собственного репродуктивного поведения в зависимости от социальных, материальных, финансовых обстоятельств жизни женщины и будущего ребенка. В 1946 г. в данный существующий закон были внесены дополнения, в частности, о включении медико-социальных показаний в качестве возможной причины применения закона. Проводимая шведскими властями социальная «семейная» политика была довольно эффективным социальным инструментом поддержки женщин и детей, семей в целом. С различными дополнениями и изменениями эти законы действуют и по сей день.

Вопросы деторождения, важной роли матерей для полноценного развития малыша всегда находили свое проявление в традиционной культуре, народных традициях, обрядах и поверьях. Успешное решение демографических задач воспроизводства населения страны во все времена являлось важным для государства и властей [4]. Воспитание и социализация детей, оказание поддержки матерям и семьям, решение демографических задач – существенная часть шведской социал-демократической государственной док-

трины социальной «семейной» политики и репродуктивной стратегии властей. Изучение многообразных аспектов повседневной жизни шведок (семейной, рабочей, профессиональной, женской), в том числе и касающихся здоровья, является релевантной задачей при анализе социокультурных явлений и процессов в контексте конкретных социально-экономических условий, политики и практики властей страны. Отметим, что еще с 1930-х годов, довоенного периода в Европе, в Швеции началось становление и формирование государственной репродуктивной политики. Постепенно фокусирование этой обширной программы сосредотачивалось на вопросах не только состояния здоровья женщины и малыша с точки зрения медицины, но и на поисках и актуализации социальных и экономических перспектив ее реализации.

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Литература

1. *Мисгельд К., Мулин К., Омарк К.* Создавая социальную демократию: 100 лет социал-демократической рабочей партии Швеции. М.: Весь мир, 2001.
2. *Hagberg L.* Seder och tro vid märkertillfällena i barnets liv. Livets högtider // Nordisk kultur / Utg-av S. Erixon. Stockholm, 1949. T. XX.
3. *Kälvemark A.-S.* Kommer familjen att överleva? Historiska aspekter påäktenskap och familj i det svenska smahället, Den ut Satta familjen: liv, arbete och samlevnad i olika nordiska miljöer under de senaste ivåhundra åren / Norman H. (ed.). Stockholm: LT, 1983.
4. *Myrdal G., Myrdal A.* Kris i befolkningssfrågan. Nya Doxa, 1997. 332 s.

П.П. Щербинин

Тамбов, Тамбовский государственный
университет им. Г.Р. Державина

Женская повседневность в период войн и военных конфликтов в XX в. сквозь призму посттравматического стрессового расстройства (ПТСР)

Войны и военные конфликты XX в. оказывали мощное тотальное воздействие на все стороны жизни населения отечественного

социума, порождая экономические потрясения и кризисы, социально-культурные и этноконфессиональные трансформации, общественно-политические и мировоззренческие перемены, формировали особый тип повседневности в условиях милитаризации сознания, нестабильности бытового уклада, в том числе травматизации и турбулентности повседневно-бытовой реальности россиян и россиянок. Примечательно, что в исторической науке и общественном восприятии сложился привычный нарратив мужественности, подвигов и героизма мужской когорты населения страны, значительная часть которой встала на защиту Отечества на полях сражений, понесла тяжелые демографические потери и катастрофы в период мировых войн XX в., а также военных кампаний данного хронологического периода [2, с. 30].

Важно заметить, что наиболее травматизирующие, шокирующие и катастрофические воздействия оказал военный фактор и события войн XX в. на женскую повседневность как на фронте, так и в тылу. Женщины ощутили на себе в полном объеме не только демографические последствия для семейно-брачных отношений гибели родных и близких мужчин (отцов, мужей, сыновей и потенциальных женихов), но и угрозы для физического здоровья (болезни, недостаточное питание, перегрузки на работе, сокращение медицинского обеспечения и пр.) и ментально-психические потрясения (переживания за детей, родных, ушедших на войну, панические настроения, слухи и предрассудки).

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) было не только уделом мужчин в условиях боевых действий, но и явным проявлением гендерного равноправия, когда женщины на фронте и в тылу вполне ощутили на себе воздействие этого феномена [7, с. 165]. Вполне очевидно, что абсолютное большинство современников, живших в эпохи военных конфликтов и в условиях военной повседневности, страдали не столько от увечий и боевых ранений и травм, перенося различные инфекционные, простудные и другие заболеваний, но получали мощные нервно-психические, а также стрессовые потрясения, которые вызывали очевидную симптоматику ПТСР, сохраняющуюся потом на многие десятилетия послевоенной мирной жизни. Этот опыт повседневности войн XX в. стоит учитывать и сегодня в условиях специальной военной операции (СВО) в Российской Федерации. Необходимо

уточнить проблемные вопросы и перспективы изучения такого женского военного опыта сквозь призму социокультурных, этно-конфессиональных, психоэмоциональных, семейно-брачных, общественно-идеологических, медико-социальных аспектов. Представляется возможным и важным привлечение нового пласта исторических источников (медицинских отчетов, статистики женской заболеваемости, тактики лечения и пр.), то есть реконструкция женской военной повседневности может быть проведена на основе медицинских первичных документов (прочтение военного опыта и изучение послевоенной жизни россиянок через медико-санитарные информационные поля).

Предлагаемые направления для изучения данной темы путем анализа ПТРС женщин в годы войн XX в.:

1) рассмотрение особенностей военного опыта женщин на фронте, как ушедших добровольно, так и мобилизованных в ряды вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., и их психологического состояния после ранений, заболеваний, а также мужского принуждения (военно-полевые жены, попытки изнасилования, «репутационные клише»);

2) женщины, пережившие оккупацию, их послевоенные судьбы и трагический опыт, в том числе клеймо имевшей контакты с неприятелем и подозрения о возможном предательстве и связи с врагами;

3) женщины блокадного Ленинграда и их психо-ментальное состояние после тяжелейшего выживания в условиях голода и заболеваемости [11], массовой гибели социального окружения от болезней и бомбёжек;

4) настроения и психические травмы женщин тыловых регионов Российской империи [6] и СССР, когда тотальными являлись трудовые повинности и перегрузки, недостаток питания, забота о детях и близких в условиях дефицита самого необходимого, тревоги и волнения о родных, защищавших Родину;

5) изучение психической заболеваемости женщин на фронте и в тылу [10], особенностей лечения и реабилитации, а также возможностей адаптации женщин – ветеранов боевых действий в условиях послевоенной жизни;

6) рассмотрение «афганского синдрома» у женщин-военнослужащих, а также анализ семейных историй и частной жизни таких

ветеранов, уточнение их настроений и психологического состояния в мирных условиях после возвращения на Родину;

7) как влияли этноконфессиональные и социокультурные, этнические традиции женского окружения на состояние их психического здоровья в военные и послевоенные годы;

8) каковы были проявления девиантного поведения женщин ветеранов войн в послевоенный период (проявлений женской преступности, алкоголизма и наркомании, проституции и нищенства). Как власти реагировали на подобные проявления женского ПТСР;

9) насколько эффективными были методы лечения и последующей реабилитации, а также социализации и адаптации женщин, переживших войну, в условиях советской и постсоветской медицины, а также особого общественного восприятия проявлений у женщин посттравматического стрессового расстройства;

10) насколько сопоставим опыт ПТСР у женщин воюющих государств в XX в. и каким образом происходило лечение таких современниц войны на разных хронологических отрезках;

11) каким образом может быть востребован опыт работы с женщинами, страдавшими в ПТСР в XX в. [9], в условиях современной специальной военной операции (СВО).

Вполне очевидно, что данная проблематика является актуальной и востребованной в современной исторической науке при использовании методологии и гендерной истории, истории повседневности, частной жизни, устной истории, привлечении традиций и новейших концептуальных подходов отечественного и зарубежного исторического сообщества в добром историографическом и источниковедческом наполнении. Заслуживают особого внимания и имеющиеся работы по военной психологии [4] и психиатрии [5] отечественных [8] и зарубежных историков [12], специалистов по проблемам ПТСР [1, 3].

Являются перспективными и возможности межрегиональных компаративистских исследовательских проектов по предложенной проблематике с привлечением историков медицины, специалистов по военной антропологии, этнологии, социологии, регионоведению и другим смежным дисциплинам, которые были бы очень полезны при изучении медико-социальных аспектов ПТСР у женщин в условиях военной и послевоенной повседневности.

Таким образом, осмысление и исследование различных сюжетов женской военной повседневности сквозь призму проявлений ПТСР, а также его лечения и реабилитации в XX в. (русско-японской войны 1904–1905 гг., Первой (1914–1918 гг.) и Второй (1939–1945 гг.) мировых войн, Афганской войны (1979–1989 гг.), способно помочь в реконструкции неизвестных и малоизученных страниц развития женского социума, в том числе особенностей межконфессионального, социокультурного, общественно-политического, медико-социального и социально-правового положения женщин в Российской империи, СССР и постсоветской России.

Источники и литература

1. Александров Е., Александрова Н. Психотерапия ПТСР у комбатантов. СПб., 2024. 270 с.
2. Дьячков В.Л. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. и социально-демографическое развитие Тамбовской области. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. 190 с.
3. Козлов В.В., Бубеев Ю.А., Власов Н.А. Психология и феноменология посттравматического стрессового расстройства. М., 2022. 248 с.
4. Кольцова В.А. Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 2006.
5. Лобастов О.С. Организация психиатрической (психоневрологической) помощи в Советской Армии в военное время // Военная психиатрия / под ред. Ф.И. Иванова. Л., 1974. С. 386–411.
6. Пушкирева Н., Щербинин П. Из истории признания семейных чинов запаса в годы войн начала XX в. // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в. / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005. С. 204–225.
7. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999.
8. Щербинин П.П. Особенности лечения и реабилитации военных ветеранов, страдавших психическим заболеванием, в Черноземном центре в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Власть и общество: вопросы взаимодействия в прошлом и настоящем: материалы 18 Всеросс. научн. конф. (Воронеж, 2 февраля 2024 г.). Воронеж, 2024. С. 169–173.
9. Щербинин П.П. Опыт и традиции лечения и реабилитации участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в условиях СВО // Материалы Всеросс. научно-практ. конф., посвященной 80-летию Победы в

- Великой Отечественной войне: «80 лет Победы: историческая память и преемственность поколений» / под. ред. Т.А. Шебзуховой, А.А. Вартумяна, А.А. Похилько. Пятигорск: Изд-во ПИ (филиал) СКФУ, 2025. С. 50–55.
10. Чаплина М.П. Особенности невротических реакций у женщин, связанные с военным временем // Вопросы клинической психоневрологии. Т. VIII / под общ. ред. Е.К. Краснушкина. М.: Московская областная невропсихиатрическая клиника, 1946. С. 57–62.
 11. Хвиливицкая И.Ф. Первичная психическая заболеваемость в Ленинграде в период войны, блокады и послевоенное время // Советская невропсихиатрия. 1948. Сб. 7. С. 23–36.
 12. Wanke P. Russian/Soviet military psychiatry, 1904–1945. London; New York: Cass, 2005. 145 p.

3.Р. Хабибуллина

*Уфа, Институт этнологических исследований
им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального
исследовательского центра РАН*

**Переживание незапланированной беременности
современными российскими мусульманками
(способы адаптации и убеждение сохранить ребенка)**

Незапланированная беременность представляет собой серьезную проблему для женщин по всему миру, включая страны с мусульманским населением. Она может возникнуть по различным причинам, включая недостаток информации о методах контрацепции, отсутствие доступа к медицинским услугам и влияние культурных норм. Многие мусульманские женщины сталкиваются с ограничениями в доступе к информации о репродуктивном здоровье из-за социальных и религиозных табу.

С развитием интернета и мобильных технологий появилась возможность получать информацию о репродуктивном здоровье через цифровые платформы. В данном докладе рассматривается, как мусульманские женщины используют цифровые ресурсы для получения информации о незапланированной беременности и методах отказа от абортов, а также какие культурные и религиозные аспекты влияют на их выбор.

Социальные сети, блоги и специализированные веб-сайты стали важными источниками информации. Платформы, такие как Вконтакте, Facebook* и Instagram*, предоставляют пространство для обсуждения проблем, связанных с незапланированной беременностью. Женщины могут делиться опытом, искать поддержку и получать советы от других пользователей. Некоторые ресурсы предлагают анонимные консультации с медицинскими специалистами, а также онлайн-курсы и вебинары по вопросам репродуктивного здоровья.

В контексте исламского учения аборт является этически сложным вопросом. Мусульмане верят, что жизнь начинается с момента зачатия, что влияет на их отношение к аборту. Многие считают его недопустимым, однако существуют различные интерпретации исламских текстов, допускающие исключения в случае угрозы жизни матери или серьезных аномалий плода.

Несмотря на растущее влияние цифровых технологий, культурные и религиозные барьеры продолжают оказывать значительное влияние на выбор женщин. Образовательные инициативы и поддержка сообществ могут сыграть важную роль в улучшении доступа к информации и помощи для женщин, сталкивающихся с этой проблемой.

Для сокращения числа незапланированных беременностей необходимы меры, такие как улучшение доступа к информации и услугам по планированию семьи, а также развитие образовательных программ с учетом культурных особенностей мусульманских женщин. Использование цифровых технологий может значительно улучшить ситуацию, предоставляя необходимые знания и поддержку для принятия обоснованных решений.

Онлайн-сообщества способствуют взаимной поддержке женщин в сложных ситуациях. Улучшение доступа к медицинским услугам и создание платформ для онлайн-консультаций с медицинскими специалистами по вопросам репродуктивного здоровья со стороны мусульманского сообщества могут помочь женщинам принимать обоснованные решения относительно незапланированной беременности.

* МЕТА* (Facebook и Instagram) внесена в реестр экстремистов и террористов Росфинмониторинга и запрещена в России.

Л.И. Щербич
Москва, Военно-медицинский журнал

Репродуктивное поведение женщин в периоды трансформаций и категория домохозяйства

Современная демографическая картина мира, трансформируемая в течение нескольких десятков лет, отражает стабильное сокращение количества в составе домохозяйств коренных жителей Европы и России. Учет домохозяйств обусловлен общемировой практикой переписей населения, которая к признакам домохозяйства относит совместное проживание и ведение хозяйства, общий бюджет.

В домохозяйства могут входить разные поколения людей, проживающих в одной квартире или доме и ведущих раздельные хозяйства. Даже один человек может быть учтен как отдельное домохозяйство. Домохозяйства бывают также коллективными: приюты и др.

Статистика домохозяйств отражает все важнейшие демографические процессы: рождаемость и смертность, число браков и разводов, миграцию и пр. В развитых странах мира и в России идет непрерывный процесс дробления и изменения домохозяйств, на уровне домохозяйств принимаются решения о рождении детей, вступлении в брак или разводе, переезде на новое место жительства, обучении, сбережении или тратах доходов, выборе сферы и видов деятельности.

Процессы трансформации домохозяйств могут влиять на рост или сокращение численности человек в них. Современные тенденции состоят в сокращении числа человек в домохозяйствах с трех и более до одного. Этот процесс характерен для России и др. европейских стран. Семья, как самостоятельное домохозяйство наиболее точно отражает социальную реальность и остается основным структурообразующим элементом домохозяйства. Семья является отдельным семейным домохозяйством, построенным на удовлетворении семейных потребностей, производящим в процессе домашнего труда продукты совместной деятельности и потребления, проживающим в одном жилище, создающим условия

для физического, психического, экономического, социокультурного развития, реализующим репродуктивные функции рождения детей и их воспитания.

Тенденция к сокращению численности семейных домохозяйств характерна не только для России. В сокращении численности членов семьи играет роль выбор моделей репродуктивного поведения в зависимости от потребности в детях.

В российской, советской и постсоветской (современной российской) истории динамично менялось отношение к репродуктивному поведению. В первой четверти XXI в. большинство стран мира коснулась проблема дефицита квалифицированных рабочих кадров. Однако в России эта проблема усугубилась еще и проблемой дефицита трудоспособного населения в целом. К такому положению привело то, что в 1990-е годы в России наблюдалась диспропорция в рождении детей по сравнению со смертностью и старением старших поколений.

Эта диспропорция сложилась на протяжении длительного времени, включающего потери населения страны в годы Первой мировой и Гражданской войн, эмиграции в революционное и послереволюционное время, голода начала 1920-х (Поволжье) и 1930-х годов (Поволжье, Дон, Кубань, Украина, Казахстан, часть Сибири и др.), потери населения в годы Великой Отечественной войны (смертность, принудительная миграция, репрессии), сложности послевоенного времени, вызвавшиеся в болезнях вернувшихся с фронтов и голоде 1946–1947 гг. Общие потери населения за все перечисленные периоды составили около 50 млн человек, основная часть из которых – гражданское население.

Особенно большой урон нанесла Великая Отечественная война и последующие события, приведшие к колossalным людским потерям, способствовавшим появлению эффекта «демографической ямы».

Процессы убыли населения обусловлены также проблемами репродуктивного здоровья и репродуктивного поведения.

Со времен Древней Руси до революции в России аборты председавались и Церковью, и светской властью, за них накладывалась епитимья, они законодательно запрещались властями и наказывались не только женщины, но и те, кто производил аборты. В начале XX в. было рекомендовано исключить наказание женщин,

а к уголовной ответственности привлекать только врачей, сделавших аборт в сугубо корыстных целях. В революционные годы законодательно abortное дело никак не регламентировалось.

Впервые аборты стали легальными по постановлению наркомата от 1920 г. «Об искусственном прерывании беременности». Но быстрый рост числа абортов привел в 1926 г. к принятию постановления о запрещении абортов для впервые забеременевших женщин, а также для тех, кто делал эту операцию менее полугода назад. С 1930 г. прерывание беременности стало платным, стоимость абортов порой достигала половины и даже больше заработка женщины. Запрет абортов привел к их криминализации и увеличению случаев самостоятельного или нелегального прерывания беременности, поэтому статистика численности абортов не совсем достоверна. Восстановление числа рождений началось с середины 1945 г., и к 1955 г. оно достигло 3 млн.

«Хрущевская оттепель» породила иное отношение к абортам, чем при Сталине. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене запрещения абортов», принятый по настойчивой просьбе министра здравоохранения М.Д. Ковригиной, разрешил прерывать беременность женщинам независимо от медицинских показаний. Число абортов стремительно выросло: с 1,9 млн в 1954 до 7,4 млн в 1961 г. С 1962 г. аборты стали бесплатными и достигли в среднем 8 млн в год [1].

«Если считать современными поколениями – по 20 лет, – то первая “демографическая яма”, которая была в Советском Союзе, как раз пришлась на 1960-е годы» [3]. Динамика общих показателей рождаемости и суммарных коэффициентов свидетельствует о наступлении малодетности уже к середине XX в. Итак, ко второй половине XX в. в стране почти полностью завершился демографический переход. В большинстве регионов сузилось воспроизведение населения. И в 1980-е годы образовалась еще одна «яма».

На ельцинские годы пришелся катастрофический рост смертности и снижение рождаемости. «Яма» 1990-х – прямое следствие этих реформ [3].

Эффект первой «демографической ямы» был глубже, но «яма» конца 1980-х–1990-х годов масштабнее по числу россиян, не родившихся в результате катастрофического спада рождаемости в конце XX в.

В 1990 г. в РСФСР было зарегистрировано 3,92 млн абортов, а после число абортов стало снижаться. В 1999 г. было проведено около 2 млн абортов (по данным Минздрава и Росстата). Количество абортов относительно родов в середине 1990-х годов выросло до 235 абортов на 100 родов в 1993 г. и начало снижаться. Исследователи объясняют эти изменения в постсоветские годы тем, что семьи начали больше внимания уделять планированию семьи, и реже прибегать к прерыванию беременности [2].

Полагаю, что необходима разработка реальных мер содействия в выборе моделей репродуктивного поведения молодежи России посредством стимулирования потребности в детях. Это позволит преодолеть катастрофу с дефицитом трудоспособного населения в отдаленной перспективе.

Литература

1. *Лабыкин А.* АбORTы: от Древней Руси до современной России // Монокль. URL: <https://monocle.ru/monocle/2023/07/aborty-ot-drevney-rusi-do-sovremennoy-rossii/>
2. *Спицын Е.* Сравнение 90-х с войной – это не фигура речи // ИА «Накануне.RU». URL: <https://www.nakanune.ru/articles/112993/?ysclid=mafswbfo7m803168568>
3. От смертной казни до легализации: как в России запрещали абORTы и к чему это приводило // ИА «ФедералПресс». URL: <https://fedpress.ru/article/3284039>

Научное издание

**Женщины и мужчины в экстремальной повседневности
народов России и мира
Часть 1**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Ответственный редактор: проф. Н.Л. Пушкарева

Редакторы: *Е.А. Юрина, Т.В. Царёва*
Художник: *Е.В. Орлова*
Компьютерная верстка: *Е.А. Юрина*

Подписано к печати 02.09.2025.
Формат 70×100¹/16. Усл.-печ. л. 20
Тираж 500 экз. Заказ № XXX

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119334, Москва, Ленинский проспект 32а